Неповторимая

Айседора Дункан

Модерн на босу ногу

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Перед вами лучшая на сегодняшний день биография величайшей танцовщицы XX века. Книга о жизни и творчестве Айседоры Дункан, написанная Ю. Андреевой в 2013 году, получила несколько литературных премий и на долгое время стала основной темой для обсуждения среди знатоков искусства. Для этого издания автор существенно дополнила историю «жрицы танца», уделив особое внимание годам ее юности.

Ярчайшая из комет, посетивших землю на рубеже XIX – начала XX в., основательница танца модерн, самая эксцентричная женщина своего времени. Что сделало ее такой? Как ей удалось пережить смерть двоих детей? Как из скромной воспитанницы балетного училища она превратилась в гетеру, танцующую босиком в казино Чикаго? Ответы вы найдете на страницах биографии Айседоры Дункан, женщины, сказавшей однажды: «Только гений может стать достойным моего тела!» – и вскоре вышедшей замуж за Сергея Есенина.

- Юлия Андреева
  - От автора
  - Мамаша Дункан и ее дети
  - Портовый городок
  - Дульси и взрослый мир
  - Мечты-мечты…
  - С помидорами и перцем
  - Богемия и богемцы
  - Айседора в театре
  - На вольных хлебах
  - Жизнь на грани
  - Лондон и его нравы
  - Лондонские будни
  - Париж и выставка
  - В поисках любви
  - Видение театра и сероглазый король
  - Пан и нимфа
  - Лои Фуллер и Сада-Якко
  - Последняя капля
  - Айседора и Ромео
  - Айседора и Марк Антоний
  - Мюнхен и его обитатели
  - Божественная Айседора
  - Паломничество в Грецию

- Храм
- Хор для Айседоры
- В доме Вагнеров
- Генрих Тоде
- Козима Вагнер
- Айседора и общественное мнение
- Айседора и Геккель
- Русский балет
- Школа Дункан
- Гордон Крэг
- Дочка
- Гордон Крэг и Элеонора Дузе
- Айседора и карнавал мертвецов
- Пим
- Навстречу мечте
- Московская жизнь
- Пляшущая Америка
- Снова в дорогу
- Дункан в Париже
- Лоэнгрин
- Гордон Крэг и его символический театр
- Ангел в куполе
- Андре Капле
- Вакханка
- Д’Аннунцио – жрец любви
- Трагично, как в водевиле
- Два черных креста
- Летучий голландец
- Дети улетают…
- Бегство
- Анджело от Микеланджело и загадки Лоэнгрина
- Война
- Война продолжается
- На крути своя
- Танго разлуки
- Встречи и расставания
- Россия. Есенин
- Свадебный переполох
- Берлинские встречи
- Мелькающие картинки
- Америка
- Перед закатом
- Эпилог
- Примечания

Юлия Андреева
Айседора Дункан. Модерн на босу ногу

Айседора Дункан – это божественный модерн на босу ногу.

О'Санчес

От автора

Сан-Франциско, 1883 год. Класс в католической школе. Учительница просит учеников рассказать о своих родителях. О мамах говорили на прошлом уроке, сегодня очередь пап. У одного отец – пекарь, у другого – аптекарь, у третьего – солдат, в красивой форме и с самым настоящем ружьем. Рыженькая девочка на задней парте низко опускает голову, прячась за спинами одноклассников, в голове настойчивая мысль: «Хоть бы не вызвали, хоть бы не вызвали, а если вызовут, что делать? Соврать? Но мама выпорет за вранье, врать некрасиво, и отец Марк из церкви святого Августина учит, что ложь – это грех. Что же делать? Но сказать правду совсем скверно! Сказать правду нельзя. Вот бы провалиться сквозь землю, вот бы…»

Дело в том, что не далее как вчера в семейство Дункан забежала тетка Августа – мамина сестра, Дульси ей доверяет, потому что, как ни крути, они с тетей Августой Грей лучшие подруги. Именно с ней, с прекрасной, словно темная фея, Августой девочка и хотела обсудить давно мучивший ее вопрос. Кто ее отец?

«Твой отец – черт, погубивший жизнь твоей матери», – немного помедлив, доверительным шепотом сообщила черноволосая красавица, так что Дульси чуть в обморок не рухнула. Это ж надо – всамделишней черт с рогами и копытами!

Ах, если бы Дульси не спрашивала тетю, не срывала запретного плода, теперь она могла бы лихо придумать себе любого отца. А тут. только начнешь воображать – отца-юриста, полицейского или даже жокея в красненькой курточке и лаковых сапожках, как перед глазами противная чертенячья морда с рыльцем вместо носа. Ну, что ты тут будешь делать?..

Мамаша Дункан и ее дети

Это было невероятно тяжелое время для мамы Доры[1] и ее детишек. Внезапное банкротство мужа, который мало того что разорил семью, так еще и твердо вознамерился развестись со своей беременной четвертым ребенком супругой. Постоянные ссоры с мужем, переживания за детей, страх что не сегодня-завтра ее с пузом и тремя держащимися за подол малышами выставят на улицу… и что тогда? И куда тогда? В прачки? в проститутки? Меж тем над Сан-Франциско бушевал не на шутку разыгравшийся экономический кризис 1876 года, заводы, фабрики, маленькие конторки и торговые предприятия разорялись и закрывались одно за другим, выбрасывая своих сотрудников на улицы. Дора истово молила бога, но тот, казалось, не слышал ее отчаянных призывов. А ведь еще совсем недавно они с Джозефом[2] жили если не душа в душу, то, по крайней мере, по-христиански. Она заботилась о нем и детишках, делала все, что только могла делать любящая жена и мать. А он. поэт и вертопрах не пропускал ни одной юбки, нередко возвращаясь домой пьяный и пахнущий дорогими духами. Ах, что это были за духи! А действительно – что за духи? У Доры Дункан никогда не было таких духов.

Что с него возьмешь – поэт, красавец. собственно, за стихи она его и полюбила. За стишки, что задорого не продашь, но без которых жизни нет. Дора знала наизусть все написанное любимым и непутевым супругом и часто, когда тот задерживался с друзьями допоздна, читала их детям.

И вот теперь он забрал свои вещи и ушел навсегда, а Дора может только плакать и играть на пианино. Не готовит, не стирает, пол неделями не метен, дети неизвестно где бегают, а неродившийся еще малыш толкается и пинается, точно в футбол играет. Дора – опытная в таких делах, отлично знает, как ведут себя в утробе правильные дети. Этот же. да и с чего ребенку родиться нормальным, когда вокруг все рушится и летит в тартары?

Родители Айседоры Дункан: Джозеф Чарльз Дункан и Мэри Дора Грэй Дункан.

> *«Характер ребенка определен уже в утробе матери. Перед моим рождением мать переживала трагедию. Она ничего не могла есть, кроме устриц, которые запивала ледяным шампанским. Если меня спрашивают, когда я начала танцевать, я отвечаю – в утробе матери. Возможно, из за устриц и шампанского».*
>
> *(Айседора Дункан)*

«Я рожу чудовище, – шепчет себе под нос Дора, наливая полный бокал контрабандного шампанского из заначки мужа. – Ребенок, который родиться, просто не может быть нормальным!»

«Перед моим рождением моя мать, находясь в очень трагическом положении, испытывала сильнейшие душевные потрясения. Она не могла питаться ничем, кроме замороженных устриц и ледяного шампанского. На вопрос о том, когда я начала танцевать, я отвечаю: “Во чреве матери, вероятно, под влиянием пищи Афродиты – устриц и шампанского”», – пишет в своей книге Айседора Дункан. Красивый пассаж и ничего больше, действительно на берегу моря, устрицы стоили недорого, особенно если покупать их у пиратов-устрични-ков, которые обирали сети честных рыбаков, а затем за гроши сбывали весь награбленный товар в ближайшем порту, но вот на счет ледяного шампанского?.. вряд ли семья, в которой не на что было купить хлеб, могла позволить себе слишком часто подобную статью расходов. Впрочем… красиво – устрицы и шампанское.

27 мая 1877 года Дора Дункан разрешилась от бремени, произведя на свет девочку, которая тут же начала бешено двигать ручками и ножками. так что и у акушерки, и у мамаши не осталось ни малейшего сомнения относительно безумия новорожденной. Тем не менее сумасшедший ребенок или совершенно нормальный, его следовало растить и поднимать. Узнав, что у него родилась дочь, Джозеф Дункан снизошел до посещения оставленного им семейства: потрепал за щеку бывшую супругу, сложив из пальцев рожки, и прочитал дочурке «Идет коза рогатая». На чем посчитал свою отцовскую миссию исчерпанной и поспешил откланяться, сообщив напоследок, что новорожденная напоминает ему очаровательного мопсика госпожи Айны Кулюрит, поэтессы из Калифорнии и его нынешней любовницы. И в припадке вдохновения предложил именовать дома малышку не иначе как «Принцесса мопсик».

Вот такая трогательная отеческая забота. Впрочем, возможно, именно в этот момент чаша терпения несчастной Доры переполнилась, и она перестала плакать, молиться и поглощать устрицы, наблюдая, как окружающий мир погружается в хаос. Теперь она снова жила назло предателю Джозефу, чье имя с этого момента будет запрещено произносить дома, жила ради своих детей, которых она поклялась поднять на ноги и сделать людьми, чего бы ей это ни стоило!

И первое, от чего отказалась отчаянная Дора, была церковь. До развода госпожа Дункан считала себя истинной католичкой, которая постилась, молилась, водила детей на причастия и мессы… Потом, когда муж, ради которого она могла пожертвовать всем на свете, бросил ее и детей, разрушив хрупкую идиллию, а бог не внял молитвам… Оставшись без супруга и без Бога, Дора вдруг на удивление самой себе спокойно вздохнула и

принялась прибирать запущенный за последние недели дом.

Теперь не нужно было тратить время на церковь, она не запрещала детям посещать службу, признавая за ними право выбора, но и не водила за ручку, как это делали соседки. Если раньше Дора одевалась и причесывалась безукоризненно, опасаясь колких взглядов и осуждений, теперь ей было плевать на то, как и во что она одета. Когда дети спрашивали, почему она не носит украшений, мама объясняла им, что, надев на руки браслеты и на шею бусы, обувшись в туфли на высоких каблуках, она не смогла бы играть с ними или купаться, так как все время думала бы об этих вещах, опасаясь их повредить или потерять. По этой же причине дети одевались в то, что время от времени приносили им их многочисленные тетушки и сердобольные соседки. Старые, поношенные вещи дают свободу делать то, что хочешь, новые и дорогие – сковывают, навязывая собственные правила, и приводят к неестественности и потере свободы.

Днем мама вязала на продажу шапочки, пинетки, шарфики и воротнички, а потом несла в лавку продавать. По вечерам играла детям музыкальные произведения Бетховена, Шумана, Шуберта, Моцарта или Шопена, читала вслух Шекспира, Шелли, Китса и Бернса, так как считала это единственным правильным способом дать детям образование.

Подражая экзальтированному поведению родительницы, малыши разучивали малопонятные им самим стихи, выступая вместе с нею в домашних импровизированных концертах, когда к ним в гости наведывались знакомые. Сидя в своей кроватке, рыженькая Дора Энджела Дункан, или Дульси, как ласково называли девочку в семье, забавно двигала ручками под музыку, точно дирижируя маме. Свои первые шажки она делала, пританцовывая и словно бы упиваясь открывшейся ей возможностью движения. Дульси танцевала абсолютно под любую музыку и даже под чтение стихов, в которых она находила подобие танцевального ритма. Поставив малышку на стол, вся семья весело хохотала, наблюдая ее забавные пляски.

Когда Дульси исполнилось пять лет, Доре пришлось отдать ее в школу, соврав, будто девочке шесть с половиной. Крупная, здоровенькая малышка внешне мало отличалась от своих одноклассников, так что никто ни о чем не догадался, а у Доры немного развязались руки, в то время она подрабатывала аккомпаниатором, или давала уроки музыки в богатых домах, куда таскать младшенькую было не всегда удобно.

После школы ватага Дункан была предоставлена самой себе, никто не следил, где они носятся, с кем дружат, о, если бы они еще и находили, где и чем питаться… но, к сожалению, матери

по-прежнему приходилось лезть из кожи вон, зарабатывая на жизнь.

«Если ты и дальше не станешь следить за своими детьми, они свяжутся с дурной компанией и пропадут, – пытались наставить Дору на истинный путь соседки. – Пока ты бегаешь по урокам, а твой муженек шляется неизвестно где, твои пострелята попадут на страницы “Кроникл”, прямиком в колонку происшествий. Поговори со святым отцом, и, может, он встретится с Джозефом».

Когда заканчивались деньги и, по словам самой Айседоры, следующая трапеза могла быть приготовлена разве что из воздуха, семья снаряжала маленькую Дульси в поход к мяснику или булочнику. Там девочка клянчила, плакала и уговаривала торговцев до тех пор, пока ей не выдавали мясные обрезки или черствый хлеб, лишь бы та убралась.

Именно благодаря такой полунищенской жизни, как считала сама танцовщица, в результате она научилась ставить условия, требовать и получать свое от директоров театров и антрепренеров, с которыми ей приходилось иметь дело.

Однажды в канун очередного Рождества, когда детки вспоминают прошедший год, гадая, достаточно ли хорошими они были и заслужили или нет дорогие подарки от Санта-Клауса, мама не нашла ничего лучшего, чем раскрыть детям глаза на природу зимнего деда: «Мать мне сказала, что слишком бедна, чтобы быть Дедом Морозом; только богатые матери могут изображать Деда Мороза и делать подарки».

Получив, таким образом, исчерпывающую информацию о творимом вокруг обмане, маленькая Дульси решила выступить с опровержением перед классом, заявив во всеуслышание, что никакого Санты не существует и все подарки делают детям взрослые! Учительница попыталась поставить смутьянку в угол, но та сопротивлялась, выкрикивая лозунги, призывая покончить с враньем и признать правду, какой бы горькой та не оказалась.

Портовый городок

Живя на съемных квартирах, семейство Дункан не покупало никакой мебели и вообще старалось иметь при себе как можно меньше личных вещей. Это было обязательным условием, благодаря которому можно было незаметно сбежать от квартирных хозяев, не заплатив за жилье. Обычно это делалось так: мама собирала пожитки в узел и уходила в заранее присмотренный дом, сказав хозяйке или соседям, что несет вязаные изделия на продажу. Остальные вещи дети должны были как-то вынести на себе.

Однажды в школе учительница попросила, чтобы ученики написали сочинение на тему «Моя жизнь». У Айседоры вышло следующее: «Когда мне было пять лет, у нас был домик на 23-й улице. Мы не могли там оставаться, так как не заплатили за квартиру, и переехали на 17-ю улицу. У нас было мало денег, и вскоре хозяин запротестовал, поэтому мы переехали на 22-ю улицу, где нам не позволили мирно жить, и мы переехали на 10-ю улицу». Далее рассказ продолжался в том же духе, так что слушавшие сочинение мисс Дункан дети начали хихикать, а учительница решила, что малолетняя нахалка попросту издевается над ней, и вызвала в школу маму. Каково же было ей, когда Дора разрыдалась над рассказом дочери, подтверждая, что все написанное – чистейшая правда.

Приходилось экономить буквально на каждом центе, к примеру сумма, выделяемая на хлеб и молоко на неделю, составляла 10 центов на одного человека, кроме того, живущий по соседству доктор рекомендовал Доре не скупиться и непременно приобретать лимоны, в которых есть все необходимые для жизни и здоровья детей витамины. На лимоны уходило 5 центов в неделю на одного человека, на себе Дора могла и сэкономить. Тем более что за квартиру по договоренности с хозяйкой уходили аж 10 долларов за месяц. А ведь еще непременно следовало купить керосину для ламп, по вечерам семья предпочитала читать и музицировать. Дети росли и не могли питаться одним только молоком, поэтому, вздыхая, мама отправлялась на базар, откуда возвращалась с самой дешевой едой из того, что вообще можно было отыскать в порту, в ее корзинке лежали устрицы, орехи, зелень и пончики, в которых вся семья души не чаяла. Пончики стоили мелочь, но ведь и Дунканы не самая маленькая в городе семейка, а как за стол садятся, так все съедобное подчистую метут.

Соседки давно уже пеняли Доре, что ее чада одеваются во что

придется и зачастую их можно спутать с беспризорниками, да она и сама не слепая, только где же взять лишних 50 центов в месяц на стирку? Ей одной не осилить такую прорву домашней работы, когда еще и деньги как-то заработать надо.

Предоставленные самим себе, дети бегали в порт, смотреть, как мимо с непревзойденной важностью шествуют краснотрубные буксиры, за которыми вяло тянулись барки с мешками сахара. Вечером рыбацкие шхуны поднимали разноцветные паруса и устремлялись в неведомые дали, туда, где острый бриз рябил фарватер и небо все еще помнило, где нашло себе пристанище уставшее за день солнце.

Иногда в порту они встречали старого китайца, торговавшего на улице Валенсии, который, по его же собственному рассказу, приехал в Америку сорок лет назад и все это время ждал жену и детей, которым через год выслал деньги на билеты. Но те, скорее всего, погибли вместе с везущим их пароходом. Китаец не скрывал, что денег не могло хватить на пассажирский рейс, соответственно, его семья должна была добираться на грузовом судне или вместе с кем-то из его соотечественников на маленьких джонках. Он не мог знать, какой вид водного транспорта избрали сорок лет назад его родные, но каждый вечер приходил на берег в надежде услышать хоть что-нибудь о них. В память о своих детях: двух мальчиках и двух девочках – старик приносил ребятне леденцы и тянучки. Из простого куска бумаги он мастерил веера для Лизы и Дульси, а ребятам как-то изготовил одну на двоих рогатку. Ох, и влетело же им от Доры за это оружие!

Да и вообще, что делать детям в порту, если они не подрабатывают и не состоят в яхт-клубе? На греческих браконьеров – ловцов семги, или китайских – тех, что охотились за креветками, нарушая законы о рыбной ловле, любоваться? На их пьяные кутежи в портовых тавернах, на поножовщину или стрельбу – неминуемые спутники раздела территорий – глазеть? Правда, самые удачливые из бывших браконьеров получали приглашение властей встать на сторону закона, переключившись с ловли рыбы на ловлю бывших товарищей. Работа была интересная, хотя и опасная, а оплата – половина денег, полученных в качестве штрафа с нарушителя. При удаче можно сколотить себе приличное состояние. Самые фартовые умудрялись задержаться на этой работенке и год, и два… неудачливые заканчивали жизнь с пробитой башкой или ножом в спине. Впрочем, мужская работа, романтика. Все пираты были прекрасно вооружены, и брать их приходилось самым настоящим абордажем.

Понимая, что в порту хоть и можно разжиться действительно

дешевыми продуктами, но детям там решительно нечего делать, Дора старалась снимать комнаты как можно дальше от опасного места и соседства с моряками, так как те во все времена имели неистребимую склонность напиваться и буянить.

Дульси и взрослый мир

Кода Дульси исполнилось шесть лет, то есть она была во втором классе, пришедшая домой раньше обычного мама застала на полу своей комнаты соседских ребятишек, которые еще и ходить-то толком не могли. Надев юбку сестры (в то время Лиза уже жила у бабушки) и подвязав волосы, Дульси делала странные движения руками, которые малыши пытались повторять за ней. Заметив мать, девочка объяснила, что уже час как открыла собственную школу танцев и это ее ученики. Дора тут же села за пианино и начала аккомпанировать импровизированному уроку.

Казалось бы, игра – но с того дня соседки повадились оставлять малышей вернувшейся из школы Дульси, платя ей за это какие-то деньги или принося угощения. Все заработанные средства младшая Дункан отдавала матери.

В семь лет наша героиня неожиданно познакомилась с собственным отцом, который разыскал оставленную им семью в ее непрестанных странствиях. Встреча получилась бурная: мама побледнела и заперлась в спальне, со старшим братом Августом случилась истерика, Раймонд мог только таращиться и махать руками. Весьма удивленная произошедшим, девочка вернулась к ожидающему на лестнице папе, который не удивился и не обиделся тому, что его не желают видеть, а взял дочку за руку, повел ее в кондитерскую, где впервые в жизни она лакомилась дорогими пирожными и мороженым, мечтая сразу же по возвращении домой убедить семью присоединиться на следующий день к их пиру. «Папа обещал!» Бедная Дульси, да, она могла смягчить сердце злой на мужа Доры, уговорить братьев, но… ни на следующий день, ни через неделю папа не появился, и она напрасно прождала его, мечтая еще хотя бы раз пройтись по улице рядом с родным отцом. Впрочем, жизнерадостная Дульси не обиделась на своего непутевого папу, который, назначив ей встречу, немедленно уехал в

Лос-Анджелес, где у Джозефа Дункан была новая семья, жена и, возможно, дети…

За четыре года работы класс мисс Дункан заметно увеличился, детей к ней теперь приводили не только соседские мамочки, черные толстые кормилицы и строгие воспитательницы вели за ручки и везли в колясках разодетых крошек, дабы те посещали модные уроки. Переодев малышей для урока танцев, мамки и няньки отправлялись дышать воздухом в парке или болтали на скамеечке перед домом. Кроме того, Дульси, или теперь уже Айседору, начали приглашать вести уроки танцев в

богатые дома. Так что девочке вдруг стало некогда учиться, о чем она и заявила матери.

– Какой смысл тратить время на школу, когда я уже неплохо зарабатываю? – Вопрошала десятилетняя дщерь и сама же отвечала на свой вопрос: – Решительно никакого. В школе я только теряю время. Уверена, что мне не понадобится девяносто процентов из того, что там преподают, что же до книг, то я всегда смогу брать их в библиотеке. Кроме того, школа реально мешает моей работе.

Будет ее младшая дочь получать образование или нет, Доре было плевать, но ее убежденность и целенаправленность завораживали. Резкая, решительная с отменной фантазией, с каждым днем Дульси все больше и больше походила на своего отца, авантюриста и поэта. На человека, которого Дора упорно пыталась выкинуть из головы, но которого продолжала боготворить.

Однажды, когда Айседора еще училась во втором классе, желая утихомирить иногда весьма резкую своевольную девочку, кто-то из школьного начальства рассказал ей об исправительных заведениях, в одно из которых мисс Дункан рискует попасть, если не исправит своего в высшей степени предосудительного поведения. Внимательно выслушав, что ее ждет в означенном месте, Дульси могла только горько рассмеяться: «А в каком заведении, по-вашему, учусь я? Ведь наша школа делает все возможное, чтобы исправить и убить все то прекрасное, чему я научилась дома!»

Оставив школу, три года Айседора Дункан работала с классом у себя дома и бегала на частные уроки. Все деньги уходили на семью, и лишь небольшая их часть была, в конце концов, выделена ей на покупку длинной юбки. Теперь Дульси делала высокую прическу, кроме того, она была рослая, намного выше своих сверстниц, так что никто из учеников и их родителей не мог определить истинный возраст юной учительницы танцев. Когда же мисс Дункан начинала торговаться, ее глаза приобретали фиолетовый оттенок моря в бурю и метали молнии, а рыжие ирландские волосы горели, словно маленький факел, – кто бы мог подумать, что так смеет вести себя тринадцатилетняя девочка?!

Айседора Дункан. 1880 г.

Меж тем, переехав в очередной раз, семья осела в Окленде, в двадцати минутах танца от публичной библиотеки, куда частенько забегала Айседора. Читала она все подряд, просто радуясь любой новой истории, не важно, о чем она. А чего не радоваться, когда все они заканчивались свадьбой с последующим неземным счастьем. Как и все девочки, Айседора

грезила о «долго и счастливо», представляя себя в роли любимых героинь. Впрочем, несколько раз ей попадались книги, в которых любовь отнюдь не выходила победительницей и дети не были желанными, а отчего-то назывались «позором семьи», о девушках, отдавшихся нежной страсти и пострадавших от этой своей слабости. Поражало, что в таких историях общество однозначно порицало женщину, на которую сразу же сваливались все горести. Об этом следовало подумать.

Одним из любимейших развлечений жителей Окленда был театр «Тиволи», в котором показывали комедии. Билет стоил недорого, театральный зал был оборудован на манер недорогой пивной, то есть там стояли широкие деревянные столы, и зрители были обязаны, кроме входного билета, заказывать себе сандвичи с пивом. Особыми театралами среди жителей славного Окленда слыли чадолюбивые отцы семейств, которые по выходным брали своих малышей в театр, где дети либо ползали под столами, играя друг с дружкой, либо, если они все же желали увидеть представление, за которые их папаши выложили свои трудовые центы, считалось незазорным усадить малышей прямо на стол среди пивных луж, крошек и мисок, вручив им по свежему сандвичу. От такого времяпрепровождения дети были в восторге, а если владелец театра или кто-то из «служителей Мельпомены» и начинал ворчать о нецелесообразности приводить в театр непьющих зрителей, отцы семейств мужественно брали питейную повинность на себя. Так что в конечном итоге все были довольны.

Заглянув раз в оклендский театр, Дора запретила своим детям бывать там, так что им из всех бесплатных развлечений осталась единственная в этом милом местечке библиотека.

Старалась, по возможности, выбирать для юной Дункан самые интересные книжки, заведующая библиотекой – известная поэтесса Айна Донна Кулбрит. Неудивительно, Айседора была так похожа на своего отца… Кто знает, быть может, когда-то живя с ним, Айна и мечтала, что рано или поздно они поженятся, после чего Джозеф заберет у своей жены сына или дочку – все равно Доре не поднять четверых, и будет тогда у Айны любимый ребенок от любимого человека. Сама госпожа Кулбрит не имела детей и с чисто материнской нежностью заботилась о своих юных читателях, среди которых, как мы теперь знаем, был знаменитый в будущем писатель, а в то время парнишка всего-то на год старше Айседоры, некто Джек Лондон[3]. Посещая одну и ту же библиотеку, они не познакомились, да Айседора и не искала знакомств, ибо была влюблена. И не просто влюблена – желая открыть хоть кому-то душу, рассказать о своих чувствах, Айседора вслед за многими героинями полюбившихся романов принялась

вести дневник. Но разве можно спрятать что-то в доме, где проживает целый табор, который в любую минуту может сорваться с места и понестись неведомо куда, потеряв дорогой заветную тетрадку? Айседора изобрела шрифт и писала все свои «откровения» исключительно в виде шифровок.

А вообще, странно складываются человеческие судьбы, избирательно составляет муза истории Клио узор из крошечных жемчужинок и мелкого бисера. Вот казалось бы, жила-была Айна Донна Кулбрит – поэтесса и лауреат многих поэтических конкурсов Калифорнии, интересная, образованнейшая для своего времени женщина. А запомнилась потомкам исключительно как библиотекарь, выдающий книги рослой рыжей девочке Айседоре Дункан и маленькому замкнутому мальчику Джеку Лондону. Осталась в воспоминаниях этих детей, да вот еще Ирвин Стоун биографический роман о Джеке Лондоне написал, «Моряк в седле» называется. Так и сохранилась Айна в памяти потомков – умным библиотекарем, а уж потом прекрасной женщиной и талантливой поэтессой… но, может быть, так и надо?..

…Тайна придавала особый романтизм, а Верной, так звали молодого человека, казалось, читал у нее в душе. Айседоре в ту пору, если верить ее собственным мемуарам, исполнилось тринадцать лет, юноша работал в аптеке и пару раз в неделю приходил в школу мисс Дункан заниматься танцами. Не в школу для малышей! К тому времени были открыты курсы современных танцев для молодежи. Там они познакомились, подружились и стали вместе посещать балы и вечера, о которых сама хитренькая Айседора говорила не иначе, как о дополнительной практике, столь необходимой в постижении искусства танца.

Разумеется, он понятия не имел, сколько лет юной учительнице, она же строго-настрого запретила членам семьи раскрывать тайну. На всякий случай, меж собой было условлено говорить, будто бы ей шестнадцать.

Страдая от страсти и не смея открыться прекрасному Верною, девочка убегала из дома, чтобы, пройдя несколько миль, постоять перед окнами его комнаты или изредка заглянуть в двери аптеки, в которой работал ее избранник.

Поняв, что желающих учиться у нее с каждым годом становится все больше и больше, так что она уже не может разорваться между ними, Айседора упросила маму забрать сестру Елизавету, которая несколько лет как воспитывалась у их бабушки. Надо ли говорить, что Лиза моментально попала под мощное обаяние властной Айседоры и вскоре изучила основу нового танца, надела точно такую же юбку и тоже пошла преподавать. Это было более чем своевременно, потому что

теперь Айседора могла выкроить уже больше времени для своего Верноя.

О чем они говорили? Верной рассказывал Айседоре о работе в аптеке, о том, что не пройдет и пары лет, как начальник сделает его своим замом, а потом, возможно, и возьмет в долю на правах компаньона. Недавно Верной составил свой индивидуальный гороскоп у известного в городе астролога, и тот обещал ему быстрый карьерный рост и удачную женитьбу.

При слове «женитьба» у Айседоры ноги подкашивались и делалось трудно дышать.

Верной же, словно не замечая состояния учительницы танцев, разворачивал перед нею журнал «Здравый смысл», в котором номер за номером, уже другой, на этот раз заезжий астролог давал уроки считывания небесных знаков. Конечно, «Здравый смысл» зазывал желающих посетить курс лекций, на которых астролог будет объяснять более подробно правила астрологии и ответит на любые заданные ему из зала вопросы, помогая желающим получить сведения об этом небесном искусстве, по возможности полно удовлетворить свое любопытство. Но Верной пока не решался потратить указанную в объявлении сумму – 10 центов за одно посещение, тем не менее он покупал все номера журналов, благодаря чему уже немного разбирался в этой науке. Айседора предпочитала любовные романы, хотя зачитывалась и «Здравым смыслом», редакция позиционировала свое детище как «единственный атеистический журнал к западу от Скалистых гор». Во всяком случае, там говорили о равноправии мужчин и женщин, вопрос, живо интересовавший мисс Дункан. Кроме того, на страницах этого прогрессивного издания регулярно публиковались интервью известных магов и специалистов, общающихся с миром мертвых. Вообще, в Сан-Франциско было невероятно много спиритистов, так как они пользовались бешеным успехом. Доходило до того, что горожане обращались к специалистам, практикующим спиритизм, с вопросами, стоит ли поднимать жалованье служанке, хорошо ли будет поехать в праздник за город и какое платье, розовое или фиолетовое, рекомендуют покупать духи великих полководцев и царей к ближайшему празднику?

Спириты устраивали как индивидуальные сеансы, так и коллективные, последние обычно проводились среди друзей, коллег по работе, соседей или в кругу какой-то определенной семьи, но бывали и клубные общения с духами, проходившие по определенным дням недели.

Кроме повального увлечения спиритизмом и астрологией, народ в Сан-Франциско обожал разнообразные курсы, на которых

можно было получить новые полезные сведения относительно устройства собственной жизни. Молодые девушки посещали не только уроки кройки и шитья, не только учились танцевать и держать себя в обществе, непременно осваивая карточные игры и принятые «в свете» жаргонные выражения, но еще более часто шли на лекции, посвященные таким темам, как борьба с заниженной самооценкой, курсы, помогающие духовному раскрытию из разряда «почувствуй себя богиней», «стань настоящей охотницей», «научись говорить “нет”». Молодые люди отдавали последние деньги на тренинги: «Как впустить богатство в свою жизнь», «Почему мы боимся перестать быть бедными», «Бедность, ее причины и средства борьбы с нею». Общества «филоматов» предлагали организовывать нечто вроде коммун, дабы жить, не испытывая на себе и своих детях пагубного влияния окружающего мира с его алчностью, жадностью и растущей преступностью.

Что же до «страшного мира», так он действительно был таковым. Америка представляла собой многонациональный постоянно пополняемый новыми мигрантами бурлящий котел, в котором приезжие предпочитали жить по законам, принятым на их родине, а зачастую обходились вообще без законов, выживая, как получается, и пытаясь любым способом закрепиться на новом месте. К примеру, текстильная фабрика «Калифорния Коттон Миллз», что располагалась на 17-й улице Восточной стороны Окленда, ее владелец был родом из морского города Абердина, выписывала работниц только из Шотландии. Все девушки как на подбор были из деревень, ни одна не знала языка, и все они целиком и полностью зависели от своего «благодетеля», который обдирал их дочиста, год за годом вычитая деньги, потраченные на переезд и устройство на новом месте.

Но если от скромных приезжих девушек, с утра до ночи работающих у ткацких станков, трудно было ожидать больших неприятностей, выписанные для работы на заводах мужчины порой представляли реальную опасность на улицах. Очень часто они связывались с криминалом и являлись участниками различных правонарушений, вплоть до поножовщины и грабежей. Кроме того, приезжие реально занимали рабочие места, которые еще вчера принадлежали коренным жителям. Самые обычные разносчики газет – профессия, исконно принадлежащая мальчишкам школьного возраста, теперь оспаривалась между детьми оклендцев и их приезжими сверстниками. При этом вчерашние иностранцы брали за свою работу порой в два раза меньше, нежели местные, а работали не многим хуже. Так, если ежемесячный доход разносчика газет составлял 12 долларов в

месяц, пришлые могли удовлетвориться шестью. При этом они еще и из кожи вон лезли, пытаясь любым доступным путем сохранить за собой свое место, чего не скажешь о местных ребятишках, для которых зачастую работа являлась приработком, позволяющим иметь наличные для собственных развлечений.

Не стоит думать, будто бы 7 долларов – это небольшие деньги. Когда Джеку Лондону исполнилось тринадцать лет, а был он всего на год старше Айседоры и жил в том же Окленде, ему удалось скопить 2 доллара, на которые он купил старую-старую лодку, на этой посудине мальчик ходил по извилинам дельты, а иногда решался ненадолго выйти в залив. Конечно, это, с позволения сказать, судно протекало, на нем не было выдвижного киля, лодку то и дело заливало водой, она могла попросту опрокинуться, но все же это была самая настоящая лодка, на которой он рыбачил или перевозил грузы!

Позже за 6 долларов он приобрел подержанный ялик и еще на доллар 5 центов перекрасил старую посудину, за два доллара приобрел парус, за доллар сорок центов – весла.

Маленькие проворные мальчишки самых разных национальностей быстро расставляли кегли в кегельбане и подносили пиво, успевая шустро протирать столики, кланяясь за каждую подаренную им мелкую монетку, и не обращали внимания на оплеухи и затрещины.

Портовые города говорили на множестве языков, так что для простоты представители одной национальности старались селиться рядом, быстро открывая собственные пансионы, столовые, кафе и магазинчики, в которых старались придерживаться обычаев далекой родины. Тем не менее невозможно же все время сидеть в одном-единственном квартале, да и не закроешься от желающих попробовать новых экзотических блюд, приобрести что-то в лавочках или снять дешевую, не говорящую еще на английском девчонку. Не закроешься, да и зачем?

На каждом углу те же мальчишки-разносчики предлагали опиум, их хозяину товар доставлялся напрямую из порта, после чего порошок распределялся малыми порциями, которые и предлагали клиентам пронырливые детишки. Другие пацаны тут же бегали с лотками, полными пачек самых различных сигарет, в некоторые из которых были вложены картинки с изображениями знаменитых скаковых лошадей, парижских красоток, ну и, естественно, чемпионов бокса. Коллекционировать картинки – страсть всех мальчишек того времени, кроме того, собранные серии можно было сбыть за весьма приличные деньги, так что, продавая очередную пачку, маленький собиратель не отходил

далеко от покупателя, стремясь хотя бы краем глаза узреть момент, когда тот достанет вожделенное сокровище и… о, если вдруг это оказывалась та самая, недостающая карточка?! Несчастного покупателя ждала вторая серия уговоров, просьб, коммерческих предложений или даже слез. В результате мальчишку либо прогоняли взашей, либо он становился счастливейшим обладателем картинки, пополнившей его драгоценную коллекцию.

И если мальчики из хороших семей проводили дни напролет в местном яхт-клубе, одетые, точно беспризорники, дети вчерашних эмигрантов за малую денежку драили палубы, очищали днище от ракушечника, приобретая морские профессии на практике.

Многочисленные лавки старьевщиков принимали лоскуты, бутылки, мешки и жестянки, обычно все старое и ветхое, тем не менее вся эта мелкота пользовалась огромным спросом как раз в среде не успевших еще обзавестись собственным имуществом приезжих. Поэтому в среде эмигрантов считалось незазорным рыться в мусоре, пока все те же пришлые, но более счастливые и обеспеченные, так как работали дворниками и уборщиками, не прогоняли бывших соотечественников, разграбляющих помойки на их участках.

Но рыться на свалках мусора или работать на подай-принеси – все-таки удел стариков и мальчишек, а нормальные мужчины искали себе работу по силам, например на консервной фабрике платили 10 центов в час при рабочем дне от 10 до 12 часов с небольшими перерывами. Если рабочие не справлялись с планом, приходилось работать хоть до полуночи, а последние трамваи уходили в парк в 11 часов ночи.

В общем, это счастье, что Айседора и Елизавета умудрялись не просто работать, а иметь свое собственное дело, а Дора аккомпанировала певцам или давала уроки музыки. Судя по всему, ни Раймонд, ни Августин и не пытались подрабатывать, хоть как-то вкладываясь в семейный бюджет.

Мечты-мечты…

Однажды вечером, когда мама наигрывала что-то на пианино, после развода она приобрела довольно-таки странную привычку часами просиживать перед инструментом, отрешенно глядя в пустоту или вдруг переключаясь на декламацию стихов. Музыка сменяла поэзию, новая музыкальная волна сметала хрупкие строки, и так продолжалось до глубокой ночи, если не до утра. Детей при этом никто не укладывал, они были вольны слушать, идти к себе или засыпать, где застал их легкокрылый Морфей, внимая маминому голосу. Так вот, однажды вечером, когда мама музицировала, а Айседора придумывала движения нового танца, который утром собиралась показать своим ученикам, к ним в гости зашла старая знакомая, жившая некоторое время до этого в Вене. Наблюдая за грациозной пластикой юной Дункан, она хлопала в ладоши, всячески поощряя танцовщицу, и, наконец, уверенно предрекла, «Айседора – вторая Фанни Эльслер[4]»!

«Вот что, Дора, если ты хочешь, чтобы девочка сделалась второй Фанни, просто необходимо показать ее лучшему балетмейстеру Сан-Франциско. Я напишу адрес».

На следующий день Дульси уже стояла у станка в классе великого маэстро, внешне послушно делая упражнения, а на самом деле зверея от нелепой гимнастики, к которой ее принудили злые люди! Ей-то казалось, что стоит только показать танцы великому педагогу, как балетмейстер немедленно перейдет в ее веру и откроет талантливой мисс Дункан дорогу в светлое будущее. Как же! А он видел кошмарную технику, полное непонимание системы и, начиная с азов, пытался научить девочку тому, что знал сам.

Фанни Эльслер (1810–1884) – австрийская танцовщица балета. Наряду с Марией Тальони, Фанни Эльслер была известнейшей балериной XIX века

На третий день занятий возник конфликт. Учитель попросил Айседору подняться на цыпочки, та с деланным удивлением осведомилась, почему она должна это делать? И услышав, «потому, что это красиво», ответствовала, что это глупо, неестественно и безобразно, после чего покинула класс.

В это время, должно быть, видя старания младшей из дочерей Доры Дункан, Фортуна улыбнулась многострадальному семейству, и в их жизни снова нарисовался Джозеф, блудный папенька в очередной раз разбогател и горел желанием поделиться с бывшей женой и детьми деньгами, которые, по всей видимости, жгли несчастному карманы. Вообще, в жизни мистера

Дункан случались взлеты и падения, три раза он баснословно богател и столько же раз терял все до последнего цента, это был четвертый и последний случай, когда Джозеф получил большой куш, на который тут же купил Доре и детям новый дом. Да еще какой – с большими залами для танцев, амбаром, ветряной мельницей и площадкой для тенниса. При этом бывший глава семьи не удосужился выяснить, занимается ли кто-то из его отпрысков спортом, как и чем они вообще жили все это время.

Но да бог с ним, наконец-то семейство имело собственное убежище! Августин первым делом осмотрел дареный амбар, сообщив, что отныне здесь будет размещен его театр! С королевским достоинством он проследовал в гостиную, где, обнаружив ковер у камина, взял ножницы, и… у персонажа его первого спектакля Рип Ван Уинкеля появилась роскошная борода!

Репертуар обсуждали на семейном совете. Было решено, что мама возьмет на себя аккомпанирование, Августин будет играть в спектаклях, а также в первом отделении читать стихи, у него была отличная память. Айседора в первом отделении представит серию танцевальных этюдов, и во втором, уже все вместе, братья, сестры и тетя Августа покажут комедию.

Вскоре все было отрепетировано, нарисованы афиши, и театр начал понемногу работать. Айседоре было четырнадцать, когда театр выбрался из амбара и отправился в свое первое турне по побережью. А через год их с Верноем роман закончился свадьбой. Точнее, женился он. На той самой невзрачной девушке, с которой несколько раз его видела Айседора. Обиженная Дункан сразу же порвала с Верноем все отношения и выбросила дневник.

Теперь, как никогда прежде, она чувствовала, что Сан-Франциско давит на нее, во-первых, здесь продолжал жить, не зная о том, какую нанес ей рану, предатель Верной. Во-вторых, настало время доказать всему свету, на что способна Айседора Дункан.

– Этот город погубит нас всех! Да, у нас есть крыша над головой, мы преподаем и зарабатываем какие-то деньги. Но разве это предел наших мечтаний? Молодость пройдет, сила и желание иссякнут, а мы все еще будем сидеть здесь, покрываясь пылью, – внушала несостоявшаяся Джульетта своим менее смелым родственникам. – Как хотите, но даже если никто не поддержит меня, я назло всем поступлю в любую театральную труппу и прославлюсь. А вы как хотите!

Вскоре такая возможность действительно представилась, Дора и Айседора рука об руку отправились с визитом к заезжему антрепренеру. Просмотр состоялся утром на большой сцене. Мама привычно заняла место за роялем, для показа были

выбраны музыкальные фрагменты «Песни без слов» Мендельсона. Надев свою короткую белую тунику, Айседора порхала по темной сцене, счастливая уже тем, что выступает в самом настоящем театре. К сожалению, антрепренер не разделял ее восторгов, и, когда девушка собиралась поведать ему о своем танце, ретроград заявил, что показанное мисс Дункан совершенно не подходит для театра, скорее уж для церкви, но…

Мать и дочь немедленно откланялись.

Единственное, что вынесла Айседора из своего разговора с антрепренером, – она несет в мир нечто новое и прекрасное, такое чистое, что ее танцы разумно было бы показывать в церкви. А значит, скорее всего, она не найдет такого театра, в котором сможет танцевать, во всяком случае, не в этой глуши! Еще более вероятно, что такой театр должна создать она сама.

Отсюда вывод: если в провинцию специально приезжают низкопробные балаганы, в которых не место высокому искусству, надо отправляться на поиск такого театра, в котором незазорно было бы выступать даже такому новатору, как Дункан. Куда? – Проще всего в Чикаго. Там полно театров. Что нужно для успеха мероприятия? – Один билет до места и немного денег на первое время, дабы снять комнату и чем-то питаться. Как скоро удастся получить ангажемент? Очень быстро. Возможно, первые несколько дней придется походить по городу в поисках самого лучшего театра, но зато потом.

Дора во всем поддержала дочь, при единственном условии: в Чикаго они поедут вместе. Еще не хватало, чтобы девочка попала в плохую историю. Было решено, что остальные останутся дома и будут ждать, когда Айседора заработает деньги и вызовет их телеграммой.

С помидорами и перцем

Все вещи мамы и дочки уместились в небольшом сундучке, кроме того, они взяли с собой 25 долларов и некоторые хранившиеся дома драгоценности бабушки, которая к тому времени уже умерла.

Айседора готовилась к блицкригу, но все антрепренеры, перед которыми она показывала свои танцы, как завороженные, говорили то же, что и тот первый в Сан-Франциско: «Это не для театра». Любая на месте Дункан давно уже уразумела бы, что придется меняться, что на свете просто не существует подходящего ей театра, и если хочешь выжить… но Дункан продолжала упорствовать. Меж тем деньги вышли, бабушкины драгоценности оказались не такими уж и дорогими. В результате произошло то, что и должно было произойти, – их выгнали на улицу, забрав все вещи в уплату за долг. Что дальше? В карманах ни пенни, перспектив ноль, невозможно не только вернуться домой, но даже дать телеграмму с призывом о помощи.

По чистой случайности отбирая у матери и дочери вещи, хозяева квартиры не догадались содрать кружевной воротник с платья Айседоры. Либо не представляли его истинной ценности, либо просто велели убираться, забрав только те вещи, что на них. В общем, так или иначе, но, продав кружева, Айседора выручила за них 10 долларов, на которые удалось снять небольшую комнату и приобрести ящик помидоров, которыми бедняжки и питались затем целую неделю, употребляя томаты без хлеба и даже без соли. А перспектив устроиться куда-нибудь не прибавлялось. Дошло до того, что Дора настолько ослабла, что могла только лежать, глядя в потолок. Скорее всего, она предпочла бы умереть, перспективе помешать дочери довести ее эксперимент до конца и не сетуя на судьбу. Страшно переживая за мать, Айседора готова была пойти на все, что угодно. Мыть полы и посуду, выгуливать чужих собачек, но на подобную работу брали людей с опытом и рекомендациями. В конце концов, девочка сдалась и пошла в первый попавшийся театр, где спросила сказать ей напрямик, что она должна сделать, для того чтобы работать у них. Айседора была хороша собой, прекрасно танцевала, посмотрев ее программу, управляющий кафе на крыше «Масонского дворца» попросил Дункан создать совершенно новый образ разбитной девчонки и кокетки в юбчонке с воланами, которые станут весело играть, когда танцовщица будет прыгать и задирать ножки под какую-нибудь забористую песенку. На языке управляющего это звучало как «добавить перца». Первым порывом

Айседоры было надавать нахалу по морде, но она вовремя вспомнила про ослабевшую от голода мать и смирилась с неизбежным.

Воланы и оборочки – это еще не самое страшное, что есть на свете; пообещав явиться назавтра с новым номером и костюмом, Айседора покинула кафе, после чего какое-то время бродила по улицам Чикаго, чувствуя, что еще немного, и она сама рухнет на мостовую в голодном обмороке. В том, что она справится с воланами, дрыганьем и перцем, не было сомнений. Удавалось же как-то, ничему не учась, преподавать светские танцы, получится и это. Другой вопрос, где взять денег на костюм?

В отчаянии она набрела на магазин Маршаля Фильда и, приметив там молодого управляющего, лицо которого показалось ей располагающим, рассказала ему все без утайки, попросив дать ей красного и белого материала на воланы, а также кружев на оборки, чтобы она могла сделать костюм и получить ангажемент. Все это он должен был выдать ей даром, поверив на слово. Удивительно, но и тут Айседора добилась своего, поблагодарив подарившего ей и ее матери шанс на выживание Гордона Сельфриджа[5] и пожелав ему всяческого счастья.

Пройдет всего несколько лет, и из скромного служащего одного из магазинов Маршаля Фильда Гордон Сельфридж сделается миллионером, и тогда уже знаменитая, известная всему миру Айседора напомнит ему о кусках материи, которые он одолжил незнакомой девушке, поверив ей на слово.

В тот же день Айседора вернулась к матери и уже осточертевшим помидорам. Услышав об успехах свой маленькой Дульси, мама мужественно приподнялась и, облокотившись о стену, до утра шила костюм. Так что на следующее утро, собрав все свои силы, Айседора отправилась на вторую пробу.

Ее ждали, оркестр был в сборе, Айседора выбрала популярную мелодию «Вашингтонская почта» и, когда заиграла музыка, выскочила на сцену, весело улыбаясь, подскакивая, кружась и лихо задирая стройные ножки. Управляющий аплодировал стоя, сразу же предложив 50 долларов в неделю и заплатив деньги вперед. Теперь мать и дочь Дункан уже не ждала голодная смерть и выселение на улицу. И хоть Айседора и не была в восторге от своего нового места работы, но у нее все равно не было иных предложений.

Выступление Айседоры делилось на две части – в первой она исполняла свои собственные танцы, во втором влезала в воланы и оборки и «задавала перца». Управляющий изготовил афиши, публика ликовала, и только Айседоре казалось, что она предает свой идеал и делает что-то ужасное, по меньшей мере, то, что

делают продажные женщины. Поэтому, отработав деньги, она без сожалений покинула кафе на крыше, пообещав себе больше не опускаться до такой работенки.

Богемия и богемцы

Теперь у них появились хоть какие-то средства, но постоянной работы, увы, не было. В кафе требовались исполнители популярных песенок, плясуньи канн-канн или актеры входящей в моду пантомимы. Театры тоже не отличались стремлением к новаторству. В результате бесплодных поисков Айседора как-то вышла на помощницу редактора одной из крупных чикагских газет мисс Эмбер, которой изложила свои взгляды на танец. Окинув взглядом тощую девочку и ее осунувшуюся бледную от недоедания и нервотрепки мать, Эмбер все поняла, пригласив юное дарование вместе с родительницей присоединиться к местному художественному клубу «Богемия», где Айседора познакомится с артистами и литераторами, а также где она могла бы время от времени выступать перед публикой.

Айседоре было просто необходимо оказаться в компании единомышленников, людей, способных к нестандартному мышлению, которые, быть может, укажут ей, наконец, путь к славе. Заручившись приглашением Эмбер, они в тот же вечер явились в «Богемию», где застали толпу плохо одетых и дурно причесанных людей, весело распивающих пиво и то и дело поднимающих тосты за искусство, «Богемию и богемцев», друг друга и, разумеется, за добрейшую Эмбер.

Эмбер угадала – бесплатные бутерброды – вот, пожалуй, то, что действительно было нужно вечно голодным матери и дочери!

Когда пришло время выступить Айседоре, Эмбер показала ей, где можно переодеться, Дора села за инструмент и… богемцы ничего не поняли из того, что хотела сказать им своим танцем юная танцовщица. Когда смолкла музыка, воцарилась гнетущая тишина, которую внезапно разрушил чей-то пьяный выкрик.

– Молодец, девочка! Выпьем же за «Богемию» и богемцев!

– Выпьем! – оживились «люди искусства», после чего Эмбер велела вынести еще пару подносов бутербродов, а богемцы хлопали по плечам Дору и Айседору, радуясь дармовой выпивке и бесплатному зрелищу. Ошарашенная, сбитая с толку танцовщица, в конце концов, была вынуждена смириться с происходящим, признавая, что даже если местная публика и не поняла ее танца, они не запретят им время от времени появляться в «Богемии», пользуясь теми же благами, что и остальные. А именно бесплатной едой.

Позже она узнает, что среди потрепанной публики, поднимающей за нее полные кружки пива, во время ее первого выступления в клубе, действительно были поэты и художники,

музыканты и певцы, которых бескорыстная Эмбер поддерживала, как умела, на свои собственные средства. Эти люди приходили и приезжали отовсюду, они разговаривали на разных языках, но все они были людьми творческими, или, во всяком случае, так представляли себя. Художники несли Эмбер свои картины, которыми уже были завешены все стены, музыканты и певцы старались радовать публику по-своему. Некоторые из этих людей, возможно, жили в нищенских ночлежках, художественных коммунах или просто на улицах города, дожидаясь заветного часа, когда откроется клуб и можно будет перекусить и выпить. Тем не менее это были достаточно спокойные и неконфликтные люди, среди которых молоденькая танцовщица чувствовала себя в полной безопасности.

Однажды после очередного выступления в «Богемии» к Айседоре и ее матери подсел рыжий, голубоглазый поляк лет сорока пяти, представившийся Иваном Мироским. Айседора видела его и раньше, обычно он занимал столик в самом темном и дальнем углу кафе, что-то зарисовывая в блокнот, куря трубку и наблюдая с ироничной улыбкой за происходящим. Мироский оказался художником, приехавшим в Чикаго в надежде на легких заработок. Он тоже бедствовал, но, в отличие от вечно нищей Айседоры, у него время от времени появлялись небольшие деньги, на которые он приглашал Дору и Айседору посидеть в недорогом ресторанчике или вывозил их на пикник за город.

Айседора много говорила с Мироским о своих танцах, вместе они строили планы создания собственного театра, где Иван будет расписывать декорации, а Айседора – танцевать. Найдя в рыжем художнике родственную душу, девушка влюбилась в него со всем пылом юности. Вместе они предстали однажды перед ожидающей чего-то подобного Дорой, сообщив ей о своем желании пожениться. Мама не возражала, Иван казался ей милым и вполне самостоятельным мужчиной. Было решено немного подождать, пока Айседора повзрослеет и окрепнет. Кроме этого, с женитьбой не торопился сам жених, рассчитывая в скором времени поступить в какую-нибудь контору, справедливо не полагаясь только на свой талант живописца.

Айседора решила, что Иван – ее единственная любовь на всю жизнь. Возможно, не будь юная Дункан столь целеустремленным человеком, влюбленная и восторженная, она бросилась бы на шею своего голубоглазого принца, дабы жить с ним в горе и радости. Но получилось по-другому, жизнь в нищете, постоянные тревоги за мать, страх, что придется снова облачаться в воланы и оборки и дрыгать ногами перед пьяной публикой, заставили Айседору немного пересмотреть свой план покорения Америки, а вместе с

ней и всего мира.

– В Чикаго нам ничего не светит. Мы изначально промахнулись, выбирая этот городишко. Все настоящие театры в Нью-Йорке. Надо ехать туда, и если ничего не получится, остается бросать все и перебираться в Европу!

Иван и Дора соглашались с правотой Айседоры, но только легко сказать – поехать в Нью-Йорк, да только на что ехать? К кому ехать? Опять скитаться по улицам в поисках работы? Но если в прошлый раз у них были какие-то деньги и вещи, теперь мать и дочь балансировали на грани самой настоящей нищеты. Надо было найти выход, и вскоре Айседоре подвернулась такая возможность.

В то время в Чикаго гастролировал со своей труппой и приглашенной звездой – блистательной Адой Реган[6] сам Августин Дейли[7]. Каждый божий день Айседора повадилась ходить к театру, в котором труппа «Дейлиз» давала свои спектакли, умоляя допустить ее к мэтру. Ей отказывали, говорили, что мистер Дейли занят, просил не беспокоить, что его нет, но Дункан не отставала, и, в конце концов, ее упорство было вознаграждено. Августин Дейли согласился принять ее после очередного представления.

Мистер Дейли показался юной Дункан, по меньшей мере, королем, так величественно он выглядел, с такой высоты взирал на всех и каждого. Девочка оробела, но быстро взяла себя в руки, слова слетали с ее губ, и она подкрепляла их жестами, то и дело вскакивая, и пытаясь дотанцевать то, что не умела объяснить. Она говорила о Греции, о потерянном танце, который сумела возродить, о душе танца, лежащей в основе театра, а теперь незаслуженно забытой:

– Я должна вам открыть великую мысль, г-н Дейли, и вы, вероятно, единственный человек в стране, который способен ее понять. Я возродила танец. Я открыла искусство, потерянное в течение двух тысяч лет. Вы великий художник театра, но театру вашему недостает одного, недостает того, что возвысило древний греческий театр, недостает искусства танца – трагического хора. Без него театр является головой и туловищем без ног. Я вам приношу танец, даю идеи, которые революционизируют всю нашу эпоху. Где я его нашла? У берегов Тихого океана, среди шумящих хвойных лесов Сьерры-Невады. Мне открылась на вершинах гор Роки безупречная фигура танцующей молодой Америки. Самый великий поэт нашей страны – Уотт Уитман. Я открыла танец, достойный его стихов, как его настоящая духовная дочь. Я создам новый танец для детей Америки, танец, воплощающий Америку. Я приношу вашему театру душу, которой ему недостает, душу

танцора. Так как знаете, – продолжала она, стараясь не обращать внимания на попытки великого антрепренера меня прервать («Этого достаточно! Этого вполне достаточно!»), – так как вы знаете, – продолжала она, возвышая голос, – что родиной театра был танец и что первым актером был танцор. Он плясал и пел. Тогда родилась трагедия, и ваш театр не обретет своего истинного лица, пока танцор не возвратится в него во всем порыве своего великого искусства!

Августин Дейли (1838–1899) – американский режиссер, в 1893 г. открывший в Лондоне театр «Дейлиз»

Недоставало музыки и возможности показать то, о чем она говорила. Но опытный антрепренер уже понял, что имеет дело с хорошей танцовщицей и, что немаловажно, целеустремленной сильной личностью. По счастью, у него оказалась свободной роль в пантомиме, которую он и предложил юной Дункан.

1 октября начинались репетиции в Нью-Йоркском театре, где Айседоре следовало быть без опозданий. Театр «Дейлиз» – это шанс! Нью-Йорк – город, в котором намного больше возможностей, нежели в заштатном Чикаго.

Несостыковочка, где Нью-Йорк и где Чикаго? Но последнее обстоятельство отнюдь не смущало отчаянную девочку. Она четко видела свою цель и была готова посворачивать горы, окажись те ненароком на ее пути. Но если сама Айседора была готова идти за мистером Дейли пешком и в рваных туфлях, того же нельзя было сказать о ее многострадальной матери. Поэтому Айседора послала телеграмму домой: «Блестящий ангажемент. Августин Дейли. Должна быть в Нью-Йорке 1 октября. Телеграфно переведите сто долларов на дорогу». Хорошо, что сестра Елизавета продолжала преподавать танцы…

Конечно же, Айседора переживала вынужденную разлуку с Иваном, но да сколько еще будет таких разлук, когда они поженятся?! Что же до лучше знающей мужчин Доры, с некоторого времени она не питала особого доверия к великовозрастному женишку своей несмышленой дочери. Да и что говорить, мало ей невероятной разницы в возрасте, так еще и в таких летах и без гроша в кармане? Сорок пять – а за спиной ни недвижимости, ни приличной профессии… неужели ее красавица дочь не найдет себе в Нью-Йорке более привлекательного и благоустроенного мужа? Пусть даже из артистической среды, раз ей так нравится. Девчонка и так делает что пожелает, не сегодня-завтра вернется домой с пузом – и что тогда? Конец всем ее честолюбивым планам, мечтам и идеям? Однообразное существование между лавками мясника, зеленщика и булочника с голодным ребенком на руках при неработающем, а то и пьющем супруге.

Деньги пришли вместе с уже уставшими ждать вестей из Чикаго братом Августином и сестрой Елизаветой, это несколько затрудняло задачу доехать до Нью-Йорка и устроиться там в ожидании первых заработанный Айседорой денег, так как теперь делить сто долларов приходилось не на двоих, а на четверых. Но веселую семейку как будто бы не пугали житейские трудности. Трогательно распрощавшись с любимым, Айседора пообещала ему, что пришлет вызов, как только получится немного заработать. И тогда уже они откроют театр своей мечты и отправятся на гастроли в Европу.

Айседора в театре

Рано утром мама Дункан и трое ее детей выбрались из вагона поезда на вокзале в Нью-Йорке и, не обращая внимания на услужливых носильщиков и извозчиков, отправились в пеший поход за самыми дешевыми комнатами. За этим делом прошел целый день, и только к ужину, усталые и измотанные, они все же получили ключ от дверей небольшого пансиона на одной из боковых улиц, прилегающих к 6-й авеню, где традиционно селились свободные от денег художники, актеры и музыканты. Умывшись с дороги и переодевшись, Айседора отправилась по указанному ей адресу, к театру господина Дейли. Вопреки постоянным подначкам Фортуны, девушку ждали и сразу же зачислили в труппу. Одно плохо, великий продюсер не пожелал выслушать по второму кругу о ее точно ниспосланном с неба танце, посоветовав быстрее освоить несложное искусство пантомимы и постараться понравиться специально приглашенной из Парижа несравненной и бесподобной Джен Мэй.

На первой же репетиции Айседора чуть не вылетела из театра, так как ей не удавалось повторить выразительные жесты примы. Собственно, Дункан никогда особо не жаловала пантомиму – считая ее искусством для глухих, но тут пришлось стараться, забывая об амбициях и запрятав куда подальше свое мнение. Первая репетиция закончилась в слезах, на второй, когда Айседора получила роль Коломбины и по пьесе целовала Джей Мэй (Пьеро) в щеку, великая актриса потребовала, чтобы новенькая вложила в поцелуй всю страсть. – Откуда несчастная Айседора должна была знать, что на сцене и тем более в пантомиме все делается условно?! В результате на напудренной щечке примы образовался красный след от помады, а на лице нашей героини отпечаталась тяжелая ручка не простившей ей такой конфуз актрисы.

Каждый день в театре «Дейлиз» для Айседоры был полон нервотрепки и унижений. Ей не нравилась пантомима и хотелось танцевать, бесили светлый парик, голубой шелковый костюм и соломенная шляпа. Каждый день несчастная танцовщица задавалась вопросом: что она делает в театре? в Нью-Йорке? и не ошибкой ли было покидать родной Сан-Франциско, где она могла заниматься любимым делом? Чикаго, где ее знали и понимали «богемцы», где остался Иван?

Меж тем Дейли не собирался платить своим актером вперед, а ни брат, ни сестра так и не нашли себе работу в Нью-Йорке, деньги закончились, и они вылетели из удобного пансиона за

неуплату, устроившись в двух комнатах без мебели на 180-й улице. Теперь Айседоре приходилось раньше выходить из дома, так как театр располагался на 29-й улице, а денег на транспорт у девушки не было: «Чтобы путь казался короче, я придумала целый ряд способов передвижения: бежала по грязи, ходила по деревянным тротуарам и прыгала по каменным. У меня не было средств на завтрак и, пока все уходили подкрепиться, я забиралась в литерную ложу и в изнеможении засыпала, а потом на голодный желудок снова принималась за репетицию». Семь долгих недель приходилось экономить на всем, чем угодно, прежде чем в театре ей выдали первое жалованье.

На премьерном спектакле в зале на первом ряду сидели мама, сестра и брат. Горе и позор – они видели свою несравненную Айседору, на которую возлагалось столько надежд, которая самозабвенно рассказывала им о революции в театральном искусстве, танце, и… каков результат?!

Сразу после спектакля мама потребовала от Айседоры немедленно вернуться домой. Но это было бы слишком глупо.

Посчитайте сами – шесть недель было потрачено на репетиции спектакля, за которые актером не платили, затем премьера, и только через неделю первое жалованье. Теперь труппа отрабатывала три недели в Нью-Йорке, после чего отправлялась на гастроли. Это был гарантированный кусок хлеба и для Айседоры, и для всей ее семьи. Уйти в этот момент? Уйти, не собрав урожая? Да за одну только неделю на гастролях рядовым актрисам начислялось целых 15 долларов! Айседора клялась и божилась, что с нее достаточно и семи с половиной, а остальные она будет честно высылать матери.

Решив, что это единственный возможный выход из положения, Дора смилостивилась, позволив Айседоре ехать с театром.

Америка – огромная страна, в ней множество больших и маленьких городов, в каждом из которых труппа давала по одному спектаклю, после чего актеры собирали чемоданы и отправлялись в новое путешествие. Вся труппа мистера Дейли размещалась в заранее забронированных гостиницах, и одна только Айседора, прибывая в новое место, брала свой сундучок и мужественно шла, куда глаза глядят, выискивать жилье подешевле, зачастую ночуя на голом полу, страдая от клопов и пьяных криков за стеной. Высылая матери 7,50 в неделю, Айседора умудрялась сокращать собственные расходы вполовину, живя в день на 50 центов. «Как-то мне отвели комнату без ключа, и мужское население квартиры, почти поголовно пьяное, все время пыталось проникнуть ко мне. В ужасе я протащила

тяжелый шкаф через всю комнату и забаррикадировала им дверь, но и после того не решалась заснуть и всю ночь была настороже».

Пытаясь отвлечься от тошнотворного чувства голода, Айседора читала все, что только попадалось ей на глаза, и постоянно писала Ивану Мироскому, о котором думала, не переставая, представляя его героем то одного, то другого романа. Два месяца длилось турне, после чего Айседора, наконец, вернулась в Нью-Йорк, кинувшись в объятия давно ожидающей ее матери.

Поначалу все казалось более или менее просто – она вызовет Ивана или сама вернется к нему в Чикаго. Теперь же – повзрослев и хлебнув лиха, Айседора понимала, что никакого Чикаго в ее жизни уже не будет. Да и то верно, возвращаться для того, чтобы питаться дармовыми бутербродами и пивом в «Богемии»? или «задавать перца» в дешевых забегаловках?! Как она ни экономила во время турне, а денег все равно не скопила. В довершение всего в Нью-Йорк приехал Раймонд, так что одним ртом сделалось больше. Оставалось снова идти на поклон к Дейли, в надежде, что он займет ее еще в каком-нибудь спектакле.

Оказалось, что второй состав труппы во время отсутствия Дункан поставил «Сон в летнюю ночь», в котором пока еще пустовало место танцовщицы на роль феи. Спектакль показывали несколько раз на родной сцене, после чего труппа отправлялась на очередные гастроли.

– Нужен очень легкий, воздушный танец в лесной сцене перед появлением Титании и Оберона. Прозрачная бело-золотая туника, легкие серебряные крылышки… Справитесь?

Айседора немедленно заверила Августина Дейли, что танец – ее стихия. И ее фея будет самой воздушной и нежной, и не надо никаких крыльев. своим искусством она сделает так, что зрителю будет казаться, будто фея летает.

– Нет. Фея должна быть с крыльями, и точка, – оборвал ее Дейли.

– Тогда можно я хотя бы не буду надевать это гадкое трико? – Айседора брезгливо протянула Дейли старое, заношенное кем-то трико цвета свежей семги.

– Разумеется, нет. В моем театре танцовщики не будут выступать без трико и танцевальных туфель, – строго насупил брови Дейли. – Даже в кафе-шантанах плясуньи не обнажаются до такой степени. Голое тело – это так неприлично!

Больше всего Айседоре хотелось возразить, сказав, что благородная матовость человеческого тела прекрасна и выглядит более натурально, нежели блестящее розовое уродство, что из-за розовых «лапок» танцовщиц зачастую называют гусынями, что

греки не стеснялись наготы, но. она так больше ничего и не сказала в тот день, а только покорно кивнула, скромно потупив глазки. Видя, что девушка выкинула из головы идиотские идеи относительно возможности появиться на сцене одетой неприличным образом, Дейли сообщил, что после того, как она отработала в первом спектакле, ее актерская ставка возрастает сразу до 25 долларов в неделю. И осчастливленная Айседора побежала репетировать танец под скерцо Мендельсона.

На премьере фея Айседоры порхала по сцене нежная и грациозная, девушка была счастлива тем, что танцует, а не играет в пантомиме. В конце танца публика разразилась аплодисментами. Танцовщица поклонилась и выбежала со сцены, ожидая поздравления за кулисами, но вместо этого нарвалась на взбешенного Дейли. Оказалось, что в театре есть сцены, в которых зритель запланированно аплодирует актерам, ее же танец не входил в число таковых, более того, аплодисменты в зале сорвали появление героев, оттянув внимание публики на танец, которому не было никакого продолжения. Айседора чуть не заплакала от такой неудачи. При иных обстоятельствах господин Дейли должен был уволить смутьянку, сочтя ее поступок злонамеренным, но на следующий день труппа уезжала на гастроли и заменить мисс Дункан оказалось некем. Тем не менее все последующие спектакли танец Айседоры проходил на темной сцене. Зритель видел только белое порхающее по сцене существо без определенного пола и возраста. Но, собственно, так и было задумано с самого начала.

Внешне смирившись с происходящим, Айседора старалась честно выполнять свою работу, переезжая с труппой из города в город, мыкаясь по частным пансионам, меблированным и немеблированным комнатам. Однажды судьба занесла труппу в Чикаго, где, узнав из афиш о предстоящих гастролях, ее уже поджидал Иван Мироский. Айседора чувствовала себя на гребне счастья. Все свободное время они гуляли по лесу, обедая в крошечных кафе и строя планы совместной жизни. Да, теперь и Мироский начинал понимать, что Чикаго – не место для творческого человека. Айседора должна была вернуться с труппой в Нью-Йорк, и не более чем через месяц, уладив свои дела, Иван собирался присоединиться к ней, он так и не обрел постоянной работы, и здесь его ничто не могло удержать. Понимая, что приготовления к свадьбе неминуемо лягут на ее семью, и одновременно желая поделиться радостью, Айседора отбила телеграмму, в которой сообщала о своих планах. Ответ, подписанный Раймондом, пришел неожиданно быстро. «Мироский женат. Супруга проживает в Лондоне. Верь мне.

Подробности при встрече».

Известие о том, что у Ивана есть супруга, было тяжелым ударом для Айседоры, но она не впала в депрессию, впредь стараясь избегать малейших упоминаний о своем бывшем женихе и мечтая о том времени, когда она сможет заниматься только своим искусством. Теперь у нее был кусок хлеба, крыша над головой, семья не голодала, хотя и не роскошествовала. Но все это было так далеко от того, о чем она мечтала, то, ради чего семья покинула подаренный отцом дом в Сан-Франциско, что заставляло ее жить, думая про каждый новый день, будто он приближает ее к заветной цели. А тут еще и Иван… пройдет немного времени, и Айседора Дункан будет бороться против института брака, ратуя за равные права мужчин и женщин, за свободную любовь. В то время она была вынуждена подчиниться матери, которая была расстроена всей этой историей с женихом не менее ее самой.

Новые попытки переговорить с Дейли и заинтересовать его своим искусством не привели ровным счетом ни к чему, великий человек держался раз выбранного направления, от которого не собирался отклоняться.

Тем не менее он предложил Айседоре небольшую роль в спектакле «Гейша», на этот раз танцовщица Дункан должна была петь в квартете! К тому времени Айседора уже со многим смирилась и научилась относиться к окружающему ее безумию с понятной снисходительностью, но петь?! Для девушки, которая даже своим куклам в детстве никогда не пела?.. петь, но даже испытанный учитель музыки и пения Дора не сумела научить дочь вокалу… Напроситься в ученики к более опытному мастеру? Но где гарантия, что вообще что-то получится? Да и если все же начнет получаться, то ясное дело, через месяцы, годы, репетиция же назначена буквально на завтра! А значит, она либо согласится и подведет коллег, либо откажется и будет выброшена на улицу, и что тогда делать с висящей на ее шее семьей?

Дункан согласилась и на это, когда же партнерши стали жаловаться, что она отчаянно фальшивит, во время репетиций Айседора начала просто открывать рот, и дело пошло. Но теперь уже она не могла не взбунтоваться. Пантомима, танец почти в полной темноте. песня без голоса. что дальше?

Есть ли хоть какое-то оправдание нахождения бесспорно талантливой и весьма амбициозной Айседоры Дункан в театре, где ей ни за что не занять положение, о котором она мечтает? Неужели она всю жизнь будет заниматься только попытками хоть как-то выжить? И заодно любыми жертвами, месяц за месяцем вытягивать свою семью из той финансовой ямы, по краю которой

она ходит? Нет уж, хорошенького понемножку, решила Айседора, и, тряхнув рыжей шевелюрой, подала заявление об уходе.

На вольных хлебах

В театре господина Дейли Айседора пробыла целый год. За это время в семействе Дункан произошли приятные подвижки: Елизавета открыла школу танцев, а Августин вступил в театральную труппу – оба приносили домой деньги, и в финансовом смысле стало ощутимо легче. Приехавший позже других в Нью-Йорк Раймонд пытался продавать свои статьи в различные газеты и журналы, но пока что удача не желала замечать стараний молодого человека. Пока Айседора гастролировала с театром «Дейлиз», они наняли просторную художественную мастерскую без мебели, но с самой настоящей ванной! И приобрели по весьма щадящей цене 5 пружинных матрасов и столько же перин, которыми можно было укрываться. Идея с матрасами принадлежит Айседоре, еще во время своих скитаний по Чикаго она поняла, что, в сущности, матрас ни чем не хуже кровати, и уж намного лучше, чем спать на голом полу, к тому же покупка матраса обходится дешевле покупки кровати с этим самым матрасом. В то время как кровати занимают много места, матрасы можно поднять и прижать к стенке, центр комнаты освободится, и там можно будет спокойно репетировать. К сожалению, мастерская представляла собой одно-единственное помещение, так что жили они там, точно цыганский табор.

Сестра и брат Айседоры Дункан: Элизабет и Августин

Едва более-менее устроились, как предприимчивый Раймонд нашел возможность немного заработать, днем сдавая свое жилище учителям пения, музыки, танцев и декламации с почасовой оплатой. Когда подходило время очередного урока, семейство покидало мастерскую, гуляя по городу в ожидании, когда можно будет вернуться домой. Для своих прогулок Айседора облюбовала центральный парк, где она бродила, часто в полном одиночестве, мечтая, читая книжки или придумывая новые танцы.

Уйдя из театра господина Дейли, девушка сумела устроиться в студию Карнеги Холл, платили здесь гроши, но она снова получила возможность показывать свои танцы публике, ночи напролет репетируя дома, так как днем мастерская принадлежала

по праву аренды чужим людям, и выступая вечерами. Как и в прежние времена, Айседоре аккомпанировала ее мать. Последнее время отчаянная Дора Дункан сильно сдала, кочевая, полуголодная жизнь и постоянные треволнения рано состарили эту отважную женщину, тем не менее она продолжала героически нести свой крест, всегда и во всем следуя за гениальной дочерью.

Впрочем, в Нью-Йорке действительно открывалось больше возможностей отыскать людей, которые могли бы оценить по достоинству искусство Айседоры. Еще работая в театре, мисс Дункан сумела завести знакомства, и теперь ее нет-нет, да и приглашали в частные дома с выступлениями. Достаточно интересной получилась программа, которую делали вместе: Августин, Елизавета, Дора и, естественно, Айседора. Я уже писала, что Айседора старалась проводить свободное время за книгой. Как-то раз ей в руки попался сборник стихов Омара Хайяма в переводе Фицджеральда. Она танцевала у себя в мастерской под импровизации Доры, а потом, когда та устала и захотела прилечь, Айседора пыталась произносить текст, при этом делая танцевальные движения. Ничего не получалось. Танец – ревнивая штука, когда ты отдаешься движению, невозможно двигаться, не включая в процесс голову. Но если в танец включена вся танцовщица, то есть совсем вся, без остатка?.. никаких мыслей, никаких стихов… в какой-то момент Августин сжалился над сестренкой и, подняв с пола брошенную ею книгу, начал читать рубаи. Голос брата, декламирующего стихи, подействовал на Айседору, как музыка. И она заскользила по полутемной комнате, купаясь в лунном свете. Когда брат выдохся, ему на смену пришла Лиза. Все это время Айседора ощущала себя натянутой струной, на которой два голоса, когда поочередно, а когда и вместе играли, точно на чувствительном музыкальном инструменте. Она вся обратилась в чувство, пытаясь сохранить в телесной памяти то незабываемое ощущение проходящих сквозь нее стихов. А потом вдруг откуда-то появился легкий теплый ветер, туника Айседоры наполнилась им, превратившись в чувствительный парус. И вот она уже несется быстрее, быстрее, медленнее, угасая. умирая, чтобы воскреснуть со следующей строкой. В стихах тоже есть музыка.

Вот такой спектакль приготовили господа Дункан взыскательной салонной публике Нью-Йорка. После представления молодая дама с левреткой на руках протянула Доре визитную карточку с загнутым уголком, приглашая в следующую субботу на свою виллу. На самом деле Айседоре и ее компании следовало подумать об опытном импресарио, который занимался бы только ими, но почему-то никому не приходило это

в голову. Они радовались любому приглашению, а когда приглашений не поступало, играли и танцевали для друзей.

На визитке был записан адрес виллы в Ньюпорте, куда Айседора должна была прибыть, дабы станцевать перед госпожой Астор[8] и ее гостями на лужайке перед домом. Фамилия Астор ничего не сказала мало интересующейся светской жизнью Айседоре, но страшно взволновала ее брата Раймонда. Так как мало кто в Америке тех лет не слышал о госпоже Астор, в доме которой собирался весь высший свет. Журналисты ловили каждое ее слово, одно колкое замечание всесильной Астор относительно небрежности в туалете знаменитой актрисы или светской дамы немедленно делало последнюю в глазах общественности вульгарной, жадной, а то и вовсе голой. Любая произнесенная великой Астор фраза немедленно возводилась в рамки закона.

Люди теряли в присутствии этой дамы дар речи, а то и вовсе оказывались на гране обморока, но к юной Дункан Астор отнеслась с добротой. Когда в назначенный час Айседора, Дора и Елизавета, в этот день они выступали чисто женским коллективом, подъехали к вилле госпожи Астор, та, не доверяя слугам, сама снизошла до встречи артистов, предложив им с дороги по чашечке кофе. После представления, устроенного, как и предсказывал Раймонд, для высшего общества, приглашенный по такому случаю фотограф сделал снимок, на котором госпожа Астор сидела в кресле рядом с Гарри Лэером и окруженная Вандербильтами, Бельмонтами, Фишами и еще многими людьми, имена которых Айседора не запомнила. Этот снимок позже Астор выслала Дункан с пожеланиями ей всяческой удачи. А удача пришла вместе с благословением несравненной Астор. Я ведь уже упоминала, что любое слово, произнесенное этой непостижимой женщиной, немедленно принималось на веру. Поэтому ничего удивительного, что после представления на вилле Астор танцовщицу пригласили еще в несколько домов…

Как-то раз Айседоре Дункан пришла идея сделать танец без музыки и даже без стихов. Только танцовщица и доступные ей изобразительные средства. Не пантомима с ее условным немым языком. Танец.

В тот день Айседора танцевала на небольшой сцене-ракушке в парке, небо было хмурое, прохладный ветерок нес обещание скорого дождя. Под этим серым низким небом девушка в белой тунике рассказывала о своей борьбе и любви. может быть, о несостоявшейся любви к уже полузабытому красавчику Верною, или Ивану Мироскому, который так хорошо понимал ее. Она говорила о своей любви к движению, обнимая руками пытающееся задавить ее тяжелым серым брюхом небо. то

подпрыгивая и взлетая, то застывая в позе узнаваемых греческих статуй. в какой-то момент из зала выкрикнули: «Это девушка и смерть!»

– «Девушка и смерть» – неплохое название для танцевального спектакля, – мгновенно оценила находку Дора.

– Мой танец было бы правильнее назвать «Девушка и жизнь», – ответит ей через много лет Айседора.

На этих небольших гастролях по гостиным и усадьбам знати Айседора, ее сестра и мама сумели прилично заработать, но танцовщица была жестоко разочарована увиденным и услышанным в свой адрес. С одной стороны, все складывалось как нельзя лучше – девушку засыпали комплиментами, со всех сторон доносился восторженный шопот, «как она прелестна, очаровательна, восхитительна!», но… сколько Айседора не пыталась поговорить с этими людьми, изложить им свои взгляды на искусство и, в частности, культуру движения, объяснить истоки своего танца, то, что она хотела бы сказать своими спектаклями. – эти люди оставались непростительно, для своей образованности и знания жизни, глухи. И в Айседоре они видели в лучшем случае очарование юности, а в худшем – возможность поглазеть на полуголую хорошо сложенную девушку, которая танцевала так близко, что можно было насладиться зрелищем в полной степени. В то время женщины затягивали себя в тесные корсеты, делали сложные прически и носили невероятные шляпы, само появление одетой в тунику с голыми ногами девушки зачастую воспринималось как нечто вызывающе-неприличное. Люди могли гулять вместе с детьми среди обнаженных статуй, но вид обнаженного тела вызывал стойкую ассоциацию с проституцией.

Время от времени Айседора и ее мать получали недвусмысленные предложения, которые с отвращением отвергали. Один пожилой господин, представившийся знатоком искусства, много путешествовавшим по востоку, выслушав пламенные речи юной танцовщицы и, для начала назвав ее воплощением музы танца Терпсихоры, позже пытался узнать, действительно ли под туникой на теле Айседоры нет ни нитки? Верно ли то, что она пляшет с неприкрытым естеством, как это делали в Древней Греции. от всех этих рассуждений Айседору тянуло засунуть два пальца в рот и. она чувствовала себя отравленной, измученной, осквернённой.

Айседора разрывалась от желания поделиться наболевшим, но если в кафе «Богемия» ее и были готовы слушать, но не понимали из-за отсутствия элементарного кругозора, в высшем свете к актерам и тем более плясуньям, в лучшем случае,

относились как к слугам.

Америка была не готова принять и воспринять танец босоногой Афродиты, пройдет время, и ее будут принимать в лучших домах Лондона и Парижа, но. Айседора была просто обязана воспитать своего зрителя!

Многим позже в Париже, где мисс Дункан быстро вошла в моду и принималась не только аристократами, но и людьми искусства, она будет танцевать в особняке графини Элизабет Греффюль (полное имя Мари Жозефина Анатоль Луиза Элизабет де Караман-Шиме, графиня Греффюль), дом № 8—10 по улице д'Асторг. Во всеуслышание ее сиятельство назовет Айседору возрождением греческого искусства, и на следующий день после выступления, окрыленная лестным отзывом и замечательным приемом девушка отправится получать свой гонорар в лакейскую.

Для гордой, амбициозной Дункан подобная перемена более чем обидна, ведь буквально вчера ее окружала блистательная публика, за чашечкой кофе в гостиной обсуждали «Афродиту» Пьера Луиса… Все было так замечательно и возвышенно, если не учитывать самого факта, что небольшую сцену, отгороженную от основной гостиной статуями амуров, почти полностью занял утыканный алыми розами, точно жертвенник, трельяж. Возле этой горы цветов было ни подпрыгнуть, ни сделать мах ногой, там вообще негде было танцевать. Весь танец Айседора страдала, вынужденная ютиться на узком пяточке и не имея возможности продвинуться хотя бы в сторону зала, так как в этом случае она в буквальном смысле слова натыкалась на зрителей.

В общем, выступление было кошмаром, а оплата. на следующий день Греффюль прислала ей записку, в которой как раз и сообщала, что деньги за выступление госпожа Дункан может забрать в лакейской. Если бы у семьи Дункан были средства к существованию, она бы гордо отказалась от этого гонорара, но. много денег у них не было никогда, и, сдержав первый порыв гнева, вчерашняя богиня танца была вынуждена пешком тащиться через весь Париж, дабы получить свой заработок Но все это случится еще не скоро.

Пройдет время, Айседоре станут платить высокие гонорары, у нее будут брать интервью, на нее станут смотреть как на редкое явление, и при этом ее мысли и идеи, ее благородные порывы и щедрые предложения принципиально станут игнорировать, не замечать, обходить стороной. Неоднократно ее будут пытаться купить, но понять. бедная, бедная Айседора – твое время еще не пришло. Что же до Элизабет Греффюль, она была известна как весьма щедрый меценат, помогающий многим деятелям искусства своего времени. Кроме того, ее сиятельство вращалась в высшем

обществе, была близкой подругой великой княгини Марии Павловны, среди гостей в доме Греффюль неоднократно появлялся великий князь Павел Александрович, во многом она способствовала успеху дегилевского Русского балета в Париже. Красотой и остроумием графини восхищался Марсель Пруст, который еще только напишет в 1913 году роман «В поисках утраченного времени», для которого Элизабет послужит прообразом герцогини де Германт. В общем, с такими людьми было полезно общаться, их же нрав и привычки приходилось терпеть.

Жизнь на грани

Тем не менее Айседора завела полезные знакомства, обеспечивающие ей редкие приглашения в богатые дома. В то время Ньюпорт имел славу модного курорта, куда в сезон съезжались отдыхающие, и на берегу моря было не протолкнуться между дамами, одетыми во все черное, и господами, облаченными исключительно в полосатые костюмы. Но если мужские пляжные одежды не отличались разнообразием, то женские «купальники» радовали взгляд безумным разнообразием фасонов, впрочем, юбки ниже колен, корсеты, чулки и купальные туфли всех оттенков черного. Выходя из воды, купальщики отдыхали на солнышке, потягивая прохладительные напитки и суша на себе вымокшие в море купальные костюмы, после чего переодевались в специальных помещениях, дабы из черного и полосатого перебраться в светлое и легкое, головы дам украшали изящные шляпки всевозможных цветов и фасонов, над шляпками вздымались легкие, точно облачка, кружевные зонтики.

Во время сезона танцовщики, певцы, целый день просиживающие на набережных и в парках уличные художники и прочая артистическая братия получали возможность немного заработать, чем воспользовалась и наша героиня. Одно плохо, если вначале Айседора полагала, что место, которое просто притягивает рафинированную публику, позволит ей отыскать единомышленников, то после нескольких неудачных попыток она поняла, что ищет не там. Кто же говорит о серьезных делах на отдыхе? Актеры, певцы, танцоры, съезжающиеся на сезон в Ньюпорт, были не более чем красивыми игрушками, никто не интересовался ими всерьез, да и они сами не считали возможным сидеть в кафе, рассуждая о высоком.

«Мы опять ошиблись, выбирая Нью-Йорк и Ньюпорт. Америка не готова принять мой танец, – расхаживая по комнате, Айседора старалась говорить медленно, подбирая правильные слова. – Что может дать переезд из города в город – здесь те же люди. И плевать, что в Америке собрана богатейшая палитра самых разных национальностей, плевать, что сюда приезжали и будут приезжать гении и виртуозы. Если на этой почве что-нибудь когда-нибудь и произрастет, это будет ой как не скоро. Во всяком случае, мы не можем ждать. Я не могу ждать». Айседора ставила вопрос и ждала, когда слушатели сами дадут ей ответ – рецепт, как, наконец, выбраться из преследовавшей их семью нищеты и начать заниматься настоящим делом, прославиться, заявить о себе.

Ответ был очевиден, но пугал настолько, что из всей семьи произнести его могла одна только Айседора. Если Америка не готова принять ее прогрессивный танец, нужно ехать в Европу. Вот где настоящие не скованные предрассудками умы, вот где свобода.

Вернувшись в Нью-Йорк, Айседора не находила себе места, потому что одно дело – переехать в другой город, и совсем иное – в другую страну. В случае с Айседорой ситуация действительно пиковая, ведь за ней следовала вся ее семья…

Девушка плохо спала, видя во сне кошмарный переезд и то, как она вновь остается без гроша и братья, сестры, мама сидят на сундучках и узлах, жалостливо заглядывая ей в глаза, а она. много раз Айседора просыпалась от собственных слез. Да, она могла перетерпеть голод и нищету, могла жить, где придется. но мама. но.

Днем в мастерской не поспишь, не поработаешь, даже не почитаешь, потому что весь день помещение арендовано какими-то декламаторами, певцами, брр. несчастная мама вынуждена покидать теплый дом и бродить неведомо где. Если молодым тяжело, то каково ей? Иной раз дождь стеной, ледяной ветер, лужи под ногами. Хорошо, конечно, забраться в теплое кафе, но если бы у них были деньги на кафе, разве стали бы они сдавать мастерскую?

Первой заговорила о необходимости переехать на новое место до этого тихо безропотно сносящая трудности Елизавета. В Нью-Йорке она открыла школу танцев, и с некоторого времени дела пошли. Теперь, кроме детских групп, у нее были взрослые ученики и ученицы, которым она преподавала светские танцы. Поэтому Елизавета объявила семье о том, что для нее как для известной в городе преподавательницы танцев непростительно ютиться в какой-то сомнительной мастерской, куда и пригласить-то никого нельзя. Смешно сказать – они снимают ателье, сдавая его другим людям, а она вынуждена бегать по урокам и так же арендовывать помещение для дополнительных занятий.

Нужен такой дом, куда к ней или любому члену семьи могли бы зайти их знакомые, идеально подходит гостиница «Виндзор», пользующаяся доброй славой.

Айседора Дункан в спектакле «Сон в летнюю ночь»

«Конечно, если мы снимем две большие комнаты на первом этаже, это будет стоить весьма и весьма недешево – целых 90 долларов в неделю, но за эти деньги гостиница предоставит нам завтрак. Кроме того, проводя занятие в одном помещении, мы можем переходить в другое или даже сидеть в уютных креслах в

большом гостиничном холле».

Елизавета посмотрела обе комнаты, сочтя их идеальными для занятий танцами и более чем подходящими для жизни. Говоря об удобных креслах, она косилась в сторону простуженной после недавней прогулки Доры, о которой следовало позаботиться в первую очередь. Но целых 90 долларов! Несмотря на то что сумма выглядела неподъемной, прогулявшись до «Винздора» все вместе и взвесив «за» и «против», семейство Дункан пришло к выводу, что это выход из положения хотя бы на холодное время.

Августин репетировал роль Ромео в небольшом театре, его труппа собиралась на очередные гастроли, так что гостиница его пока не интересовала. Раймонд днем удалялся в библиотеку, где читал или писал рассказы или статьи, так что Айседора и Елизавета решили, что соберут много учеников и будут все время эксплуатировать вторую комнату, чтобы оплатить ужасный счет.

Но, как назло, желающих заниматься танцами с каждым днем становилось все меньше и меньше, и семейство Дункан продолжало сидеть в дорогой гостинице, не находя себе применения и не понимая, откуда, в конце концов, свалятся деньги, которыми они оплатят свой кров. Самое неприятное, что просто съехать, не заплатив, как это они частенько проделывали в частных домах, на этот раз бы не получилось, так как здесь их хорошо знали и хозяева гостиницы непременно вызвали бы полицию. Что делать?

«Единственное, что нас может спасти, – это пожар гостиницы!» – в отчаянии ляпнула Айседора, и на следующий день гостиница «Винздор» сгорела вместе с несколькими не успевшими выбраться из своих номеров гостями и почти всеми вещами семьи Дункан. По счастью, находящаяся в это время дома Елизавета успела вывести из пылающего здания всех своих учеников, с которыми в то время занималась. Спокойным голосом она велела напуганным малышам взяться за руки и выходить из гостиницы парами.

Практически все купленные за сезон вещи были утеряны, так как спасшую детей Елизавету пожарные не пустили в горящее здание вторично. Но больше всего Дора и ее дети плакали не о платьях и теплых зимних вещах, без которых теперь им было так трудно. Вместе с нательными вещами, включая необходимую смену белья, погибли книги и семейные портреты, которые они перевозили с собой с квартиры на квартиру.

Впрочем, никто из членов семьи не пострадал, и вскоре прибывшая на место трагедии Айседора отвела всех в гостиницу «Бэкингэм», где они сняли одну комнату. Прошло несколько дней, и деньги закончились, а семья Дункан вновь сидела подле уже

поднадоевшего разбитого корыта. Не представлялось возможным арендовать помещение для новой школы, сезон закончился, и Айседора уже не получала приглашений в частные дома, Раймонд по-прежнему писал в стол, оставалось ждать появления Августина хоть с какими-то деньгами.

И он приехал!.. с молодой шестнадцатилетней женой, играющей на сцене Джульетту, но в настоящее время оставившей сцену из-за беременности.

Услышав о пополнении в семействе, Раймонд устроил истерику, крича, что брат все погубил. Так что посторонние зрители могли вообразить себе, будто находящийся на гастролях Августин умудрился тайно вернуться, дабы спалить гостиницу со всем имуществом. Елизавета сидела уставившись в стену, мать замкнулась в себе, отказываясь знакомиться с невесткой или разговаривать с собственным сыном, на которого возлагались такие надежды, одна только Айседора, накинув на плечи единственный уцелевший в доме платок, согласилась нанести визит новой родственнице.

Заранее предчувствуя, что его встретят как вероотступника, Августин снял комнату, где и ждала его страдающая от токсикоза Джульетта. Бедные молодые люди… начало их семейной жизни было омрачено.

Из-за постоянной тошноты и головокружения супруга не могла работать, а так как семья не приняла ее, то не было и речи о том, что сестры или мать возьмутся выхаживать это чахлое, заморенное создание или помогут с ребенком, когда тот появится на свет.

Побыв у брата и его жены не более часа, Айседора была вынуждена признать, что сама судьба гонит их семью в Лондон, не давая спокойно жить и работать. Впрочем, исключив из грандиозных семейных планов по покорению Европы Августина, Айседора была вынуждена признать, что теперь необходимая для переезда и устройства на новом месте сумма сократилась на билет и питание для одного человека.

На обратном пути Айседора мысленно припоминала все богатые дома, в которых ей удалось танцевать в прошлый сезон. Прикинув, что некоторые из ее недавних клиентов проживают в Нью-Йорке, девушка решилась посетить их все до одного, с единственной целью – рассказать о своих планах и попытаться выклянчить хоть какие-нибудь деньги на этот проект.

Одна из приятных дам, с которой Айседора познакомилась у госпожи Астор, занимала целый дом на 59-й улице с окнами на Центральный парк. Дама помнила юную танцовщицу и согласилась принять ее, после чего Айседора поведала о

постигших ее семью утратах, заметив при этом, что единственный способ для нее встать на ноги и добиться признания – переезд в Лондон. Выслушав гостью, дама позвала своего секретаря и выдала девушке чек, благословив ее на переезд.

Айседора бежала домой, приплясывая и подпрыгивая на ходу, ее возбуждение прошло, когда она догадалась посмотреть на подаренную ей сумму и обнаружила, что там всего 50 долларов…

«Что же, с почином», – зло поздравила себя танцовщица и пошла в сторону 5-го авеню, где жила другая ее знакомая – супруга известного миллионера и мецената. От 59-й улицы до 5-го авеню 50 кварталов, которые принципиальная Айседора проделала пешком. Там она получила еще 50 долларов, при этом в самый пик объяснений с хозяйкой дома Айседора грохнулась в самый настоящий голодный обморок, что неудивительно, если на часах четыре часа, а ты еще не завтракала.

Выписывая чек, дама отчитала Айседору за ее неправильные мечты и нежелание учиться классическому балету. Впрочем, заметив плачевное состояние гостьи, сжалилась и велела лакею принести ей чашечку шоколада и сухарей, дабы девушка могла поддержать свое здоровье.

– Вернете их мне, когда разбогатеете, – потребовала она наставительным тоном.

Поблагодарив за чек и шоколад, Айседора продолжила поиск денег, обходя один за другим дома знакомых богачей и получая где двадцать, где тридцать, а где и снова 50 долларов. В результате скопилась сумма в 300 долларов, которой не хватало даже на путешествие вторым классом пассажирского парохода. А ведь в Лондоне нужно было еще где-то поселиться и чем-то питаться.

Получив не только деньги, но и новые предложения потанцевать на частных вечерах, Айседора глубоко задумалась. Нет, она обожала свое искусство и была готова выступать хоть каждый день, к тому же деньги были необходимы, оставалось решить, в чем выступать? Ведь все ее туники сгорели вместе с прочими вещами в гостинице.

«Нет костюма – ерунда, кого это когда-нибудь останавливало», – решила Дункан. – Найдя среди уцелевших вещей легкий шелковый шарф, с которым иногда выступала, подбрасывая его в воздух или позволяя тянуться за собой, подобно золотому плащу, проделала в нем дырку для головы, опоясалась шнуром от гостиничной шторы и выскочила в таком виде на импровизированную сцену.

С одной стороны, это был действительно греческий костюм, но зрители… зрители увидели почти полностью обнаженную

актрису!

И это в то время, когда на сцене бытовало множество принятых условностей. Танцовщики были обязаны плясать в трико, на пуантах или, по крайней мере, в закрытых туфлях. Если посмотреть ранние фотографии Айседоры, можно обнаружить, насколько постепенно она отказывалась от всех этих атрибутов старого танца.

В своей работе об Айседоре Дункан хореограф Агнес де Милль писала: «Дункан была метлой, убравшей весь лишний мусор, – до нее театр не переживал такой грандиозной уборки».

Но мы оставили нашу героиню с собранной ею кругленькой суммой в 300 долларов, которых не хватало даже на билеты второго класса. Что делать? Снова ходить с протянутой рукой или. Тут, наконец, за дело взялся Раймонд, который очень быстро отыскал устроившее всех решение: «Если мы не можем ехать в Европу как люди, поедем как скотина»! – улыбаясь во весь рот, сообщил он. Загадка разрешилась достаточно быстро. Будучи журналистом, Раймонд время от времени бывал в порту, где свел знакомство с капитаном небольшого пароходика, перевозившего грузы. На этот раз «плавучий грузовик» держал путь в Гуль с партией скота. Выпив с Раймондом в портовом кабачке, капитан был так добр, что согласился нарушить закон и провести четырех пассажиров за более чем скромную плату.

Не желая называть свою настоящую фамилию, все-таки они держали собственную школу танцев и были вхожи в самые богатые и влиятельные дома Нью-Йорка, Раймонд сообщил капитану, что едет семья О'Торман – девичья фамилия мамы.

К слову, несмотря на свой свободолюбивый характер и откровенно эпатажное поведение и речи, которые еще предстоит в своей жизни произнести великой Дункан, Айседору всю жизнь будет живо интересовать мнение о ней окружающих. Так, однажды, уже в пору шумной известности неистовой Айседоры, как окрестит ее пресса, один театральный критик напишет в своей статье о ее немузыкальности и отсутствии чувства ритма. Взбешенная грубым наветом, танцовщица употребит все свои связи на поиск обидчика, напишет ему вежливое письмо, умоляя зайти к ней в мастерскую, дабы она могла рассказать о своем искусстве и доказать, что она музыкальна, специально потанцевав перед критиком. Вскоре он отозвался и действительно заглянул к мисс Дункан.

После формального представления за чашечкой чая Айседора битый час рассказывала новому знакомому о своей жизни и философии нового танца, отмечая его отличие от классического балета. В какой-то момент ее пламенной речи гость вдруг не

выдержал, перебивая знаменитую босоножку на полфразе:

– Простите, мисс Дункан. Но я абсолютно ничего не слышу…

Лондон и его нравы

Дорога была воистину ужасна, и не факт, что, узнай они все, что им придется выстрадать на своем пути к призрачной славе, отчаянное семейство согласилось бы на подобную авантюру.

Америка поставляла в Европу мясо, еще точнее – живых коров в количестве нескольких сот голов, которые стояли плотно прижатыми друг к другу в тесном трюме, не имея возможности ни походить, ни толком поесть. Они тыкались друг в друга рогами, наносили удары копытами, все время жалобно мычали и стонали, испражняясь себе под ноги и требуя хоть какого-то корма.

В результате двухнедельного путешествия Раймонд наотрез отказался когда-либо употреблять мясо животных, сделавшись убежденным вегетарианцем.

Вещей было совсем немного, собственно, все сгорело в гостинице, каюты на грузовом судне оказались крошечными, койки – жесткими, из всей находящейся на пароходе еды питаться можно было одной только солониной, запивая это невзыскательное блюдо отвратительным чаем. Кроме того, все время нестерпимо воняло навозом, так что в конце путешествия стало казаться, что им пропахло абсолютно все, от волос до одежды и еды. Тем не менее настроение было хорошее и никто не заболел, а Магги О'Торман (так представил Раймонд Айседору) строила грандиозные планы покорения Европы.

Лунные ночи на палубе, помощник капитана вызывал из каюты мисс Магги, которая ему очень нравилась.

«Право, Магги О'Торман, я был бы вам хорошим мужем, если бы вы позволили», – мечтательно произносил он, рассеянно разглядывая луну и звезды. Его серенаде вторило многоголосое мычание. Время от времени капитан с Раймондом варили грог, которым угощали экипаж и пассажиров, а воздух благоухал морской свежестью и коровьим навозом.

Они прибыли в Гулле и там сели на поезд до Лондона. По объявлению в «Таймс» отыскали квартиру недалеко от Мраморной арки. Лондон поражал, восхищал, очаровывал… всю первую неделю они гуляли, гуляли, гуляли. Вестминстерское аббатство, музей в Южном Кенсингтоне, Лондонская башня, Ричмондский парк, Британский музей, Гамптон Корт, спектакль «Укрощение строптивой» с несравненной Эллен Терри[9] в главной роли. они забыли про работу, необходимость устроиться на новом месте, о своей цели. Лондон поглотил их, то и дело заставляя восторгаться и очаровываться. Привыкшие работать и во всем себе отказывать, члены семьи Дункан вдруг превратились в

беззаботных туристов, приехавших в Англию на каникулы. Дорогие театральные билеты – ерунда, нет способа лучше узнать актрису, чем увидеть ее спектакли от первого до последнего в афише. А Эллен Терри играла в шекспировских пьесах, которые так любили все члены семьи. Ах, как хочется познакомиться с Эллен, поговорить об искусстве, просто посидеть рядом, но где Терри, а где малышка Айседора? С какой стати великая актриса станет сводить знакомства с обычной девушкой, даже если та хорошо танцует и может рассказать много интересного? Для Эллен Терри Айседора никакая не подружка, в самом крайнем случае она могла бы, наверное, позволить миловидной девушке с забавным американским акцентом понести за ней царственный шлейф, вроде тех, что она таскает за собой по сцене, или. удочерить? Айседора думает о Терри, пытается представить, какая она в быту? какая со своими детьми? Много ли проводит времени дома, или ради искусства приходится не вылезать из театра? Жить, переезжая из города в город, из страны в страну? Об актрисе Терри известно, что у нее имеется внебрачный сын от архитектора Эдварда Годвина, всего-то на пять лет старше самой Айседоры. Правда, об этом не принято говорить, тем более выставлять на всеобщее обозрение, да Эллен и сама не стремится демонстрировать миру будущую звезду театра Эдварда Гордона Крэга[10]. Айседора еще не знает, что через несколько лет ее собственная жизнь теснейшим образом сольется с этим, неведомым ей сегодня мальчиком, через которого она, в конце концов, соприкоснется и с Эллен Терри. Но все это будет еще ой как не скоро, а пока Дункан и семейство бродят по музеям и паркам, посещают театры, словом, сорят деньгами, нимало не заботясь о завтрашнем дне. Так продолжалось бы и дольше, если бы неожиданно у семейства не закончились деньги, а у квартирной хозяйки – терпение. Так в один из дней, вернувшись с очередной многочасовой прогулки по живописным местам, счастливые и довольные, они оказались перед закрытой дверью.

«Все вещи будут находиться под арестом, пока вы не соблаговолите выплатить свой долг», – сообщила им квартирная хозяйка.

Стоя у парадного подъезда одной из гостиниц, в которую Айседору и ее семейство отказались пустить, так как умная прислуга приметила их обескураженный вид и отсутствие багажа, а уж чего-чего, а такого «добра», как некредитоспособных иностранцев, они на своем веку нагляделись немало. Так что, стоя у парадного подъезда, семейка, как по команде, вывернула карманы, вытряхнув в общую кучку свой скудный капитал, все, что осталось от привезенных из Америки «сокровищ» – 6 убогих

шиллингов…

Удобные скамейки Кенсингтонского парка, мосты, под которыми можно спать, если у тебя есть хотя бы пара коробок и одеяло. улицы, улицы, улицы. две девушки, юноша и их пожилая мать целыми днями бродили по городу, время от времени покупая себе булочки за пенни. На целых четыре дня некогда уважаемая и принимаемая в высшем свете Нью-Йорка семья превратилась в обычных бездомных. Хотя нет, именно не в обычных. Мало кто из бродяг слушает лекции о картине «Венера и Адонис» Корреджио в Национальной галерее, внимает фугам Баха, исполняемым на органе в костеле, посещает Британский музей. Они упорно ищат хоть какого-то приюта, но натыкались на «деньги вперед». Когда стало понятно, что в гостиницу не устроиться, они принялись искать меблированные комнаты, надеясь заговорить зубы хозяйкам, ночью из парков их гнали полицейские.

Лондон в конце XIX века

Когда идей не осталось совсем, а на осунувшемся от голода лице Доры отпечаталось решение помереть и не отягощать собой вполне здоровых и сильных детей, Айседора не выдержала, и на рассвете четвертого дня, который застал озябшее семейство в городском парке на деревянных скамеечках, укрытых собранными

в ближайших урнах газетами (кстати, газетами действительно можно закрыться так, что согреешься), разбудив всех, велела немедленно подниматься и идти за ней. Они подошли к самой дорогой гостинице, какая только оказалась по соседству от парка. Швейцар услужливо открыл перед гостями двери, и семейство Доры Дункан оказалось в роскошно убранном холле с зеркалами, мягкими креслами, лакированными столами и картинами в золоченых рамах на стенах.

– Мы только что прибыли на поезде, – уверенным тоном сообщила Айседора администратору, – и хотели бы снять у вас самый лучший номер. Наши вещи привезут позже. А пока мы бы не отказались от завтрака.

Ее уверенный тон подействовал лучше, чем любое воззвание к человеколюбию. Их тут же препроводили в самый дорогой и роскошный номер, подав завтрак. Все с удовольствием помылись в ванной, в которой стояли коробочки с кремом и зубным порошком, флаконы с шампунем, одеколоном и массой других непонятных, но дивно пахнущих мазей и кремов.

Немного отдохнув, Айседора позвонила портье, осведомилась строгим голосом, не привезли ли их багаж. Выслушала ответ и очень рассердилась, узнав, что никаких посыльных не было и никаких грузов не привозили.

– Безобразие! – кричала юная импровизаторша. – Нам решительно не во что переодеться к обеду!

На что ее уверили, что, понимая безвыходность создавшегося положения новых постояльцев и возмущаясь вместе с ними работой службы грузоперевозки, им доставят обед в номер, и через минуту юный лакей уже накрывал стол.

Отобедав, таким образом, даже с вином, а после поужинав и позавтракав, семья Дункан тихо свалила мимо портье, воспользовавшись для своего бегства черным ходом. Теперь у них уже были силы для того, чтобы бороться, а не сидеть вместе с другими бездомными на паперти.

Желая убраться как можно дальше, они дошли до Челси, где за старым кладбищем располагалась крохотная церквушка. Решив, что во время утренней службы можно будет посидеть там немного на деревянных скамейках, они уже направились было вслед за прихожанами, но тут Айседора приметила на дорожке брошенную кем-то вчерашнюю газету. Девушка автоматически развернула ее на разделе светской хроники, где – удача! – располагалось объявление о приезде в Лондон одной из нью-йоркских знакомых дам. Еще в самом начале сезона Айседора с компанией давали целое представление в загородном доме этой миллионерши, и теперь девушка смеяла надеяться, что дама

вспомнит соотечественницу. В газете указывался адрес нанятого богатой американкой особняка, в котором, по словам журналиста, устраивались роскошные приемы. Судьба улыбалась своей юной избраннице!

Оставив семью дожидаться ее в церкви, Айседора побежала к своей знакомой, надеясь на чудо. Представившись лакею и заверив, что ей необходимо встретиться с хозяйкой прямо сейчас, Айседора была допущена в гостиную, где дама как раз завтракала. Понимая уже, насколько унизительна и невыгодна позиция просителя, изобразив беззаботную улыбку, Айседора без умолку болтала о том, как приятно бывает встретить на чужбине соотечественницу. Устроившись на диванчике рядом с хозяйкой и отведав горячий шоколад и сахарное печенье, Айседора рассказала о своем переезде в Лондон, сообщив между делом, что она выступает в местных светских салонах, имея громадный успех.

Услышав о том, что Айседора пришлась здесь как нельзя лучше, дама поинтересовалась, не занята ли она в ближайшую пятницу, и пригласила выступить у нее на светском приеме, выписав чек на 10 долларов аванса.

За время отсутствия Айседоры служба уже закончилась, но Дунканы не теряли времени, рассевшись на скамеечки возле здания костела, где Раймонд произносил перед матерью и Елизаветой вдохновенную речь о взгляде Платона на человеческую душу. Словом, эти люди отличались редкостной неизменностью интересов и жизненных принципов.

Обналичив чек, они отыскали крохотное ателье у Королевской дороги в Челси. Разумеется, без мебели, так что пришлось спать на полу, но зато под крышей и имея в руках ключ от запертой двери.

Оставшиеся от аванса деньги они употребили, купив ящик консервов и материал на непритязательный греческий костюм для Айседоры.

На вечере ожидался сам принц Уэльский, а также множество богатых и любящих развлечения снобов, так что Айседора уже не могла говорить ни о чем ином, как о представлении, которое перевернет их жизнь и повлечет за собой ее головокружительную карьеру.

Как всегда, Дора аккомпанировала своей гениальной дочери. Для пятничного выступления Айседора приготовила «Нарцисса» и «Офелию» Етельберта Невина, закончив представление «Весенней песней» Феликса Мендельсона. В промежутках между танцами, желая дать сестре отдых, Елизавета читала стихи Теокрита в переводе Андрью Ланга, а Раймонд предложил вниманию

публики короткую лекцию о танцах и их влиянии на психологию будущего человечества. Танцы и стихи произвели большее впечатление, нежели лекция, но все равно гостям представление очень понравилось. Впрочем, все мало отличалось от Америки, никто не желал слушать о философии танца, допытываясь, откуда Айседора взяла свою изумительную пластику? что она хочет этим сказать? но да, сейчас ей было важнее другое – как-то зацепиться в этом обществе, получив новые предложения и деньги на жизнь четырех человек Так и произошло, выступление за выступлением Айседора не отказывалась ни от каких предложений, часто соглашаясь танцевать на безденежных вечерах. Так голодная и измученная Айседора неоднократно давала спектакли на благотворительных вечерах, весь сбор от которых шел в пользу того или иного общества. Тем не менее она не отказывалась, понимая, что на этих «праздниках жизни» сможет отыскать себе новые предложения, обзавестись полезными знакомствами, следовательно, все эти выступления нужны прежде всего ей самой.

У леди Лоутер она, к примеру, совершенно бесплатно танцевала перед приехавшей скоротать вечерок герцогиней, от которой вполне могли последовать приглашения, но… та так и не решила, нужны ли в ее салоне танцы Айседоры. Иногда за выступление их кормили, иногда наливали чая и выдавали бутерброд или какое-нибудь не сильно популярное блюдо со стола.

Как-то раз после четырех дней вынужденного голодания во время представления ей сделалось дурно. Желая подбодрить танцовщицу, устроительница предложила теряющей сознание девушке взбитые сливки с клубникой. Исстрадавшийся без пищи желудок отреагировал на жирную пищу правильно – тут же избавившись от нее, едва только Айседора попыталась подняться из-за стола. «.другая дама подняла целый мешок, наполненный золотом, показала его мне и сказала: “Посмотрите, какую уйму денег вы помогли собрать для нашего убежища для слепых девушек!”»

Тем не менее пусть по чуть-чуть, но деньги поступали, призрак голодной смерти отступил, и Айседора начала переосмысливать события последних месяцев. Выходило, что чем самоувереннее она себя вела, тем ей было проще получить место в гостинице или ангажемент. Да, лондонцы определенно избегали неудачников и нытиков, даже та самая первая дама, у которой Айседора получила 10 долларов и приглашение выступить в ее салоне, даже она польстилась не на прекрасные танцы соотечественницы, о которых знала не понаслышке, а купилась на

вранье нашей героини относительно мнимой популярности танцовщицы. Все желали видеть у себя модных, признанных публикой, часто мелькающих в прессе артистов, только тех, кто уже блистал в самых престижных и влиятельных домах или которые имели, пусть косвенные, знакомства с королевской семьей. Да, один комплимент от какого-нибудь лорда, чашечка чая с посланником…

Айседора была вынуждена поставить свою семью перед непреклоннейшим ультиматумом: мы живем в строжайшей экономии, а все скопленные деньги идут на модную одежду и обувь. Несомненно, если в Америке она могла идти через весь город, для того чтобы выступить в том или ином доме, здесь требовалось подъехать к подъезду. Да, в Лондоне «принимали по одежке». Следовательно, Айседора и ее компания должны были выглядеть как успешные, респектабельные люди. Только на этом условии они могли рассчитывать на ангажемент.

Экономя на еде, но зато прилично одевшись, Дунканы потратили уйму денег на рояль, который взяли напрокат, и только после этого отважились приобрести складные кровати, так как начиналась осень.

В целях экономии Дора и ее семейство по-прежнему днем ели консервы с хлебом, а утром старались завтракать в столовой, где к кофе с молоком полагалась бесплатная булочка. Тем не менее все свободное время они тратили на посещение бесплатных лекций в библиотеках, часто бывали в Британском музее, где Раймонд срисовывал статуи и изображение на вазах – эти рисунки послужили впоследствии канвой для будущих танцев его сестры. Так что Раймонд мог с честью сказать о себе, что тоже работает, как может, делая все, что только от него зависит, для карьеры Айседоры и благоустройства семейства в Лондоне.

Лондонские будни

Таким образом прошел целый год, к августу ателье в Челси сменилось меблированным ателье в Кенсингтоне, более просторным, с уже стоящим в углу роялем. А в сентябре Елизавета запросилась отпустить ее обратно в Нью-Йорк. Оказалось, что все это время она состояла в переписке с родителями своих учеников, и вот теперь ей выслали сумму, которой хватило бы для переезда одного человека обратно в Америку. Это было печально, но, с другой стороны, преподавая, Елизавета чувствовала себя нужной, здесь же максимум, что она могла делать, – это читать стихи на концертах своей сестры.

Было решено, что когда Айседора наконец сделается знаменитой, Елизавета снова примкнет к семейному бизнесу, пока же она обещала отсылать часть заработанных в школе денег в Лондон. В дорогу ей купили теплое пальто и посадили в поезд.

Елизавета уехала очень вовремя, оказалось, что в Лондоне тоже есть свой сезон, который внезапно закончился в конце июля, так что с каждым днем выступления сделались все более и более редкими. На смену беззаботной летней жизни в Лондон пришли его подлинные хозяева – туманы. Семья Дункан приметила дешевую столовую, расположенную недалеко от своего ателье, где в любое время дня подавали жидкие супы, не дающие сытости и, скорее всего, малополезные, но это была самая дешевая еда, и Дунканы наедались ими под завязку. После чего, забыв про библиотеки и музеи, отправлялись к себе домой в тепло и относительный уют. Раймонд смастерил из картона доску для шашек, вот они и играли день-деньской самодельными фигурками, а то и просто валяясь в постелях не в силах встать и добраться до столовой. Когда хандра окончательно завладела семейством, пришло долгожданное письмо от Елизаветы с денежным переводом.

Они переехали в маленький меблированный домик в сквере Кенсингтон, где и встретили долгожданную весну. А вместе с весной в жизнь семьи Дункан вошла, нет, судя по напору и энергии, пожалуй, ворвалась новая знакомая – черноволосая и белокожая, точно статуя из музея, очаровательная Патрик Кампбель[11]. Дама прекрасно пела и знала множество старинных английских баллад, сведя знакомство с Дунканами, она рекомендовала их известнейшей покровительнице искусств госпоже Джордж Виндгэм.

И еще одна новость из приятных, неожиданно для себя Айседора познакомилась с творчеством немецкого

естествоиспытателя и философа Эрнста Гекеля[12], разумеется, она читала в английском переводе. На страницах книг Геккеля рассказывалось о различных явлениях Вселенной, причем так просто, ясно и доказательно, что Айседора тотчас сделалась его ярой поклонницей. Геккель был продолжателем теорий Чарльза Дарвина, которые поддерживала Дункан, кроме того, он первый ввел термин «экология». Очарованная Айседора тотчас написала автору в Германию, «благодаря его за удовольствие, полученное при чтении его книги».

В то время Айседора переживала очередную душевную травму, так как внезапно стало известно о смерти Ивана Мироского. Сначала пришло письмо из Чикаго от общих друзей с сообщением о том, что во время испанской войны Иван сделался волонтером. Во втором послании с прискорбием сообщалось, что Мироский умер в армейском госпитале во Флориде, причина смерти – брюшной тиф. Не веря написанному, Айседора направилась в Институт Купера, где, роясь в старых газетах, действительно обнаружила его фамилию в списке погибших.

Несмотря на то что Мироский обманул ее, утаив, что женат, Айседора продолжала любить его на расстоянии. Да, конечно же, она дала слово матери, что они больше не встретятся, но не встречаться и знать, что он жив и здоров, – одно дело, а понимать, что встреча не состоится, потому что он умер, – совсем другое.

В письме был лондонский адрес жены, нет, теперь уже вдовы Ивана Мироского, и Айседора решилась нанести ей визит. Ехать надо было в местечко Гаммерсмит, так что Дункан пришлось брать извозчика.

Вдова жила и работала при школе для девочек, над воротами которой красовалась надпись «Звездный домик». Очень маленькая, худенькая и бледная, с полностью седыми волосами и огромными голубыми кукольными глазками, Мироская встретила Айседору в убогой гостиной, в которой, казалось бы, лет тридцать уже не делали ремонта. Оказалось, что вначале они планировали поехать в Новый Свет вместе, любящие муж и жена, держащиеся за руку, как в день, когда они выходили из церкви.

Не удалось собрать денег на два билета, в результате Иван поехал один, поклявшись сразу же, как устроится, прислать денег на билет. Он так ничего и не прислал, только письма с заверениями любви и верности. В ожидании почтальона, занятая уроками в школе, супруга ждала, что, быть может, муж сумеет вернуться к ней, но вместо него пришла старость. Ее комната была заполнена портретами молодого Ивана, долгие годы она говорила здесь с его фотографиями, пытаясь представить, каким

он стал. И вот его не стало, и ждать больше, увы, нечего.

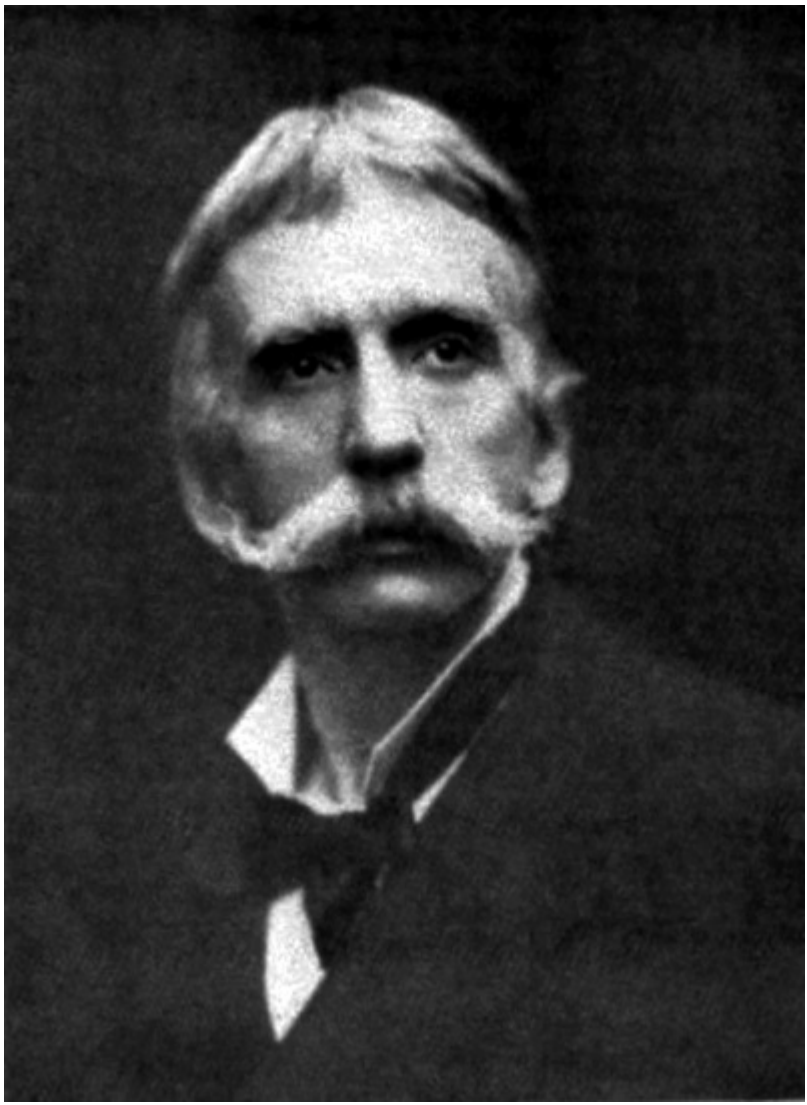
Вернувшись от Мироской, Айседора долго плакала на крыльце своего дома, думая, что домашние ее не слышат. Но все проходит, слезы закончились. В конце концов, с Иваном они расстались давным-давно, так что если бы не письмо, возможно, она так и не узнала бы о его кончине. Иван был в прошлом, здесь же, в салоне госпожи Виндгэм, Айседора познакомилась с красивым пятидесятилетнем мужчиной Чарльзом Галлэ[13]. После выступления он подошел к ней и предложил прогуляться. Чарльз оказался очаровательным собеседником, кроме того, он знал многих представителей школы прерафаэлитов лично, с некоторыми из которых его связывала старинная дружба. Вообще, в доме госпожи Виндгэм собирались актеры и музыканты, художники и писатели, так что Айседора наконец-то получила то, о чем мечтала еще в Америке, – духовное общение.

Чарльз снимал ателье, в которое пригласил Айседору выпить чая. Девушка рассматривала рисунки, которые ее новый знакомый сделал во время ее выступления в салоне, рисунки Айседоре очень нравились. Потом он подвел ее к застекленному шкафу, где висела туника самой Мэри Андресон[14], в которой она играла свою Виржилию в «Кориолане». Должно быть, после выступления он сам и снял с нее эту тунику, дабы хранить все эти годы. Во всяком случае, с Мэри Андрерсон Чарльз был коротко знаком и в прежние годы часто рисовал ее обнаженной.

Узнав в нескольких работах Мэри, Айседора тоже вдохновилась позировать, Чарльз извлек из-под стекла драгоценную тунику, протянув ее девушке как величайшую драгоценность.

Они подружились, и вскоре Чарльз Галлэ пригласил Айседору танцевать в «Новой Галерее», директором которой он являлся. Чарльз действительно понимал чаяния своей новой знакомой и, что немаловажно, мог ей помочь. Так, приглашая девушку показать свое искусство в Галерее, он не только предоставлял ей место и собирал публику, а загодя познакомил ее со своими друзьями: сэром Вильямом Ричмондом, Эндрью Лэнгом[15] и композитором сэром Губертом Парри[16], которые собирались принять участие в представлении. Все время Айседора жаловалась на то, что ее не понимают, а только смотрят на то, как она прыгает и кружится, повторяя: «прелестно», «шарман»… в то время как она сама мечтала, чтобы на нее, наконец, обратили внимание профессионалы, чтобы о ней заговорили журналисты и искусствоведы. Друзья Галлэ согласились прочесть лекцию, состоящую из нескольких разделов: сэр Вильям Ричмонд – об отношении танца к живописи – тема понравится пришедшим в

галерею художникам, Эндрью Лэнг выбрал себе «Танец и греческая мифология», и сэр Губерт Парри подготовился к разговору об отношении танца к музыке. Сам же Чарльз взял на себя самое главное – он приглашал и «обрабатывал» прессу, благодаря чему об Айседоре наконец начали писать в газетах! На следующий день в газетах появилось множество восторженных статей и фотографий юной Дункан.



Чарльз Эдвард Галле (1846–1914) – английский живописец, прерафаэлит, владелец художественной галереи на Риджент-Стрит

На премьеру были приглашены все более-менее известные

лондонцы, которые, наблюдая повышенное внимание к персоне юной босоножки, старались теперь завести с нею знакомства, приглашая к себе на чашку чая или даже обед.

Айседора, ее мама и брат приоделись по последней моде, начинался новый, достаточно приятный этап жизни семьи Дункан. Теперь все говорили о юной босоножке, красотой и грацией которой можно любоваться с не меньшим восторгом, чем величественными статуями или полотнами самых известных художников. Вдруг стало считаться хорошим тоном приглашать мисс Дункан на многолюдные приемы и как оригинальную танцовщицу, и как просто достаточно интересную гостью.

Так, в один прекрасный день юная Дункан была представлена его высочеству принцу Уэльскому, который после станет королем Эдуардом[17]. Памятное знакомство произошло в особняке госпожи Рональд, и об этом писала вся пресса.

После чего семейство Дункан наняло большое ателье у сквера Варвик; куда было уже не стыдно приглашать и журналистов, и господ из высшего общества, желающих познакомиться с модной танцовщицей, удостоенной высочайшей похвалы.

Париж и выставка

К сожалению Айседоры, знакомство с красавцем Чарльзом Галлэ, вопреки ее собственным мечтам и желаниям, так и не переросли в нечто большее, нежели просто дружба. И все время общения с юной и страстно желающей любви и нежности Айседорой Чарльз оставался прежде всего джентльменом, считавшим, что Дульси ему в дочери годится, и не собираясь пользоваться ни ее наивностью, ни понятным желанием отблагодарить за помощь.

Приблизительно в то же время Айседора познакомилась с юным поэтом Дугласом Эйнсли, недавним выпускником Оксфорда и, по его словам, потомком Стюартов. Впрочем, он был красив и, согласно моде, томен, обладал чарующим голосом и способностью часами читать вслух любимых поэтов, устроившись подле прелестных ножек своей богини. Ножки были тщательно задрапированы длинной юбкой, да и вообще никаких вольностей при встречах не наблюдалось, так как мама присутствовала во время всех визитов красавчика Дугласа и забила бы тревогу, решись юный вертопрах на что-то большее, нежели на дозволенную ему декламацию Свинбурна, Китса, Браунинга, Россетти и Оскара Уайльда. Впрочем, время от времени, устав от монотонного чтения, мать засыпала, и тогда он нежно целовал Айседору в ушко.

Вот два тогдашних лондонских друга юной Айседоры – обоих она нежно любила, и оба любили ее, страстно ненавидя при этом друг дружку. Поэт не понимал, что его богиня находит в «выжившем из ума старике» (в ту пору Галлэ уже было 54, и для юноши он казался чем-то весьма древним и неуместным рядом с двадцатитрехлетней Дункан), а художник смеялся над глупостью возомнивших себя невесть кем «молокососов».

Все время Айседора танцевала или проводила светские вечера в обществе неотразимого Чарльза Галлэ, благодаря которому ее принимали самые известные актеры и актрисы того времени, а вечерами в сгущающихся сумерках слушала стихи в исполнении Дугласа Эйнсли, мечтая о любви.

Во время выступлений Айседоры Дора, как и прежде, аккомпанировала ей, и один только Раймонд не находил себе достойного применения. Редакции газет и журналов упорно отказывались признавать его звездой современной журналистики, лекции о танцах теперь читали профессионалы, а он оставался не у дел. Возжелав перемен, молодой человек переехал в Париж, надеясь, что сумеет найти себя в признанной столице искусств.

Впрочем, просто трудиться в гордом одиночестве он, похоже, не мог и вскоре начал заваливать мать и сестру с просьбами приехать к нему. В результате Дора извелась от мысли, как там ее драгоценное дитя, ведь «ах, в Париже говорят по-французски, а мальчик знает только английский, как же теперь он будет продавать там свои гениальные статьи?!» Айседора же всегда была склонна к перемене мест, а сама мысль увидеть Лувр, Триумфальную арку, побродить по парку Версаля, подняться на холм Монмартр, к церкви Сакре Кер, посетить собор Парижской Богоматери… Латинский квартал… где, по традиции, селятся художники и люди искусства, а ведь и Раймонд нашел себе жилье именно в Латинском квартале. да, все это манило ее дивным радужным сном.

Переезд запланировали на весну, всегда легче начинать что-то вместе с пробуждающейся природой, когда само солнце словно шепчет тебе: «живи, твори, цвети.» Поезд привез мать и дочь Дункан в Шербург, где Айседору сразу же посетило неземное откровение, до нее дошло, что придется заново покупать весь гардероб. Во Франции стояла прекрасная погода, светило солнце и цвели розовые и белые каштаны. С большой бабочкой под отложным воротником и с длинными свисающими на уши волосами, преобразившийся по французской моде Раймонд встречал свое семейство.

Наняв извозчика, они отправились в Латинский квартал, где молодой человек снимал квартиру. Узкая лестница со множеством поворотов, брат забрался почти под самую крышу, еще выше располагались мансарды, которые традиционно занимали художники под ателье. Но все мансарды в этом доме были уже заняты, так что, покормив гостей и угостив их вином за тридцать сантимов, Раймонд уговорил маму и сестру, не мешкая, отправляться вместе с ним на поиск жилья. Они бросили вещи и мужественно отправились на поиск ателье. Первая неприятность – живя полгода в Париже и научившись следовать моде, принятой в Латинском квартале, а именно носить длинные волосы и мягкие куртки с шарфами или галстуками бабочкой, пить местное вино и лакомиться круассанами, Раймонд не удосужился хоть сколько-нибудь выучить язык… поэтому, бродя по улицам и повторяя «Chercher atelier», Айседора и Дора понятия не имели, что таким образом во Франции называют не только ателье художника, но и любую другую мастерскую, а следовательно, большинство помещений, которые им показывали, им просто не могли подойти.

Наконец, их мытарства закончились, Дунканы остановили свой выбор на меблированном ателье за каких-то 50 франков в

месяц. Бедная, бедная Айседора, странствия по ателье и съемным квартирам должны были навести ее на тревожную мысль о неслыханной и от того подозрительной дешевизне ее нового дома. Не случайно же люди просят за огромный длинный зал с мебелью цену в трое меньше разумного? Но Раймонд не знал языка, а хозяева не говорили по-английски. В общем, заплатив за месяц вперед, Дора, Айседора и Раймонд перевезли вещи из Латинского квартала в новый дом, чтобы уже ночью понять, в какую ловушку они угодили. Едва семейка устроилась на ночь, пожелав друг другу сладких снов, пол в ателье задрожал и пошел ходуном, раз, другой третий. все трещало, завывало, гремело, бренчало и лязгало. Первая мысль – бежать, пока потолок не рухнул на головы, превратив новаторов искусства в три бесформенные котлеты.

Оказалось, что они умудрились снять ателье над ночной типографией! Но деньги были заплачены за месяц вперед, отдавать их обратно не собирались, и хоть у семьи еще оставались какие-то средства, они решили перетерпеть этот месяц. Что значат бессонные ночи в сравнении с прекраснейшим из городов на этой земле?! Целый день они бродили по Парижу, то осматривая Лувр, то проводя время в Люксембургском саду или в Соборе Парижской Богоматери, часто бывали в музеи Клюни, Карнавале, почти везде пользуясь исключительно собственными ногами и так уставая к концу дня, что засыпали задолго до начала работы первого станка в типографии.

Лето 1900 года стало первым летом семьи Дункан в Париже, открылась Всемирная выставка, на которую, к радости Айседоры и неудовольствию Раймонда, вдруг приехал Чарльз Галлэ. С этого момента они были неразлучны – Айседора и ее друг дни напролет гуляли по выставочным павильонам или Лувру. Больше, больше, больше… они обедали в каком-нибудь шикарном ресторане, часто забираясь на Эйфелеву башню, чтобы потом идти под ручку по набережной Брантли до моста Александра III, перебраться через него на другую сторону Сены и далее по Елисеевским полям до площади Конкорд и через сад Тюильри к прекраснейшему из дворцов – Лувру. Они бродили по залам Лувра, пока несчастная танцовщица не чувствовала, что устала настолько, что вот-вот упадет. Тогда добрый рыцарь привозил из администраторской музея кресло на колесиках, куда усаживал свою обессиленную спутницу, дабы ничто не мешало ей продолжать наслаждаться великолепными залами бывшего дворца королей Франции.

Благодаря Чарльзу Айседора вскоре посетила спектакль Отодзиро Каваками[18] «Принц Тошимару Гамура» («Гамлет») с Сада-Якко в роли красавицы Орийе (Офелия). Действие пьесы

было перенесено в современную Японию. Принц Тошимару Гамура (актер Асахиво Фуджисава) в первом действие был одет, как и подобает юноше из рода дайме, в конце спектакля он появился уже в пиджачной паре, выезжая на сцену на велосипеде.

Престарелый дайме Гамура (актер Отодзиро Каваками) таинственным образом исчезает из замка в Осаке, после чего его считают умершим, а его брат присваивает себе жену покойного, его титул и, что кажется больше всего печалит наследника, фамильное оружие!!! В это время Гамура-младший пребывает в полном неведении в Токио, где он проходит курс обучения в университете, вместе со своим другом Шози-Гара (Гарацием). Однажды ночью, прогуливаясь по токийскому кладбищу, принц Гамура встречает там призрак покойного отца – его лицо, бледное как у покойника, невидящие глаза глядят в одну точку, волосы на голове всклокочены, однако современный генеральский мундир в полном порядке, в свете луны поблескивают начищенные пуговицы и золотое шитье на обшлагах и воротнике, посверкивают орден Хризантемы и золотые эполеты. Прекрасно зная пьесу и побывав не на одной ее постановке в разных странах, Чарльз шепнул Айседоре, что на призраке должна быть серебряная кольчуга, но если многих любителей Шекспира этот момент особенно задел, Айседора и Чарльз решили, что так получилось даже оригинальнее, и принялись смотреть дальше.

Согласно пьесе, Гамлет отправлялся в Англию, живущий в Японии Гамура-младший движется по Маньчжурии и Сибири, на обратном пути его пароход попадает в шторм.

Одетый в современные одежды, Гамура делался ближе и понятнее зрителю и одновременно отталкивал его, словно говоря: посмотри на мое лицо, неужели ты не видишь, что это сказка – странная и жестокая чисто восточная история. Верь ей!

В полутемном строгом зале
Пели скрипки, вы плясали.
Группы бабочек и лилий
На шелку зеленоватом,
Как живые, говорили
С электрическим закатом,
И ложилась тень акаций
На полотна декораций,

– так напишет в 1908 году Николай Гумелев об актрисе Сада-Якко, когда увидит ее на сцене в России.

Очарованная, околдованная Айседора заставила своего друга дождаться появления Сада-Якко после выступления, но в

результате так и не посмела к ней приблизиться. Маленькая изящная японка поражала своей тихой грациозностью и силой. Несколько раз Айседора делала робкие попытки подойти и всякий раз останавливалась не в состоянии не то что заговорить, а даже сделать лишний шаг в сторону примы. Посмеявшись над нерешительностью своей юной спутницы, Чарльз рассказал, что прежде чем сделаться женой Каваками Отодзиро, в Японии Сада-Якко была самой настоящей гейшей. Прогрессивная пресса сравнивает ее с Сарой Бернар[19] за трагический темперамент и особый реализм в сценах смерти. Собственно, именно благодаря выдающемуся таланту Сада-Якко театр и получил известность, так что в настоящее время это, пожалуй, одна единственная японская труппа, с успехом гастролирующая в США и многих странах Европы. Во всяком случае, Чарльз уже видел в их исполнении «Графа Монте-Кристо» и что-то из пьес Метерлинка[20], а теперь вот – Гамлет…

И когда вы говорили,
Мы далекое любили,
Вы бросали в нас цветами
Незнакомого искусства,
Непонятными словами
Опьяняя наши чувства,
И мы верили, что солнце —
Только вымысел японца[21].

Айседора захотела увидеть все эти необыкновенные постановки, но, к сожалению, висящая тут же афиша сообщала о том, что это последний спектакль труппы, так что на следующий день Чальз повел ее смотреть на танцы госпожи Фуллер[22], той самой, что вдохновляла на шедевры художников Тулуза-Лотрека и Коломана Мозера, скульпторов Рауля Ларша, Пьера Роша и Огюста Родена. На главном входе Всемирной выставки красовалась позолоченная статуя Лои Фуллер.

Осенью выставка закрылась, и Чарльз Галлэ уехал. Перед отъездом он познакомил Айседору со своим двадцатипятилетним племянником Шарлем Нуфларом, попросив того присмотреть за молодой и неопытной американкой.

В поисках любви

Сменив ателье на улице Тэте на ателье на Авеню Вилье, Раймонд нарисовал на стенах греческие колонны и модернизировал газовые рожки, надев на них металлические трубки, получился эффект мерцания, похожий на факельный. И придумал, как сделать сандалии, которые были многим удобнее, нежели европейская обувь. Почувствовав вкус работать руками, он сверлил, колотил и пилил ночи напролет, мешая спать Доре и Айседоре и отсыпаясь днем, когда сестра уходила гулять вместе с Шарлем Нуфлар или его приятелями: Жаком Боньи и литератором Андрэ Бонье[23], с которыми он познакомил Айседору.

В то время юная мисс Дункан чувствовала себя так, словно снова вернулась в детство, когда мама часами читала стихи или музицировала. Но если такая жизнь устраивала Раймонда, Айседоре хотелось чего-то большего, она запоем читала любовные романы, мечтая, что в один из дней… но кто? Выбор пал на некрасивого, но талантливого Андрэ Бонье, сумевшего заворожить Айседору знанием французской литературы.

К тому времени она уже вполне сносно говорила на французском, читала и нуждалась в постоянной практике.

Жирненький и бледный, маленького роста, с крошечными глазками в больших очках, теоретически Андрэ не мог иметь успех у женщин, тем более на фоне своих друзей – очень красивого и милого в общении Жака и высокого статного Шарля, тем не менее Айседора влюбилась в него и приняла решение отдаться при первом удобном случае. О том, влюблен ли молодой человек, она не задумывалась. Им ведь было так хорошо вместе гулять по Люксембургскому саду, читая любимых авторов. Однажды молодой человек прибежал к ней в слезах, оказалось, умер Оскар Уальд[24]. Айседора читала этого автора, теперь же, захлебываясь рыданиями, Андрэ пересказывал ей тяжелую жизнь писателя. В том месте истории, где Уальда посадили в тюрьму, Айседора оборвала повествования, интересуясь причиной заточения.

Андрэ густо покраснел, затем протер изрядно запотевшие круглые очки и, сославшись на срочные дела, поспешно удалился.

Соблазнить Андрэ Айседора планировала в своем ателье, улучив момент, когда мама уехала по каким-то делам, а брат пропадал у знакомой модистки из Латинского квартала. Купив шампанского и цветов, Айседора постелила чистое белье, украсила прическу розами, поставила на стол обожаемые Андрэ слоеные пирожки и фрукты. Для соблазнения все было готово,

но… к сожалению, страстный поклонник творчества и образа жизни Оскара Уальда, Андрэ Бонье оказался нечувствителен к очарованию босоногой Афродиты. Позорно бежав из благоухающего розами будуара прекрасной дамы, толстый Андрэ жутко разозлил свою юную подругу, которая в отместку ему теперь решила флиртовать на глазах у недостойного ее любви писателя с его приятелем Шарлем Нуфларом. Этот был настроен более живо, Шарля можно было вытащить на танцы, где они обнимались и целовались на глазах у взбешенного таким поведением своей музы Андрэ. А что? сам виноват. Айседора не находила себе места от злости, недоумевая, в чем же она была не права, предлагая себя любимому человеку. Они уже год как встречались, поверяя друг другу сердечные тайны. При этом Андрэ заходил к ней каждый день и был почти на всех ее выступлениях, вхож в дом и знаком с родственниками, чего же ему еще?

Почему-то в голову упорно лезла одна странная сцена, которой вначале Айседора не предала особого значения, произошло это в Медонском лесу, возле пересечения четырех дорог:

«Дорогу направо он назвал Богатством, дорогу налево – Миром… а дорогу прямо перед нами Бессмертием. “Где же находимся мы сами?” – спросила я. “В царстве Любви”, – тихо ответил он. “Тогда я здесь останусь!” – вскричала я в восторге. Но он только ответил: “Здесь оставаться мы не можем”, – встал и быстро пошел по дороге Бессмертия»[25].

«Любовь можно назвать взглядом души в момент, когда она способна смотреть на бессмертную красоту».

(Айседора Дункан)

Милая шутка, и ничего больше, но. вспоминая теперь приключение в Медонском лесу, Айседора едва сдерживала слезы, вспоминая, с какой легкостью безжалостный Андрэ отказался от любви в пользу бессмертия. Правда, в тот день, не зная, что делать и как понять странные слова своего приятеля, Айседора бросилась за ним, по той же дороге, уводящей ее от любви, но. бессмертие подождет, а вот любовь!..

Шарль прекрасно танцевал и вообще был опытен с девушками. Айседора сразу очаровалась его сильными объятиями и нежными поцелуями, пьянившими ее и словно звавшими в неведомое.

После несколько довольно раскованных встреч и обедов в отдельных кабинетах ресторанчиков Шарль отвез Айседору в гостиницу, назвавшись вымышленной фамилией и представив девушку своей супругой. Они оказались в красивом номере с большой кроватью, застланной розовым шелковым покрывалом, с огромным, украшенным золотыми цветами балдахином кремового цвета. Цветы в вазе, шампанское на столе. Все было продумано до мельчайших деталей. Айседора оказалась в объятиях Шарля, какое-то время он возился с крючками и завязками на ее туалете, после чего она увидела себя в большом зеркале обнаженной и лежащей на розовом шелке, точно богиня любви Афродита. «Наконец-то я узнаю, что такое любовь!» – ликовала Айседора, уже не робко, а требовательно обнимая прекрасного Шарля, когда в самый ответственный момент тот неожиданно вскочил, с ужасом глядя на обнаженную богиню. «О, но почему же вы мне не сказали? Ведь я был близок к преступлению. Нет, нет, вы должны оставаться невинной. Одевайтесь, одевайтесь скорей!»

Он действительно заставил мало соображающую после поцелуев Айседору одеться и отвез ее домой на извозчике. Забившись в уголок темного экипажа, девушка едва сдерживала слезы, ее голова все еще кружилась, да, он желал ее, и она хотела того же. почему тогда? Какая несправедливость? В одну секунду в собственном воображении из Афродиты она превратилась в отвратительную гарпию, в медузу Горгону, в. да разве есть имя для чудовища, способного одним своим видом прогнать любовь и страсть… «Наверное, я никогда не познаю счастья быть любимой, не изведаю физической близости и буду, как заведенная, только работать да говорить об искусстве. Мужчины не смотрят на меня или смотрят, но не как на женщину. Я проклята, безобразна, я… способна только танцевать, и у меня никогда не будет ни любимого человека, ни детей!» – так или вроде того упрекала себя пленительная Айседора, хотя ей решительно не за что было себя винить.

После неудачи в гостинице Шарль не появлялся в ателье у своей несостоявшейся любовницы и после довольно скоро уехал в колонии, прочитав Айседоре на прощание лекцию о жрицах-девственницах, одной из которых, по всей видимости, и является юная Дункан.

– Утратив чистоту, ты, скорее всего, не сможешь танцевать, а

ведь своим танцем ты славишь бога, или богов. – он замялся. – Индусы считают, что душа человека проживает множество жизней в самых разных оболочках. Ты как-то рассказывала, что под воздействием пищи Афродиты начала танцевать еще в утробе матери. Это необыкновенно! И если бы сейчас мы были не в Париже, а в древних Афинах, тебя бы разыскали жрецы, узнавшие в тебе воплощение богини танца Терпсихоры. Я верю в это, поэтому и не могу притронуться к тебе, не получив за это заслуженного проклятия.

Айседора попыталась прервать своего друга ласками и уверениями в том, что она не чувствует в себе весталку и во все свои танцы вкладывает любовь и веру, но Шарль был неумолим.

– Вспомни Жанну д'Арк, чья чистота и непорочность являлись когда-то залогом победы французского народа над англичанами?!

Глупый, глупый Шарль, Айседора была еще не настолько опытна в любви, чтобы объяснить тебе, что чистота или распущенность – в головах людей, что можно быть девственницей телом, но шлюхой в душе. Что любовью оскорбить или унизить нельзя, если это любовь. но, скорее всего, их страсть действительно была далека от настоящей любви. В результате Айседора стала больше думать о танце как о молитве. И о своем состоянии во время пластической импровизации как о религиозном экстазе. А ведь и правда, про ее первые танцы импресарио сан-франциских театров однозначно говорили: «Это не для сцены, это для церкви». Только церковь должна быть какая-то другая, не католическая. это понятно. Алтарь Терпсихоры, Афродиты, других греческих богов. Она – маленькая жрица, получившая посвящение задолго до собственного рождения. Быть может, ее появление было предсказано, но предсказание затерялось. Ее танцы нужды не для увеселения, это религиозные танцы, направленные на общение танцовщицы с богом, получение посредством движения тайных знаний.

Видение театра и сероглазый король

Айседора слушала музыку, представляя себя парусом, наполняемым не ветром, а мелодией. В течение нескольких репетиций Айседора практически не танцевала, а стояла посреди комнаты, слушая музыку и пытаясь ощутить, как та отзывается в теле. Надо двигаться, словно лист, подгоняемый ветром, точно перекати поле, как легкая тополиная пушинка. Надо искать принципиально новый подход к танцу, да только где его найти? Посещая в юности занятия классическим балетом и затем много читая на эту тему и часто бывая в театрах, Айседора уяснила, что классический балет базируется на так называемом кресте – совершенно прямая ось позвоночника – вертикаль – и воображаемая горизонталь. Отчего балетные движения казались неестественными, позы – кукольными. Айседора решила, что будет идти от ощущений, часами настраивая себя на новое восприятие танца, она поднимала руки вверх и застывала в этой позе, пока все ее тело не начинала сотрясать дрожь.

Иногда ей казалось, будто бы по рукам к ней спускается невидимый дух. Она либо чувствовала это, либо видела свет, постепенно заполняющий все ее тело. Нужно двигаться не от центра, а от света. Рука или нога начинает движение не потому, что в этом месте музыки так предписано балетмейстером, а единственно от того, что не могут не двигаться, ощущая переполняющую тело и душу растущую мощь. Отсюда танец невозможен без вхождения в транс. В транс же можно войти разными путями. В то время многие увлекались мистикой, спиритизмом, восточной философией. Айседора не являла собой исключение из общего правила, она была до истеричности религиозна и мистична, тем не менее путь Дункан не ограничивался поиском гуру и принятием посвящения, Айседора вела самую настоящую научную работу, постоянно находясь в поиске, готовая к риску и эксперименту. Поняв, что в ближайшее время ей не светит испытать на себе физическую любовь, да и претенденты на ее невинность куда-то подевались, с Андрэ она могла разве что беседовать, а Шарль уехал, Айседора засела в библиотеку при Опере, в которую отвел ее как-то брат, вылезая оттуда исключительно ради репетиций.

«Я хочу прочитать все труды о танце, когда-либо написанные, а также книги о греческой музыке и театральном искусстве, – начала она с порога. – Я поставила себе целью прочесть все эти книги на английском или на французском, все, что посвящено искусству танца, с древних египтян и до наших дней».

Она брала книги домой или, если их не выдавали на руки, работала в библиотеке, записывая самое интересное в красивую толстую тетрадь. Приблизительно в то же время Айседора заинтересовалась работами Жан-Жака Руссо, Уотта Уитмана и Ницше, последнего она обнаружила, когда вдруг, совершенно случайно задумавшись о своем будущем, взяла с полки первую попавшуюся книгу и открыв ее наугад, прочитала: «Заратустра – танцор, Заратустра – воздушный, манящий крыльями, готовый к полету, призывающий птиц, всегда готовый, блаженный легкий дух…» – это было предзнаменование!

Все добытые по библиотекам, вычитанные бессонными ночами знания она стремилась обсудить в салоне графини Греффюль, где ее принимали по-дружески. Однажды госпожа Греффюль рекомендовала к Айседоре свою подругу княгиню де Полиньяк[26], которая видела танцы босоногой танцовщицы и решила, что, возможно, именно эта юная и такая непохожая на остальных девушка сможет понять сложные музыкальные концепции ее талантливого мужа. После чего, попросила свою подругу графиню Греффюль дать ей адрес Айседоры, дабы они могли пообщаться без свидетелей. Несмотря на княжеский титул и высокое положение в обществе, Винаретта де Полиньяк забывала обо всем на свете, оставаясь один на один со старинными клавикордами, органом или работая над новой картиной. Замечательная музыкантша и художница, по всей видимости, она была чуть ли не единственным знатоком и почитателем музыки своего мужа – неизвестного широкой публике композитора Эдмона де Полиньяк[27].

Поэтому она наотрез отказалась, чтобы сама графиня представила ей Айседору в салоне, решив, что не переживет, если при более тесном общении девушка окажется недалекой или заносчивой, и не дай бог, об ее афронте узнают окружающие. Княгиня де Полиньяк была болезненно самолюбива. И в то же время пианистка де Полиньяк мечтала вращаться в обществе людей искусства, беседуя о музыке.

В бедном ателье, занимаемом семьей Дункан, княгиня нашла понимание и готовность слушать и воспринимать новое.

Кроме того, сама Айседора оказалась замечательной рассказчицей, много читала, общалась с самыми интересными людьми своего времени, соответственно, немало и знала. Приняв высокую гостью за потенциальную клиентку, Айседора щедро потчевала ее разговорами об искусстве и танце, о своих надеждах и чаяньях, ожидая, что вот-вот гостья растает и наконец назначит дату выступления, оставит адрес и, возможно, небольшой задаток, долларов десять… или чуть больше. Уже традиционно

они едва тянули и оплату ателье, и свои, более чем скромные потребности, но неожиданно де Полиньяк предложила не подработку, а сотрудничество. Айседору приглашали в гости, познакомиться с композитором де Полиньяк – мужем мадам, и, возможно, сразу же провести первую репетицию. В знак серьезности своих намерений визитерша оставила на столе пухлый конверт с невероятной суммой в две тысячи франков!

В особняке князей де Полиньяк располагался собственный концертный зал, маленький, но соответствующий моде и современным требованиям. В этом доме любили и ценили старинные музыкальные инструменты. Вместо того чтобы назвать свое имя и рассказать о проекте, Эдмон сел за клавесин, исполнив недавно сочиненную им мелодию, его супруга, устроившись в зале, внимала музыке, исподволь наблюдая за реакцией девушки.

Потом Айседоре было предложено переодеться за ширмой, и началась первая репетиция. Теперь князь занял место за роялем, уступив супруге клавесин. Оба инструмента были развернуты таким образом, чтобы музыканты могли видеть происходящее на сцене. Надев свою короткую белую тунику, Айседора тихо и как-то даже робко танцевала, избегая заученных па, а словно бы ощупывая льющиеся на нее аккорды, постепенно наполняясь ими. И вот уже она крутится, взлетает или вдруг застывает в выразительной позе, чтобы через пару аккордов снова взвиться в воздух.

– Какое очаровательное дитя! Айседора, как ты мила, – восторженно воскликнул де Полиньяк, когда, сделав последнее движение, девушка вдруг остановилась, смущенно улыбаясь.

– Я тоже вас обожаю. Я всегда хотела бы вам танцевать и создавать религиозные танцы, вдохновленные вашей чудной музыкой, – прошептала Айседора, пряча в ладонях пылающее от смущения лицо.

Читателю можгут показаться удивительными внезапная дружба и откровенность, вдруг вспыхнувшая между мужчиной за шестьдесят и молоденькой неопытной девушкой, тем более что означенная сцена произошла в присутствии супруги князя, но на самом деле это был довольно-таки странный брак, состоявшийся в 1893 году между двадцатидевятилетней американкой Винареттой Зингер, дочерью и наследницей известного американского промышленника, изобретателя швейной машинки Исаака Зингера[28], и пятидесятидевятилетним принцем, или, если угодно, князем, Эдмоном де Полиньяк Близкие друзья, посвященные в семейные дела этой супружеской пары, знали, что женитьба Эдмона де Полиньяк на девице Зингер есть целомудренный брак, основанный на любви к музыке. Что

устраивало обоих, так как Эдмон предпочитал женщинам сильных мужчин, и, в свою очередь, Винаретта заводила романы исключительно с представительницами своего пола. Исходя из вышеизложенного, понятно, что у супруги не было причин ревновать своего мужа к девушке моложе ее на целых тринадцать лет.

Кроме любви к музыке, создавшей крепкий творческий союз, Винаретта принесла в дом князя де Полиньяк роскошное приданое и сразу же устроила свой салон, оказывая покровительство французским композиторам, так что однажды Морис Равель посвятил ей свою знаменитую «Павану».

После репетиции Айседору повели в гостиную, где был накрыт стол, и в непринужденной обстановке можно было обсудить условия совместной работы. Было решено, что для начала Айседора поставит несколько танцев на музыку де Полиньяка, так чтобы получилась программа, состоящая из музыки и пластических импровизаций. Премьеру Винаретта обещала организовать прямо в их доме, после чего они должны были отправиться в небольшое турне, сначала по салонам их знакомых в Париже и предместьях, а затем и… в идеале через два, три года князь обещал нанять помещение, в котором можно было бы сделать театр мадемуазель Дункан. Айседора была в восторге, и они тут же договорились о графике репетиций.

Премьера состоялась через пару месяцев, как и планировалось в особняке де Полиньяк. И если в самом начале Айседора и опасалась, что видеть здесь ее танцы смогут исключительно близкие друзья де Полиньяк, в тот день концертный зал и особняк были предоставлены широкому кругу публики, среди которых Айседора узнала немало знакомых из салона графини Греффюль. Отпраздновав первую победу, трио решилось на второе выступление, которое вскоре состоялось в ателье, занимаемом семьей Дункан. Стараниями брата, специально к их вечеру, в ателье неведомо откуда было притащено тридцать разномастных стульев и табуретов, вид которых позабавил княжескую чету. Тем не менее они с честью выдержали все выступление, так что когда Айседора выскочила в третий раз на поклон, де Полиньяк сорвал с головы бархатную шапочку, которую носил, по примеру художников Латинского квартала, и, подбросив ее в воздух, закричал: «Да здравствует Айседора!»

К сожалению, мечты о театре на тот момент времени остались мечтами, так как де Полиньяк вскоре скончался.

Вот как бывает в жизни – прыжок, полет, и вот ты уже не поднимаешься к звездам, а падаешь в пропасть. Планируя стать

примой собственного театра, Айседора вдруг оказалась на пышных похоронах, на которых почти никого не знала. В полной прострации она несла цветы, которые так крепко прижимала к груди, словно боялась выпустить их из рук. Но какой смысл жалеть цветы, когда… она почти ничего не понимала, думая о чем-то другом или не думая вовсе. Не обращая внимания на других людей, она горько плакала, точнее, слезы сами текли из ее прекрасных глаз, и она ничего не могла с собой поделать. Надо было выйти из церкви и постоять немного на свежем воздухе, но она так и не смогла протиснуться в толпе друзей и родственников покойного.

«Надо подойти и пожать руки», – шепчет кто-то на ухо Айседоре. Ее подтолкнули к выстроившимся в ряд облаченным в глубокий траур родственникам, девушка качнулась и на отяжелевших ногах поковыляла в боковой придел церкви, где плакала и пожимала протянутые ей руки, сначала вдове, было заметно, что Винаретта еле держится на ногах, потом дальше, дальше. Все кружилось перед глазами Дункан, вслед за ней кто-то другой уже произносил слова соболезнования, судорожно хватая, пожимая безвольные руки.

Все кружится, воздуху, воздуху! Айседора рыдает, и слезы ее падают на каменный пол, ладони уже мокрые, она вытирает их о юбку, чтобы протянуть новому незнакомцу.

«Вам плохо?» – последний в ряду родственников высокий мужчина старше Айседоры со светлыми вьющимися волосами плотно держал ее за талию. Должно быть, она действительно на мгновение потеряла сознание. Впрочем, никто не заметил, и Дункан поблагодарила незнакомца, поспешно выйдя из церкви. Тот провожал ее долгим внимательным взглядом. Во всяком случае, когда Айседора обернулась в последний раз, их глаза встретились.

Замок Лавут-Полиньяк – средневековый замок во Франции. Он находится в долине Луары. Замок был построен из местного серого вулканического камня. Изначально замок имел оборонительное значение

Если бы Дункан относилась к категории мечтательных барышень, которые спят и видят, как бы заполучить в личное пользование какого ни на есть благородного принца, у нее бы теперь появился перед глазами навязчивый образ того, каким он должен быть. Во всяком случае, она еще некоторое время нет-нет да и вспоминала невероятно яркие серые глаза и чувствовала прикосновение его руки, сильной и надежной.

Пройдут годы, помотавшись по свету, Айседора вернется в Париж, где встретит своего сероглазого принца, ставшего к тому времени королем.

Пан и нимфа

После одного из вышеописанных выступлений Айседоре посчастливилось узнать адрес месье Родена, скульптора, за творчеством которого девушка благоговейно следила уже несколько лет. Время от времени брат делал рисунки с особо заинтересовавших ее скульптур, после чего они подолгу разглядывали позы роденовских статуй, изумляясь игрой атлетических мышц.

Недолго думая, Айседора решила нанести визит мастеру. Решено. Надев свое лучшее платье, она пошла на улицу Университэ, где размещалась мастерская ее кумира.

Невысокий, коренастый, бородатый Роден был воплощением греческого бога Пана и сразу же очаровал Айседору. Узнав, кто она такая, мастер был настолько любезен, что пригласил гостью пройти в мастерскую, где, показывая ей свои работы, представлял их Айседоре по именам, которые, однако, поразительным образом путались в голове их создателя. Тем не менее он гладил бедра и руки своих мраморных и глиняных детей, усмехаясь и бормоча себе что-то под нос. Неожиданно он схватил Айседору за талию и, поставив ее на небольшое возвышение, принялся месить в руках кусок глины, пока он не принял форму женской груди.

Предположив, что мастер желает изваять ее, Айседора смутилась, но тут же решила, что будет рада послужить искусству, как служили ему позировавшие скульпторам прошлого танцовщицы и гетеры. Узнав, где она живет, Роден потребовал немедленно отправиться в ее ателье, где Айседора танцевала бы только для него. Похоже, этот человек никогда не откладывал ничего в долгий ящик, воплощая все свои идеи и желания мгновенно.

Точно в бреду, Айседора села в экипаж, рядом с ней расположился тяжелый Роден. Всю дорогу девушка говорила о танце, пытаясь увлечь своего спутника описаниями греческих мистерий и с удивлением понимая, что мастер не слышит и не воспринимает ее вдохновенного рассказа. Коляска двигалась на удивление быстро, управляемая лучшим колесничим, может быть, даже самим Гелиосом. Айседора видела мелькающие дома, магазинчики, лавочки зеленщиков, все казалось знакомым и одновременно с тем представлялось будто бы во сне.

Она даже не сразу поняла, что они прибыли, и экипаж остановился у знакомого парадного. Краснея и бледнея, теряя почву под ногами и чуть ли не повиснув на твердой, точно камень, уверенной руке Родена, нежная Айседора поднималась по

крутой лестнице, не чувствуя ступеней.

И вот они уже в ее салоне, который сегодня кажется ей незнакомым домом. Айседора тяжело дышит, как пробежавшая большое расстояние ездовая лошадь. А может, так и было, может, Пан превратил ее в кобылку и пронесся на ее спине по улицам Парижа? Почему бы и нет? Появился же во Франции Пан, и Гелиос со своей колесницей, а она… ее все время называли Афродитой… не случайно все это. Столько говорить о перевоплощении душ, чтобы встретиться вот так.

Наконец, она собирается с мыслями, отряхивает дурман, прогоняет наваждение, в доме сам месье Роден, а она дура дурой! Айседора предлагает гостю чего-нибудь выпить, дома оставалась бутылочка шампанского, с прошлых гостей осталась, так почему бы и нет. можно сварить кофе. Но нетерпеливый Роден не желает ничего. кроме, разумеется. танца. В порыве страсти он пытается сорвать с Айседоры мешающее ей платье, дабы она могла, наконец, облачиться в более подходящую Афродите тунику. Девушка выбегает в соседнюю комнату, где сдирает с себя зеленоватую «лягушачью шкурку», после чего протирает подмышки стоящей тут же розовой водой. все-таки жаркий Роден, точно хорошо натопленный камин или целая кузница Гефеста, и, облачившись в тунику, она выходит к мэтру с поднятыми на греческий манер волосами, босоногая Афродита, вот сейчас Пан откупорит бутылку шампанского, ударит волна розовой пены. Ах!

– Пустите же меня, месье Роден, я не могу танцевать, когда меня целуют?! Не обнимайте так крепко. Я еще не изложила вам теорию моего нового танца, я.

Крепкие руки Родена мнут ее тело, властно, требовательно, как до этого мяли глину, при этом от него валит жар, даже стекла в ателье запотели, душно, тяжело, МАМА! Каким-то невозможным вывертом Айседора выкручивается из объятий своего кумира и, схватив первое, что попало под руку – старую мамину шаль, накидывает ее себе на плечи, после чего бежит в соседнюю комнату и натягивает поверх всего давешнее платье…

Ничего не понимающий Роден откланивается.

Придя в себя и вволю наплакавшись и напричитавшись, Айседора еще долго бранила себя за то, что не отдалась мастеру. Вот бы воспоминание на всю жизнь осталось! А так… одно сплошное недоразумение! «Как часто я впоследствии жалела, что мои детские заблуждения помешали мне отдать детство самому великому богу Пану, могучему Родэну. Безусловно, и Искусство, и вся Жизнь обогатились бы от этого!» – пишет в своих воспоминаниях Айседора Дункан.

Бедная, бедная Айседора. Все чаще, в своих одиноких

прогулках по Парижу, она вспоминала японский театр и черноволосую Офелию – Сада-Якко. Где хорошо знакомая пьеса Шекспира словно выворачивалась наизнанку, какие-то детали укрупнялись, какие-то уменьшались и оттого делались колкими, точно булавки? Афиши говорят, что театр Каваками Отодзиро ездит по Франции с «Ромео и Джульеттой», божественная Сада-Якко, без сомнения играет, Джульетту. Айседора попыталась представить себе японского Ромео, несколько дней назад она ходила на выставку японской миниатюры, устроенную в Лувре, и имела представление, как может выглядеть знатный юноша, но отчего-то вместо красивого японца ей представился черноволосый, загорелый цыган. С карими глазами и волосами черными и одновременно золотыми. Да, так и никак иначе должен выглядеть ее Ромео. Почему ее? Неужели она хочет сыграть Джульетту? А почему нет? Не сыграть, а прожить.

Она закрыла глаза и представила себе Ромео, своего Ромео – не очкастого Андрэ и не милого Шарля, какая глупость вообще была думать об этих людях. Ее Ромео не отказался бы от обладания любимой женщиной и сделал бы ее счастливой.

Бедная, бедная Айседора. Пройдет совсем немного времени, и ты встретишь своего Ромео, и он будет цыган и актер. Он будет играть юного Монтекки, а ты сидеть в ложе бельэтажа, как та самая Джульетта, смотря в его блестящие потрясающе красивые глаза, слушая шекспировские строки и мечтая броситься в гримерку, чтобы зарыться лицом в черные с рыжим отливом волосы и рассказать, как она едва не умерла во время второго действия, дожидаясь, когда же можно будет, наконец, обнять его.

Не хмурься, не печалься и даже не пытайся найти его в Париже, твой Ромео не здесь, и он не прискачет к тебе на белом коне, а ты, именно ты появишься в его жизни, вольготно устроившись в карете, запряженной белыми лошадями, вся в ослепительно белых цветах, словно юная богиня. За твоей каретой будут идти люди, крича: «Вива Айседора!», а он… а впрочем, не будем забегать вперед, тем более что до означенных событий осталось совсем чуть-чуть. Так подождем.

Лои Фуллер и Сада-Якко

Постепенно Айседора приходит к осознанию своей системы танца: танец в ее понимании – это не зримая песня, не пантомима и одновременно с тем не слепое следование музыке, а непосредственное общение с высшими силами посредством тела танцовщика. Потому как Господу можно служить, не только отстаивая службу в церкви и твердя молитвы, а разве художники, расписывающие храмы, не служили ему своей кистью? Разве возводящие эти самые храмы – не делали того же самого при помощи чертежей, камня, кирпича и самого обыкновенного мастерка? Вся жизнь человека может быть посвящена служению Господу, если мысли и сердца направляют его по правильной дороге. Человек может поставить свечку в церкви, собрать букет, дабы украсить им статую Девы Марии, но может станцевать о своей любви и благодарности, написать стихотворение или целый роман.

С другой стороны, подобно тому, как бог воплощается в предсказателя, говоря его устами, тот же самый бог способен занять тело танцовщика, явив танец иного мира или дирижируя тонкими энергиями посредством движущегося тела.

Меж тем Айседора продолжала практиковать свои полуголые выступления, заранее содрогаясь при мысли, какие грезы вызывает вид ее юного обнаженного тела в умах большинства из ее зрителей. Часто под маской желания приобщиться к ее высокому искусству танцовщицу приглашали выступать как своеобразную диковинку, подумать только, голая девушка!.. тем не менее так о танцах Айседоры думали далеко не все. Все чаще и чаще она находила единомышленников, людей, которые, явившись за пикантинкой, в конце выступления переходили в ее веру.

– Обнаженное тело – прекрасно! Господь не зря создал нас именно такими. Мы не краснеем, любуясь в музеях на беломраморные статуи и прекрасных богов и богинь с полотен великих художников, почему же вид живого, но не менее прекрасного тела вызывает негодование или глумливые улыбки? Когда-то вид обнаженной плоти был в порядке нормы, спортсмены снимали с себя одежду, и в храмах обнаженные жрицы исполняли гимны богам.

На афишах Айседора просила писать «религиозные танцы», подчеркивая тем самым возвышенность своей миссии. Она танцевала под серьезную музыку и надеялась со временем выступать в самых престижных театрах мира.

Однажды в гости к Дункан заявился немецкий импресарио, предложивший контракт на выступление в кафе-шантане, положив для начала оклад 500 марок в неделю.

– В кафе-шантане после дрессированных медведей и жонглеров?! Никогда!

Решив, что босоножка упрямится, гость поднял цену до тысячи за выступление. Айседора, как обычно, была без денег, репетируя в холодном ателье, так как не смогла купить уголь, где-то за стенкой напряженно кашляла Дора, должно быть, мама слышала весь разговор слово в слово, заранее давая дочери благословение на столь щедрый контракт.

– Нет, нет и еще раз нет! Когда-нибудь я приеду в вашу страну и буду танцевать там в сопровождении вашего оркестра филармонии в храме искусств и музыки, но не в варьете!

Правильно ли поступила Дункан, отказываясь от более чем выгодного предложения? Ею восторгались принцы крови и аристократы, журналисты неизменно пели хвалу, и в ателье ей то и дело приносили букеты или даже корзины цветов… но не могла же она, в самом деле, отопить этими цветами ателье? Подать на обед газеты? Или одеться с ног до головы в комплименты от сильных мира сего? Несмотря на все хорошие отзывы о ее работе, Айседоре по-прежнему приходилось оплачивать ателье, заботиться о пропитании себя, матери и брата, следить, чтобы все были прилично одеты и обуты, и это при негарантированном заработке, без импресарио, завис от сезонов и прихотей моды.

Да тут еще и Раймонд сначала увлекся хорошенькой актрисой, а затем решил ехать с нею в турне по Соединенным Штатам. Тоже, наверное, уже надоело сидеть на шее у младшей сестренки.

Тем не менее Айседора не приняла приглашения импрессарио, предпочитая честную бедность успеху в сомнительном месте. Дора и Айседора остались вдвоем в холодном пустом ателье, Доре нездоровилось, и дочь была вынуждена отказаться от ателье и переехать с нею в гостиницу на улице Маргерит с пансионом, где, по крайней мере, стояли кровати. Это было лучшее, что Айседора могла сделать для матери.

Однажды, когда Дора немного отошла от болезни и перестала кашлять, они отправились в уже ставший для них родным салон графини Греффюль. Несмотря на то что никакой договоренности танцевать в этот день у них не было, Айседора брала с собой тунику, кто его знает, как дело обернется. Девушка по-настоящему любила свое дело, часто танцуя по просьбе зашедших на огонек гостей. «…Конечно, я протанцевала и изложила свои

взгляды, как делала перед каждым и, мне кажется, сделала бы даже перед водопроводчиком, если бы он ко мне зашел»[29].

Оказалось, что сегодня весь вечер отдан парижской танцовщице американского происхождения Лои Фуллер, которую Айседора имела удовольствие видеть на Всемирной парижской выставке 1900 года. В тот день Лои исполняла танец, в котором сначала на глазах у публики ее красный костюм превратился в алый цветок, потом в очаровательную бабочку, и после беззаботная бабочка вдруг обернулась пламенем и буквально сгорала на глазах у потрясенных зрителей.

Лои начинала свою театральную карьеру как травести в Чикаго, но вскоре ушла из театра, дабы работать соло. Как и Айседора, она танцевала под классическую музыку, но, в отличие от нее, создавала сложные структурные костюмы: широкие, легкие драпировки, которые во время танца Фуллер превращали ее в какое-то фантастическое существо. Кружась, она делала со своими юбками и драпировками что-то невиданное, на глазах у публики вдруг превращалась в волчок, вазу, китайский зонтик. по желанию танцовщицы ее костюмы становились поочередно веером и волнами, щитом и лепестками удивительного цветка. Обычной сценической площадкой для Лои были залы «Фоли бержер» и «Гранд-Опера». В «Танце огня» Лои танцевала на специально изготовленном для нее в этих залах стеклянном полу, который подсвечивался снизу, кроме того, она только что снялась в фильме о ней самой на киностудии братьев Люмьер, о чем тут же оповестили своих читателей все парижские издания.

Все движения Лои Фуллер были построены на работе с костюмом и игре света. То есть вне ее фантастических костюмов Лои Фуллер безусловно проиграла бы Дункан, которая могла танцевать в чем угодно, и если бы это ей взбрело в голову, то и вообще без ничего. С другой стороны, в полном одиночестве Лои Фуллер создавала не просто танцы, а танцы-спектакли, достигшие невероятной популярности, так что ее в буквальном смысле слова засыпали предложениями гастролей по разным городам и даже странам. Она уже исколесила

Европу и США и теперь предполагала дать несколько спектаклей во Франции, после чего, собрав труппу, ну, не одной же ей вести всю программу, отправиться в новое турне.

Вблизи Лои Фуллер оказалась пухленькой светловолосой девицей со вздернутым носиком и прозрачными выразительными глазами, которые она для пущей выразительности подводила карандашом.

Так же как и Айседора, Лои находилась в постоянном поиске совершенства, но если наша героиня в танце искала духовного,

мисс Фуллер исходила прежде всего из внешних эффектов, воздействуя через мощный образ на восприятие и фантазию зрителя.

Именно она, прочитав в газете о работах супругов Кюри с радием, в частности уяснив, что радий излучает свет, первой придумала использовать его в «осветительных» целях. В то время Лои как раз репетировала танец бабочки и, заявившись в лабораторию господ Кюри, попросила сделать так, чтобы ее крылышки мерцали в темноте.

К сожалению, идея не увенчалась успехом, Кюри объяснили артистке, что подобный костюм будет опасен для ее драгоценной жизни. Тем не менее они не забыли Фуллер, рассказав журналистам об открытии, сделанном не имеющей ни малейшего представления ни о физике, ни о химии танцовщицей.

В тот день Лои Фуллер показывала программу из трех танцев-спектаклей, Айседора была поражена зрелищностью представления, не укрылось от нее и роль света в спектакле. К примеру, она четко знала, какая ткань будет работать на просвет, а какая, обычно расшитая блесками, на отражение света. Самостоятельно расставляя светильники перед выступлением, Лои проверяла каждый из них, прося, чтобы ассистентка в ее костюме поворачивалась, поднимала или разводила в стороны руки. Все, что касается спектакля, Лои делала сама, не доверяя своей достаточно большой свите, которая таскалась за ней по всем площадкам, где только изволила выступать Лои. Это были молодые девушки, влюбленные в искусство Фуллер, перенимающие у нее секреты мастерства, и молодые люди, безнадежно влюбленные в актрису (Лои не жаловала мужчин).

Наблюдая за приготовлением к показу, Айседора отметила, что, желая занять как можно больше пространства на сцене, Лои манипулирует палочками или проволокой, которые зрительно продлевают ее руки, или может начать танец, находясь на прикрытом полами ее платья возвышении, так что создавалось впечатление, будто бы танцовщица нереально высока. Она могла танцевать на котурнах или вдруг взвиться в воздух, поднимаемая специальным устройством, отчего зрителям казалось, что они присутствуют на какой-то невероятной мистерии.

Лои Фуллер (1862–1928) – американская актриса и танцовщица, ставшая основательницей танца модерн

В отличие от Лори, зрительные эффекты Айседоры выглядели минимальными. Так, она танцевала в коротенькой тунике или греческом костюме, состоящем из подпоясанного тонким ремешком куска прозрачной материи. То есть единственным средством ее выразительности оставалось тело, и, если ей это удавалось, Дункан предпочитала работать на голом заднике, обычная серая драпировка стен, позже голубой занавес. Вершина дизайнерского искусства – нарисованные братом Раймондом греческие колонны на стенах их ателье плюс газовые рожки с

надетыми на них металлическими конусами, создававшими иллюзию факельного огня. Все!

Тем не менее Айседора и Лои быстро нашли общий язык и подружились. Оказалось, Лои видела танцы Дункан и осталась ими довольной. У Лои было меньше свободного времени, чем у Айседоры, так как она была занята на сценах сразу двух театров и еще постоянно выступала, принимая частные приглашения. Тем не менее в Лои было невозможно не влюбиться, добрая и отзывчивая, она старалась быть ласковой со всеми, кто хоть в какой-то мере нуждался в этом. Она не отказывала желающим обучаться у нее девушкам, часто помогала с ангажементом менее счастливым актерам, одалживала деньги, пользовалась любым поводом замолвить словечко даже за малознакомых актеров. При этом Лори вела себя абсолютно искренне. Скорее всего, она была любимым ребенком в своей семье и теперь, создав новую театральную семью из учеников и последователей, старалась привнести в нее нежность и гармонию.

На первый взгляд, танцы Дункан проигрывали эффектным моноспектаклям Фуллер, но это только на первый взгляд, кроме того, наблюдая за свободной пластикой Айседоры, Лои было чему позавидовать и даже затаить злобу. Дело в том, что прекрасная госпожа Фуллер страдала болями в спине, нередко ее чуть ли не приносили на выступление, и после страдающую от своего недуга Лои обкладывали льдом, так что она одновременно испытывала и боль, и сковывающий все ее тело холод. Когда опухоль спадала, Лои мужественно облачалась в костюм и выходила на сцену.

О страданиях Фуллер знали все, кто хоть как-то соприкасался с театральной или концертной деятельностью танцовщицы, зрители же видели, как снова и снова на сцене прямо на их глазах возникало непревзойденное чудо. Но чудом была и сама Лои. Так, несмотря на постоянные боли и угрозу в один из дней вообще потерять способность двигаться, она сумела разглядеть в Дункан не молодую и весьма амбициозную конкурентку, такого же, как она, человека искусства.

Нет, Фуллер и Дункан не собирались танцевать вместе, Лои делала программу с неподражаемой Сада-Якко. При звуках имени Сада-Якко Айседора неизменно теряла силы и только что не грохалась в обморок. Нет, Лои не получила невероятный ангажемент театра господина Отодзиро Каваками, не была отмечена великой японкой, которая выделила ее из тьмы своих поклонников. Берите выше, Лои Фуллер являлась официальным представителем госпожи Сада-Якко и импресарио труппы ее мужа. Именно она организовала эти гастроли и теперь вывозила сразу две равноправные программы… узнав, что Дункан

влюблена в искусство Сада-Якко, Лори была столь любезна, что пригласила девушку прогуляться с ними в Германию. Все расходы по содержанию Айседоры Фуллер брала на себя, оговорив только, что Дункан должна будет потратиться на билет до Берлина.

Прогуляться, посмотреть другую страну, то есть отдохнуть, а не работать. Если получится завести собственные контакты и связи, подписать контракт и. Воистину щедрое предложение! Теперь она могла каждый день смотреть на работу Лои Фуллер и Сада-Якко, учась у них мастерству, а заодно наматывая на ус и привечая, нельзя ли будет позже договориться с каким-нибудь театром о собственных гастролях.

Здесь я хочу немного притормозить стремительный бег нашего повествования, дабы рассказать и о таинственной японской актрисе Сада-Якко, которую то называют актрисой, то гейшей, а то и – как Николай Гумилев – танцовщицей.

Сада-Якко – настоящее имя Сада Кояма, появилась на свет в уважаемой самурайской семье в Токио 18 июля 1871 года. Вскоре семья разорилась до такой степени, что дома было нечего есть. Понимая, что жизнь маленькой Сада под угрозой, родители предпочли отдать ее в чайный дом Хамада в Ешико, где ей предстояло стать гейшей. Девочке из самурайского рода! Это была ужасная трагедия, и большинство самурайских семей скорее бы убили ребенка, но малышке повезло, хозяйка чайного домика, тридцатипятилетняя Камекичи Хамада, сама в прошлом известная гейша, удочерила Саду и помогла ей получить блестящее образование. После того как юная майко[30] с успехом сдала все экзамены, она получила новое имя – теперь ее звали Сада-Якко. Известно, что юной гейшей сразу же заинтересовался премьер-министр Японии господин Ито Хиробуми. Сада была популярна и весьма знаменита, ее имя и портрет были занесены в список «Знаменитые гейши Токио», честь оказаться в котором доводилась очень немногим представительницам этой профессии.

В 1894 году Якко вышла замуж за своего поклонника актера Каваками Отодзиро и украсила его труппу на правах примы. Театр взял на вооружение многие традиции кабуки, но его репертуар состоял из европейских пьес. Через шесть лет труппа пустилась в череду бесконечных гастролей, где Сада-Якко выступала и как драматическая актриса, и как танцовщица – она исполняла ритуальные танцы гейш, чем прославилась. Однако европейские антрепренеры запретили ей пользоваться традиционным гримом, делавшим лицо танцовщицы похожим на маску, кроме того, в ее контракт было вписано, что артистка должна улыбаться публике. Она танцевала перед президентом США и принцем Уэльским, ее обожали во Франции, лучшие

художники писали портреты таинственной Сада-Якко, ее фотографии украшали обложки журналов, и, несмотря на замужество и рождение сына, расклеенные по городам афиши сообщали публике о приезде знаменитой гейши.

На гастроли в Германию Сада-Якко везла не только свои танцы, но и всю труппу со сделавшимися знаменитыми авангардными спектаклями, а также единственного сына Отодзиро.

Последняя капля

В назначенный день Айседора сошла с поезда на вокзале в Берлине и, взяв извозчика, попросила довезти ее до гостиницы «Бристоль», где Лои Фуллер сняла чуть ли не весь этаж для себя и своей свиты.

На этот раз Айседоре не приходилось выискивать самые дешевые апартаменты, так как за все платила Фуллер. При виде приехавшей Айседоры Лои раскрыла ей свои объятия и расцеловала, представляя свою новую знакомую компании. Айседоре было предложено занять ее номер, кто-то из помощников Лои взял ее сундучок, с платьями и книгами. В честь сбора всей труппы Фуллер давала шикарный обед, после чего сама она должна была отправиться в «Винтергартен», где был запланирован спектакль. Ну, разумеется, туда за ней устремилась и вся веселая компания.

Лои Фуллер и Сада-Якко работали практически каждый день на одних и тех же площадках. И неизменно публика ликовала на спектаклях Фуллер, и… к сожалению, Германия была еще не готова постигать сложное японское искусство, так что, пользующаяся неизменным вниманием зрителей и прессы во Франции, маленькая Сада-Якко выступала почти для пустого зала.

Желая немного подбодрить ни в чем не повинную японку, Айседора и девушки из свиты Лои сговорились между собой присутствовать на всех выступлениях Сада-Якко, не важно, выходила ли она с танцами гейш или играла заглавную женскую роль в том или ином спектакле, бешено аплодируя ей и непременно вызывая на бис.

Японский «Отелло» привел немецкую публику в недоумение похлеще, нежели в свое время французскую «Гамлет». Так, в постановке великого реформатора театра Отодзиро Каваками Отелло вообще не был мавром. Правда, он был уродом, и в этом следившая за спектаклем Айседора находила особый трагизм жизни смелого и сильного генерал-майора Ваширо, назначенного губернатором Формозы, когда при участии китайских пиратов там вспыхнуло восстание.

Оказавшись на берегу, он познакомился с Томой-Фуд-жи (Дездемоной, Сада-Якко), стройная фигурка которой была еще более стянута модным, изящным американским туалетом. Дочь графа Банжо-Фура (Брабанцио), министра финансов, она сразу же производит на Ваширо неизгладимое впечатление, но, что самое странное, она тоже сразу же влюбляется в урода генерала.

Отец против брака, так как желает выдать дочь за сына директора банка Кокотори (Родриго). Вскоре появляется Годза-Ия (Яго), тут отступлений от текста не наблюдалось, должно быть, японцы считали, что предатель – и в Японии предатель, Бьянка же вдруг сделалась гейшей из Токио.

По пьесе, Дездемона должна петь народную песню, но японский этикет не позволял даме, занимающей высокое положение, опускаться до мужицких куплетов, поэтому в спальне Дездемоны на самом видном месте располагался граммофон.

Бурные «выступления» девушек на ее спектаклях несколько улучшили настроение актрисы, но, как выяснилось позже, проблема была не только в нем. Сборов, которые делала Лои Фуллер, хватило бы ей на беспечную жизнь в лучших гостиницах Берлина, с тем чтобы она столовалась исключительно в самых дорогих ресторанах, заказывая изысканные блюда и запивая их дорогими винами. Теперь на те же самые средства она должна была не только оплачивать проживание и питание себя, своей свиты, а также театра Сада-Якко, но и арендовать залы для двух театральных трупп. Дошло до того, что из Берлина в Лейпциг они были вынуждены переезжать практически без багажа.

В Лейпциге повторилась та же история, публика забрасывала цветами Лои Фуллер и игнорировала Якко. После Лейпцига был Мюнхен, там они так поиздержались, что в Вену, где уже были расклеены афиши, сообщающие о грядущих спектаклях несравненной Лои Фуллер, поездка чуть было не сорвалась, так как не на что было купить билеты. Положение спасла Айседора, которая, по собственной инициативе, нанесла визит американскому консулу, попросив его выдать необходимую сумму на билеты.

В Вене повторилась та же картина, Лои делала сборы, а Сада – долги. Однажды во время обеда, как обычно пребывающая в хорошем настроении Лои, усадила подле себя уже подуставшую от безделья Айседору:

– Венское артистическое общество уговорило меня потанцевать на безденежном вечере, устраиваемом для представителей местной богемы в Kunstlerhaus. Если не возражаете, душенька, вы могли бы выступить там вместе со мной и нашей милой Сада-Якко.

Айседора была счастлива возможностью размяться и показать себя в избранном обществе людей искусства.

В тот день ей дарили отчего-то только красные розы, так что, сидя после выступления за маленьким столиком и принимая поздравления и новые букеты, она буквально утопала в цветах. В таком виде ее и застал венгерский импресарио Александр Гросс,

который пригласил молодую танцовщицу выступать в Будапеште. Поблагодарив за предложение, Айседора милостиво приняла визитку Гросса, обещая навестить его как-нибудь в Венгрии, и забыла о нем.

А правда, верх неблагодарности – живя на всем готовом и ничего толком не делая, еще и помышлять о том, чтобы в один прекрасный день сделать тете ручкой, помчавшись за деньгами и славой вслед за первым подвернувшимся под руку импрессарио.

Утром все завтракали при гостинице, днем, не занятая в подготовке к спектаклю, она гуляла, стараясь осмотреть как можно больше достопримечательностей, после бежала обратно, боясь пропустить бесплатный обед, и далее либо снова бродила по городу, либо шла в театр, где проходили представления Лои Фуллер или Сада-Якко.

Постепенно праздная жизнь начала утомлять, с каждым днем нахождение в труппе Фуллер все больше напоминало глупый никчемный фарс. Дошло до того, что одна из путешествующих с Лои Фуллер девушек однажды ночью явилась к постели Дункан в белой с мелкой рюшкой ночной рубашке. На ту ночь их поселили в одном номере.

– Бог мне приказал тебя задушить! – чуть покачиваясь и выставляя перед собой кажущиеся черными в полумраке руки со скрюченными пальцами, сообщила она. Убийца была одного роста с Айседорой и выглядела достаточно сильной. Кроме того, кровать Дункан находилась в углу, еще шаг, и сумасшедшая навалится на нее и…

– Хорошо. Только сперва дай мне помолиться! – не отводя испуганных глаз от противницы, спокойным тоном попросила Дункан.

– Молись. – Девушка отошла на шаг, Айседора услышала, как та чиркает спичкой по коробку, загорелась оставшаяся с вечера свеча. – Молись, я тоже помолюсь, – она поставила подсвечник со свечой на столик возле постели Дункан и скромно отошла к своей кровати. Воспользовавшись передышкой, Айседора вскочила на ноги и, распахнув дверь, выбежала, как была, в ночнушке и чепце, из комнаты, вслед за ней тоже в ночной рубашке с распущенными, точно у фурии волосами, летела душительница. Пробежав через весь гостиничный коридор и чуть не навернувшись на лестнице, Айседора успела позвать на помощь, перебудив, наверное, половину гостиницы. И самое главное, подняв на ноги местную прислугу, так что, когда Дункан поскользнулась на старом гостиничном ковре и с размаху грохнулась на пол, ее преследовательница была остановлена примчавшимися на выручку коридорными и портье.

Айседора и Ромео

Попытка убийства оказалась последней каплей в немецких страданиях Айседоры Дункан, и на следующий день она была вынуждена телеграфировать матери, чтобы та немедленно приезжала за ней. Как обычно, Дора выполнила все в точности, и вскоре мать и дочь воссоединились.

Что дальше? Было понятно, что нет никакого смысла оставаться подле милейшей Фуллер, живя, точно прочие паразиты ее свиты, хотя та с радостью приняла бы на свою многострадальную шею еще и Дору, попроси ее об этом Айседора. Уверена, многие из свиты Фуллер или приглашенных ею артистов поступали именно так.

Айседора объявила матери о своем желании работать, и тут же они отбили телеграмму в Будапешт. Дождавшись ответа от Александра Гросса, Дора и Айседора выехали в Венгрию.

Гросс обещал, что Айседора будет танцевать в театре «Урания», и он сдержал свое обещание. Так что гастроли в Венгрии можно считать первыми выступлениями Дункан с ее программой перед широкой публикой. Первые тридцать вечеров прошли с аншлагом! Александр Гросс был в восторге, ему удалось угадать в Айседоре актрису, которая сумеет найти ключи к сердцам его соотечественников. Дункан купалась в цветах и аплодисментах, ее любили, ею восторгались, впервые они с матерью могли жить в лучшей гостинице, не заботясь о том, чем будут платить, пробовать любые блюда и самые изысканные вина. Каждый день Айседора придумывала что-нибудь новенькое, чем можно было удивить и порадовать публику, а в свободное время Александр Гросс вывозил ее в украшенной белыми цветами открытой коляске, запряженной белыми лошадьми с изумительными шелковыми гривами. Юная рыжеволосая богиня весело махала рукой горожанам, вдыхая аромат цветов и лакомясь сладкими пастилками, которые ей так полюбились в Будапеште. Вокруг Айседоры буйным цветом расцветала сама земля. Весна, апрель! Солнце, птицы и сирень, сирень, сирень… коляска сворачивает в сторону приземистого домика, увитого диким виноградом, с корзиной цветов над входом. Выстроившиеся перед рестораном, музыканты с ярких рубахах и вышитых жилетах играют на скрипках, бьют в барабаны, дуют в свистульки, перебирают чувственными пальцами струны на гитарах. поют. черноволосая босоногая цыганка отплясывает перед Айседорой, а потом берет ее за руку и выводит из коляски, тут же гостье подносят кубок сладкого вина. А вот уже и

Айседора, пляшет, подражая веселой девчонке в цветастой юбке. Черноволосый, усатый красавец в шелковой рубахе с плетеным поясом, огладив непослушные кудри, мягкими шагами устремляется к танцующим девушкам, к рыжей и чернявой. И вот уже крутится волчком, у ног танцующих, чтобы вдруг замереть на мгновение подле обутых в изящные розовые туфельки ножек Айседоры, чтобы обнять ее и, подняв на руки, закружить в воздухе, словно маленькую девочку.

Наконец, с бубнами и колокольчиками, скрипками и гитарами вся честная компания устремляется в ресторанчик, к заказанному и давно накрытому столу, где уже поджидает компанию предупрежденная о сюрпризе Дора.

«Что есть тело для танцора? Это проявление всей

его души».

(Айседора Дункан)

Деревянный накрытый холщовой скатертью стол был весь заставлен разнообразными яствами: гуляш, в котором куски мяса плавали в темном дивно пахнущем соусе – что это? – суп? Просто мясо? – пойди разберись. Гуляш с лимонной цедрой, цыпленок, фаршированный по-трансильвански, острое лечо, румяные рулетики с мозгами, токань по-хераньски, заливной карп… супы с клецками, а клецки по желанию – можно из булочки, хлебные с печенью, из кусочков хлеба с обязательной шкваркой посередке, картофельные погачи по-венгерски. Все острое и невероятно вкусное. под вина из местных виноградников, сладких и тягучих, от которых не чувствуешь опьянения, голова чистая, звонкая, только звон-то особенный, неровен час перепьешь, и. потом попробуй встать, да только словно одним местом к сиденью прирос. Вот как бывает, голова светлая, язык не заплетается, а вот подняться не моги. Смех, да и только. Только Айседора мало сидит, а все больше пляшет с цыганами, смеется и хлопает в ладоши, тянет танцевать с собой Александра Гросса, да только не плясун он, так вышел, чуть-чуть компанию поддержать, и снова за стол. А там уже перемена блюд произошла, когда, никто и не понял, по волшебству, не иначе, даже скатерть-самобранка, вином да соусом жирным залитая, сама себя заменила, а на столе… ух, суфле из хлеба с миндалем, фирменный корозот, хоть всю Венгрию обойдите, господа хорошие, такого корозота не сыщите, курочка с перцем, только что по двору бегала, телячьи котлетки, турошчуса, фасоль в горшочке по-венгерски.

– Ну, же, милая Айседора, полно тебе плясать, неужели в «Урании» еще не натанцевалась, что ножки попусту трудишь, сядь лучше рулета с мясом вкуси, отличный рулет закручивают в этом местечке, свининку с кислой капустой наверни. а то, может, кликнуть, чтобы пирогов несли? Или выпьем, вино красное – для крови и цвета лица, белое – для желудка, розовое. хрен его знает для чего, просто вкусно. Есть и пивко свеженькое, специально для дорогих гостей в подполе от солнца прячется, одно твое слово, все принесут.

Айседора пьет и ест, никогда прежде не сиживала она за столь обильным столом, не пели в ее честь цыгане, не поднимали за нее бокалы да кружки друзья-актеры, что работают в той же «Урании» и каждый вечер ходят смотреть ее танцы.

Да и Айседора нет-нет да и заглядывает на спектакли коллег, не далее как вчера смотрела «Ромео и Джульетту». Ох, и хорош юный Монтекки с цыганскими глазами и черными с рыжим

отливом волосами, стройный, как кипарис, Оскар Береги[31]. Тот самый, что, отогнав других, вдруг сел рядом с Айседорой и свой бокал к ее бокалу подвинул, чокнулись сильно, звонко. Залпом влил в себя вино, отер сахарные уста и тут же руку Айседоре протянул. Сильную, теплую, надежную. Танцевать ведет, а она и рада, плывет белым лебедем к другим танцующим, невольно отмечая, что ее-то кавалер, поди, самый видный да красивый будет. Одно слово – ведущий актер молодой труппы, да и сам юн и прекрасен! Отменный танцор уверенно ведет, нежно и одновременно сильно обнимая ее за талию, с таким не упадешь, даже если ноги нести перестанут, подхватит и понесет куда пожелает. Светятся колдовские цыганские глаза, пьянит молодое вино ли… любовь ли. Цыганские задорные песни за душу берут.

– Я видел тебя, всю усыпанную белыми цветами, в коляске, запряженной белыми конями, – шепчет Ромео, и Айседора вдруг понимает, что будет называть его именно так. И еще что-то напоминают ей его слова, но только она не понимает, что именно.

Ромео! Прекрасный Ромео, за которым невозможно не броситься хоть на край света, лишь бы он поманил ее туда. А он и позвал в весну, в любовь, в неведомый и прекрасный мир.

Айседора и Марк Антоний

Промучившись ночь в непонятном ей томлении и буквально бредя юным пылким Оскаром Береги, на следующий день, который был ее выходным, Айседора отправилась на спектакль и после зашла за кулисы, направившись в артистическую уборную артиста. Ее пустили, так как, во-первых, хорошо знали в этом театре, а во-вторых, все, от буфетчиков и гардеробщиков до актеров, танцовщиков, певцов и гримеров, – словом, все в театре знали, что у юного Ромео так уж заведено, что ни день – новая пассия. Уж больно ехидными, понимающими кивками и улыбочками провожали они молодую танцовщицу в уборную признанного сердцееда. Как, должно быть, провожали уже далеко не первую пойманную им в любовные сети глупышку.

Оскар смыл грим, переоделся, и вместе они покинули театр, сев в экипаж и отправившись… Айседора понятия не имела, куда вез ее юноша, да разве это важно, главное, чтобы быть с ним. Сказка норовила обернуться былью, давний сон – стать явью, а юная Джульетта трепетала в объятиях своего Ромео.

Они оказались в гостинице, где Оскар, по всей видимости, бывал время от времени, во всяком случае здесь его знали и не задавали лишних вопросов. Прямо у стойки администратора он подхватил Айседору на руки и внес ее в номер. Страсть, перемешанная со страхом, и неистовое желание – все вместе – одновременно она хотела убежать и жаждала прижаться к Оскару с такой силой, чтобы сделаться с ним единым существом. Айседора смутно припоминала прочитанные ранее любимые романы, все они заканчивались свадьбой и неизъяснимым блаженством, после которого и рассказывать-то нечего. Она попыталась еще раз отстранить от себя целующего все ее тело мужчину, и тут же сама, не понимая почему, обняла его, гладя шею и длинные черные волосы.

«Еще совсем немного, и неземное блаженство»… «проклятие, жизнь с вечным пятном». «может, не все еще потеряно, и он на мне женится?» «ай, я, должно быть, вспотела, как стыдно, сейчас бы помыться.» – все эти мысли вспыхивали в голове вместе и поочередно, подобно огням фейерверка, заставляя ее то сжиматься и пытаться плакать, то весело смеяться и целовать щеки и плечи своего возлюбленного.

Ну, где же ты, неземное блаженство? Рай на земле?

Она ощутила только боль, очень сильную боль, которая увеличивалась с каждым толчком, и эта боль, казалось, была бесконечной и изматывающей.

Айседора лежала в кровати, рядом с любимым мужчиной, наконец ставшая женщиной, но. безусловно, она что-то потеряла, но обрела ли?.. во всяком случае, вначале все казалось таким прекрасным, так много обещало и. сплошное разочарование. Одно хорошо, Оскар был на седьмом небе от счастья, что немного успокоило Айседору. Кроме того, он тут же заверил свою юную избранницу, что в первый раз мало кто из женщин испытывает неземное блаженство. Должно пройти время, быть может, уже утром. она согласилась.

На рассвете они наняли парную коляску и укатили в деревню, где сняли комнату. Целый день вдвоем, но Айседора так и не вкусила ни малейшего блаженства, вернувшись в Будапешт с красными глазами и опухшим от слез личиком. В тот вечер ей нужно было танцевать, но из-за усталости, недосыпа и разочарования она чуть не сорвала выступление.

Еще несколько раз они встречались в городе, так как Айседора опасалась опоздать на выступления, да и у Оскара шли репетиции и спектакли. Постепенно их отношения нормализовались, и Айседора начала испытывать удовольствие во время физической близости.

Меж тем выступления в Будапеште подходили к концу, по контракту нашей героине предоставляли неделю отдыха, после чего она отправлялась с гастролями по Венгрии. Финальным аккордом в этом полном радостей и восторгов сезоне для Дункан стало ее выступление в Будапештской опере. А на следующий день Айседора и ее возлюбленный уехали вместе в деревню, где прожили несколько дней в полной идиллии. Рай на земле все же оказался возможен, но как вскоре выяснила – ненадолго. Вскоре за ними заехал служащий театра, сообщивший, что мать госпожи Дункан находится в расстроенных чувствах, говоря проще, чуть ли не вешается, из-за разгульного поведения любимой дочери. Айседора немедленно выехала в Будапешт, где надеялась объяснить Доре, что с ней ничего не случилось, но, увидав мать, поняла, что посыльный приуменьшил проблему. Рядом с рыдающей и театрально заламывающей руки Дорой находилась спешно вернувшаяся из Нью-Йорка Елизавета! Скорее всего, мать вызвала ее, когда Айседора в первый раз осталась с Оскаром.

И мать, и старшая сестра в один голос ругали Айседору за недостойное поведение, вопя об ее испорченности и наперебой называя падшей женщиной. Ничто уже, казалось бы, не способно как-то успокоить их и примирить с действительностью. В результате Айседоре пришлось спешно брать билеты до Тироля и увозить мать и сестру подальше от будапештской публики, в надежде, что горный воздух окажет на них благотворное

воздействие.

Вернувшись, они тут же собрали свои вещи и отправились все вместе на гастроли по Венгрии, где в каждом городе ее ждала коляска, запряженная белыми лошадьми, и белые, только белые цветы. Это был красивый рекламный ход, который не могла не отметить пресса.

В конце каждого вечера Айседора исполняла вальс Шопена «Голубой Дунай», придуманный ею в Будапеште и неизменно нравившийся венграм. Постепенно мама и сестра снова начали радоваться успеху Айседоры. Впрочем, их благостное настроение базировалось уже на том, что рядом не наблюдалось коварного соблазнителя, растлителя их маленькой девочки. Что же до Айседоры, именно это обстоятельство печалило ее, заставляя каждодневно слать полные любви и тоски телеграммы своему милому.

Айседора считала дни, оставшиеся до их встречи, а Ромео готовился стать Марком Антонием, а заодно и мужем Айседоры Дункан. Поэтому, встретившись с невестой после ее возвращения из турне, Оскар первым делом повел ее смотреть квартиры. Почему-то ему казалось, что вопрос с женитьбой решился сам собой, что теперь они гарантированно будут жить вместе. Айседора же была разочарована уже тем, что в ее грезах Ромео должен был, как минимум, встать на колени и хотя бы попросить ее руки… когда она приходила на его спектакль и он читал при ней шекспировские монологи, ей казалось, что так будет вечно, теперь же ее страстный Ромео пропал, уступив место расчетливому римлянину, который говорил о плате за жилье, удаленности от центра города, о невозможности взять квартиру с ванной и прочее, прочее.

Все чаще Айседора начала увиливать от встреч с бывшим Ромео, задерживаясь на репетициях с мамой или гуляя с Елизаветой. Пришло время думать о следующих гастролях, сезон в Будапеште закончился, правильнее всего было вернуться в Париж, где и в межсезонье можно было разжиться хоть какой-то работой, отправиться в Германию, где все еще гастролировала Фуллер, и, может быть, договориться с ней или.

Остаться в Будапеште означало, как минимум, проживать оставшиеся деньги в ожидании следующего контракта или приглашений. Какой смысл сидеть в Венгрии без работы, когда вдохновенный успехом Александр Гросс уже составил контракт на работу в Вене, Берлине и ряде других городов Германии?

– Что я буду делать в Будапеште? – спрашивала она Оскара Береги.

– Научишься подавать мне реплики, – отвечал он.

– Но мое призвание, место в жизни?.. – плакала она.

– У тебя будет каждый вечер ложа, и ты будишь смотреть, как я играю, – щедро предлагал он.

– Мы бы могли поехать на гастроли и заработать уйму денег, – предлагала Айседора.

– А что я буду делать на твоих гастролях? – грустно интересовался он.

– Ты мог бы читать стихи, как это делали мои братья.

– Но я хочу играть в театре.

Такое положение не могло устроить ни Айседору, ни Оскара, и они решили, что будет лучше, если каждый отныне пойдет своим путем. Разрыв дался Айседоре тяжело, то и дело она задавалась вопросом о правильности своего поступка. Воспитанная в пуританском духе тогдашней Америки, юная Дункан привыкла думать, что высшее счастье женщины – выйти замуж и родить ребенка. Страшное слово «развод» преследовало ее с самого рождения, а тут. даже замужем не успела побывать.

Да, ей приходилось видеть вполне самодостаточных одиноких женщин, но это были единицы, последний пример – неподражаемая Фуллер. Правда, Лои вообще не любила мужчин, так что ее и в расчет брать не следовало. Айседора металась между желанием бросить танец и остаться с любимым человеком или танцевать, принеся в жертву свою любовь. От постоянных волнений и стрессов в Вене она заболела, да так серьезно, что была помещена в клинику с общим упадком сил. Целыми днями танцовщица лежала на кровати, даже не выходя погулять в больничный садик, лишь сквозь полуоткрытую дверь балкона к ней проникал веселый ветерок с ароматами цветов и пением птиц. Положение настолько ухудшилось, что Александр Гросс был вынужден вызвать телеграммой ее любовника, и не просто вызвал, а убедил медперсонал в необходимости поставить дополнительную кровать в палату госпожи Дункан.

На недолгое время делового Марка Антонио сменил нежный и страстный Ромео, но радость больной получилась не долгой, так как в дело снова вмешались Дора и Елизавета. Они выдворили молодого человека из покоев Айседоры, так что тот был вынужден ни с чем вернуться в Будапешт.

Так как разрыв уже произошел и Оскар Береги больше не возникнет в жизни Айседоры Дункан, мне бы хотелось немного рассказать о том, как в дальнейшем сложилась судьба этого человека – венгерского актера Оскара Береги-старшего, да, именно под этим именем он войдет в историю кинематографа, прославившись и оставив после себя своего сына, тоже Оскара Береги и тоже киноактера. Собственно, о первом мужчине

Айседоры Дункан известно не так много, он был всего на год старше нашей героини, родился и долгое время жил в Будапеште (Австро-Венгрия, ныне Венгрия), служил на театре, но свое истинное призвание нашел в кино, собственно, в его послужном списке тридцать фильмов, и снимался он до 1953 года, то есть ушел из кино в возрасте семидесяти семи лет. Прожил до 1965-го, умер в Голливуде.

Мюнхен и его обитатели

Когда Айседора начала подниматься и могла уже сделать несколько шагов по палате, держась за руку матери или сестры, ее повезли на воды в Франценсбад, где прекрасные врачи и высокооплачиваемые профессиональные сиделки добили их денежный запас. Самое смешное, что именно это в конечном итоге и спасло нашу героиню от убивающей ее депрессии. Так как, оставшись без средств к существованию, с матерью и сестрой на руках (ситуация, более чем привычная для Дункан), ей не осталось ничего иного, как попросить Гросса организовать выступления.

Шатаясь от слабости, она вновь надела тунику и сделала свои первые после болезни, еще неуверенные шаги, постепенно оживая и чувствуя прилив знакомых сил.

И вот афишами с ее именем уже обклеены Франценсбаде, Мариенбаде и Карлсбаде… и белые лошади несут коляску с утопающей в белых цветах прекрасной богиней навстречу славе и новой любви.

Задержавшись в прекрасном Карлсбаде, Айседора выехала в Мюнхен, где ей предстояло выступать в новом театре. Но так как танцовщица поиздержалась во время болезни, на семейном совете было решено не искать гостиницу в столице, а устроиться в каком-нибудь частном пансионе, местечке под названием Аббациа.

Напрасные старания, дешевых мест в сезон не было и быть не могло. Вместе с Елизаветой Айседора раскатывала по улочкам в поисках гостиницы или меблированных комнат, в приметной коляске, запряженной белыми лошадьми, так что неудивительно, что вскоре на них обратил внимание отдыхающий в тех же краях эрцгерцог Фердинанд[32]. Белые кони, прекрасная женщина, нет, сразу две. Об этой коляске столько писали, фотографии Дункан были во всех газетах, так что ничего удивительного, что Фердинанд пожелал познакомиться со знаменитой танцовщицей.

Слово за слово, время от времени эрцгерцоги бывают невероятно внимательными и убедительными настолько, что переспорить их решительно невозможно. Узнав, в какое затруднительное положение попала несравненная Дункан, его высочество предложил ей воспользоваться комнатами гостиницы Стефания, где он занимал целый этаж. Разумеется, сразу же были отвергнуты все разговоры относительно оплаты, так как Айседора была приглашена в качестве гостьи. И пока Елизавета отправилась в Мюнхен за маман и вещами, Айседора

проследовала за своим новым знакомым. Отличная гостиница, вышколенная прислуга, отменная кухня. Эрцгерцог выделил своей гостье две комнаты с окнами в сад, выразив пожелание, что во время обеда они сядут за один столик. После чего Айседора отправилась в свои апартаменты, где приняла ванну, переоделась и уложила волосы. Как обычно, на ее высокой, точно выточенной из мрамора шее не было никаких украшений, изящное крепдешиновое платье модного цвета пепел роз, с высокой талией прекрасно подчеркивало идеальную форму груди, холеные руки были прикрыты газовым шарфом.

Франц Фердинанд Карл Людвиг Йозеф фон Габсбург эрцгерцог д'Эсте (1863–1914) – эрцгерцог австрийский, с 1896 года наследник престола Австро-Венгрии. Генерал от кавалерии (1899). Убийство Франца Фердинанда сербским студентом Гаврилой Принципом, который являлся членом секретной

организации «Млада Босна», стало поводом для начала Первой мировой войны

Заметив при входе в гостиничную столовую эрцгерцога, Айседора направилась было к нему, но, на счастье, ее опередила дама в муаровом платье последней парижской моды, улыбнувшись, фрейлина присела в придворном реверансе, изящно изогнув при этом корпус и потупив голубые глазки. Вслед за муаровой красоткой перед эрцгерцогом присела в точно таком же поклоне другая дама, третья… Айседора уже бывала в обществе коронованных особ и знала, как следует себя вести, что же до глубокого реверанса, то для профессиональной танцовщицы ничего не стоило не только повторить его, но и опуститься ниже, нежели это делали до нее придворные дамы.

После чего Фердинанд предложил Айседоре руку, и, мило болтая о всяких пустяках, они проследовали в обеденный зал.

Очевидно, что своим реверансом она доконала местный бомонд, тем не менее Айседора не собиралась сдавать позиции, когда еще удастся поселиться в первоклассной гостинице, не заплатив за это ни единого геллера? Да и такими знакомствами, как эрцгерцоги, обычно не разбрасываются.

Вечер они провели вместе, играя в вист, и затем катались в коляске Фердинанда. На следующее утро так совпало, что они практически одновременно вышли из своих комнат и вместе спустились в столовую. Их появление вызвало эффект бури. Все только и говорили о связи предприимчивой американки с обожаемым всеми эрцгерцогом.

Сразу же после завтрака, когда Айседора отдыхала с книжкой в саду, к ней подошли две дамы, которые признались, что много читали о Дункан, кроме того, недавно были в Афинах и хотели бы поговорить с ней о греческих танцах. В полном восторге, Айседора битый час рассуждала о танцах и своих гастролях, а новые знакомые все расспрашивали и расспрашивали ее, задавая каверзные вопросы. Уставшая, но вполне собой довольная Айседора проводила обеих дам и сразу же познакомилась с еще тремя.

На этот раз она отвела новых знакомых к себе в номер, где танцевала перед ними без музыки, надеясь на то, что те, в конце концов, пригласят ее выступить. Какое там! Интерес к персоне Дункан был вызван исключительно хорошим отношением к ней Фердинанда.

Шокируя публику еще больше, вскоре Айседора изобрела купальный костюм, сделавшийся настоящей сенсацией, – светло-голубая туника из тонкого крепдешина с глубоким вырезом,

узкими перехватами на плечах, с юбкой чуть выше колен и голыми ногами. Сегодня такой купальный костюм показался бы чрезмерным, но в то время, когда дама не могла выйти на пляж, не натянув предварительно черные чулки, не обувшись в черные купальные туфли, надев опять же черную блузу и такого же цвета юбку ниже колен. На их вороном фоне мисс Дункан смотрелась точно сотканная из облака фея. Это не могло не вызвать зависть молодых женщин, злобу и осуждение пожилых, впрочем, негативные реакции относительно облика Айседоры потухли на фоне общего восторга мужского населения гостиницы Стефания. Во всяком случае, эрцгерцог выглядел по уши влюбленным в эффектную американку.

Собиралась ли Айседора покорить Фердинанда, дабы забыть Ромео? Да кто ее разберет, из записок Дункан мы узнаем, что между ними никогда и ничего не было. Тем не менее Айседора и Фердинанд много общались, и во время последующих гастролей в Вену, где наша героиня танцевала в Кардовском театре, эрцгерцог, появлялся каждый вечер, занимая литерную ложу, как правило, в компании молодых офицеров, которые, по предположению самой Дункан, нравились ему более, нежели дамы.

Тем не менее об Айседоре и Фердинанде поползли сплетни, и, в конце концов, нашей героини пришлось перебраться в Мюнхен, где, отработав по контракту в Кардовском театре, она подписала новый контракт на работу в зале «Каим», прославившемся единственно тем, что основную публику там составляли студенты.

В «Каиме» Айседору ждал бешеный успех, после выступления молодые люди выпрягали лошадей из ее коляски и, впрягшись вместо них, катали свою богиню. Процессия размахивала факелами и распевала фривольные песни, смысл которых, однако, был не уловлен Дункан.

Днем, когда Айседора готовилась к выступлению, ее сестра закупала в городе платки, которые следовало к вечеру надушить любимыми духами танцовщицы. Ночью Айседора возвращалась домой, принимала ванну, а провожавшие ее молодые люди устраивались под балконом гостиницы, где горланили песни и читали стихи с такой громкостью и до тех пор, пока сверху им на головы не начинали сыпаться маленькие надушенные подарки.

Обычно их выбрасывала на мгновение появившаяся перед своими поклонниками сама Дункан. Она бы с ее веселым характером пошла и дальше, например, отправившись пить пиво и танцевать до утренней зари, но мама и сестра были начеку. Шутка ли сказать, Айседоре приходилось танцевать каждый день

без выходных, какая уж тут бессонная ночь с пивом и плясками? Впрочем, и на старуху найдется проруха, и нередко Айседора умудрялась обмануть своих верных стражей, сбежав в студенческое кафе, где пели, пили и танцевали, то и дело поднимая веселые тосты.

Все участники попойки располагались вокруг маленьких столиков, на которые были выставлены хлеб, сыр и пиво. Во время танцев прекрасную Айседору на руках носили по всему кафе, где она чокалась кружкой пива, пела куплет песенки или танцевала с кем-нибудь из студентов.

Платки Дункан молодые люди носили на шляпах как знак своей любви к прекрасной Айседоре и ее танцам.

Несколько раз за эти гастроли Айседора Дункан могла достаточно выгодно выйти замуж, но она не стремилась запутаться в сетях Гименея, катаясь в коляске по Мюнхену в поисках духа Рихарда Вагнера[33], так как познакомилась и сразу же влюбилась в музыку этого композитора. В свободное время она несколько раз посещала оперу, мечтая теперь отправиться в Байройт, где в своем имении на Вилле Ванфрид жила вдова композитора и, как писали в газетах, под окнами располагалась могила маэстро.

«Мюнхен был в те годы настоящим ульем артистической и интеллектуальной деятельности. Повсюду толпились студенты. Девушки появлялись на улицах не иначе, как изящно сжимая в ручках портфель или связку нот, чем наглядно демонстрировали свою деловитость, это было в большой моде. Витрины магазинов представляли собой сокровищницы, полные редких книг, старинных гравюр и, естественно, новых изданий»[34]. В соединении с удивительными музейными коллекциями, со свежим осенним воздухом, которым дышали солнечные горы, постоянным общением с философами вроде Карвельгорна и других, это побудило Дункан вернуться к нарушенному было ею самой интеллектуальному и духовному пониманию жизни.

В Мюнхене Айседора начинает изучать немецкий, так как не всегда может раздобыть интересующие ею тексты на английском и французском. Надо отдать ей должное, в молодости языки Айседоре давались достаточно легко. По ее собственным словам, она читала Шопенгауэра и Канта в оригинале, кроме того, еще быстрее она научилась понимать устную речь, во всяком случае, она старалась не пропускать вечера в Kunstlerhaus'e, где ежедневно проходили философские дебаты, литературные и музыкальные диспуты. «Я также научилась пить превосходное мюнхенское пиво, и недавно испытанное потрясение немного сгладилось», – через много лет напишет в своей книге Айседора

Дункан.

Божественная Айседора

После более чем успешных гастролей семья Дункан направились во Флоренцию: «В то время мое юное воображение особенно занимал Боттичелли[35]. Целыми днями я просиживала перед «Прима Верой», знаменитой картиной этого мастера. Вдохновленная ею, я создала танец, в котором пыталась изобразить нежные и удивительные движения, которые угадывались на ней: волнистость земли, покрытой цветами, кружок нимф и полет зефиров, собравшихся возле центральной фигуры, полу-Афродиты и полу-Мадонны, возмещающей рождение весны символическим жестом». Впечатление от картины было настолько сильным, что привыкшая танцевать где угодно, собственно, она могла встать в музее напротив картины или приглянувшейся ей статуи, пытаясь принять ту же позу или начиная кружиться вслед за неслышной музыкой, перед этой картиной Айседора часами могла стоять как вкопанная. Тогда еще залы Уфици не были оборудованы удобными диванами, и старик сторож был вынужден принести ей скамеечку. «Я сидела так, пока мне не начало казаться, что я вижу, как трава растет, босые ноги танцуют и тела начинают колыхаться; пока вестник радости не снизошел на меня и я не подумала: “Я протанцую эту картину и передам другим весть любви, весны и пробуждения жизни, которую я так мучительно на себе ощутила. Я дам понять им этот восторг через посредство танца”».

Часы напролет Айседора проводит в полной неподвижности рядом с шедевром Сандро Боттичелли, пытаясь увидеть картину в движении. Свой маленький спектакль она назовет «Танцем будущего».

Во Флоренции Дункан танцевала под музыку Монтаверде и мелодии некоторых более ранних композиторов, имена которых не сохранились. Так, Айседора создала образ ангела, играющего на скрипке. Выступление проходило перед собравшимися по такому случаю художниками, которым танцовщица очень понравилась.

Несколько недель семья Дункан проводила за своим любимым занятием – бродила по музеям и паркам, слушала музыку на концертах, каталась в наемных каретах. Устав от впечатлений, они отправлялись в кафе или ресторанчик, где подкрепляли свои силы, для того чтобы снова и снова пускаться в путешествия за чудесами, коих во Флоренции, как известно, можно отыскать в изобилии. Такая жизнь могла бы продолжаться и дольше, но тут закончились деньги. Пришлось телеграфировать

Гроссу в Берлин, подтверждая готовность к работе и прося денег на дорогу.

Берлин ждал Айседору, возвещающие о приезде великой танцовщицы афиши размещались не только на всех театральных тумбах, они были расклеены на домах и в витринах магазинов, так что: «…В Берлине, проезжая по улицам, я растерялась, увидев, что весь город является одной сплошной афишей, извещающей о моем приезде и предстоящей гастроли в опере “Крола”». Да, именно в опере, и при участии Филармонического оркестра. Все так, как обещала когда-то голодная Айседора в нетопленном ателье приехавшему предложить ей контракт в варьете немецкому импресарио.

Кстати, он тоже не забыл ее слов и вскоре явится засвидетельствовать почтение в отель «Бристоль» на Унтер-ден-Линден. И еще, совершенно неожиданно для себя, Айседора получила вдруг ответ на свое письмо от Эрнста Геккеля (которое она отправила ему еще из Лондона), ученый благодарил мисс Дункан за теплые слова, жалея, что не сможет приехать в Берлин, дабы увидеть своими глазами ее танцы и, главное, пообщаться со своей очаровательной визави. Дело в том, что, согласно приказу кайзера, Геккель не имел права появляться в ряде крупных городов Германии. Причиной тому были его атеистические взгляды.

Айседора тут же отписала Геккелю, излагая ученому свои взгляды на живую природу, после чего несколько лет они состояли в активной переписке.

Свое очередное турне в Германии Айседора начала, как мы бы теперь это назвали, с пресс-конференции, которая проходила в отеле «Бристоль», где по такому случаю собрались представители различных журналов и газет Берлина. Сбывались самые смелые мечты американской девочки. И даже если бы нашлись люди, которые никогда не видели и ничего не слышали об Айседоре Дункан, встреча на вокзале, белые цветы и журналисты, лучшая и, естественно, самая дорогая гостиница города, роскошная пресс-конференция – что это, если не атрибуты по-настоящему раскрученной звезды? Гросс вбухал в берлинское турне чуть ли не все свое состояние, ужасно рискуя и заранее пригрозив застрелиться в случае провала.

Он не вложил ни пфенига в костюмы Айседоры и декорации, что было рискованным упущением. Свято веря в гений танцовщицы, он не убедил ее, что для большой сцены было бы неплохо, наверное, обзавестись неким подобием греческого хора, что было бы более чем кстати. Пусть бы молодые люди и девушки исполняли функцию кордебалета при великой солистке. Но он не

вмешивался в само выступление и рисковал. Потому что после рекламы, цветов, белой коляски, прессы и прочая, прочая зритель надеялся увидеть на сцене нечто большее, нежели бедные голубые драпировки, которые Айседора повсюду возила за собой, да и хрупкая девичья фигурка посреди огромной сцены, когда зритель привык к многолюдным балетам…

Недоумение, возникшее сразу после поднятия бархатного занавеса, быстро сменилось удивлением и радостью, наша героиня сорвала аплодисменты на первой же минуте танца, что и предопределило конечный успех. А потом произошло странное, на мгновение Айседоре показалось, будто бы вся публика в едином порыве бросилась к рампе. На самом деле берлинские студенты вскарабкались на сцену, желая донести ее до кареты на руках. Не дав ни переодеться, ни опомниться, ее действительно посадили в коляску, заваленную цветами, после чего юноши выпрягли лошадей и сами повезли ее через весь Берлин. Собственно, это она уже проходила, и дальше было не страшно.

Немецкая пресса теперь называла Айседору не иначе, как «божественная, святая Айседора», в честь нее то и дело устраивались праздники и званые обеды. Александр Гросс был счастлив успехом, он открыл самую настоящую звезду, став и сам известным и купаясь в ее лучах.

Ничего удивительного, что на свет славы божественной Айседоры вскоре прилетел ее любимый брат Раймонд, который бросил все, дабы больше никогда уже не разлучаться со своей семьей. Желая сделать Айседоре приятное, он напомнил ей о давней мечте – совершить паломничество к священному алтарю искусств, поехать в Афины. А также рекомендовал выделить деньги на приезд из Франции их заблудшего брата, все равно у того уже родилась дочка, и теперь Августин мог хотя бы ненадолго оторваться от подола своей ненаглядной женушки.

Как обычно, Айседора воспламенилась с первой искры, теперь, когда у нее были деньги, столько, сколько хватило бы на безбедное существование всей семьи в такой дешевой стране, как Греция, конечно. Тот триумф, который она имела в

Берлине, вполне можно было продлить и на более долгое время, но «хорошенького понемножку», сказала сама себе Дункан и начала собирать чемоданы.

Паломничество в Грецию

В Афины предстояло ехать через Венецию, где они остановились на несколько недель, дабы осмотреть этот великолепный город и дождаться Августина, который, получив деньги, не замедлил присоединиться к паломничеству. Правда, Венеция – город поэтов и мечтателей – вдохновляла Айседору в меньшей степени, нежели интеллектуальная и духовная Мекка – Флоренция, впрочем, в Венецию следует ехать, будучи влюбленным, а еще лучше с предметом своей страсти. Устав от города воды, Айседора взяла билеты на корабль, идущий в Грецию. Это было маленькое коммерческое судно, курсирующее между Бриндизи и Санта-Морой. Конечно, более комфортно было бы путешествовать на большом, современном пассажирском пароходе, но они решили, что обойдутся и этим.

Они побывали в месте, где когда-то находилась древняя Итака, поднялись на скалу, с которой бросилась в море Сафо.

Поклонившись поэтессе, они наняли провонявшую рыбой рыбацкую парусную лодку, которой управляли хозяин и его помощник, и отправились по Ионическому морю, мечтая хотя бы отчасти повторить путешествие Одиссея. Согласившийся покатать их рыбак не понимал ни на английском, ни на немецком, ни на французском, но согласился плыть даже в грозу, когда ему показали пригоршню драхм. Как обычно, общение было буквально переполнено стихами, которые читали по памяти, прерываясь лишь для того, чтобы получше разглядеть очередной открывшийся им вид. В городке Пререза на Эпирийском побережье (Турция) они сделали недолгую остановку, закупив продовольствие: козий сыр, спелые оливки и сушеную рыбу, лепешки, воду и вино. Какое-то время путешественники чувствовали себя дружной командой Арго, поэтому, немного отдохнув и размяв ноги, семья снова решительно взошла на борт своего крошечного судна, показывая жестами, что уже готовы к отплытию. Стоял июль, к полудню воздух раскалился даже на море, ветер стих, так что пришлось всем, кто был в силах, садиться на весла. Айседору укачало, к тому же было некуда деваться от запаха рыбы и сыра, которые от лежания на солнце испускали тошнотворный дурман.

Айседора Дункан в Афинах

К вечеру парусник достиг залива Амбрачио, они высадились в порту городка Карвасарас: «Наконец-то, после многих странствий прибыли мы в священную землю Эллинов! Привет, о Зевс Олимпийский, и Аполлон, и Афродита! Готовьтесь, о Музы, снова плясать! Наша песня разбудит Диониса и спящих вакханок!»[36]

В Карвасарасе они устроились на постоялом дворе, взяв одну комнату на всех. Уставшая, замученная Айседора мечтала об одном – как можно скорее добраться до постели. Не тут-то было, почувствовав себя избавившимся от рабского труда на галерах, Раймонд отомстил всем, заведя многочасовую лекцию о мудрости Сократа и небесной награде за платоническую любовь, которую, хотели они того или нет, пришлось слушать и всем обитателям

постоялого двора. Но едва Раймонд пропел свою коронную арию и, довольный собой, улегся спать, за дело взялись вездесущие клопы, которые напали на путников, требуя своей доли внимания. Добавьте к вышеизложенному сколоченные из грубых, неотесанных досок кровати, и вы поймете, как дивно провела первую ночь в Элладе семья влюбленных в нее Дунканов.

На рассвете они не выдержали и, наняв повозку и уложив в нее все свои четыре чемодана, и посадив сверху Дору, двинулись в сторону Агриниоона. Везущий их кучер отлично знал эту дорогу, и они могли не опасаться заблудиться в горах или упасть в какое-нибудь ущелье. На берегу бурной речки Аспропотамос (древний Ахеллос) Раймон и Айседора бросились купаться и чуть не пострадали из-за своей беспечности, так как течение подхватило их и поволокло за собой, на счастье, обошлось без жертв.

Минуя относительно безлюдную местность, они проехали через две усадьбы, не запомнив имена хозяев и чуть было не пострадав от их собак. «Мы завтракали в маленькой придорожной харчевне, где в первый раз попробовали вина, сохранившегося в классических засмоленных мехах. Вкус у него, как у мебельной политуры, но мы, делая гримасы, уверяли, что оно превосходно»[37].

Проведя целый день в пути, но нисколько не устав, путешественники поравнялись с раскинувшимися на трех холмах развалинами древнего города Стратоса. Холм Зевса – вот куда привела дорога наших путешественников. Когда-то здесь высился величественный храм необычной и, можно сказать, оригинальной конструкции, так как его архитекторы решили смешать стили, выполнив основное здание в дорическом ордере, а колонны – в коринфском. Собственно, теперь уже никто не сможет поведать, так ли было задумано в самом начале или просто храм слишком долго строился и перестраивался. Так, если основная постройка началась в 321 году до нашей эры, не исключено, что колонны были созданы позже, и уже совсем другим человеком и в другом времени. Ведущие к храму каменные ступени были высечены в скале. «Древние греки никогда не позволяли себе пользоваться обходными дорогами. К вершинам гор они поднимались напрямик по этим ступеням[38]».

Айседора бродила по развалинам Стратоса, трогала то, что осталось от некогда величественных колонн, пытаясь прочувствовать это место, услышать голоса далекого прошлого, поговорить или, если повезет, принять благословение продолжавших покровительствовать этому месту древних богов.

Она бы могла, наверное, поселиться близ этих развалин,

танцуя ночью в свете луны, но нетерпеливый возница уже звал их вперед, кому же приятно ночевать под открытым небом, когда можно устроиться в нормальной гостинице?

Добрый старик сопровождал семейство Дункан до города Агринион, где помог им устроиться на ночлег, после чего они распрощались. В Агринионе курсировал двадцатиместный омнибус, который медленно тащился, влекомый понурыми рыжими лошадками. Утром, наскоро позавтракав, путешественники купили билеты до Миссолонги прямо у возницы. Настроение было самое замечательное – Айседора чувствовала себя счастливой. Еще один древний город, еще один алтарь, на который следует возложить цветы и который можно будет почтить стихами.

В Миссолонги жил и умер в 1824 году великий Байрон. Когда-то эта местность носила имя Этолия – город возник в болотистой равнине, на внутренней окраине большой лагуны, которая тянется по северному берегу Патрасского залива, между устьями рек Ахелоя (Аспропотама) и Эвена (Фидариса). В порту Миссолонги никогда не видели крупных кораблей, так как из-за особенности берега они не могли подойти ближе, чем на семь километров, зато маленьких рыбацких суденышек с парусом или без оного никак не меньше, чем белых чаек. В Миссолонги семья Дункан приехала ради посещения мавзолея, в котором бережно хранится сердце Байрона и возведена его статуя.

Собственно, в Миссолонги не было никаких древностей, которые захотелось бы осмотреть влюбленной в античность Айседоре, но Раймонд уже тащил мать и сестер к развалинам крепости, героически державшей оборону и не менее героически погибшей в 1825 году во время войны с турками. Дело в том, что основанный в свое время обычными рыбаками Миссолонги был лакомым кусочком для турецкого паши, который ни за что не согласился бы отдать его греческим мятежникам, кто же из здравомыслящих политиков согласится добровольно отказаться от стратегически выгодно расположенного города аккурат у входа в Патрасский залив? Восставшим гарнизоном Миссолонги командовал Александр Маврокордато, против которого был послан 35-тысячный корпус, предводимый сераскиром Решид-пашой, которому султан предложил выбор: либо он овладеет крепостью и снесет голову Маврокордато, либо сам лишится головы. В то же время Топал-паша осаждал Миссолонги с моря. И это против четырех тысяч румелютов под начальством Ноло Боцариса! Тем не менее крепость стояла, и все приступы турок были отбиты. Вскоре со стороны моря на помощь осажденным явился греческий флот Миаулиса, который расчистил границы

несчастного города от турецких кораблей, но в то же время турки прислали подкрепление своим воинам, продолжающим вести осаду крепости. Теперь под стенами ее разместились египетские войска во главе с Ибрагим-пашой.

Весной 1826 года до турок дошла весть, что в крепости заканчиваются продовольствие и боеприпасы. Поэтому 22 апреля был предпринят решительный штурм, в результате которого линяя обороны оказалась пробитой и турки ворвались в город. Понимая, что победа ускользнула, греки взорвали пороховой погреб, погребя под развалинами и себя, и вторгшихся на их землю врагов.

Храм

Покинув Миссолонги, путешественники сели в поезд до Афин: «Мы неслись по лучезарной Элладе; порой мелькала снеговая вершина Олимпа, в оливковых рощах плясали гибкие нимфы и дриады, и восторг наш не знал границ. Часто наше волнение достигало таких размеров, что мы бросались друг другу в объятия и начинали рыдать. На маленьких станциях степенные крестьяне провожали нас удивленными взорами, вероятно, считая нас пьяными или сумасшедшими. Но это было не что иное, как восторженные поиски и стремления к блеску высшей мудрости – голубым глазам Афины Паллады».

В Афины они прибыли уже после захода солнца, сразу же нашли гостиницу и тут же рухнули в свои постели, дружно отказавшись от ужина. Было решено, что они поднимутся с первыми лучами солнца, дабы первым делом клана Дункан на благословенной земле богини было паломничество к ее храму. И тут я снова приведу слова самой Айседоры: «По мере того как мы поднимались, мне начинало казаться, что вся прежняя жизнь спадает с меня, как шутовской наряд, мне казалось, что до этого момента я не жила вовсе; я глубоко вздохнула, и мне показалось, что в глубоком вздохе восторга перед чистой красотой я родилась впервые». Пораженные открывшейся им красотой, Айседора, ее сестра, оба брата и мама не могли вымолвить ни слова. Никто уже не читал лекции, не рассказывал о греческой архитектуре или особенностях ритуалов поклонения голубоглазой дочери Зевса. Пронаблюдав торжественное восшествие на небо повозки Гелиоса, они разошлись каждый в свою сторону, дабы просто сидеть и смотреть на холм ли Пентеликус, на храм, горы или живописную деревеньку внизу… настал момент, когда каждый должен был остаться один на один со своей Грецией. С той ее частью, какую каждый мог и желал впустить в свое сердце.

Сбылась мечта – они дышали воздухом Греции, и не могли надышаться. Впрочем, к обеду восторженность уступила место голоду, и компания отправилась в ближайшую деревню, чтобы поесть и решить, как быть дальше.

Устроившись за удобным деревянным столом, они едва дождались, когда неторопливая прислуга принесет с кухни корзинки с белыми, дивно пахнущими хлебцами, уксус, масло с какими-то травами, тарелку соленых жестких оливок, яйца и два кувшина вина. Семья Дункан набросилась на эту простую еду, не дожидаясь, когда хозяин подаст мясо и наперебой уговаривая друг дружку остаться в этом дивном месте. Денег, которые

заработала в Берлине Айседора, хватит на много лет безбедного существования всего семейства, учитывая местную дешевизну и такую семейную черту, как неприхотливость.

А действительно, может, уже хватит гоняться по частным вечерам и урокам, униженно выпрашивать выступления, бесконечно предлагая свои услуги и получая унизительные отказы? Хватит Доре мерзнуть в холодных, нетопленных ателье и номерах гостиниц? Все равно всех денег не заработаешь, так к чему гневить судьбу? Раймонду надоело доказывать, что он журналист и писатель. Августину осточертел театр, а Елизавете – ее школа танцев. Собственно, все порядком устали и жаждали перемен. Греция устраивала всех. Действительно, заработанных Айседорой денег хватило бы на покупку большого дома с садом, а также на содержание всех членов семьи, включая супругу Августина и его маленькую дочь. Они могли время от времени совершать небольшие путешествия по другим городам благословенной Греции, и Дора дожила бы свой век в покое и радости, но… как обычно, спокойная действительность не могла устроить в полной мере метущегося духа этого сумасшедшего семейства: «Мы решили, что клан Дунканов навсегда останется в Афинах и там воздвигнет храм в собственном вкусе»[39]. – Храм! Это даже не большой дом с садом, это куда серьезнее. Не имея ни малейших понятий о работе зодчего и до сих пор не научившись считать деньги, Айседора и Елизавета мечтали о беломраморном храме на высоком холме, в котором они будут творить свои танцевальные моления, читать стихи, всячески прививая на новом месте ростки культуры и искусства. Холм – пусть и небольшой, следовало приобрести, а как известно, самая дешевая и никому толком не нужная земля непременно взлетает в цене, после того как хоть кто-то вознамерится ее приобрести. Камень для строительства. в том месте, где они, в конце концов, решили воздвигнуть свой храм, мрамора не водилось, и семейство Дункан решило ограничить свои притязания красным гранитом, который стоил значительно меньше, тем не менее все равно доставка камней выливалась в весьма кругленькую сумму. «Хотя только мрамор с холма Пентеликона казался достойным нашего храма, раз из него были высечены благородные колонны Парфенона, мы все-таки скромно удовлетворились красным камнем, который можно было найти у подножия холма», – рассказывает в своих мемуарах Айседора Дункан.

Подходящий холм был найден достаточно быстро: «Поднявшись на возвышенность, Раймонд вдруг положил свой посох на землю и вскричал: “Глядите, мы находимся на одной высоте с Акрополем!” И действительно, на западе мы увидели

храм Афины, поражавший своей близостью, хотя и находился на расстоянии четырех километров»[40], куда сложнее было отыскать хозяев этого самого холма, впрочем, они не стали прятаться, почуяв идущий от странных иностранцев соблазнительный запах денег. Почему странных? Так они оделись на манер древних греков, дамы расстались со своими модными платьями, каблуками, шляпками, перчатками и зонтиками, мужчины, пардон, сняли штаны и сапоги, и все вместе они облачились в туники и пеплумы[41], надели на ноги сандалии. Впрочем, богатым иностранцам можно все, а эти покупали мед, лепешки, фрукты, молоко и вино, приходили в восторг от старых тарелок, вдруг умоляли продать какую-нибудь сто лет не поющую свирель или вот, как сейчас, торговались из-за холма, на котором отродясь не было даже намека на воду – голые камни, на которых ничегошеньки не растет и куда даже козы не забредают. Впрочем, в давние времена там вроде как было кладбище, да только давно это было, так давно, что только сказки и остались.

Единственная нормальная женщина из всего этого полоумного семейства, с точки зрения местных, была жена чокнутого Августина, которая ходила в платье-директуар и прикрывала голову кружевным зонтиком, ее ножки были обуты в туфельки на низких каблучках, которые хоть и являлись менее удобными, нежели сандалии Айседоры, но для крестьян мадам выглядела именно так, как и должна была выглядеть богатая госпожа, все же остальные напоминали буйно помешенных или пьяных.

Поняв, что приезжие вознамерились во что бы ни стало приобрести никому не нужный холм, хозяева последнего заломили такую цену, что сердца наших героев дрогнули, впрочем, Раймонд сумел отыскать в Афинах грамотного нотариуса, который посоветовал устроить пир, на который семья Дункан пригласит всех своих соседей. «Так и только так делаются дела в Греции, – улыбаясь, объяснял он незадачливым клиентам. – Вот сделаете, как я скажу, и посмотрим, чья возьмет».

Праздник удался на славу, барашек на вертеле, свежие лепешки, сладкая выпечка, рыба нескольких сортов, жареная курица и множество блюд, названия которых Айседора не запомнила. Все это запивалось винами и крепкой раки. Все пели, танцевали, и, как и предсказывал афинский нотариус, в конце вечеринки акт о покупке земли был составлен и подписан. Заплатили они, правда, за выжженную землю с камнями и чертополохом изрядно, но да кто же обращает внимание на такую суетную вещь, как деньги, когда на кону исполнение заветной мечты? Кстати, холм, который приобрело семейство Доры

Дункан, носил гордое название Копанос, что переводится как «упрямый или твердолобый».

Приобретя холм, они заспорили, как должен выглядеть их храм, было много самых фантастических идей, но наконец за дело взялся Раймонд, который, пренебрегая помощью архитектора, лично набросал план постройки, перенеся на бумагу приглянувшиеся ему очертания дворца Агамемнона. Скромненько и со вкусом. Дора, Айседора, Августин и Елизавета одобрили проект, после чего очень довольный собой Раймонд нанял рабочих и носильщиков камней.

Церемонию закладки храма семья Дункан решила отпраздновать как величайшее событие своей жизни, для этого не занятые на строительстве женщины пригласили местного священника, который должен был освятить выбранное место. «Старый священник пришел в черной рясе и черной широкополой шляпе со свисавшей черной вуалью и потребовал черного петуха для жертвоприношения. Этот обычай берет свое начало в храме Аполлона, и был заимствован византийским духовенством и сохранился до наших дней. Не без трудностей черный петух был, в конце концов, найден и вручен священнику, вместе с ножом для жертвоприношения. Тем временем толпы крестьян собирались со всех сторон, из Афин приехало избранное общество, и к закату солнца на Копаносе собралось множество народу, – рассказывает в своей книге А. Дункан. – Старый священник приступил к обряду с внушительной торжественностью. Когда он попросил нас указать ему точные очертания будущего храма, мы исполнили его просьбу, танцуя по линиям квадрата, уже нарисованным Раймондом на земле. Он подошел к одному из больших камней, приготовленных для фундамента, и в ту минуту, когда огромный красный диск солнца скрывался за горизонтом, перерезал горло черному петуху, алая кровь брызнула на камень. Держа в одной руке нож, а в другой убитую птицу, он трижды торжественно обошел линию капитальных стен, после чего начал молитвы и песнопения».

После торжественного молебна был устроен пир, для которого вино и раку привозили на телегах в больших пузатых бочонках. На вершине холма был зажжен огромный костер, вокруг которого всю ночь до утра танцевали, пели и веселились, слушая музыку приглашенных на праздник деревенских музыкантов.

На этом празднике, в свете пылающего огня, члены клана Дункан поклялись друг другу не заключать больше браков и никогда не расставаться: «Пусть тот, кто женат, останется женатым…», впрочем, если бы супруга Августина вдруг

заистерила и убралась куда подальше, никто не счел бы ее отсутствие существенной потерей.

Что же до Айседоры. если поначалу, перебравшись в страну своей мечты, она, возможно, и мечтала о том, что в один из дней к ней примкнет блудный Ромео, к слову, подумаешь, большое дело, от Будапешта до Вены – всего-навсего четыре часа езды, а потом сесть на корабль и. да она бы встретила его в порту, теперь не дождавшись от Оскара Береги ни строчки, наша героиня была готова дать зарок безбрачия до вечных времен.

«Моего тела может быть достоин только гений».

(Айседора Дункан)

На следующий день общим советом выработали правила жизни на Копаносе: так, жители палаточного городка должны были вставать на рассвете, встречая солнце песнями и танцами, завтракать чашей козьего молока, после чего каждый шел работать. Предполагалось, что Айседора и Елизавета возобновят занятия танцами со всеми желающими, что же до остальных, они имеют возможность выбора – читать ли духовную литературу, играть на музыкальных инструментах, созерцать или заниматься любым иным видом творчества.

В качестве программы-максимум, или сверхзадачи, как сказал бы Константин Станиславский[42], предполагалось вернуть местных жителей к почитанию старых греческих богов и прежде всего, конечно же, заставить их расстаться с современной одеждой.

На второй завтрак разрешалось есть овощи сырые или вареные. Кроме того, предполагалось, что все члены семьи сделаются вегетарианцами. После второго завтрака все должны были посвятить несколько часов созерцанию и размышлению, а также подготовке к вечеру, так как начиная с заката и до середины ночи планировались различные языческие обряды, на которые предполагалось приглашать музыкантов из ближайших сел. В общем, достаточно интересная программа.

Рабочие интересовались, какой толщины должны быть стены возводимого здания? – Разумеется два фута, – невозмутимо ответствовал Раймонд, точно такими же, как стены дворца Агамемнона…

Строители кивали и молча возвращались к своей работе. Камень уходил в чудовищном количестве, и вскоре сделалось очевидным, что его понадобится раз в десять больше в сравнении с уже положенным. Впервые Айседора поинтересовалась стоимостью доставки одного воза и пришла к выводу, что еще немного, и они будут разорены. Впрочем, лиха беда начало, деньги еще оставались, а если бы и закончились, Айседора могла возобновить свои турне, в чем ей с радостью посодействовал бы Александр Гросс, но, как говорилось ранее, на треклятом холме вообще не было воды. Не только на холме, но и на несколько миль вокруг! Иными словами, уехать-то она могла, но стройка неминуемо застопорилась бы, так как вода была необходима для строительства. Осознав, наконец, серьезность проблемы, Раймонд принялся бурить артезианскую скважину. Снова потребовались деньги, рабочие, техника. средства улетали, а толку не было

никакого.

«Что же, мы так и будем сидеть сложа руки?!» – не выдержала Елизавета и повезла семью в Афины, где рассчитывала получить совет у вещих духов, населяющих Акрополь. Объяснив в администрации города цель своего приезда, клан Дункан получил особое разрешение бывать в Акрополе в ночное время, проводя там обряды в амфитеатре Диониса. Там при свете луны они планировали танцевать, а также слушать отрывки из греческих трагедий в исполнении Августина, дабы преисполниться величия этого места и в конечном итоге получить вещий сон или какое-то иное напутствие.

Как-то лунной ночью в театре Диониса они действительно услышали звонкий детский голос, певший песню. Дунканы не могли разобрать слов, не понимали смысла, но были очень взволнованны и щедро одарили юного певца из своих кошельков. На следующую ночь он пришел с двумя приятелями, потом собрал целый хор. Каждый раз богатые иностранцы раздавали малышам деньги, и каждую ночь детей в театре Диониса становилось все больше и больше…

Это был совершенно явный знак! Теперь Айседора с семьей устраивали конкурсы маленьких исполнителей, раздавая щедрые награды и угощая ребят всем, что только успевали прикупить за день в городе. Вскоре к их компании присоединился молодой студент-грек, знающий английский, он помог отобрать и записать самые древние песни, а также познакомил приезжих с профессором византийской музыки.

В результате конкурсного отбора у Дунканов появился хор из десяти мальчиков, а студент переписал для Айседоры и ее семейства «Взывающих» Эсхила. Теперь они учили древнегреческий, репетировали с хором и следили за строительством своего храма. Жизнь была прекрасна! В Греции Айседора провела год.

Хор для Айседоры

В то время в Афинах происходили громкие дебаты относительно того, какой язык должен быть принят на сцене – древний или новогреческий. И если аристократия во главе с королевской семьей стояли за более прогрессивный новогреческий язык, студенчество требовало введение древнегреческого языка. То тут, то там возникали стихийные демонстрации, когда несколько десятков молодых людей и девушек ходили по городу, размахивая флагами. Туники и сандалии семейства Дункан были с восторгом восприняты революционерами, так как этот стиль полностью соответствовал их вкусам. Несколько раз Дунканы примыкали к шествию, считая своим долгом высказать протест местной «тирании». После одной такой демонстрации Айседоре был предоставлен зал для представления. Десять мальчиков, одетых в хитоны, исполняли «Взывающих» Эсхила, в то время как Айседора танцевала.

Студенты отбивали ладоши и срывали голоса, приветствуя танцовщицу; вскоре весть о триумфе босоногой иностранки дошла до короля Греции, который поступил со смутьянами и революционерами как истинный философ и отменный политик, а именно попросил повторить выступление в Королевском театре.

Прием там был прохладнее, чем в студенческой среде, тем не менее его величество заглянул в уборную танцовщицы и пригласил ее подняться вместе в королевскую ложу, дабы представить Айседору ее величеству, но это знакомство не дало ровным счетом ничего. Королевская чета вполне могла почтить своим присутствием строительство храма или пригласить модную и весьма популярную танцовщицу во дворец, но они не собирались вкладываться ни в строительство, ни в возрождение древнегреческого театрального искусства. А значит, это следовало сделать Айседоре. Аполлон и его сестры живы, танцовщица знала это и была готова нести добрую весть по всему миру… но, к сожалению, она не могла передвигаться подобно стремительному посланцу богов Меркурию, которому нет дела до границ и человеческих условностей. Айседора же была вынуждена решать скучные задачи доставки камней на строительство, рассчитываться с местными рабочими и водоносами. Кроме того, ей приходилось вести переговоры с родителями «своих» греческих мальчиков, которые желали, чтобы дети учились или работали, прислуживая в кофейнях или на рынках, помогая пасти овец или ловить рыбу. Айседора обещала юным певцам театральную карьеру, собираясь вывести их в люди, и дать престижную и

хорошо оплачиваемую профессию. Но можно ли было добиться этого в Греции, в которой за целый год не нашлось ни желающего предложить ангажемент импресарио, ни спонсора, ни приличной прессы, которая заставила бы людей заговорить о самоотверженных американцах, ратующих за возрождение греческого искусства.

Нет, начинания Айседоры не были понятны ни аристократам, ни тем более простым людям. И если кого-то и можно было облачить в туники и сандалии, так это детей или иностранцев, для которых подобный стиль был бы дикой экзотикой. Молодежь хотела одеваться и жить по европейской моде, традиционно предпочитая иностранное отечественному.

Жизнь бурлила и неслась вперед – картины синематографа с двух-трех минут увеличились до пятнадцати и даже двадцати. Документальные фильмы соседствовали с первыми художественными, в которых бушевали страсти одна захватывающе другой. Постепенно киноактрисы с их ярким гримом начали входить в безусловную многонациональную моду, завоевывая сердца и заставляя женщин краситься и одеваться, согласно увиденному на экранах. В общем, возрождение Греции было не интересно прежде всего грекам.

Студенты хоть и являлись отличнейшей публикой, готовой отбивать ладоши на спектаклях мисс Дункан, но они не могли оплачивать аренду театра или устраивать Айседоре турне по своей стране. Каждый день Айседора занималась с хором в зале при гостинице, в которую они переехали вскоре после начала строительства храма. Дети пели словно ангелы, но стоило немалых трудов научить их еще и двигаться, сопровождая танцы Айседоры, которая выступала с сольной партией.

В конце концов, Дункан была вынуждена смириться с происходящим. Она не сумеет переделать греков, даже если посвятит этому всю оставшуюся жизнь, зато она может продолжать свои греческие танцы в Европе. Усилит программу греческим хором и снова начнет гастролировать по городам и весям. У нее ведь есть импресарио, достаточно отбить телеграмму, и театры Германии откроют свои двери. Из газет Айседора знала, что сразу же после ее последних блистательных гастролей появились десятки подражательниц, надевших белые туники и украсивших сцены голубыми занавесями. Многие из них называли себя ученицами легендарной Айседоры и ее последовательницами, самые наглые представлялись ее именем, копируя прическу, наряды и беззастенчиво подделывая американский акцент. С этим определенно нужно было что-то делать, и не сидя в Афинах. Вообще, по большому счету, она сама

была во всем виновата. Сначала поднять такую волну, а затем вдруг отойти на целый год от дел, убежать в Грецию, оккупировать никому не нужный холм.

Договорившись с родителями мальчиков и уболтав студента стать в Европе их переводчиком, помогая в общении с маленькими актерами («новогреческая» танцовщица по-прежнему не знала греческого языка), Дунканы были готовы к новым подвигам. Десять мальчиков шли по перрону за своей учительницей, завернутой в греческий белоголубой флаг. Их сопровождали родственники детей и обожавшие Айседору студенты.

Возвращение божественной Дункан должно было стать событием для любившей ее публики, и если копирующие ее самозванки могли повторить трюк с белой коляской, Айседора вышла из поезда в Вене в сопровождении курчавых загорелых мальчиков, волосы которых были украшены лавровыми венками и цветами, все как на подбор в ярких туниках, сандалиях и, естественно, без штанов. Явление, мягко говоря, шокирующее. Решившие, что представление уже началось, публика приветствовала Айседору, а она, пользуясь случаем, произнесла речь прямо у поезда. После чего компания отправилась в гостиницу «Бристоль», где они заняли целый этаж.

Первое выступление в Вене. Айседора представила публике хор «Взывающих» Эсхила, исполненный на сцене греческими мальчиками, сама же Дункан танцевала, изображая целый театр данаид. «У Даная было пятьдесят дочерей; моей тонкой фигурой было трудно изобразить чувства пятидесяти дев, но я делала все, что могла, чувствуя множество в единстве».

О, Зевс, беглецов покровитель, взгляни
Благосклонно на нас,
По морским волнам прилетевших сюда
С устий Нила, песком
Занесенных. Покинуть свой край святой,
Смежный с Сирией, не приговор суда
Нам велел, не за то, что пролили кровь,
Нам выпал удел изгнанниц.

Пели на греческом мальчики, а Айседора старалась передать плач несчастных дев танцем. Предполагалось, что сидящая в зале публика так же хорошо знает трагедию Эсхила и понимает, что происходит на сцене. Впрочем, Дункан была молода и очаровательна. Мальчики за ее спиной пели нежными чистыми голосами, время от времени воздевая руки к небу, точно взывали

к далеким богам, вдруг брались за невидимые весла, гребя подальше от берегов Египта, или разом падали на колени, устремляя взоры на Айседору, так что зрелище впечатляло.

После представления гостиницу «Бристоль» посетили сразу несколько журналистов, которых Айседора приняла, будучи одетой уже по последней парижской моде в окружении своей семьи. После того как журналисты сделали несколько фотографий, им были представлены мальчики из хора, после чего учитель увел их с глаз долой, и Айседора уже могла отвечать на вопросы, не досадуя на то, что часть пришедших поговорить о высоком журналистов бессовестно пялится на голые мальчишеские коленки.

Среди представителей прессы, освещающей новое турне божественной Айседоры, был журналист Герман Бар[43], с которым она познакомилась в Вене в свой прошлый приезд, когда Дункан выступала перед артистами в Kunstlerhaus'e. Тогда он сделал лишь небольшую заметку, но теперь, вдохновленный повзрослевшей и сделавшейся более интересной Айседорой, собирался создать цикл очерков.

Они быстро нашли общий язык и подружились, так что вскоре журналист зачастил в «Бристоль», болтая с Айседорой ночи напролет. Многие утверждали, что это больше, чем дружба, но сама Дункан отрицает подобные домыслы. Она была заинтересована донести до публики свои идеи, объяснить, растолковать, а если понадобится, и расшифровать то, чем она занимается. Выступления проходили каждый день, и неизменно зрители зевали на «Хоре Взывающих» в первом отделении, впадая в неистовство, когда во втором танцовщица исполняла «Голубой Дунай».

Несмотря на то что публика осталась равнодушна к хору, Айседора собрала более чем внушительную сумму денег, но, вопреки прогнозам журналистов, не ринулась снова в Грецию, а продолжила гастроли, на этот раз устремляясь в Мюнхен. По предварительной договоренности, здесь – в музыкальном мире, которым некогда правил божественный Вагнер и царил лучший из королей Людвиг Баварский, Айседоре предстояло выступать для рафинированной артистической публики. Перед представлением профессор Фуртвенглер[44] прочел лекцию о греческих гимнах, далее выступил греческий хор, танцы пятидесяти данаид в исполнении мисс Дункан, и… после представления Айседора не выдержала, и вышла еще раз, теперь с объяснениями и комментариями к увиденному: «Разумеется, на сцене вместе со мной должны танцевать сорок девять дев, и когда-нибудь так будет. Я организую школу, и мои воспитанницы

будут петь под аккомпанемент хора, как это было в древнем театре».

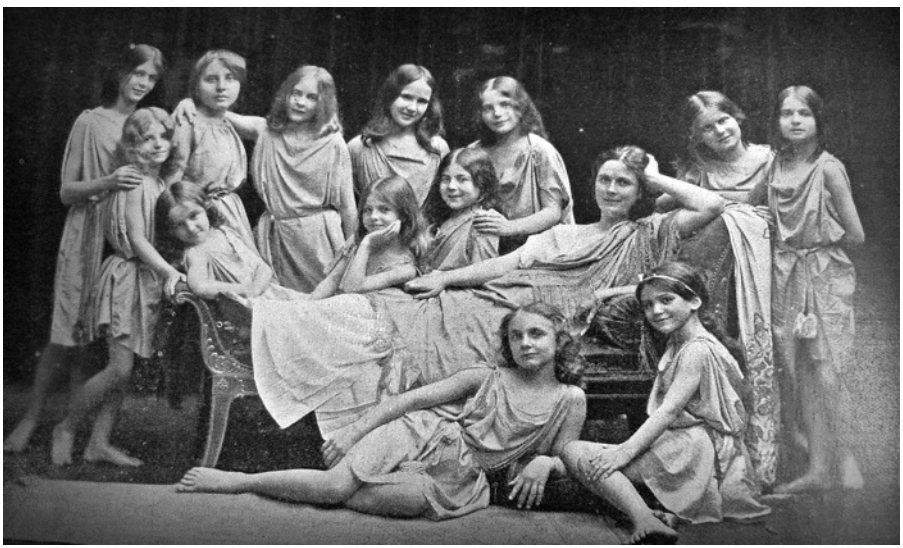
Благодаря стараниям Иоганна Адольфа Михаэля в Мюнхене театр Дункан собрал обильный урожай прессы, на спектакли повалил народ, а впереди был еще и Берлин. Понимая, что во многом мюнхенский успех – дело рук профессора Фуртванглера, Айседора обратилась к нему с просьбой сопровождать ее труппу в Берлин. К сожалению, профессор был занят. Но, выслушав Айседору, он предложил кандидатуру своего друга профессора Корнелиуса, который представил бы берлинской публике Айседору, поведав о греческом хоре, и все бы было ничего, как вдруг в планы Дункан вмешалась сама природа.

Сколько было ее мальчикам, когда она только начала работать с хором? – 9—12 лет… они взрослели не по дням, бесясь от безделья и необходимости жить в чужой стране по чуждым им законам, питаться непривычной пищей и изнывая при этом от скуки. Целый день они бегали по гостинице, пугая постояльцев и катаясь на широких перилах лестниц или выпрыгивая в окна. Привыкшим к свободе и играм на воздухе, теперь им предлагали чинные прогулки по парковым дорожкам, при этом мальчикам рекомендовалось ходить парами, чуть ли не держа друг дружку за руки. Добавьте к этому маниакальную страсть Дункан к греческой одежде. То есть подростки были вынуждены выходить из гостиницы без штанов и нормальной обуви, что не могло не привлекать повышенного внимания, провоцировать любопытные взгляды и улюлюканье. Мальчики бесились от такой жизни, но ничего не могли с этим поделать. Они не знали языка, да и мудрено выучить язык, когда окружающие их взрослые говорит между собой на английском, а они путешествуют по Баварии и Германии.

Однажды, когда Айседора с сестрой выводили на очередную прогулку своих повзрослевших питомцев, навстречу им на своей лошадке выехала королева, за которой следовала небольшая свита. Увидав полуодетых подростков, королева вскрикнула от неожиданности, а ее лошадь шарахнулась в сторону, сбросив венценосную наездницу. Удивительно, что дело не дошло до полиции. В другой раз к мисс Дункан обратился директор гостиницы, в которой она и ее семейство с хором поселилось в Берлине. Оказалось, что бесштанная команда устроила дебош в столовой, сначала кидаясь в официантов бифштексами и затем оттеснив персонал к дверям кухни, под угрозой украденных со столов ножей требуя, чтобы им дали сырого лука, оливок и черного хлеба. Запрет на лук исходил от самой Айседоры, которая не желала, чтобы в театре воняло.

Изгнанные из одной гостиницы, они перебрались в другую, третью. везде повторялись гнусные шалости ее протеже, за тем исключением, что теперь они не удовлетворялись оливками и луком, а требовали подать им на стол вино.

Не желая привлекать внимание прессы к своим питомцам, Айседора купила квартиру в Берлине, куда были доставлены десять кроватей. Хор был нужен далеко не на всех выступлениях босоногой Дункан, так что, в то время когда зал рукоплескал стоя, скандируя «Танцуйте лучше “Голубой Дунай”», маленькие мерзавцы смывались из своих комнат и гуляли в местных пивных и греческих забегаловках, где курили, приучались к выпивке, кто-то находил себе развеселую подружку, а кто-то делал первые попытки зарабатывать на жизнь собственной молодостью и красотой.



Айседора Дункан с воспитанницами своей школы

Айседора не желала слушать об их проделках, умоляя приехавшего с хором из Греции студента образумить своих подопечных, или нежно выговаривала им, стараясь вернуть заблудших чад на путь гармонии и красоты. Но подростки уже дорвались до свободы и, позволяя читать себе нотации, позже неизменно повторяли отвратительные подвиги, полагая, что в Германии Дунканы ни за что не найдут им замены, а стало быть, продолжат терпеть. Меж тем природа брала свое, мальчики стремительно взрослели, и их божественные голоса начали предательски ломаться, так что как бы трепетно ни относилась Айседора к своему хору, но и она уже не могла терпеть постоянной фальши. В довершение всего «загуляли» не только

«детишки», но и их многогрешный наставник, который появлялся в театре все реже и реже, не объясняя причин частых отлучек. Дошло до того, что в дом Дункан явилась полиция. Оказывается, доблестные служители порядка уже давно взяли на заметку подозрительный особняк, из окон которого по ночам, по свидетельству соседей и тех же полицейских, каждую ночь выпрыгивали юноши в ночных рубашках, которые всю ночь затем шлялись по притонам, где водили компании с самым настоящим отребьем. Еще точнее – с живущими в Германии и промышляющими кражами и содержанием веселых девок, греками. Из вышесказанного Айседора сделала следующие выводы: как бы она ни вела себя, с этого момента ее отношения с греческим хором зашли в тупик, из которого всего два выхода – либо мальчики обкрадут ее саму и сбегут неведомо куда, а она при этом будет держать ответ перед их семьями и полицией, либо они обнесут кого-нибудь из соседей, а отвечать опять же придется ей.

Надо было что-то делать, причем не мешкая. Объяснив своему семейству сложившуюся ситуацию, она попросила помочь ей в нелегком деле депортации хора. На следующий день Айседора вывела десять оболтусов из дома, и под охраной Раймонда и Августина они дошли до большого магазина Вертгейма, где каждому хористу было куплено по паре готовых брюк. После чего юношей доставили на вокзал в экипажах, из которых их не выпускали, пока Айседора не сбегала за билетами до Афин. Только убедившись, что все молодые люди сидят на своих местах и никто не попытался выбраться из вагона, а пьяный с вечера учитель хоть и злится, но все же надзирает за своими питомцами, семейство Дункан проводило поезд и только после этого вздохнуло с видимым облегчением. Возрождение греческого искусства временно пришлось приостановить, но Айседора так намучилась со своими воспитанниками, что и сама была рада отвязаться от них. Теперь со свободными руками, она могла снова подумать о танцах под музыку Глюка и Шопена, Мендельсона и Вагнера, этот период показался ей приятным возвращением в лоно любящей и любимой семьи. Впервые со дня возвращения из Греции она была спокойна и счастлива.

В доме Вагнеров

Айседора работала каждый вечер, танцуя в театре, репетируя и посвящая все свое свободное время изучению философии. Гулянки по кабакам с поклонниками, кареты, запряженные студентами… – все это кажется таким далеким просиживающей часы досуга за «Критикой чистого разума» танцовщице. Айседора мыслила создать танец, немая речь которого сделается понятной для любого человека земли. Ведь танец – универсальный язык, который необходимо чувствовать. Именно посредством пластики и музыки она надеялась передавать публике не просто свое видение мира, а некий священный текст, своеобразное евангелие жизни. Человеческое тело помнит множество своих прежних воплощений, сохраняет память предков, а возможно, и еще что-то. В каждом сокрыта некая божественная, спасительная весть, которая больше, чем религия, больше, чем сила судьбы…

Новый знакомый Карл Федерн[45] приходит в будуар к прекрасной Айседоре, дабы читать ей «Заратустру» на немецком. Она свободно говорит на этом языке, может объясниться с модисткой или официантом в кафе, но ее уровня явно недостаточно для понимания серьезной литературы. Многое из того, о чем пишет философ, кажется ей недоступным. Карл не спешит, то и дело останавливаясь и внимательно вглядываясь в глаза своей новой ученицы, поняла ли? Он готов объяснять, находя все новые и новые подходы, приводя примеры. Работа идет медленно, но каковы результаты!

Айседора увлечена своей учебой и требует, чтобы господин Федерн посещал ее каждый день. Но тут подходит время гастролей. Дункан в ужасе и озлоблении, она капризно топает ножкой, требуя, чтобы ее оставили, наконец, в покое. Казалось

бы, только-только она начала что-то понимать, и тут… «Перерыв крайне нежелателен, – вторит Айседоре герр Федерн, – вы забудете, потеряете связующую нить, придется все начинать сначала». Но труба зовет, и, проклиная свою жизнь, Айседора вынуждена садиться в поезд и ехать в Гамбург, Ганновер, Лейпциг. названия станций и городов мелькают перед глазами, лица людей сливаются в одну сплошную массу. Но каждый вечер она выходит на сцену, танцуя заранее оговоренную программу, чтобы после выступления ответить на вопросы журналистов и, уже оставшись одна, продолжать читать выданный в качестве домашнего задания конспект. Неделя сменяется другой, она возвращается домой, но продюсер уже стучится в дверь с новым невиданным контрактом – на этот раз Айседору ждет

триумфальная поездка по всему миру!

Всего пару лет назад она бы ухватилась за это предложение руками и зубами, теперь же Айседора медлит, настало время собирать камни, впитывать, учиться, постигать и перерабатывать. Она никогда не стремилась иметь много денег, заботясь лишь о том, чтобы у нее и ее близких была крыша над головой и еда в тарелках. Подражая матери, Айседора не тратит средств на украшения, а если и предпочитает модные и дорогие вещи, то только потому, что прекрасно понимает, по тому, как она выглядит, судят о ее востребованности и популярности. У нее уже есть дом в Берлине, постоянная работа, теперь если и копить на что-то деньги, так это на собственную школу. Но для школы еще не пришло время. Ей пока нечего сказать многочисленным кляйне медхен, которые когда-нибудь заполнят танцевальные классы. Айседора понимает, что недостаточно показать движения танца, стоя у балетного станка, танцовщица механически обучается тем или иным трюкам, но это ведь только тело, его можно вышколить, сделав идеальным инструментом, а вот как настраивать душу? Как воспитывать органы восприятия? Научить красоте, помочь истончить чувства? В то время как танцы Айседоры рождаются прямо перед зрителями, она не имеет представления, возможно ли передать это самое чудо живой импровизации другим людям. Нетрудно развить мышцы и поставить танцы, но это уже будет не школа Дункан, а мертворожденный продукт, колосс на глиняных ногах! Обычно Айседора знает несколько основных точек танца, она помнит, в какой момент музыки должна поднять руки, а в какой – закружиться по сцене, точно попала в хоровод нимф, но ее движения невозможно превратить в сухую схему, по которой позже другая танцовщица сможет станцевать точно такой же танец. Бесполезно требовать от учеников, чтобы они слепо подчинялись придуманным мастером движениям. Жесты, повороты головы и корпуса должны рождаться в самом танцовщике. А следовательно, необходимо сначала воспитать танцовщика, привести его к необходимости создавать танец. Обо всем этом следовало хорошо подумать, но ее мысли неизменно сводились к тому, что, сделав себе имя и добившись славы, прежде всего она должна учиться сама, учиться каждый день, и не только танцу, мозг и чувства должны истончиться, превратившись в дивный инструмент, такой же, каким уже являлось ее натренированное, сильное тело. Контракты срывались один за другим, антрепренер платил неустойки, в Европе то тут, то там появлялись лже-Дунканы, а Айседора продолжала сиднем сидеть в своем ателье, штудируя все новые и новые книги. В конце

концов, танцовщица настолько истомилась в этой непрестанной борьбе с собственным импресарио, что запросилась на отдых в Байрот, где она собиралась изучить творчество великого Вагнера.

Не попросила, а поставила перед фактом, да еще не когда-нибудь, а в начале сезона, когда самое время работать. Странный поворот для человека, прекрасно понимающего, как важно не упустить золотое время. Но подобный поступок Дункан продиктован не захватившей ее волной бабьей истерики, как это можно было бы расценить, а единственно посещением ее вдовой великого композитора. Не имеющая представления о гастрольных сезонах, эта милая женщина просто появилась в репетиционном зале нашей героини, предложив ей погостить в Байроте, где они могли бы подробно обговорить возможность сотрудничества.

Посетить дом самого Рихарда Вагнера – легендарную виллу «Ванфрид», гулять по тем же дорожкам в парке, по которым гулял он, сидеть на любимой скамейке композитора, трогать его вещи… Айседора не могла отказать фрау Вагнер[46] и, главное, себе самой посетить это священное место.

По свидетельству вдовы Рихарда Вагнера, ее муж ненавидел балет с его условностями, мечтая поставить «Вакханалию» и «Танец цветочных дев» скорее в народной традиции, нежели средствами полностью придуманного вычурного танца. Сама Козима трепетала от отвращения, представляя, как испоганят означенные сцены танцовщики берлинской балетной труппы. Козима бывала на выступлениях Дункан, но отчего-то не уловила, что во всех танцах Айседора присутствовала на сцене в единственном числе. Должно быть, разволновавшись, вдова действительно увидела целый взвод прекрасных нимф или просто посчитала, что попала на сольный концерт мисс Дункан и, кроме этого зрелища, есть и другие, большие спектакли, где рядом с непревзойденной Айседорой танцуют ее коллеги и ученицы.

Собственно, Козима Вагнер и приехала в Берлин, дабы уговорить Айседору и ее труппу станцевать в «Тангейзере». Ах, как же идеи этой восхитительной женщины гармонировали с мечтами самой Айседоры… ей бы такую школу, такой театр!

Поняв свою ошибку, Козима нимало не смутилась и тут же предложила Айседоре выступить с балетной труппой, на том условии, что госпожа Дункан, естественно, возьмет на себя заглавную партию. Но тут пришел черед упереться Айседоре, так как ее взгляды не позволяли исполнительнице «танца будущего» соприкасаться с балетом, каждое движение которого оскорбляло ее чувство красоты.

«Ах, почему еще не существует моей школы! – всплеснула руками Айседора, – тогда я могла бы привести вам в Байрот

толпу нимф, фавнов, сатиров и граций, о каких мечтал Вагнер. Но что я могу сделать одна? И все-таки я приеду и постараюсь дать хотя бы слабое подобие чудных, нежных, сладострастных движений Трех Граций, которых я уже вижу перед собой».

В самом начале сезона, махнув рукой на гонорары, публику и прессу, Айседора действительно отправилась в Байрот, где поселилась в гостинице «Черный орел». Жаль, что приглашающая ее Козима не удосужилась предложить гостье одну из комнат своего дома, но Айседора и так была на седьмом небе от счастья. Ведь фрау Вагнер, что ни день, приглашала ее завтракать, обедать или провести вечер в приятной компании, которая состояла из писателей и поэтов, музыкантов и деятелей театра. В доме покойного маэстро гостили художники и философы, заезжали коронованные особы и постоянно проводились концерты и вечера, на которых выступали такие корифеи, как Ганс Рихтер[47], Карл Мук[48], Гумпержинк[49] и любимый зять Козимы – Генрих Тоде[50]. Последнее время Генрих трудился над жизнеописанием святого Франциска, главы из книги он читал на вилле «Ванфрид» чуть ли не каждый вечер. Здесь всегда было много гостей, друзья, родственники, знакомые и просто почитатели творчества Вагнера гостили в доме Козимы неделями, тем не менее фрау Вагнер ни разу так и не предложила очаровательной американке комнату в особняке. И даже когда домашние концерты затягивались далеко за полночь, никто не просил ее остаться. Дело в том, что в особняке находился сын Козимы и Рихарда – Зигфрид[51] – молодой человек на восемь лет старше Айседоры. Оба ладные и пригожие, много ли надо, чтобы весьма привлекательная девушка понравилась пылкому юноше? Что же до своего любимого чада, то, даже если бы он и несильно глянулся приезжей, ей должна была льстить сама мысль породниться со своим кумиром, войти в семью Вагнеров. Но тут следовало все как следует взвесить и подготовить. В случае если бы Айседора Дункан стала Айседорой Вагнер, Козима могла бы с чистой совестью начать задумываться о том, чтобы уйти на отдых, – архив ее великого мужа, его театр, его дело оказались бы в более чем надежных руках. В этом плане она больше доверяла сильной, пробивной и уже весьма знаменитой Айседоре, нежели своему рохле сыну. Поэтому Козима смотрела на гостью, как смотрела бы на потенциальную невестку, которой до брака не место в доме жениха. Сама Козима еще не забыла тех неприятностей, которые сопутствовали ее любви и жизни с Рихардом, своей раз и навсегда порушенной репутации, поэтому, обжегшись на собственном плачевном опыте, к будущей жене сына она предъявляла весьма строгие требования.

Едва поздоровавшись с гостьей, поинтересовавшись ее самочувствием и не устала ли она в дороге, Айседору повели на могилу Рихарда Вагнера, которая находилась в саду, у дома, собственно, она хорошо просматривалась из окон библиотеки. Величественная, с аристократическими чертами лица, Козима провела Дункан, как показалось вначале Айседоре, к круглой заросшей травой и цветами клумбе, – оказалось, что это и есть могила Вагнера. Вместе они постояли там, слушая птиц и доносящиеся из дома голоса гостей. В этот момент сразу несколько человек выбрались на полукруглый балкон второго этажа, Айседора слышала их, стараясь сосредоточиться на веселенькой клумбе. Не особенно любя кладбища, здесь она не ощущала того мистического ужаса, посещавшего ее всякий раз, когда ноги заносили девушку за кладбищенскую ограду и она вдруг оказывалась в окружении печальных надгробий. В доме Вагнера не было места смерти и тлену, как и во время жизни маэстро, его друзья собирались поговорить о литературе и музыке, выступить перед собранием, найти единомышленников. Неоднократно во время этих своих байротских каникул перед собравшимися танцевала и Дункан.

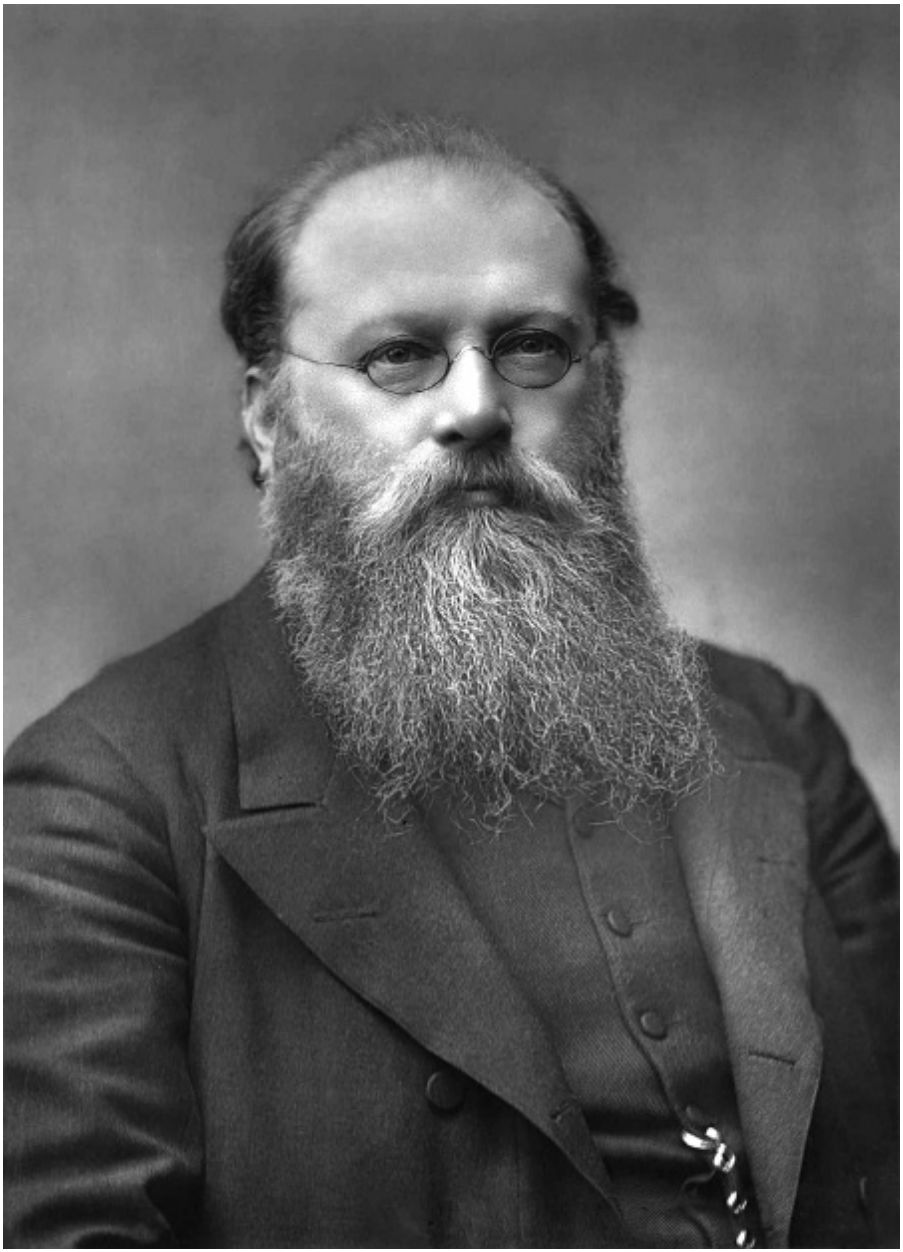
Меж тем в байройтском театре проходили репетиции опер: «Тангейзер», «Кольцо нибелунгов», «Парсифаль»; Айседора старалась не пропускать репетиций, выучив все тексты опер. Иногда на репетициях появлялся зять Козимы Генрих Тоде. Полностью поглощенный жизнью святого Франциска, он, так же как и Айседора, искал вдохновения в музыке Вагнера.

Когда он, задумавшись, бродил по пустому театру или грустил в темном углу ложи, друзья в шутку называли его святым Франциском, заклиная всех, кто оказывался в это время неподалеку, не мешать гению. При этом они шикали, умоляли и причитали так громко, что несчастный Генрих был вынужден бежать от них или, если у него это не получалось, проставлялся в буфете пивом, поднимая первый тост за святого Франциска.

Время между репетициями Айседора сидела со своими новыми друзьями в театральном буфете, привыкая к замечательному баварскому пиву и поглощая сочные, брызжущие соком сосиски. По вечерам, когда на вилле «Ванфрид» собиралось общество, она показывала тот или иной фрагмент из опер Вагнера, то обращаясь нежной, страстной Зиглиндой, то обманутой Брунгильдой… Танцуя, она поднималась на цыпочки, дотягиваясь до манящего ее кубка Грааля и падала замертво, произнося проклятия Кундри.

Вполне довольный ее пластическим решением некоторых сцен, добрый и вечно готовый болтать за кружечкой пива, Ганс

Рихтер лихо наворачивал приготовленные специально для него горячие колбаски и булочки, убеждая танцовщицу поддерживать творческие силы усиленным и, главное, вкусным питанием. Ведь расходуемая энергия велика, и черпать ее организм может не иначе, как из здоровой пищи. Довольный, он оглаживал широкую густую бороду, вытирал сальные руки салфеткой, чтобы посмотреть на часы, и, убедившись, что время еще есть, неизменно просил добавки. Философия дирижера было настолько заразительна, что ей следовали все певцы и танцоры театра. Впрочем, усиленное питание отнюдь не мешало им перевоплощаться в богов и героев, так как, по общепринятому мнению, в то время когда бренное тело страдает одышкой или изжогой, божественный дух, благодаря которому художник создает образ, достигает горного мира. Астральный двойник мало чем связан с физическим телом, душа способна воспарить к престолу творца, в то время как тело. в общем, это было время, достойное кисти Рубенса. Люди говорили о духовном и возвышенном, при этом не отказывая себе в земных радостях и доступных удовольствиях. Тогда духовность еще не олицетворялась с непременной изможденностью и аскетизмом, а худощавые женщины были вынуждены лечиться у самых известных врачей, пробуя на себе новомодные диеты, способствующие набору веса и, как следствие, приятной во всех отношениях пышности.



Ганс Рихтер (1843–1916) – австро-венгерский оперный и симфонический дирижер, почетный гражданин Байрейта

Много раз, покидая гостеприимный дом Вагнеров, Айседора сетовала про себя на то, что, несмотря на духовную близость и совместную работу, Козима так и не предложила ей занять пару комнат на ее вилле. Конечно, в «Черном орле» было больше места, одна из комнат, предоставленных Айседоре, оказалась настолько просторной, что в ней можно было репетировать, но

едва приглашенная музыкантша садилась за инструмент, а Айседора делала первое движение, соседи начинали стучать в потолок и стены, требуя соблюдать тишину. Что неудивительно, учитывая, что в театре Айседора была днем, вечером присутствовала в особняке «Ванфрид», а ночью… ночью хотела нормально порепетировать. Разумеется, днем она могла работать в театре, одной танцовщице не требуется слишком много места, но тогда она потеряла бы возможность изучать спектакли, слушать божественную музыку покорившего ее раз и навсегда Вагнера. К тому же весьма непросто, привыкнув работать в любое время суток, вдруг начать ограничивать себя, да еще и где? Можно сказать, на собственной территории, за которую платишь немалые деньги!

Это было крайне неудобно, так что Дункан предпочла подыскать себе другое жилье. Сказано – сделано. Много раз, гуляя по саду Эрмитажа, Айседора проходила мимо старого охотничьего домика, известного под именем павильон Маркграфа, или «Филипсруэ» (отдых Филиппа). Наша героиня сразу влюбилась в его мраморные ступеньки и очаровательный запущенный сад, в котором, казалось, должны были жить эльфы. В этом доме с давних пор обитало крестьянское семейство. Однажды, набравшись храбрости, Айседора постучала в дубовую дверь и, представившись вышедшей на порог улыбчивой хозяйке, спросила разрешение осмотреть дом. Всего одна большая и достаточно запущенная комната, в которой отдыхали после удачной охоты местный правитель и его свита, огромный камин, где можно было поджарить на вертеле кабана, – все это сразу же очаровало Айседору, поэтому она, не торгуясь, предложила семейству огромную сумму с тем условием, что они соберутся и съедут в течение трех суток. Дом она предполагала использовать все лето. Хозяева были настолько огорошены щедрым предложением, что немедленно согласились принять деньги и тут же принялись собирать свое имущество.

Айседора же вызвала маляров и столяров, которым было поручено привести домишко в порядок, она выбрала нежный светло-зеленый цвет для стен и, убедившись, что ее правильно поняли, отправилась в Берлин, где заказала доставку диванов, соломенных кресел, книг и множество других необходимых ей на новом месте вещей. К сожалению, ей не удалось убедить Дору и Елизавету поехать вместе с ней в Байрот, так как те проводили лето в Швейцарии, Августин жил со своей семьей, а Раймонд, в очередной раз уломав младшую сестру дать ему денег, отправился в Афины, заканчивать строительство Копаноса.

Генрих Тоде

Со времен памятных гастролей в Будапеште, прошедших под знаком сумасшедшего романа с Оскаром Береги, прошло два года. Боль ушла, а чувства словно замерли. Теперь Дункан упивалась музыкой и зачитывалась философией, в который раз обещая себе, что ее жизнь целиком и полностью будет посвящена искусству.

Она снова носила хитоны и сандалии, желая вжиться в образ Брунгильды, научилась скакать верхом и даже приобрела лошадь, выставленную на продажу, после того как ее проиграл в карты бравый офицер. Кобылка оказалась с норовом, привыкшая к наезднику-мужчине, она не собиралась слушаться молодую девушку, которая пыталась договориться с ней по-хорошему и вопреки всем советам упорно отказывалась приделывать шпоры к своей странной обуви. Вредничая, по дороге на репетицию, а Филипсруэ находилось на приличном расстоянии от театра, и Айседоре приходилось ездить верхом, своенравная лошадь останавливалась возле каждого трактира, где когда-то любил сиживать с приятелями ее хозяин. Упрямое животное требовало хлеба и общения с другими офицерскими лошадьми. Обычно спасал ситуацию хозяин питейного заведения или кто-то из господ офицеров, прекрасно знавших и лошадь, и ее бывшего владельца. Строптивицу брали под уздцы и уводили подальше от злачных мест, после чего новоявленная Брунгильда с опозданием добиралась-таки до театра.

Опасаясь жить одна в целом доме, Айседора пригласила к себе девушку Мэри, нельзя исключать, что это могла быть Мэри Дести[52], с которой наша героиня познакомилась в 1901 году, хотя Мэри – распространенное имя. Кроме того, она наняла прислугу, лакея и кухарку, которые устроились в небольшой, но уютной гостинице по соседству, приходя в Филипсруэ по мере нужды в их услугах.

Тем не менее ночью Айседора и Мэри оставались одни, не располагая никакой охраной и рассказывая друг дружке леденящие душу истории. Однажды ночью, когда Айседора читала «Истории жизни Микеланджело», к ней подошла Мэри и, приложив палец к губам, попросила потушить свет и идти за ней.

«Я не хочу тебя пугать, Айседора, но подойди к окну. Вот уже несколько дней после полуночи сюда приходит какой-то человек и, не спуская глаз с твоего окна, стоит чуть ли не до рассвета. Не вор ли это?»

Айседора очень испугалась, тем не менее немедленно потушила лампу, и крадучись они подошли к окну. Все было, как

сказала Мэри, под окном стоял Генрих Тоде, от чтения книги которого ее только что оторвала подруга. «Как забавно, – подумала Айседора, – выходит, этот милый молодой человек способен любить не только литературу. Дункан накинула на рубашку пальто и выбежала к несущему свою вахту Тоде.

Вообразивший себя святым Франциском, Генрих увидел в Айседоре соответственно святую Клару и влюбился в нее и за себя, и за своего персонажа. Он смотрел на нее глазами, полными любви, и Айседора вдруг осознала, что тоже влюблена в Генриха!

Всю ночь они разговаривали или просто сидели молча, боясь спугнуть охватившее их обоих чувство. С этой ночи они сделались почти неразлучными, то сидя рядом на репетициях «Парсифаля», то гуляя по паркам, то присутствуя на очередном обеде или вечере в доме Вагнера.

Однажды Айседора сильно поспорила с Козимой относительно сцены «Вакханалии» в «Тангейзере». С присущим ей энтузиазмом и азартом девушка выложила перед вдовой свое видение танца Трех Граций и даже протанцевала кусочки, попутно объясняя, как движения танцовщиц будут сочетаться друг с другом и общей мизансценой. Козима была возмущена трактовкой столь важной в спектакле сцены, с плохо скрываемой яростью доказывая своей гостье, что маэстро ни за что бы не одобрил придуманных ею новшеств. Ну, нет так нет, хозяин – барин. Айседоре оставалось только выслушать возмущения фрау Козимы, пообещав ей сделать все так, как это указано в бумагах композитора. От своей идеи она, понятное дело, не отрекалась, просто решила оставить ее до лучших времен, а пока не портить отношения с фрау Вагнер. Да и саму Дункан в ту пору куда больше волновали собственные чувства и ночные свидания с Генрихом, который очень удачно как раз закончил очередную главу, которую и обещал принести в «Филипсруэ».

Айседора сгорала от желания отдаться своему новому возлюбленному, но тот преступно медлил, чувства ее обострились до такой степени, что она могла вскрикнуть или даже потерять сознание, когда Генрих дотрагивался до ее руки или нежно обнимал за талию. Ни разу в жизни не испытывая ничего подобного, Айседора упивалась новыми ощущениями, преданно глядя в зеленые глаза своего избранника. Она не могла ничего есть и вскоре утратила сон, день за днем доводя себя до нервного истощения. На репетициях она могла разреветься, слушая арию, или вдруг начать говорить глупости. Неудивительно, что и с фрау Вагнер она не стала спорить, доказывая свою правоту, не потому, что считала вдову единственно правой, а просто оттого, что думала в этот момент совсем о другом.

Находясь в постоянном любовном томлении, Айседора посещала лекции об искусстве, которые с недавнего времени начал проводить Генрих в доме Вагнеров, а ночью он прокрадывался в дом Айседоры, где, устроившись рядом с ложем своей дамы, снова и снова зачитывал ей главы из «Святого Франциска». С вечера до утра, дабы покинуть «Филипсруэ» с первыми лучами солнца, когда соседи еще спят и никто не сможет обнаружить женатого Тоде рядом с домом незамужней Дункан в столь неподходящий час.

Но однажды утром, покидая бледную после бессонной ночи Айседору, Тоде был все же застигнут «на месте преступления», да не кем-то, а собственной тещей, которая после спора с танцовщицей не смогла уснуть, разбирая архив своего дорогого супруга, с единственной целью – предъявить упрямице Дункан собственноручные записи Рихарда относительно спорной сцены. Каково же было ее удивление, когда в тоненькой, неприметной тетрадке, о которой она совсем позабыла, вдова вдруг обнаружила детальное описание танца «Трех Граций», каждое слово которого полностью совпадало с тем, что безуспешно пыталась донести до нее невероятная американка!

«Дорогое дитя, – сказала она, потрясенная и взволнованная, – должно быть, сам маэстро вдохновил вас. Взгляните сюда, вот его собственные записи – они всецело совпадают с тем, что вы постигли бессознательно. Теперь я не стану больше вмешиваться, и вы будете совершенно свободны в вашем толковании танцев в Байройте»[53].

Неизвестно, что подумала про себя фрау Козима, увидев в столь ранний час рядом со своей «будущей невесткой» собственного зятя. Внешне она сделала вид, будто бы не находит в этом ничего особенного, пришла же ей самой блажь навестить Айседору в столь ранний час, так почему же…

Впрочем, она была действительно взволнована бессонной ночью и, главное, обнаруженными записями. Фрау Вагнер оставила Дункан в смешанных чувствах, решив, что сегодня же серьезно поговорит с Зикфридом и убедит его, наконец, сделать предложение.

Козима Вагнер

Пережив много стыда и разочарования, на старости лет Козима сделалась ярой католичкой, она активно посещала церковь, стараясь замаливать грехи за себя и за Рихарда. А ведь было что замаливать.

Позволю себе немного отклониться от хода нашего повествования об Айседоре Дункан, дабы хотя бы в общих чертах поведать историю любви и позора Козимы и Рихарда. В конце концов, живя в цивилизованном обществе и имея доступ не только к газетам, но и невольно общаясь с реальными свидетелями их романа, Айседора не могла не знать об этой нашумевшей в свое время истории.

Итак, Козима Франческа Гаэтана Лист была дочерью композитора Листа и графини Мари д'Агу. Влюбленных связывал многолетний бурный и скандальный роман, который они не стремились скреплять брачными узами. В 1837 году, желая удалиться от света и пересудов и тщась скрыть очередную беременность графини, которая была на четвертом месяце, они путешествовали по Италии, и когда пришло время, сняли домик в горной деревушке Белладжо у озера Комо, где 25 декабря у них родилась дочь. Мать Козимы была известной в своих кругах писательницей, отец – гениальным композитором и пианистом. Занятые своей жизнью родители практически сразу же спихнули малышку на руки нянькам и гувернанткам, начальствовать над которыми уже традиционно взялась мать Листа Мария Анна, урожденная Лагер, которая увезла внучку в Париж, знакомить с другими детьми своего непутевого сына. Дома ее ждали внук и внучка.

Когда Козиме исполнилось шестнадцать лет, она впервые увидела Рихарда Вагнера, который приехал в гости вместе с ее отцом. Встреча состоялась 10 октября 1853 года и не взволновала ни Козиму, ни Рихарда. «Впервые я видел своего друга, окруженного детьми, подростками-девушками и мальчиком-сыном, переходившим в возраст юноши…, – писал о своей первой встрече с будущей женой композитор, – дочери его произвели на меня впечатление чрезвычайно застенчивых девушек».

В ту пору Вагнеру было сорок лет, семнадцать из которых он был женат на актрисе Минне Планер, тяготясь своим браком, но просто принимал происходящее как должное – католики не разводятся. Что же до Минны, она требовала от Рихарда, чтобы тот зарабатывал деньги, и слышать не хотела о музыке и духовных исканиях. Он же, по свидетельству современников, мог

дни напролет разговаривать исключительно об искусстве. Кроме того, деньги явно игнорировали композитора, Вагнера постоянно преследовали кредиторы, не давала спокойно жить супруга. В результате, вместо того чтобы делать свое дело, он тратил время на мелкие халтуры, занимаясь переложением и аранжировками модных опер, или писал рецензии в журналы и газеты. Но делал он это спустя рукава, так что в один не особенно прекрасный день маэстро оказался в самой настоящей долговой яме.

Минна ненавидела мужа, который не мог обеспечить ей достойную безбедную жизнь, но долговая тюрьма была не последним унижением в их совместной жизни. В 1849 году Рихарда Вагнера обвинили в участии в Дрезденском восстании; узнав, что друга собираются арестовать, Ференц Лист помог ему сбежать за границу, купив Вагнеру паспорт на имя профессора Видмана. Друзья договорились, что Рихард устроится в Швейцарии, откуда после напишет Ференцу. Минна отказалась ехать с мужем.

Меж тем время шло, скандал немного замялся, в 1856 году молодой и талантливый дирижер, любимый ученик Ференца Листа и потенциальный жених его старшей дочери Козимы, Ханс фон Бюлов[54], дирижировал в Берлине увертюрой к вагнеровскому «Тангейзеру». Когда публика грубо освистала любимое произведение Рихарда Вагнера, оскорбленный до глубины души таким отношением к своему кумиру фон Бюлов потерял сознание во время концерта.

Молодого дирижера отвезли в дом его учителя, где, возмущаясь вместе с Хансом, Козима утешала его всю ночь, и к утру, должно быть, в качестве компенсации за перенесенные страдания, согласилась стать его женой. Больше всех радовался этому браку Ференц Лист, который давно уже мечтал назвать своего любимого ученика сыном.

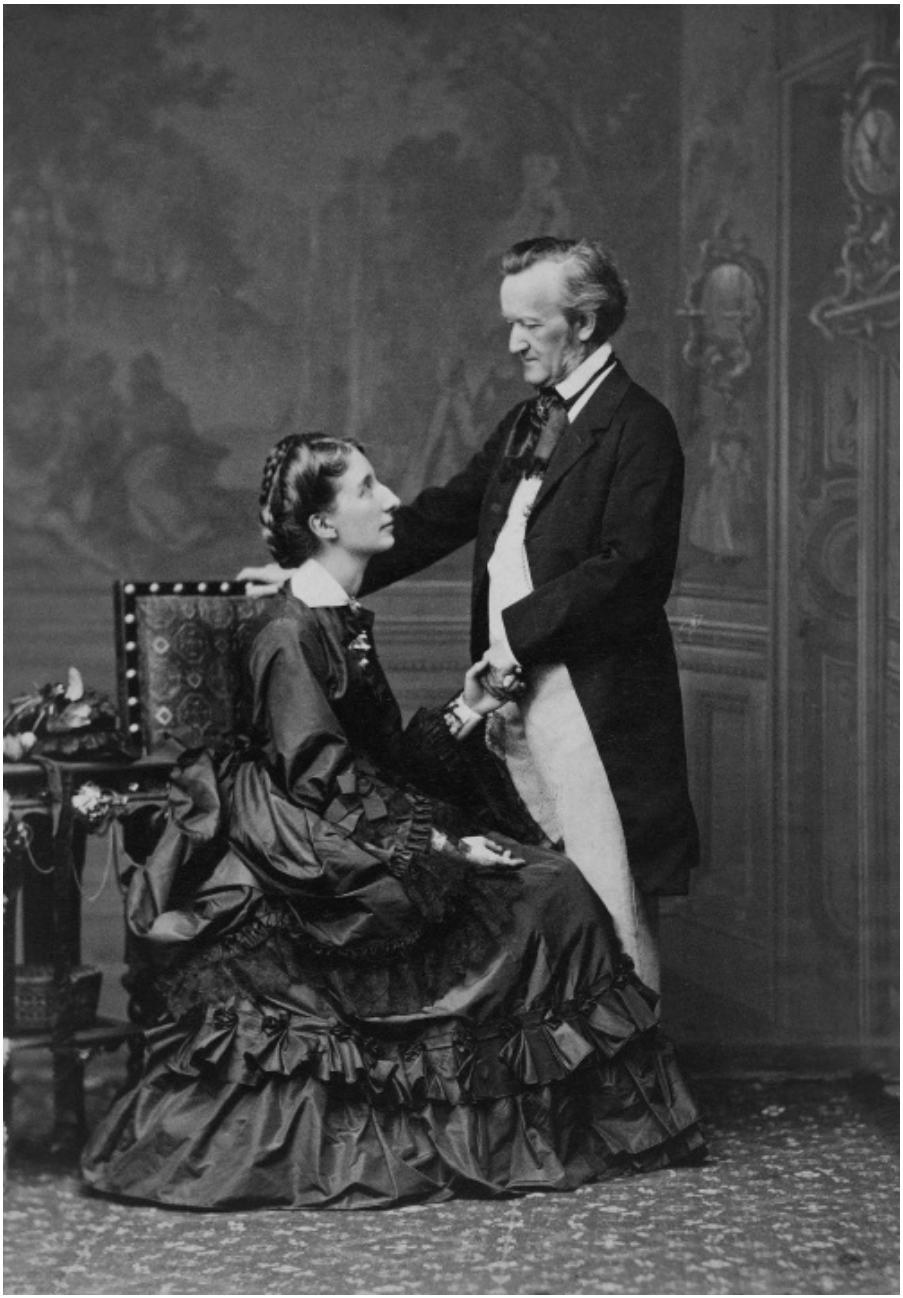
Через три года после помолвки Козима и Ханс поженились и, отправившись в свадебное путешествие, посетили Рихарда Вагнера в Цюрихе, где тот работал над «Тристаном и Изольдой». Пожив у композитора меньше месяца, супруги переехали в Берлин, там же в 1860 году у них родилась дочь Даниэла-Зента.

С тех пор ни молодой супруг, ни новорожденная дочь уже не могли отвлечь Козиму от постоянных мыслей о Рихарде. И он то и дело вспоминал этот месяц в Цурихе, когда они вдруг почувствовали влечение друг к другу. Козима уже не стеснялась и не пугалась великого композитора. Да, она, безусловно, приклонялась перед его гением, но в ее словах и поступках не было раболепия или страха. А однажды, когда Вагнер спел в ее присутствии «Прощание Вотана», лицо этой некрасивой,

длинноносой молодой женщины осветилось таким неподдельным восторгом, что Рихард узрел в ней подлинную красавицу. В своих мемуарах Вагнер напишет: «Только на этот раз экстаз ее имел радостно просветленный характер. Здесь все было молчание и тайна. Но уверенность, что между нами существует неразрывная связь, охватила меня с такой определенностью, что я не в силах был владеть собственным возбуждением. И оно выливалось у меня в самой необузданной веселости».

В 1863 году по приглашению Петербургского Филармонического общества Рихард оказывается в России. В то же время в Берлине Козима родила вторую дочь Бландину-Елизаве-ту. Рихард неплохо зарабатывает, и на обратном пути, проезжая через Берлин, не может отказать себя в удовольствие еще раз встретиться с дочерью старого друга. 28 ноября Ханс и Козима фон Бюлов встречают его на вокзале и везут в свой дом. Ничто еще не предвещает будущей трагедии. И Ханс, и Козима влюблены в гений Вагнера, оба умоляют его присутствовать на концерте, на котором дирижирует Ханс. Изначально Рихард не планировал задерживаться в Берлине, и, возможно, не будь этого приглашения на концерт, в их отношениях с Козимой ничего бы не изменилось. Но… вот как пишет об этой роковой встрече сам композитор: «Так как Бюлов был занят приготовлениями к концерту, мы с Козимой поехали в прекрасном экипаже кататься. На этот раз нам было не до шуток: мы молча глядели друг другу в глаза, и страстная потребность признания овладела нами. Но слова оказывались лишними. Сознание тяготеющего над нами безграничного несчастья выступило с полной отчетливостью. Проведя ночь у Козимы и Ханса, я наутро пустился в дальнейший путь. Прощаясь, я невольно вспомнил первое расставание с Козимой в Цюрихе, странно меня взволновавшее, и протекшие годы показались мне смутным сном, разделившим два жизненных момента величайшего значения. Если тогда не осознанные, но полные предчувствий ощущения заставляли нас молчать, то не менее невозможным казалось теперь найти выражения для того, что ощущалось и понималось без помощи слов». Да, они полюбили друг друга. Отмечу, полюбили, а не бросились в объятия своей страсти, едва только Ханс отвернулся, дабы переодеться перед концертом. Ничего подобного. Целых три года они жили вдали друг от друга, пытаясь покончить с этим чувством. Козима проклинала себя за то, что едва не предала Ханса, который не сделал ей ничего плохого, ей было страшно подумать, что, помани ее с собой Вагнер, она бы бросила ради него своих дочек. Рихард не мог найти себе места от преследовавшего его чувства вины перед Ференцом Листом и его

зятем фон Бюлов, последний являлся не только страстным почитателем творчества Вагнера, по признанию современников, это был единственный дирижер, который понимал музыку своего друга так, словно сам создал ее. В этом был полностью уверен сам Вагнер, и именно так будет говорить о Хансе фон Бюлов молодой Людвиг Баварский, пожелавший бросить свою страну к ногам великого композитора. Так будут писать, вторя за композитором и монархом, критики и журналисты.



Рихард и Козима Вагнер

Тем не менее Рихард и Козима переписывались, изливая в письмах все, что было у них на душе, и уже не надеясь, что сумеют справиться с настигшей их любовью.

И если Вагнер до встречи с Козимой уже был неоднократно влюблен, Козима вышла замуж за Ханса по настояниям отца.

Не прошло и полгода после удачной поездки в Россию, как

Вагнер умудрился набрать такое количество долгов, что кредиторы теперь рвали его, точно стая голодных собак. Кроме того, врачи вдруг обнаружили у композитора катар желудка, то есть у Вагнера появились все шансы отвлечься от своей любви к Козиме, но он этим не воспользовался. «В начале 1864 года я понял, что мне больше нет возможности избежать краха. Все то отвратительное и недостойное, что случалось со мной, я предвидел; без поддержки, с мужеством отчаяния всему смотрел я прямо в глаза… я выпил чашу до дна», – пишет в своих воспоминаниях Рихард Вагнер.

Казалось, спасти композитора от нового тюремного заключения теперь может только чудо, и это чудо явилось в образе короля Людвига II, первым приказом которого на баварском троне было разыскать Рихарда Вагнера и сделать все возможное, чтобы тот жил и работал в его родном Мюнхене. Людвиг уплатил все долги композитора, предоставив в его распоряжение для начала Мюнхенский придворный театр.

Что делает талантливый человек, на которого вдруг ни с того, ни с сего падают все мыслимые и немыслимые блага? Он начинает делиться ими со своими друзьями и единомышленниками. Расставляет столы, сорит деньгами… на радостях Вагнер совсем забыл о своей цели не искать встречи с Козимой и первым же письмом пригласил в Мюнхен Ханса фон Бюлова. С того времени Козима и Рихард сделались любовниками, зная об их связи, Ханс покрывал ее, сколько мог, делая вид, будто бы его интересует только искусство.

10 апреля 1865 года Ханс крестит третью дочь Козимы Изольду и дает ей свою фамилию фон Бюлов. Но уже само имя ребенка наглядным образом свидетельствует о том, что на самом деле это дочь Вагнера.

Желая встречаться с Козимой как можно чаще, Рихард просит ее писать под диктовку мемуары, которые перед этим просил его создать король Баварии. Тем не менее скандал выплыл на поверхность, и журналисты подняли шумиху. Мюнхенцы не любили и не понимали музыку Вагнера и еще больше ненавидели композитора за то, что Людвиг тратит на него слишком много денег, поэтому они сразу же взялись за историю с двойной супружеской изменой. Вагнер все еще был женат, Козима замужем – мать троих детей! На беду еще Фенерц Лист вдруг вознамерился принять духовный сан. Вопрос был уже практически решен, но тут всплыло аморальное поведение его родной дочери! А ведь он только что как-то замял сам факт появления у себя трех незаконнорожденных детей и многолетнюю связь с их матерью!

В августе 1864 года Лист написал: «В пятницу ко мне приехала Козима. Я сдержался. так как мне не совсем ясно положение Ханса в Мюнхене и ее отношения с Вагнером». Тем не менее он понимает, что не может просто взять и приказать дочери. В 1865 году, живя и работая в Венгрии, Ференс находит, как ему кажется, идеальный способ вырвать Козиму из объятий любовника. Он приглашает семью фон Бюлов погостить к себе. Пять недель Козима находится в доме отца, но, едва вырвавшись в Баварию, она мчится к своему возлюбленному.

Меж тем Рихард снова, казалось бы, потерял все, общественность вынудила Людвига Баварского выслать Вагнера из страны, впрочем, теперь это уже не прежний нищий композитор, у него появились средства к существованию, и благодаря дружбе с его величеством он заслуженно обрел поистине мировую славу.

25 января 1866 года происходит очередное роковое событие в жизни Рихарда, в Дрездене умирает его законная жена

Минна. С этого момента Вагнер полностью свободен и может жениться на ком угодно. Чего нельзя сказать о Козиме. Конечно, она могла открыто уйти от Ханса и поселиться у Вагнера, но тогда придворной карьере фон Бюлов пришел бы конец, а Рихард и так был повинен больше некуда перед своим другом. С уходом Минны проблемы не исчезли, а, казалось, сделались еще острее, Рихард начал задумываться о смерти. Поняв, в каком состоянии находится Вагнер, Козима берет инициативу в свои руки и весной переезжает к Вагнеру в Женеву.

Они больше не задумываются, правильно или неправильно поступают, разрыв произошел, и все равно уже ничего нельзя поправить. Они отправляются путешествовать по Швейцарии и наконец снимают старинную виллу в местечке Трибшен.

Обустроившись на новом месте, Козима возвращается в Мюнхен, за детьми. 12 мая Даниэла, Бландина и Изольда занимают предназначенные им комнаты в новом доме, а Ханс фон Бюлов теряет не только семью, но и должность, так как после столь сокрушительного скандала он не имеет морального права оставаться на королевской службе. Кроме того, он уезжает из католической Баварии, жизнь в которой после предательства друга и жены сделалась для него невыносимой.

Не зная, как жить дальше, он направляется к Вагнеру в надежде, что вместе они придумают, как обелить перед толпой его многострадальное имя. Рихард соглашается, что Козима и девочки должны вернуться вместе с Хансом в Мюнхен, где он продемонстрирует перед двором свой «нерушимый» союз, после чего оповестит всех о намерении перебраться в Базель. Пусть все

думают, что Козима просто гостила у Вагнера, муж ей доверяет, никакой измены нет, они уедут из Баварии вместе, после чего разъедутся в разные стороны.

Это решение больше всего бьет по самолюбию самой Козимы, которая снова беременна от Рихарда. С не свойственной женщинам той поры категоричностью она объясняется с Хансом, что уже никогда и ни при каких обстоятельствах не станет находиться с ним под одной крышей, и если уж ей не дождаться развода, лучше она будет жить с любимым человеком в грехе, чем станет терпеть насквозь лживый брак. Тем не менее она вынуждена подчиниться, и Ханс увозит ее и девочек в Мюнхен. На разъезды по Баварии уходит несколько месяцев, и только 28 сентября Козима с дочерьми возвращаются к Вагнеру. 17 февраля 1867 года рождается вторая дочь Вагнера – Ева, названная по имени героини «Мейстерзингеров» Евы Погнер.

Наконец, Вагнер сумел почувствовать себя счастливым, рядом преданная ему женщина, которая не просто следит за хозяйством и воспитывает детей, но и пишет его биографию, интересуясь малейшими движениями души композитора, и, что не менее важно, отлично разбирается в его работе!

Весной Рихард получает письмо от Людвига, который приглашает своего кумира посетить Мюнхен, дабы они могли договориться о новых постановках его опер. И снова все повторяется, первая же просьба Вагнера, адресованная к не способному отказать ему ни в чем королю, немедленно вызвать Ханса фон Бюлов – как единственного в мире дирижера, способного заставить оркестр играть идеальную с точки зрения композитора музыку. И вот Ханс фон Бюлов занимает завидный пост королевского капельмейстера, кроме того, он назначался руководителем открывшейся в Мюнхене Королевской музыкальной школы. После чего Ханс перевозит вещи в свой новый дом в Мюнхене, и, самое ужасное, Козима вынуждена вернуться к нему. Трудно представить, что творится в головах ее дочерей, которые уже не понимают, кого считать своим отцом.

В ноябре 1868 года вновь беременная от Рихарда Козима возвращается к возлюбленному. 6 июня 1869 года у них рождается сын Зигфрид. Через год после рождения у Козимы шестого ребенка и, соответственно, третьего у Рихарда брак Ханса и Козимы, наконец, официально расторгнут.

25 августа, в день рождения Людвига II, Рихард и Козимы сочетаются законным браком.

В 1872-м в Байрете планируется заложить первый камень в строительство вагнеровского театра, на это важное событие Вагнер приглашает Листа. Много лет друзья не виделись и не

переписывались, мало этого, Фененц не отвечал даже на послания Козимы, ни разу не приехал, дабы поцеловать внучек. Вагнер пригласил его на церемонию закладки театра, Лист не счел возможным присутствовать на празднике, тем не менее прислал ответное трогательное письмо и вскоре навестил семью Вагнеров на их вилле. По признанию самого Листа: «Козима превосходит саму себя. Пусть ее осуждают или проклинают другие; для меня она остается великой душой… И она до удивления моя дочь». С тех пор их общение возобновилось.

13 февраля 1883 года Вагнер умер от инфаркта на руках у Козимы. С тех пор фрау Вагнер руководила театром своего мужа, делая все возможное, чтобы память о нем никогда не исчезала из этого мира.

Айседора и общественное мнение

Безусловно, Айседоре следовало подумать, прежде чем отвергать саму мысль о возможности породниться с Вагнеровским семейством. Но, умной-разумной мамы, как на грех, не оказалось рядом, Айседора же продолжала грезить невозможной страстью к женатому Генриху. Пройдет много лет, прежде чем повзрослевшая и более хладнокровная Дункан напишет в своей книге: «Что же касается меня, все мое существо было настолько поглощено неземной страстью Генриха Тоде, что я не сознавала в то время, какие выгоды мог мне дать такой союз».

Впрочем, кто не силен задним умом? Танцовщики театра в Байроте ненавидели наглую американку, которая явилась неизвестно откуда, никогда ничему не учась и указывая профессионалам, как им следует танцевать. Кроме того, их откровенно бесила манера Дункан эпатировать публику, и причесывается-то она немодно, и одевается так, словно собирается поубивать одним только своим видом ничего не подозревающих о ней невинных людей. Во всяком случае, живущие по соседству с охотничьим домиком, который сняла мисс Дункан, крестьяне величали ее не иначе, как распутницей и ведьмой. Часто проходя мимо Филипсруэ, они видели, как в окне мелькает полуобнаженный силуэт с развевающимися волосами. Во вчера еще спокойном и благонадежном доме творились и вовсе странные вещи – вместо старых прочных табуретов и изорванных многочисленными котами кресел новая хозяйка установила диваны, на которых было невозможно нормально сидеть. Поэтому все, кто заходил на огонек к знаменитой танцовщице, полулежали, попивая недорогое немецкое шампанское и лакомясь бутербродами, которые то и дело приносил похожий на кайзера дворецкий. Где это видано, чтобы в доме у незамужней девушки гости лежали, как у себя дома?! Еще одна странность, присущая молодой хозяйке Филипсруэ, – гости-мужчины являлись в охотничий домик в полночь или около того. Соседи сгорали от любопытства, ожесточенно споря – продажная девка или ведьма, творящая свое черное колдовство, устроила себе гнездышко в Байройте.

Однажды во время репетиции в театре, когда Айседора по своему обыкновению танцевала без розового трико и туфлей, в старенькой короткой тунике, решившие ей отомстить танцовщицы насыпали на пол мелкие гвоздики. Так что девушка поранилась и потом была вынуждена с неделю сидеть дома, принимая гостей, произнося речи и в который уже раз хмурясь от

очередной телеграммы Раймонда с требованием денег. Нет, на Копаносе так и не появилась вода, хотя брат с рабочими и изрыли холм, точно стая обезумивших кротов, впрочем, она все равно не отказывалась платить за сделанную работу, все-таки брат.

Пройдет время, и не нашедший воду на Капаносе Раймонд вернется из Греции с супругой и новорожденным сыном.

Когда ноги зажили, Айседора наведалась на виллу «Ванфрид», где ворковала с Козимой и ее дочерьми, договаривалась о совместных репетициях с тенором Барри или просто устраивалась на полюбившейся софе, слушая выступающих, прикладываясь к шампанскому и позволяя желающим любоваться своей скромной персоной.

Она как раз возлежала на своем розовом, точно раковина богини любви ложе, когда слуга доложил о приезде короля Фердинанда Болгарского[55]. Все поспешно поднялись, короля было принято встречать стоя. Одна Айседора осталась лежать в грациозной позе a la m-me Recamier. На лестнице уже слышались шаги Фердинанда, со всех сторон на Айседору шипели и шикали, умоляя подняться и не позорить честный дом, что бы сказал покойный маэстро?!

Айседора осталась лежать, точно пустила корни. В конце концов, показался сам король. Поздоровавшись с хозяйкой дома и улыбнувшись поочередно всем ее дочерям, взгляд Фердинанда упал на Айседору, в светлом платье с поднятыми на греческий манер волосами она выглядела прелестно. К тому же ее формы – напоминающие Венеру – не могли оставить равнодушными столь пылкую особу. Его величество решительно подошел к лежащей в изящной позе даме и, не обращая внимания на взгляды, спокойно присел рядом. Слово за слово, они познакомились, мгновенно почувствовав симпатию. Оказалось, что его величество видел Айседору на сцене и восторгался ею, когда же Дункан призналась, что мечтой ее жизни является создание школы, которая привела бы к возрождению древнего мира, он одобрил идею, предложив продолжить переговоры в его дворце на Черном море.

Король отдыхал в Байройте, так что Айседора простодушно пригласила его навестить ее как-нибудь после спектакля в «Филипсруэ». Козима была вне себя от негодования, все ведь знали, что эта чертовка Дункан начинает свои сборища за полночь. А чем будут заниматься в такое время его величество и молодая, привлекательная и, как правило, полуголая особа, щедро угощающая своих гостей шампанским и сэндвичами?

Ради его величества, который сообщил о своем визите письмом, Айседора приобрела шампанское Молт & Chandon. «Фердинанд отказался, говоря, что никогда не пьет шампанского.

Но, увидев этикетку, прибавил: «Ах, Молт et Chandon, французское шампанское, с удовольствием! Ведь меня здесь прямо отравили немецким»», – вспоминала позже в своей книге Дункан.

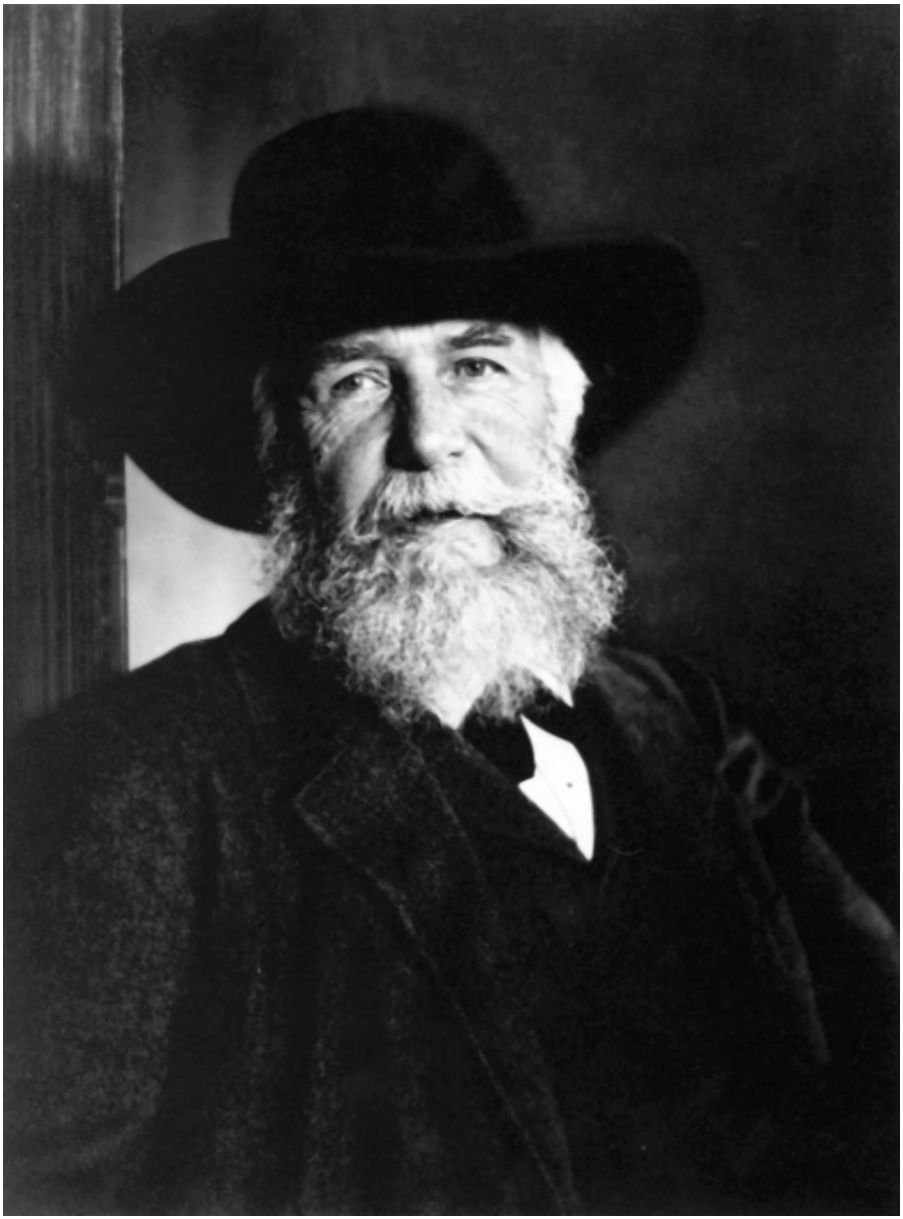
О связи американской танцовщицы и болгарского короля тут же поползли грязные сплетни. Козима была огорчена столь вызывающим поведением своей официальной гостьи, впрочем, она не умела долго грустить и, должно быть, решила, что теперь, видя, что между Дункан и Фердинандом роман, ее зять благоразумно оставит свои полуночные визиты к запятнавшей себя особе. Что же до сына, то тут уж ничего не попишешь. Не насильно же его к венцу тащить. Хотя теперь уже и смысла нет.

Вскоре король действительно покинул «Филипсруэ», зато Генрих Тоде как ходил к Айседоре, так и продолжал ходить. Один только полный, стеснительный Зигфрид оставался нечувствительным к чарам Дункан.

Айседора и Геккель

Незадолго до премьеры «Парсифаля» Айседора вновь вспомнила об Эрнсте Геккеле, с которым вот уже несколько лет состояла в активной переписке, да, ученый не смог посетить ее в прекрасном Берлине, он вообще не имел права показываться в столице и крупных городах, но Байройт… Дункан написала герру Геккелю, приглашая его выбраться к ней хотя бы на несколько дней, дабы наконец познакомиться по-настоящему, к тому же премьера – чем не повод. Неожиданно Геккель ответил радостным согласием, указав день и время, когда его следует встречать.

Радости Дункан не было предела, при помощи своей горничной она приготовила в «Филипсруэ» Геккелю комнату, которую убрала цветами, с недавнего времени ей удалось отгородить гостиную от жилых помещений, так что в тесноте, да не в обиде. С вечера ею был нанят открытый парный экипаж, на котором Дункан и отправилась на вокзал. Накрапывал холодный дождик, но Айседора не замечала его, думая об одном – только бы не опоздать. В результате они прибыли почти одновременно и сразу же узнали друг друга. Шестидесятилетний могучий бородач в широкой, мешковатой одежде со смехом заключил в свои объятия Айседору. Белые, как у Санта-Клауса, длинные волосы и борода лопатой делали Геккеля сказочным персонажем.



Эрнст Генрих Филипп Август Геккель (1834–1919) – немецкий естествоиспытатель и философ. Автор терминов «питекантроп», «филогенез», «онтогенез» и «экология»

Собственно, ради компании он и ехал – нежданная радость – вилла «Ванфрид», с ее знаменитыми литературными вечерами, обедами, концертами и лекциями, с ее именитыми гостями, которых Айседора собиралась представить Эрнсту Геккелю. Щедрая по своей природе, она и подумать не могла пользоваться гостеприимством фрау Козимы в одиночестве. Напротив, ей

хотелось расплескивать этот щедрый дар, как разливается игристое вино по кубкам друзей. Пусть же не ей одной достанется радость жить вблизи благой ауры великого Вагнера, каждый день общаться с его музой, детьми и друзьями, слушать божественную музыку, ощущая себя частью чего-то светлого и замечательного.

Поэтому, едва устроив на новом месте герра Геккеля, Айседора побежала к фрау Козиме, сияя, точно медный таз: «Приехал сам Эрнст Геккель! Великий Геккель у нас!»

«Этого только не хватало», – желтоватое лицо фрау Козимы перекосилось, словно она жевала лимон. А чего ей радоваться? Безбожник Геккель у нее в доме, причем без ее на то разрешения.

После смерти Вагнера фрау Козима усердно замаливала их совместные грехи, регулярно посещая церковь. Геккель же был ярким и непримиримым последователем Дарвина… а стало быть, безбожником и того хуже – богоборцем. Впрочем, она не могла запретить Дункан ни принимать у себя этого атеиста, ни воспрепятствовать его появлению на премьере. Не могла, а может, испугалась оскорбить отказом вспыльчивую Айседору, с которой бы сталось взбрыкнуть и вообще не показаться на премьере. Кроме того, не выдай фрау Козима бесплатного билета, Айседоре ничего не стоило приобрести их в кассе театра. Тем не менее фрау Козиме пришлось сделать над собой усилие и предоставить герру Гекелю место в вагнеровской ложе. О чем она тут же и пожалела. Мало того, что колоритный ученый уже одним своим видом привлекал к себе внимание, в антракте Айседора не нашла ничего более оригинального, чем, облачившись в греческий короткий хитон, с голыми ногами, прохаживаться, держа под руку здоровенного Санта-Клауса, который ей все время громогласно что-то объяснял, выказывая недовольство увиденным.

На месте фрау Козимы более мнительная женщина, пожалуй, сочла бы выходки Дункан демонстрацией протеста, но фрау Вагнер по-прежнему верила в гений своей американской гостьи, не принимая ее странности на свой счет и считая их излишками молодости и силы.

Тем не менее даже после настойчивой просьбы Айседоры устроить в доме Вагнеров прием в честь ее гостя, Козима наотрез отказалась от оказанной ей чести, так что Дункан пришлось отдуваться самостоятельно. Айседора сделала вид, будто бы не обиделась, и начала готовиться к приему.

Так что в назначенный вечер на знаменитых диванах Айседоры можно было обнаружить короля Фердинанда Болгарского, принцессу Саксен-Мейнинген, сестру кайзера, и, естественно Генриха Тоде, с которым Айседора в последнее время сделалась неразлучна. Певцы, музыканты, искусствоведы явились,

предвкушая удовольствие общения, а также с мыслью о закупленном накануне шампанском и обещанном угощении.

Первой взяла слово, разумеется, хозяйка дома. Айседора произнесла вступительную речь, после чего исполнила танец в честь виновника торжества. Далее, к немалому удивлению публики, привыкшей к долгим преамбулам, слово взял сам Геккель, который на примере только что увиденного танца мисс Дункан рассказал о таком направлении философии, как монизм[56]. Третьим выступал тенор фон Барри, который пропел несколько арий, и… гостей пригласили к столу. Праздник растянулся до рассвета, так что убирающие последние тарелки слуги буквально валились с ног.

Когда же гости, наконец, разъехались по домам, неугомонный ученый потащил уже давно клюющую носом Дункан на длительную пешую прогулку, заставив ее подняться вместе с ним на небольшую гору. Геккель был ранней пташкой. С первого дня приезда он каждое утро поднимал с постели ничего не соображающую со сна хозяйку дома, дабы увлечь ее на очередную часовую прогулку. Эти пытки ранними подъемами, при ее ночном образе жизни, привели Айседору к трезвой мысли, что хорошенького понемножку. Да, она продолжала обожать герра Геккеля, но когда сову заставляют подражать жаворонку, в результате получается все та же сова, только злая, уставшая и невыспавшаяся.

Перед премьерой «Тангейзера» Айседора умудрилась в который уже раз шокировать добрейшую вдову, вдруг представ перед разодетым в ярко-розовое трико кордебалетом, так что со стороны танцовщицы напоминали стайку краснолапых фламинго, в новой, абсолютно прозрачной тунике. К слову, репетировала она в белой из простого материала. Теперь же перед ошарашенными коллегами появилась практически голая исполнительница главной партии. Дочь фрау Козимы принесла Айседоре в уборную длинную белую рубашку, старательно пряча глаза, девушка вручила танцовщице ее новый костюм, предлагая поддеть ночнушку под тунику. Наивные, они думали смутить Айседору, которая ждала чего-то подобного и была во всеоружии. Решив, что если она доходчиво объяснит свои взгляды Изольде Вагнер, то та, без сомнения, тут же воспримет передовые идеи и с радостью обратится в новую религию, Айседора хотела уже приступить к проповедованию, но, приглядевшись к испуганному личику парламентерши, решила обратить свои силы на более достойного соперника, и тут же передала фрау Козиме свой ультиматум: «Либо она будет одеваться и танцевать, как считает нужным, либо она покидает театр. Причем делает это

немедленно». – Заявление более чем серьезное, учитывая, что заменить Дункан некем.

Русский балет

Отработав, таким образом, сезон в Байройте, Айседора отправилась на гастроли по городам Германии, стараясь, по возможности, подстраивать свой маршрут таким образом, чтобы то и дело оказываться рядом с любезным ее сердцу Тоде, страсть к которому разгоралась все сильнее. Генрих также колесил по стране, читая лекции об искусстве студентам. Собственно, сначала уехал он, а следом за ним решилась отправиться в путь-дорогу и Айседора. В Гейдельберге Дункан даже попала на одну из лекций своего избранника. Впрочем, далее везение начало изменять ей, и, для того чтобы хотя бы увидеть ненаглядного Генриха, Айседоре приходилось садиться в поезд и ехать туда, где в это время гастролировал молодой человек Хорошо, что Германия – небольшая страна и есть такое полезное изобретение, как железная дорога… измотанная бесконечными вокзалами, слабостью и отсутствием аппетита, Айседора чувствовала себя совершенно измученной. Сойдя с поезда, она спешила на собственное выступление, затем, бросив костюм на руку Мэри и наскоро приняв ванну, снова летела на вокзал.

После Германии ее ждала Россия. Россия, что могла знать об этой стране Дункан. Мало, если учесть, что, отправляясь в турне зимой, она не догадалась уложить в чемоданы теплые вещи и была шокирована температурой всего в минус 10 градусов. Впрочем, возможно, именно ледяные объятия новой, незнакомой страны, с ее слепящей глаза белизной, были необходимы сгорающей от любви молодой женщине. Здесь она должна была прийти в себя и начать новую жизнь, без столь любимого ей призрака Генриха Тоде. К слову, это ведь она следовала за ним, точно безумная, трясясь в поездах и носясь через всю Германию, дабы увидеть его хотя бы на мгновение. «Генрих! Генрих! Он оставался далеко позади, в Гейдельберге, где рассказывал милым юношам о “Ночи” Микеланджело и “Богоматери”. А я уходила от него все дальше и дальше в страну громадных белоснежных пространств, в страну холода, где попадались редкие жалкие деревни, в избах которых светился слабый свет. В ушах моих еще звучал голос Тоде, но слабый, доносившийся издалека. И наконец, соблазнительные мелодии грота Венеры, причитания Кундри и крик Амфорты превратились в холодную глыбу льда».

Понимая, что убивает себя, Айседора все же не может остановиться, окажись рядом брат или мама, благородный Чарльз Галлэ, умная Винаретта, хоть кто-то, кого Дункан бы послушалась… но, как назло, в этой битве она оставалась без

подкрепления и помощи. Оставалось последнее – если не получается разорвать убивающую ее связь, то хотя бы уехать далеко-далеко. чтобы забыться, чтобы потерять саму возможность постоянно возвращаться назад.

На самом деле Айседора отнюдь не думает бросать Генриха, успев познакомиться с законной женой своего возлюбленного, она сразу же определила, что та ему совершенно не подходит, уж слишком земная, меркантильная, расчетливая. Разве такой должна быть спутница жизни у тонкого, одухотворенного философа и писателя? Она сразу же начала презирать фрау Тоде, между прочим, сообщив в своей книге читателю, что Генрих еще уйдет от своей серенькой мышки, сбежит с молоденькой скрипачкой. Айседора ненавидит проигрывать.

Уезжая в Петербург, Дункан уточняет для себя, что расстояние от Берлина до столицы Российской империи всего два дня – а значит, у нее и Генриха еще будет шанс увидеться даже за время этих гастролей.

Теперь Айседора с ужасом и восторгом смотрела не бескрайние белые равнины, а поезд нес ее с роковой неизбежностью. Куда? Зачем?

Из-за снежных заносов поезд пришел с опозданием в 12 часов. 4 утра – ее никто не встретил. Точнее, встречали, но вчера. Девушка-горничная, которую Айседора наняла в Берлине, испуганно забилась в уголок, прижав к груди узел с личными вещами. Поняв, что судьба опять требует от нее действовать, Айседора бесстрашно покинула вагон и, найдя извозчика, велела ему ехать в «Европейскую гостиницу». Начало было положено, прижавшись друг к другу и от холода стуча зубами, Айседора и ее горничная боялись лишний раз пошевелиться. Мороз обжигал лицо, мрачной, ледяной стране не было никакого дела до посетившей ее знаменитости, белую колдовскую песню пел холодный северный ветер, играя снежной пылью, зачаровывая всех, кто слышал его.

Нельзя слушать этой музыки, нельзя танцевать под эту песню, пытаясь разбирать слова. «Холодно, холодно, холодно, страшно, страшно, страшно», – летают вокруг нее пробирающие до костей ледяные строки. Промерзли каменные набережные и плененные реки, устремленные худыми черными ветвями в небо, стоя спят деревья. Спят ли? А может, давно умерли? Озябли и околели?.. Людей нет, птиц нет, куда влечет ее судьба? Главное – не слушать морозной песни, не водить дружбу с ветром…

Описывая свое прибытие в Петербург, Айседора упоминает, что город встречал ее похоронным шествием: «Вереницей шли люди, сгорбленные под тяжкой ношей гробов. Извозчик перевел

лошадь на шаг, наклонил голову и перекрестился. В неясном свете утра я в ужасе смотрела на шествие и спросила извозчика, что это такое. Хотя я не знала русского языка, но все-таки поняла, что это были рабочие, убитые перед Зимним дворцом накануне, в роковой день 9 января 1905 года за то, что пришли безоружные просить царя помочь им в беде, накормить их жен и детей. Я приказала извозчику остановиться. Слезы катились у меня по лицу, замерзая на щеках, пока бесконечное печальное шествие проходило мимо. Но почему хоронят их на заре? Потому что похороны днем могли бы вызвать новую революцию.

Зрелище это было не для проснувшегося города. Рыдания остановились у меня в горле. С беспредельным возмущением следила я за этими несчастными, убитыми горем рабочими, провожавшими своих замученных покойников. Не опоздай поезд на 12 часов, я бы никогда этого не увидела».

На самом деле достаточно странная история. Начнем уже с того, как, не зная ни одного слова по-русски, можно умудриться получить столько достоверной информации кряду? Я понимаю, нанять извозчика, получить номер в гостинице, ткнуть пальцем в меню в ресторане. но. Безусловно, Айседора слышала эту историю, но не от извозчика, а уже позже от человека, владеющего языками. Скорее всего, склонная к театральным эффектам Дункан проиграла эту сцену гораздо позже, повернув дело так, будто бы Россия встречала ее страшным предзнаменованием – вереницей черных гробов. Интригующее начало. Но, согласно официальной версии происходящего, «На улицах столицы в этот день погибло от 130 до 200 рабочих, число раненых достигло 800 человек. Полиция распорядилась не отдавать трупы погибших родственникам, их похоронили тайно ночью». Ночью, а не утром, и вряд ли за этими гробами шли друзья и соратники по борьбе. Российская полиция знала свое дело и не допустила бы траурного шествия.

Айседора была до глубины души поражена произошедшей трагедией: «Если бы я этого не видела, вся моя жизнь пошла бы по другому пути. Тут, перед этой нескончаемой процессией, перед этой трагедией я поклялась отдать себя и свои силы на служение народу и униженным вообще», – пишет она в своей книге. В дальнейшем Дункан провозгласит себя революционеркой и будет рассказывать о расстреле мирной демонстрации, практически так, словно видела происходящее собственными глазами. Но на то и артистическая натура, чтобы глубоко чувствовать и сопереживать. Вот как описывает события 9 января Максим Горький[57]: «Казалось, что больше всего в груди людей влилось холодного, мертвящего душу изумления. Ведь за несколько ничтожных минут

перед этим они шли, ясно видя перед собою цель пути, перед ними величаво стоял сказочный образ… Два залпа, кровь, трупы, стоны и – все встали перед серой пустотой, бессильные, с разорванными сердцами».

Наконец добравшись до гостиницы, и устроившись в своем роскошном номере, Айседора бросилась в кровать и уснула. А пока она отдыхала, ее комнаты, точно по волшебству, наполнялись живыми цветами. Никто не пытался разбудить уставшую с дороги танцовщицу, импресарио мирно дожидался мисс Дункан, и когда та проснулась и, облачившись в пеньюар, разрешила горничной впустить к ней визитера, он вошел, неся перед собой роскошный букет белых цветов. Все повторялось, но только Айседора уже была старше и опытнее, а белый, промерзший Питер ничем не напоминал цветущий Будапешт. Тем не менее цветы все пребывали, белые, как этот вдруг окруживший ее невероятный русский снег. А снег был повсюду, окна ее номера оказались не прозрачными, а украшенными дивными цветами и листьями. Узор таил, если приложить к нему палец – ледяные цветы на окнах – чудо!

«Эти цветы для вас», – шепчет импресарио, предлагая Дункан примерить длинную почти до пола белую шубку. Такую нежную и пушистую – дух захватывает. А еще мягкую, тоже меховую шляпку и сапожки. На ручки ее надеты теплые перчатки, но ей тут же протягивают снежно-белую муфточку. Мороз шутить не любит, они же теперь поедут кататься. Совсем чуть-чуть, чтобы привыкнуть. А потом сразу же обедать.

При входе в ресторан высокий и пузатый швейцар, кланяясь, громко декламирует что-то ритмичное.

– Стихи? – безошибочно определяет Айседора, – почему стихи?

Ее спутник улыбается в пышные усы. Все так, все правильно. Благосклонно кивает швейцару, протягивая ему чаевые. И без того хорошее настроение подпрыгивает вдруг озорной веселой белкой.

– Что он сказал? – Айседора нетерпелива и заинтригована. – Вы даже покраснели.

– Новая мода, в Новый год, Рождество и всю святую неделю швейцары в ресторанах встречают и провожают гостей стихами, якобы собственного сочинения. Рождество – конечно, семейный праздник, но ведь в городе полно приезжих, которым, возможно, некуда пойти… – он оглядывается и, заметив, что швейцар снова открывает дверь перед следующей парой, подмигивает спутнице: – давайте нарочно задержимся и послушаем. Действительно, поклонившись одетому в медвежью шубу барину

и его юной спутнице, швейцар громко произносит заученный монолог. Импресарио понятливо кивает, – ну да, все тот же импровиз! Хорош братец. Когда будем уходить, он, пожалуй, тоже угостит нас пегасовским навозом.

Санкт-Петербург в конце XIX века

Просторный зал был весь увешен зеркалами в золоченых рамах, на столах горело множество свечей, в огромных катках устроились пальмы и другие экзотические растения, в кронах которых зрели оранжевые, точно маленькие звезды, апельсины и ананасы, живописные груды бананов и золотые круглобокие дыни. На столе красовался лист, по ободку которого какой-то остроумный художник нарисовал поварят, подающих на стол разнообразные вкусности: запеченного осетра, целый поднос маленьких немецких колбасок, омары, венерки, раки, фрукты, бутылки. посередине красовался текст.

– Это меню? А где же цены? – Айседора с удавлением разглядывала ровную колонку строк. Обычно в картах слева пишут название блюда, а справа его стоимость?..

– Снова стихи, новогодние. Я же сказал – мода! Наша – столичная, в Москве такого еще нет. Вот я сейчас вам их, голубушка, переведу, пока еще и хозяин с поэмой не подоспел. Он нацепил на нос очки и принялся читать, сразу же переводя на французский.

Контановские слуги,

Утром ранним, в поздний час
Для вниманья и услуги
Мы приставлены для Вас.
Мы встречаем Вас с поклоном,
Рады гостю угодить
И шампанским, и крушоном…
Что угодно закусить?

В этот момент к ним действительно подошел изящный молодой человек и, поклонившись и поприветствовав гостей, положил перед ними раскрытое меню.

– Да что я тут в первый раз? – отверг карту импресарио, – вот что, братец, принеси-ка ты нам для начала, – он посмотрел на свою спутницу, – бутылочку мадеры, зельтерской водицы испить, да ассорти из сыров и колбас, соленья и маринады, словом, что уже готово, чтобы сразу и минуты лишней не ждать. Усвоил?

– Винегрет очень рекомендую, холодная осетрина. Прямо сейчас и принесу.

– Хорошее дело. А пока мы это кушаем, подсуетись, чтобы заливное из дичи, заливное из рыбы, грибы, помнишь, вчера брал в горшочке, да вот еще хороша ли телятина? Хороша? – тогда и ее. Но только чур, вино вперед, видишь, госпожа озябла. Ах, да, перловый суп для дамы, консоме жюльен… и. – он задумался.

– Мороженое сливочное на десерт не желаете? – услужливо изогнулся половой.

– Какое мороженое?! Бутылочку Аи, что ли, еще принеси. И будет пока. Понадобишься, позовем. Ну, ступай, братец, и впредь веди себя хорошо.

Проводив глазами официанта, он снова придвинул к глазам лист и продолжил начатый перевод:

К Вам в усердье, как в азарте,
Мы летим на первый зов:
Что закажите по карте,
Завтрак, ужин вмиг готов!

– Как же вмиг?! У нас говорят, обещанного три года ждут, так это про них. Целый час, небось, будут дичь над огнем вертеть. Обленились совсем. Но да мы начнем с винца да закусок и как-нибудь время-то и скоротаем.

12 января Дункан танцует в зале Дворянского собрания. Для выступления выбрана музыка Шопена, все те же сделавшиеся привычными атрибутами «Той самой Дункан» знаменитые

голубые занавеси, туника из просвечивающего газа. Уже после первого танца публика разразилась аплодисментами, танцовщица как нельзя лучше пришлась русскому высшему обществу. Теперь пришел черед завоевать сердца художественной элиты. В России властвовал балет, а Дункан боялась встречи с балетными актерами. Обычно эта публика относилась к Айседоре свысока, не считая ее достойной. Ноги танцовщицы еще помнили рассыпанные перед ее выходом на сцене гвозди. В России Дункан стала свидетелем еще одного чуда – артисты балета сами стремились подружиться с приезжей знаменитостью. На следующий день после выступления в Дворянском собрании к ней в гостиницу пожаловала сама Кшесинская[58]! Матильда Феликсовна заглянула к Айседоре, приветствуя ее от имени русского балета и от себя лично, и тут же пригласила на вечерний парадный спектакль в Мариинский театр. Это был не просто входной билет, за Айседорой прислали устланную мехами карету, закутавшись в которые, она не замерзла, хотя и была легкомысленно одета в свой белый хитон и сандалии. В театре ее встретили и проводили в ложу первого яруса, в которую заранее принесли цветы и конфеты.

Несмотря на то что Айседора ненавидела балет, искусство Матильды Кшесинской не могло не взволновать ее чувствительную душу: «…трудно было не аплодировать сказочной легкости Кшесинской, порхавшей по сцене и более похожей на дивную птицу или бабочку, чем на человека».

После спектакля во дворце у Кшесинской собиралось избранное общество, куда была приглашена и Айседора. Изысканные декольтированные платья, жемчуга и брильянты, ослепительно красивые женщины, одетые по последней парижской моде щеголи, все они смотрели на Дункан с нескрываемым дружелюбием и доброжелательностью. Во всяком случае, она не заметила никакой надменности. Провожать гостью до кареты взялся сам великий князь Михаил[59], которому Айседора успела поведать о своем желании открыть школу для детей. Для детей простого народа, впервые делает она добавку к своей программе.

«Для народа – элитные танцы?» – Михаил пожимает плечами.

Следующей познакомиться и поговорить о танцах является Анна Павлова[60]! Опять очаровательное знакомство, непринужденный разговор и новое приглашение, на этот раз на балет «Жизель»: «Несмотря на то что эти танцы противоречили всякому артистическому и человеческому чувству, я снова не могла удержаться от аплодисментов при виде восхитительной Павловой, воздушно скользившей по сцене». Айседору снова

отвозят в театр, снова для нее убрана цветами ложа, где она лакомится сластями. После спектакля Павлова приглашает Дункан посетить ее дом. На этот раз Айседора оказывается в обществе известных художников, танцовщиков, музыкантов. За богато убранным столом ее сажают между художниками Леоном Николаевичем Бакстом[61] и Александром Николаевичем Бенуа[62]. Снова, как и в былые времена, она окружена людьми искусства, ее любят, не понимают, превозносят до небес, изучают, точно какое-то редкое насекомое, называют богиней танца или ангелом разврата. В общем, пока все, как и должно быть. Россия поражает Айседору своими необъяснимыми контрастами: непривычный холод – но русские веселятся, кутаются в дорогие меха, катаются на санях, она учится пить водку, заедая ее икрой, которую щедро размазывают на теплом пироге с капустой или хотя бы на сдобной булочке с желтоватым сливочным маслом. Здесь принято много есть, со вкусом жить. Она принимает приглашения на балы и выступления, заводит новые интереснейшие знакомства, учится прожигать жизнь.

О пребывании нашей героини в России рассказывает она сама в своей книге, сумбурно, бессистемно, захлебываясь словами и образами, она путается, не в силах вытащить из своей памяти правильные даты. Вот, к примеру, пишет, будто с Бакстом она познакомилась в доме у балерины Павловой, там они оказались соседями за столом, и Леон Николаевич нарисовал ее портрет. На мой взгляд, лучший портрет Дункан, если считать даже вместе с фотографическими. На портрете подпись художника и дата 1908 год. Стало быть, Айседора все-таки ошибается, но когда? Говоря, что они познакомились в 1905 году или что портрет был писан в ту самую первую встречу? Как теперь узнать? «Дункан не умеет говорить логично и систематично о своем искусстве. Мысли приходят к ней случайно, как неожиданный результат самых обыденных явлений», – жалуется Константин Станиславский, с которым она познакомилась в России в 1908–1909 годах.

Суп крем а’ля Рейн белый, даже немного розовый из-за креветочного мяса, и легкий, словно балетная пачка, жареные фазаны и рябчики, крохотные тарталетки с горячими грибами, засыпанные желтыми горками сыра, и слоеные пирожки, салаты латук и скароль по парижскому рецепту. Вкусно, шумно и весело. Разноцветная водка налита в хрустальные штофы, с громким хлопаньем стреляют сразу две бутылки французского шампанского. «Ура Павловой»! «Павловой ура!» А впереди еще торт а’ля Павлова по рецепту швейцарского кондитера и пирожные «Русский балет».

Хмельная, растроганная, Айседора склоняется над

принесенным ей блюдом, с удивлением наблюдая за движением пузырьков в бокале шампанского, а потом вдруг, услышав свое имя, поднимается и начинает пляс, хлопая в ладоши, пока кто-нибудь не поддержит ее, сев за фортепьяно или взяв в руки послушную гитару.

Вернувшись, она садится на свое место, принимая поздравления, чокаясь, произнося слова благодарности. Кто-то целует ее ручку, Айседора смущенно кутает точеные плечики в длинный вышитый жемчугом шарф и тут же замечает, как склоненный над ее ладонью Леон Николаевич делается необыкновенно мрачен.

– Что-то не так? – Айседора пытается отдернуть руку, но художник не отпускает, пристально вглядываясь в линии.

– Вы видите эти два креста? – Бакст поднимает на Дункан полные тревоги глаза. – Вы достигнете славы, но потеряете двух существ, которых любите больше всего на свете.

– Двух существ? Айседора с невнятной улыбкой смотрит на Леона Николаевича. – Кого же она любит больше всех на свете? Неужели Генриха Тоде? Кто такой, в конце концов, этот Генрих, чтобы его так любить? Да она уже, в этой сумасшедшей стране, начала забывать свое увлечение.

– Мать? Сестра? Кто-то из братьев? – сердце тревожно замирает, но Айседора уже знает, речь не о них. Тогда о ком же? Загадка…

Праздник шумит аж до пяти утра, в завершение Анна Павлова по просьбам гостей исполняет танец, и Айседора в который раз изумляется врожденному таланту великой балерины. Когда гости начинают разъезжаться, Анна Матвеевна тихо отводит в сторонку свою американскую гостью.

– В половине девятого у меня состоится репетиция с Мариусом Ивановичем Петипа[63]. Вы ведь еще не знакомы?..

Айседора отрицательно мотает головой. Имя великого балетмейстера она неоднократно встречала в газетах, могла видеть на афишах.

– Хотите поприсутствовать? Мариус Иванович будет рад познакомиться с великой Дункан.

Айседора восторженно принимает приглашение, и только в карете, юркнув по самый нос под меховое одеяло, понимает, что до репетиции остается каких-нибудь три с половиной часа, а следовательно, было бы проще остаться. Хотя вряд ли Анна не предложила бы ей для отдыха одну из комнат, если бы это было прилично. Без сомнения, Павлова считала, что Айседора пожелает привести себя в утренний вид, помыться, переодеться.

До гостиницы она добралась, мечтая только об одном,

растянуться на мягкой широкой постеле, но о кровати лучше не вспоминать, в России такие кровати… перина пушинка к пушинке, стоит только прилечь на несколько минут, и проспишь всю зиму, точно мишка в берлоге. Именно поэтому она и не видела на Невском ни одного медведя, что они все дрыхнут где-то под снегом. Ей это объяснили знающие люди, так что она в курсе. Попив чая и действительно переодевшись, Айседора вернулась к Павловой в той же карете, что и приехала, после чего отпустила наконец возницу. Несмотря на то что Дункан старалась приехать в условленное время, репетиция уже началась. Павлова исполняла экзерсис у палки, в то время как пожилой джентльмен со скрипкой в руках отбивал смычком ритм. Репетиция длилась три часа, и это после вечернего спектакля и бессонной ночи! «Три часа подряд я провела в состоянии полнейшего изумления, следя за поразительными упражнениями Павловой, которая, казалось, была сделана из стали и гуттаперчи. Ее прекрасное лицо стало походить на строгое лицо мученицы, но она не останавливалась ни на минуту».

Айседора и сама привыкла к многочасовой работе, но это была совсем другая работа. Она слушала музыку или стихи и искала движение, которое могло бы наилучшим образом передать необходимое состояние, ждала, когда ее заполнит сила вдохновения, ощущение, когда не можешь не танцевать!

Классический балет требовал стальных мускул и невероятной силы воли, там, где танец должен был приносить радость, переходящую в восторг, суровый бог балета требовал каторжных усилий. «Весь смысл этой тренировки заключался, по-видимому, в том, чтобы отделить гимнастические движения тела от мысли, которая страдает, не принимая участия в этой строгой мускульной дисциплине. Это как раз обратное всем теориям, на которых я поставила свою школу, по учению которой тело становится бесплотным и излучает мысль и дух», – напишет в своих воспоминаниях Дункан.

В 11.30 тренировка была закончена, и Айседору пригласили позавтракать вместе с Мариусом Ивановичем и Анной.

Сама Павлова удалилась к себе, где, сняв белую пачку, вернулась, облаченная в модное неброское платье с шалью на плечах. Ровно в 12 часов подали на стол, уставшая и весьма проголодавшаяся Айседора с удовольствием уминала восхитительные пожарские котлеты, в то время как Анна почти ничего не ела и не пила. Лицо балерины казалось сделанным из воска, губы побледнели. Не мудрено, Дункан было жаль гостеприимную Павлову, по правде, она и сама еле на ногах стояла, но с другой стороны, сейчас Мариус Иванович уложит в

футляр скрипку, закутается в волчью шубу, они сядут в экипаж, предоставив Анне высыпаться на здоровье.

Ничего подобного. В гостиницу Айседору в своей карете отвезла сама Анна Матвеевна, которая убедилась, что ее гостья добралась до «Европейской» в целости и сохранности, пожелала ей восхитительного дня и весело попрощалась, отправившись на репетицию в Императорский театр.

Даже если бы Анна вдруг встала перед Айседорой на колени, умоляя ее поехать с ней еще и в Мариинку, Дункан предпочла бы умереть на месте или даже расстроить добрейшую Павлову, лишь бы ее только допустили до святая святых собственной опочивальни.

Она поднялась в свой номер и, не раздеваясь, рухнула на ложе, проспав чуть ли не до вечера.

Ранние подъемы вообще не в стиле Дункан, но в ее первый приезд в Петербург эта пытка сделалась почти что обязательной для желающей узнать о балете как можно больше Айседоры. Так, едва отойдя от ужаса, в который повергла ее тренировка Анны Павловой, буквально на следующий день Дункан велела горничной разбудить ее в восемь утра, с тем чтобы посетить Императорское балетное училище.

Вот он – исток балета. Вот откуда вышли в свое время Кшесинская и Павлова… и что же? Все те же упражнения, что она видела в доме Павловой. Зеркала, деревянные перекладины для экзерсиса и никаких украшений в длинных неприветливых залах, кроме, разумеется, портрета его величества. Нет, если бы это училище хотя бы ненадолго попало в умелые ручки Дункан, она повесила бы изящные шторы, расположила статуи, расставила греческие вазы, привезла экзотические вьющиеся растения, да, она разбила бы зимний сад, почему нет? Хорошенькие, одетые в хитоны детишки бегали бы среди этих ваз, представляя себя то мотыльком, а то падающим и кружащимся в воздухе листочком. она бы украсила стены картинами на мифические сюжеты и меняла бы экспозицию раз в месяц, чтобы дети учились понимать и передавать послание художника посредством танца. Она бы пила чай, окруженная крошечными нимфочками, и мальчики-купидоны плясали бы рядом, играя с луком и стрелами… ах, мечты… «Я пришла к глубокому убеждению, что Императорское балетное училище враждебно природе и искусству», – делает вывод Дункан.

11 февраля 1905 года происходит событие, которое станет поворотным не в жизни нашей героини, а скорее в становлении русской школы танца «Модерн», движенческой практики по методике, разработанной Айседорой Дункан. В этот день в

Петербурге Айседора танцует спектакль и после, как это бывало у нее достаточно часто, остается после выступления, дабы пообщаться с желающими. В числе внимающих Дункан – молодая женщина на два года старше ее самой – Элла (Елена) Ивановна Книппер-Рабенек[64], урожденная Бартельс – танцовщица, которая со временем станет первой и наиболее талантливой и удачливой последовательницей Айседоры Дункан в России. Непродолжительный разговор с демонстрацией основ движения и самых простых упражнений, которые Дункан использует в собственном тренинге, разожгут интерес Эллы настолько, что она сначала поедет за Айседорой в Москву, собственно, там Рабенек и жила, а затем в Германию. Дабы однажды постучаться в дверь только что открытой школы Айседоры Дункан и обрушиться на не подозревающую о ее существовании Елизавету с единственной просьбой – позволить ей остаться и учиться.

Напряженная неделя в столице, и Айседора уже садится в поезд, везущий ее Москву. Здесь Дункан принимали уже более прохладно, нежели в Петербурге, московская газета «Русский листок» от 7 февраля (25 января) 1905 года, к примеру, писала: «Вчера в зале консерватории случилось необыкновенное происшествие: публика собралась смотреть даму от Максима… от Максима Горького – “босячку” Айседору Дункан, кончиком ноги истолковывавшую прелюдии, ноктюрны, мазурки и полонезы Шопена!

Новый вид “босячества” тенденциозного, идеалом которого является “голоножие”, пропагандирующее новый вид танцев, иллюстрирующих серьезную музыку – Шопена, Бетховена, Баха.

Певец босяков, описывая “босячество” подневольное, отнюдь не мечтал о том, что возможно нарождение “босячества добровольного”, типа американки Дункан, у которой, кроме души, средством для восприятия и истолкования классической музыки… будут служить босые ноги.

«Искусство и любовь не способны жить вместе, они всегда продолжают войну».

(Айседора Дункан)

Босячка, танцующая на ковру сонату или симфонию Бетховена, фугу Баха, ноктюрн Шопена, – действительно курьез, и

курьез, из ряда вон выдающийся».

Айседора не узнает об этом отзыве, ее не захотят расстраивать, тем более что в конечном итоге она сумеет укротить строптивую публику, найдя своих верных поклонников среди художников и актеров, музыкантов и сочинителей. В любом случае, танцовщица совершенно беспристрастно оценивает свое искусство, как удовольствие для избранных. Она не хочет, да и не может работать на слишком большой зал, равно как и на не подготовленную к зрелищу публику. И не ее вина, если в поисках дополнительных барышей импресарио неоднократно принуждали ее выступать в огромных залах, в которых сложно создать камерную обстановку. Одинокая фигурка на сцене не может занять ее целиком, пришедший в театр зритель невольно ждет, что вот-вот к солирующей танцовщице примкнут другие персонажи, партнеры, актеры массовых сцен, и, не дожидаясь, испытывает разочарование.

Пройдет совсем немного времени, и случайно забредший на выступление Дункан в Москве Константин Сергеевич Станиславский явится к ней в гостиницу, дабы узнать как можно больше о новой системе танца: «Как раз тогда я был занят исканием той творческой энергии, которой артист должен заряжать свою душу перед выходом на сцену, и, вероятно, надоел Дункан своими расспросами. Я наблюдал за Дункан во время спектаклей и репетиций и видел, как развивающееся чувство меняет выражение ее лица и как она с блестящими глазами начинает изображать то, что рождается в душе. Вспоминая наши случайные разговоры и сравнивая нашу работу, мне стало ясно, что мы ищем одного и того же в разных областях искусства», – пишет К.С. Станиславский в своей книге.

Школа Дункан

Станиславский предлагает Айседоре преподавать пластическое движение актерам Художественного театра, но она отговаривается, заявляя, что ее танцу необходимо обучаться с самого детства, после чего Дункан завершает турне и возвращается в Германию, еще точнее, в Берлин, где уже заждались ее мама и сестра. Брат с завидным упорством продолжал искать воду на Копаносе, беспрестанно требуя новых денежных вливаний. В какой-то момент терпению Айседоры настает конец, и она решается остановить денежную утечку, раз и навсегда закрыв греческий проект. Дункан отписала брату и тут же ввязалась в новую авантюру. На этот раз Айседора уже не строила храмы, а решила ограничить свои амбиции, воплотив детскую мечту – создать собственную школу.

Неделю они листали газеты с объявлениями о найме жилья, мотались по всему городу и пригороду, пока не обнаружили новенькую виллу на улице Трауден, которую и приобрели. Было решено, что для начала Айседора возьмет ровно сорок учениц, поэтому они сразу же купили сорок кроваток с белыми кисейными занавесками и принялись за обустройство здания в целом. Вот как описывает это наша героиня: «В вестибюле мы повесили копию картины, изображавшей героическую фигуру амазонки размером вдвое больше человеческого роста, в большом танцевальном зале – барельефы Лукка дель Робия и пляшущих детей Донателло, а в детской спальне “Мадонну с Младенцем”, написанную в голубых и белых тонах и окруженную гирляндой из плодов.

Я разместила в вилле все эти идеальные изображения ребенка, барельефы, скульптуры, книги и картины, изображающие танцующих маленьких детей, потому что дети являлись в них в том виде, в каком представлялись воображению художников и скульпторов всех веков, и выбрала именно греческие вазы с танцующими детьми, крошечные фигурки из Танары и Беотии, группы пляшущих детей Донателло и Гейнсборо, потому что они олицетворяют ликующий гимн детства. Все эти фигуры имеют общую наивную грацию форм и движений, словно дети разных веков встретились и через столетия протянули друг другу руки. Дети моей школы, двигаясь и танцуя среди этих произведений искусства, должны были вырасти похожими на них, непроизвольно отражая на лицах и в движениях ту же детскую грацию, частицу того же счастья. Это первый шаг к красоте, первый шаг к новому танцу.

Я поместила в своей школе также фигуры танцующих, бегущих и прыгающих девушек, тех юных спартанских дев, которые путем суровых упражнений готовились к своему назначению – быть матерями храбрых воинов – быстроногих дев, ежегодно получавших призы на состязаниях, в свободных одеждах и с развевающимися вуалями, молодых девушек, танцующих рука об руку в Панафинах. В них скрывался будущий идеал, и ученицы должны были приучаться чувствовать нежную любовь к этим формам, с каждым днем все больше и больше походить на них и насыщаться тайной этой гармонии. Я фанатично верила, что достичь красоты можно, только пробудив стремление к ней».

В результате Айседоре удалось разработать 500 упражнений, которые должны были стать основой школьной гимнастики, при этом, в отличие от балетных школ, тренировки должны были проходить в форме игры. Была разработана форма – своеобразная просторная одежда, в которой детям было легко бегать, прыгать и играть. После того как ученики достаточно размялись, начинаются уроки танцев, почему не наоборот? А просто тело сначала требуется разогреть, мышцы должны растянуться, сделавшись эластичными, в противном случае можно получить травму. «Дух танца входит в тело, гармонично развитое и доведенное до высшей степени напряженности энергии. Для гимнаста целью является движение и культура тела, для танцовщика они только средство. Тело в танце должно быть забыто; оно только инструмент, хорошо настроенный и гармоничный».

При этом отчаянное семейство Дункан не удосужилось подумать о таком важном составляющем любого дела, как финансирование предприятия, потому как со связями, которые имелись у Айседоры, она была способна привлечь несколько меценатов, которые согласились бы вложить средства в столь благородное начинание. Кроме того, неплохо было бы задуматься, кто станет преподавать в детских группах, в то время когда Айседора уедет на гастроли? А ведь именно гастрольные поездки приносили основные доходы. Но Дункан слишком поглощена своей новой затеей, так что предложивший ей очередной контракт импресарио ушел ни с чем. Мисс Дункан сообщила ему, что школа более важна для нее, нежели заработок. Айседора категорически отказалась куда-либо ехать, сорвав договорные обязательства.

Когда здание было готово, Айседора поместила сразу же в нескольких газетах объявления о приеме в школу талантливых девочек на полный пансион, с бесплатным обучением, на правах последующего удочерения. Неудивительно, что очень скоро возле

виллы Дункан собралось столько желающих отдать своих ненужных малюток в добрые руки, что они реально перегородили проезд. Так что даже сама Айседора, возвращающаяся в это время домой в экипаже, была вынуждена остановиться в конце улицы и далее добираться пешком, протискиваясь между возками, деревенскими телегами и живой очередью.

«Здесь живет сумасшедшая дама, которая поместила в газетах объявление, что хочет иметь детей», – сообщил Айседоре словоохотливый извозчик, указывая в сторону ее виллы. Да уж, сумасшедшая.

Никаких вступительных экзаменов, никто даже не догадался проверить у детей музыкальный слух, чувство ритма, гибкость. Счастливая Айседора брала детей без разбора – понравилась мордашка, веселая улыбка, озорные глазки, или ребенок показался чрезмерно задумчивым и мрачным, так что просто захотелось развеселить… не было даже элементарного медицинского осмотра, который сумел бы показать, смогут ли дети априори учиться такому сложному и требующему немалых жизненных сил искусству, как танец. Должно быть, никогда ничем серьезным не болевшая Айседора считала, что и все дети обладают столь же сильным иммунитетом, впрочем, у нее самой ведь детей не было, а на соседских обычно смотришь, не когда те больные лежат в своих кроватках, а на прогулке, или когда те приходят к тебе в гости. В результате она набрала целый класс детей с врожденными либо сильно запущенными заболеваниями, самое время открывать лазарет, а не школу танцев.

На счастье как раз в это неспокойное время Айседора знакомится с хирургом Гоффом, который берется опекать дунканят бесплатно. Добрый доктор Гофф, знаменитейший эскулап своего времени, светила, на прием к которому следовало записаться заранее и заплатив уйму денег, которые сам доктор тратил на содержание подшефной детской больницы, которую он открыл под Берлином. А вот теперь еще занялся школой Дункан: «Здесь не школа, а больница. У всех этих детей наследственные болезни, и вы увидите, что потребуется громадный уход, чтобы сохранить им жизнь. Где уж тут учить танцам!» – привычно ругается себе под нос педиатр, ворчит, но не отступает, а привычно тащит на себе эту новую и не последнюю в его жизни тяжесть.

Как-то раз, когда Айседора танцевала в Гамбурге, после спектакля в гостиницу к ней заявился незнакомец во фраке и цилиндре, который, ничего не объясняя, всучил танцовщице завернутую в шаль девочку лет четырех. Не поздоровавшись и не представившись, господин нервно осведомился, намерена ли

госпожа Дункан взять этого его ребенка, и, когда та испуганно кивнула, скрылся за дверью. Больше она не видела этого странного господина, что же до девочки, та, мало того что не умела разговаривать, так еще и оказалась серьезно больна, диагноз – воспаление миндалевидных желез. Малышка металась с жару, никого не зовя, а только тихо постанывая и печально глядя на Айседору огромными черными глазами. Три недели продолжалась борьба за жизнь незнакомой девочки, в течение которой две медсестры, Айседора и доктор Гофф поочередно сменяли друг друга, дежуря у постели больной круглые сутки. Их усилия не пропали даром, и в школе появилась новая ученица, молчаливая и загадочная, точно принцесса в изгнании, Эрика.

Меж тем быстро выяснилось, что, по всей видимости, придется отказаться не только от длительных заграничных турне, но даже от поездок по ближайшим городам, так как Айседора взяла себе за правило ежедневно проводить в школе два часа, которые посвящала танцу и развитию в детях творческого воображения.

Утро в школе начиналось занятиями гимнастикой, развивающей силу и гибкость всего тела, после шли уроки танца. Пытаясь обучить детей ритму, Айседора начала с того, что предлагала им маршировать всем вместе, потом ритмично бегать, останавливаясь или подпрыгивая в определенные моменты. Айседора водила детей на природу, показывая им изящные ветви деревьев, движение облаков, воспитанники попеременно представляли себя бабочкой или птичкой, весенней, летней или увядшей осенней травой, прорастающим зерном, тянущимся к солнцу и, наконец, распустившимся росточком. Детям такие уроки нравились, и все они были влюблены в своих учительниц.

Меж тем период восхваления Айседоры как музы танца внезапно сменился новым веянием, кто-то распустил слух, будто бы на спектаклях Дункан выздоравливают безнадежные больные, после чего в театральные залы, в которых она выступала, повелось приносить носилки с лежачими больными. Сама Айседора никогда не распространяла о себе подобной информации, но, с другой стороны, и не решалась выгонять верящих в нее людей. Каждый день возле школы Божественной Айседоры выстраивались страждущие, пришедшие в этот район Берлина с единственной целью – коснуться ее одежды. Впрочем, Дункан продолжала ходить с голыми ногами в сандалиях и белом хитоне, чем разительно отличалась от немок и походила скорее на существо из какого-то другого мира. А разве не так должны выглядеть ангелы?

На счастье, никому не пришло в голову организовать культ

святой Айседоры, потому что это было уже слишком. Дункан и так разрывалась между школой и работой, постоянно ссорилась со своим импресарио, считавшим занятие с детьми пустой блажью. Но и это еще не все, свободное время она была вынуждена тратить на переговоры с будущими спонсорами своей школы, так как вдруг до нее дошло очевидное – затея со школой, пожалуй, по количеству расходов обгонит даже пресловутый храм в Греции. Кроме этого, было необходимо уделять внимание и настойчивым поклонникам, тем же студентам, которые приносили крайне мало денег, но зато делали Дункан, как бы это сказали сейчас, бесплатную рекламу. Как показывал прошлый опыт, студенты жаждали пламенных речей и эффектных жестов. В противном случае с ними нужно было бродить по кабачкам, поддерживая репутацию «нашей Айседоры». Однажды после спектакля, когда танцовщица уже порядком устала и хотела только одного – побыстрее добраться до дома, молодые люди выпрягли лошадей из экипажа и в который уже раз повезли Айседору по городу, требуя, чтобы она произнесла речь. Студенты остановились, Дункан поднялась во весь рост и, обозрев площадь, на которой они оказались, протянула руку к замершей в ожидании толпе:

«Нет более великого искусства, чем искусство скульптора. Но как это вы, любители искусства, позволяете так его профанировать в самом центре города? Взгляните на эти статуи! Вы – поклонники искусства, но если бы вы действительно изучали его, вы бы взяли ночью камни и уничтожили бы их. Искусство? Это искусство? Нет, это изображения кайзера!»

Призвав таким образом совершить акт вандализма в центре Берлина, Айседора чуть было не стала тем первым человеком, который бросил бы пресловутый камень, но, на ее счастье, появилась полиция, и статуи заодно с репутацией Дункан были спасены.

Гордон Крэг

В Берлине у Айседоры неожиданно завязался новый роман. Незнакомый молодой человек ворвался в артистическую уборную после спектакля, с порога обвинив Дункан в том, что та де украла его идеи, начиная с движения и заканчивая прозрачным хитоном, голубыми занавесями и ее собственным идеальным телом. Это было уже слишком, и, сдерживаясь из последних сил, Айседора сообщила незваному гостю, что и не думала воровать у него, да и вообще не имеет представления, с кем разговаривает. Непрозрачно намекая, чтобы тот хотя бы представился.

Ответ сразу же обезоружил готовую к бою Дункан.

«Я сын Эллен Терри», – скромно улыбнулся Гордон Крэг, наблюдая, как изменяется выражение лица Айседоры. Она же из грозной валькирии Брунгильды вдруг обмякла в крохотном креслице, смущенно зардевшись и уставившись на молодого человека глазами влюбленной кошки. Сын Эллен Терри, тот самый мальчик, о котором она думала в Лондоне, посещая спектакли с участием его матери! Это была судьба!

Айседора еще хлопала глазами, когда вошедшая в гримерку дочери Дора по-своему оценила ситуацию, пригласив молодого человека поужинать у них дома. Как ни странно, если бы ни мать, Айседора вряд ли догадалась бы взять с собой Крэга, перенеся встречу на другой день, но Дора произнесла свое роковое приглашение. Втроем они сели в коляску и вскоре уже весело общались за накрытым столом, где их поджидала Елизавета. В хорошей компании, как известно, время течет достаточно быстро, и вскоре Елизавета и Дора отправились в свои комнаты, а привыкшая к ночному образу жизни Айседора продолжала, как ни в чем не бывало, болтать с Крэгом. Точно так же она общалась с Тоде, Андрэ Бонье, Шарлем Нуфларом и его величеством королем Фердинандом Болгарским. Все как всегда, ничего необычного. Однако, вернувшись в гостиную утром, Дора не обнаружила ни дочери, ни ее гостя. Айседоры не оказалось ни в ее собственной спальне, ни в комнатах, в которых мирно дремали сорок дунканят. Ночью Айседора сбежала вместе с Крэгом, не оставив даже коротенькой записки. Не ожидающая подвоха от сына самой Эллен Терри, Дора была обескуражена. Елизавета требовала немедленно обратиться в полицию, написав заявление о похищении, но тогда бы пострадала репутация Айседоры. По всему выходило, что она бежала с Крэгом по доброй воле. Поэтому пришлось ждать, когда беглецы сами дадут о себе знать, продолжая, как ни в чем не бывало, работать в школе и делая вид,

будто бы не происходит ничего из ряда вон.

Что же до беглой Айседоры и ее кавалера, путь их лежал в местечко Потсдам, где они сняли номер в гостинице, назвавшись супружеской парой. После нескольких лет воздержания Айседора чувствовала себя на гребне счастья, что же до Крэга, то тот вообразил, будто великая танцовщица теперь будет целиком и полностью принадлежать исключительно ему.

Понимая, что мать заставит ее вернуться домой, Айседора не писала ей, хотя похитивший ее авантюрист в буквальном смысле слова не имел за душой ни единого пенни, и после достаточно тучных, зажиточных лет, когда Айседора имела возможность питаться в самых лучших ресторанах, удовлетворяя любой свой гастрономический или иной каприз, теперь по милости судьбы она снова погружалась в нищету.

Самое обидное, что у нее не было возможности хотя бы заехать домой, для того чтобы взять немного денег. Покинув гостиницу в Потсдаме, они вернулась в Берлин, где любовников приютила знакомая Айседоры Эльза де Брюгер, обожавшая философию свободной любви и, по всей видимости, в результате поведавшая о новом романе Айседоры Дункан журналистам.

Гордон Крэг с матерью Эллен Терри в спектакле «Мертвое сердце»

Проведя у Эльзы целый день, Крэг отвез свою возлюбленную в ателье, которое уже несколько месяцев снимал. Айседора запомнила черный, навощенный пол, усыпанный искусственными лепестками роз, и то, что это ателье стояло совершенно пустым, то есть там не было даже кровати. Впрочем, там не было ни стола, ни стульев, ни какой-нибудь кухоньки, где можно было готовить.

Обычно Крэг столовался в кафе на первом этаже, но так как деньги у него давно вышли, еду он брал раз в день, в долг. Когда служанка из кафе приносила заказ, Айседора была вынуждена выходить на балкон, прячась от любопытных глаз. Так продолжалось целых две недели, за которые Айседора узнала все, что только можно было узнать о современном театре, и чуть не заработала язву желудка на дешевых сосисках, которыми была вынуждена питаться ежедневно, заедая их хлебом.

К концу первой недели Дора не выдержала, и, превозмогая стыд, отправилась в полицию и посольство, требуя немедленно разыскать и арестовать подлого соблазнителя Гордона Крэга.

Чертыхаясь и проклиная все на свете, импресарио бегал по городу, отменяя один за другим заранее назначенные спектакли. Понимая, что не сегодня-завтра скандал просочится в прессу, пришлось разместить в газетах объявление о внезапной болезни мисс Дункан. Плохо разбираясь в медицине, Елизавета указала единственный знакомый ей диагноз: воспаление миндалевидных желез – болезнь, от которой чуть не умерла одна из воспитанниц школы Дункан. Но правда все равно вырвалась наружу.

Узнав о поведении Айседоры, несколько меценатов, добровольно жертвовавших небольшие суммы на ее школу, с отвращением отказались принимать какое-либо участие в предприятии, затеянном столь безнравственной особой. Не помогло даже то, что Елизавета слезно молила их не покидать оставшихся временно без попечения, брошенных своей названной матерью сорок очаровательных ангелочков. Посвященная в интригу Эльза расписывала роман своей подружки во всех мыслимых и немыслимых подробностях, предвосхищая порнофильмы грядущего.

Через две недели Айседора уже задыхалась в четырех стенах любовного гнездышка, кроме того, ее отчаянно тошнило… то ли от несносной пищи, то ли от реформаторского театра, то ли от самого Крэга. Как оказалось достаточно скоро, следствием болезни миндалин явилась беременность. Кроме того, опять повторилась ситуация с Ромео: «Зачем тебе танцевать, когда ты можешь сидеть дома и затачивать мои карандаши».

С Крэгом Айседоре было либо очень хорошо, либо невыносимо скучно. Тогда она начинала задумываться о том, почему она, вместо того чтобы танцевать и преподавать в школе, сидит на жестком черном полу, рядом с мужчиной, занятым своими делами и не обращающим внимания на нее?

Когда после двухнедельного отсутствия Крэг и Айседора перешагнули порог виллы семейства Дункан, мать громогласно прогнала «подлого соблазнителя», и некоторое время все

занимались только тем, чтобы доказать окружающим, будто бы ничего не произошло. Был спешно вызван импресарио, который получил не только извинения якобы болевшей все это время танцовщицы, но и заверения в готовности выступать. Елизавета собрала дам из попечительского комитета, но все они с деланной брезгливостью отказались впредь спонсировать проекты любовницы Крэга.

Собственно, проблема заключалась лишь в одном – у многих были любовники и любовницы, об этом знали, перешептываясь по темным углам, и терпели, потому что адюльтер тщательно скрывался. В случае Айседоры имя Крэга появилось в скандальной истории с самого ее начала. А это уже было недопустимо по законам морали. Узнав о том, что еще совсем недавно радушно принимающие у себя знаменитую танцовщицу спонсоры нынче бросили ее на произвол судьбы, Айседора сняла зал филармонии, где разразилась лекцией о танце как об искусстве раскрепощения, завершив спич правом женщины любить и производить на свет детей по собственному желанию. В зале шикали, свистели, возмущенные берлинцы стучали об пол зонтиками, тростями, громыхали стульями и, громко ругаясь, покидали зал.

Вопрос из зала: «Как можно рожать от мужчины, не являющимся законным мужем? Он же бросит эту дуру, и она останется одна воспитывать своих детей?»

Айседора: «А как можно выходить замуж за столь подлого мужчину, который готов бросить собственного ребенка?»

Вопрос из зала: «Как будет в дальнейшем жить ребенок, родители которого не были венчаны в церкви»?

Айседора: «История знает немало выдающихся людей, рожденных вне брака. Это не мешало им достигать славы и богатства».

Реплика из зала: «Но законный брак – гарант того, что даже после развода супругов муж будет принимать участие в воспитании ребенка, без брака же женщина обречена на одиночество».

Айседора: «Как женщина с самостоятельным заработком я нахожу, что можно приносить в жертву силы, здоровье и даже рисковать жизнью, чтобы иметь ребенка, но не подверглась бы этой муке, если бы могла предположить, что в один прекрасный день у меня отнимут его под предлогом, что ребенок принадлежит отцу по закону, и разрешат его видеть три раза в год!»

В общем, дискуссия получилась острая, в завершение на сцену летело все, что только могло оказаться под руками у

запасливых берлинцев. «В конце концов, недовольные покинули зал, а с оставшимися я завела интересную беседу о правах женщины, которая во многом определила женское движение наших дней», – завершает рассказ о лекции находчивая Дункан.

Дочка

Очень скоро Айседоре надоест выступать с протестами и лекциями, на время она оставит попытки переделывать мир и сосредоточится на более важном. Ее тело вдруг зримо начало расплываться, ноги сделались тяжелыми, а мысли невольно сосредоточились вокруг ребенка, белокурой девочки, которую она то и дело теперь видела во сне. Сама Эллен Терри почтила Айседору в ее сновидческих странствиях, ведя за руку похожую одновременно на ангела и ее малышку.

Весной Айседора снова отправляется на гастроли, на этот раз в Данию и Швецию. Выступления проходят при полных залах, публика благоволит к знаменитой танцовщице, и она немного укрепляет свое изрядно пошатнувшееся в последнее время финансовое положение. Собственно говоря, с ее образом жизни не мудрено растратить и сумму, в несколько раз превосходящую ту, что удалось скопить Дункан, так как, в то время когда ее оппоненты с пеной у рта пытаются растолковать, насколько затруднительно воспитывать ребенка без мужа, отважная американка содержит и воспитывает сорок приемных детей.

Меж тем газеты наперебой сообщали о землетрясении и пожарах в Сан-Франциско, узнав о которых, Дора с неделю ходила точно сама не своя, она любила этот город и мечтала когда-нибудь вернуться туда. Теперь же миссис Дункан переживала за своих бывших соседей, гадая, не пострадали ли они.

Импресарио пытался зазвать Дункан в новые поездки, но она отказалась танцевать, так как внезапно почувствовала сильное недомогание, связанное с беременностью. Кроме того, живот уже сделался вполне заметным, так что она решила дождаться рождения дочки в деревне Нордвик на побережье Северного моря. Там Дункан сняла небольшую белую виллу «Мария», куда отказались последовать за нею мать и сестра, не желая иметь ничего общего с незаконнорожденным ребенком беспутной Айседоры и отказываясь присоединиться к ее добровольному изгнанию. И если Елизавету чисто по-человечески можно понять – из-за беременности Айседоры ей пришлось взвалить на свои плечи школу, Дора просто не желала присутствовать при рождении безотцовщины, усиленно делая вид, что не осведомлена о состоянии дочери.

А ведь это был первый ребенок Айседоры, она не имела ни малейшего представления относительно того, что ей предстоит, полагая, что справится с родами не хуже любой крестьянки. В деревне, правда, жил и работал то ли доктор, то ли фельдшер,

который уверил госпожу Дункан, что уже неоднократно принимал детей и поднаторел в этом. Врал. Вилла располагалась на расстоянии сотен миль от ближайшего города, случись что, роженица могла попросту не дождаться помощи. Айседора провела лето возле моря, подолгу гуляя или просто сидя на берегу. Несколько раз ее одиночество нарушал Гордон Крэг, но, погостив пару дней, он ссылался на неотложные дела, покидая свою возлюбленную, а Айседора и не просила сидеть с ней. Она писала длинные письма сестре, инструктируя ее, как следует работать с детьми, какие они должны выполнять упражнения, какую музыку слушать. Гуляя между деревнями Нордвик и Кадвик, она разрабатывала то, что после назовут системой Айседоры Дункан, или разговаривала с еще не родившимся ребенком. Примечательно, что за все время добровольного отшельничества, Айседора так и не подружилась ни с кем из тех мест, люди косились на ее живот, чуть ли не плюя вслед. Наверное, конспирации ради следовало дать понять окружающим, будто бы они с Крэгом женаты, но… Дункан была выше этого. В августе для Айседоры была выписана сестра милосердия – Мария Кист, в обязанности которой входило присматривать за будущей мамой и добежать до Кадвика, где жил доктор, когда возникнет необходимость в его услугах.

Несмотря на то что Айседора думала только о ребенке и предстоящих родах, считая дни, схватки начались внезапно, когда она пила чай у себя на веранде. По счастью, Мария оказалась поблизости и, устроив хозяйку в постели, побежала за доктором. Двое суток Айседора не могла разродиться, находясь между жизнью и смертью, пока доктор не воспользовался щипцами и не извлек ребенка. За эти два дня и две ночи, когда Айседора беспомощно кричала от болей, умоляя хоть как-то уменьшить ее страдания, она успела послать проклятия, наверное, всем бывшим, здравствующим и будущим врачам и ученым, не изобретшим и даже не попытавшимся придумать способы, помогающие женщинам меньше страдать во время родов. А действительно, к тому времени наркоз и болеутоляющие применялись уже достаточно широко, кроме того, на улицах запросто можно было приобрести морфий и опиум, кому же выгодно устраивать пытки, в сравнении с которыми ужасы святой инквизиции показались бы сущей ерундой?! Айседоре повезло наткнуться как раз на такого врача.

Отдохнув на вилле несколько недель, Айседора вернулась в Берлин вместе с Марией Кист, с которой успела подружиться, и младенцем на руках. Теперь уже было невозможно что-либо скрыть, и Доре пришлось смириться с внучкой, которой вскоре

дали ирландское имя Дердре.

Гордон Крэг и Элеонора Дузе

Айседора вновь упивалась обществом своего Крэга, которого она твердо решила называть не иначе, как «гениальный», вознамерившись всячески способствовать его карьере. Но Крэгу был необходим театр, не просто снятое на пару выступлений помещение. Крэг грезил масштабными декорациями, он мог воздвигнуть дворцы и храмы, приблизить небо или открыть перед изумленными зрителями пару-тройку незнакомых вселенных. Близорукий художник, Крэг видел мир не так, как остальные люди, дорисовывая в своем воображении все то, что не мог разглядеть в реальности. При этом мир Крэга был не только выгодно отличим от всего того, что видела вокруг себя Айседора, этот мир казался прекрасным и, безусловно, достойным того, чтобы художник хотя бы попытался открыть его другим людям.

Такая возможность вскоре представилась, Айседору пригласила танцевать на ее вечере богачка и меценатка, супруга известного в Берлине банкира Джульетта Мендельсон. Денег мероприятие не сулило, но зато, во-первых, фрау Мендельсон приглашала ее не одну, а с детьми, которые к тому времени уже чему-то успели научиться у трудолюбивой Елизаветы. А как известно, лишнее выступление на публике, лишним не бывает, тем более если речь идет о молодых или даже, как в нашем случае, юных актерах. Во-вторых, прием затевался в честь легендарной актрисы Элеоноры Дузе[65], с которой Айседора давно уже мечтала познакомиться.

О самой Дузе рассказывали удивительные вещи, к примеру впервые она появилась на сцене в возрасте всего-то четырех лет, что хоть и считается невероятно ранним началом творческой деятельности, но вполне объяснимо. Маленькая Элеонора играла в спектакле со своими родителями, саму же труппу «Гарибальди» в свое время в Падуе организовал ее дед Луиджи Дузе. Так что все более-менее закономерно.

Затем она получала небольшие роли, постепенно учась и взрослея на сцене. Первый серьезный успех пришел к Дузе, когда той исполнился двадцать один год, это была заглавная роль в драме Эмиля Золя «Тереза Ракен». До 1886 года Элеонора гастролировала по всей Италии в составе труппы родителей и однажды создала и возглавила собственный театральный коллектив. После этого пошли весьма успешные гастроли в США, Франции и России. Знаменитый композитор, поэт и автор либретто к операм Джузеппе Верди «Отелло» и «Фальстаф» Арриго Бойто, с которым, по некоторым сведениям, Элеонора

состояла в тайной связи, перевел для нее «Антония и Клеопатру» Шекспира.

Прославившись в роли царицы Египта, Дузе играла в «Даме с камелиями» Дюма-сына, в спектаклях по пьесам Ибсена[66] «Гедда Габлер» и «Кукольный дом».

Образ Элеоноры Дузе вошел в роман ее многолетнего любовника д'Аннунцио[67] «Пламя». На долгие годы Анна из романа «Пламя» сделалась чем-то вроде визитной карточки госпожи Дузе, она же не раз появлялась в светских салонах под руку со своим экстравагантным возлюбленным, шокируя публику демонстрацией своих отношений. Собственно, отношения как раз шли по нарастающей, и публика предвкушала роскошную свадьбу с последующим турне по всему свету. Но просуществовавший девять лет роман рухнул в одночасье, после того как Габриеле д'Аннунцио предложил играть Анну во французской премьере драмы сопернице Дузе – Саре Бернар. По другой версии, объявил во всеуслышание, что ему разонравилась ее грудь. Еще неизвестно, что оскорбительнее! Дузе прощала своему возлюбленному его многочисленные измены, регулярно выплачивала долговые обязательства, в том числе и перед другими женщинами, но последнее было уже за гранью возможного. Во всяком случае, через несколько месяцев во Флоренции, услышав эту историю из уст самой Элеоноры, Айседора поклялась ей страшной клятвой, при личной встрече с Габриэлем, как минимум не отдаться ему, как максимум отомстить за свою подругу любым доступным ей на тот момент способом.

В год, когда Айседора спасалась от своей роковой страсти к Генриху Тоде в зимней России, Дузе с успехом играла в Париже Василису в драме Максима Горького «На дне». И теперь та самая Элеонора Дузе, расположившись на изящной розовой софе, с интересом наблюдала танцы Айседоры Дункан, приглашенной специально для нее.

Жизнь во Франции и недолгое посещение Италии позволили Айседоре объясняться с Дузе без переводчика, они быстро подружились и договорились встретиться на следующий день, когда Айседора и представила своей новой знакомой Гордона Крэга. Элеонора Дузе – шанс для Крэга работать в настоящем театре. Познакомься они с Крэгом раньше, например когда Айседора жила в Байройте и танцевала в операх Вагнера, никакого ее красноречия не хватило бы на уговоры вдовы, дыбы Крэг поставил оперу по-своему. В Вагнеровском театре царствовал его величество канон, начертанные рукой маэстро скрижали. Дузе была внутренне готова к принципиально новому взгляду на

старый материал и неожиданному подходу к уже знакомым спектаклям, так что на глазах не верящей пока в собственное счастье Айседоры начала складываться дивная мозаика, состоящая из талантов двух замечательных людей – Элеоноры и Гордона.

После недолгих переговоров Дузе изъявила желание, чтобы Гордон Крэг оформил для нее спектакль во Флоренции. Ехать предстояло на свои средства, жить во Флоренции тоже. При этом Крэг должен был изготовить макеты для ибсеновского «Росмерсгольма», с тем чтобы Дузе могла осмотреть их и решить, подходят ли они для нее.

Разумеется, макеты следовало предоставить уже во Флоренции, после того как Гордон осмотрит сцену и уяснит ее технические возможности. Таким образом, самый простой способ – сначала склеить макеты в Берлине и показать их Дузе, а уже после, по результатам, либо поехать с ней во Флоренцию, либо остаться дома, – не проходил.

Элеонора Дузе (1858–1924) – итальянская актриса

Поняв это, Айседора мужественно взяла на себя финансирование поездки. Да, она прекрасно понимала, что для успеха предприятия ей придется поехать вместе с Крэгом. Так как тот не знал ни итальянского, ни французского, а Дузе не понимала по-английски. К слову, живя в Берлине не первый год,

Крэг не удосужился выучить и немецкий. Кроме того, уже зная на личном опыте взрывной характер «гения», Айседора всерьез опасалась, как бы обиженная резким словцом или несвоевременно хлопнувшей перед ее распрекрасным носиком дверью, Элеонора не выдворила бы скандалиста на улицу. Поэтому она безропотно оплатила билеты на поезд для себя, Крэга и Марии Кист, на руках которой должна была путешествовать по Италии маленькая Дердре.

Места в поезде были, разумеется, самыми лучшими, но Айседора все равно чувствовала понятные в ее положении неудобства, ребенка она принципиально кормила грудью, не прибегая к услугам кормилец, но вдруг молоко начало сворачиваться, что приносило немало страданий и Айседоре, и ее малышке. Пришлось прибегнуть к искусственному вскармливанию. В остальном же пока все проходило более-менее сносно. Крэг вообще вел себя как ангел, когда его слушали, не перебивая, Дузе нравилось слушать.

Тем не менее, как выяснилось достаточно скоро, если в поезде Элеонора Дузе и походила на довольную всем ленивую кошку, в жизни она являлась весьма требовательной, своенравной хищницей. Дузе лучше всех знала, какие на ней должны быть платья и прически, при этом в жизни великая актриса частенько появлялась в дорогих, но безвкусных нарядах. Понимая, что публика приходит на нее – на «Великую Элеонору Дузе», она не любила, когда декорации или другие актеры чем-то затмевали ее. Ни одна актриса труппы не могла быть красивее Дузе, декорации и вообще все на сцене создавалось в расчете на одну-единственную Дузе. И тут Айседора оказалась между двух огней. С одной стороны, единственный способ умилостивить Крэга – это гладить его по голове, заранее смиряясь с любым его взбрыком, поминутно хлопая от восторга в ладоши или вытаращивая глаза. Тех же почестей справедливо ожидала для себя Элеонора Дузе. Кроме того, она не собиралась водить веселые хороводы вокруг новоявленного гения, без разницы, чьим сыном он является. Мечтая помочь Крэгу, но отчаявшись переделать его несносный характер, Айседора была вынуждена проводить все время между этих двоих, не допуская прямых столкновений и не позволяя им прибегать к услугам других переводчиков.

– Мне бы хотелось, – едва сдерживая гнев, – шипела Дузе, чтобы господин Крэг считался с указаниями Ибсена и моим прямым приказом – окно должно быть таким маленьким, чтобы сквозь него мог проникать всего один несчастный луч, – объясняла задачу своему новому декоратору Дузе.

– Госпожа Дузе в восторге от твоего решения декораций в

этой сцене. Безусловно, она не собирается вмешиваться в твое творчество, а всего лишь напоминает, что, по Ибсену, окно должно быть немного меньше, – примирительно шептала Дункан, косясь на стоящую за ее спиной разгневанную хозяйку труппы.

– Передай ей, что всякая дура не станет учить меня, какие декорации требуются для Ибсена! – брызгал в ответ слюной Крэг.

– Господни Крэг склоняется перед вашим мнением и впредь будет делать все возможное, чтобы угодить вам, – не моргнув, перевела Дункан.

– Очень хорошо, пусть знает свое место, – Дузе разворачивалась и уходила, не дослушав ответа.

– Элеонора считает тебя великим талантом, она заранее представляет себе, как замечательно будет выглядеть эта сцена, и трепещет от предчувствия, что стоит на пороге грандиозных открытий, – Айседора повисала на шее своего возлюбленного, понимая, что только что спасла спектакль. Собственно говоря, она верила в гений Крэга и способность видеть прекрасное Элеонорой Дузе. Все, что требовалось в данной непростой ситуации от Дункан, – это сделать так, чтобы Элеонора не увидела декораций до тех пор, пока они не будут готовы полностью, как говорится, во всей красе. Потому как, обнаружь Дузе на сцене фрагмент будущих декораций, она не сумеет представить себе, как это может быть прекрасно в дальнейшем, и не позволит продолжить работу.

Понимая это, Айседора тратит уйму сил, хитрости и личного времени, дабы под любым предлогом не пускать Дузе в театр, где рабочие сцены и специально приглашенные художники под руководством Гордона Крэга создают декорации к ее спектаклю.

Часами Айседора гуляла с Элеонорой по садам и паркам, зачастую пропуская время сцеживания молока, что доставляло ей массу неприятных ощущений. Кроме того, она была еще очень слаба после родов, да и малышка смела рассчитывать хотя бы время от времени видеть перед собой родную маму, но… забота о карьере Крэга занимала практически все время Айседоры.

Впрочем, Крэг тоже не сидел сложа руки. С утра до вечера он собственноручно рисовал декорации, понятия не имея, как без переводчика объяснить план действий рабочим и приглашенным художникам. Весь задник писался на мешковине, но так как не было никакой возможности достать такое огромное полотнище, какое видел Гордон Крэг, пришлось покупать готовые мешки, затем распарывать их и снова сшивать. Однажды, забежав в театр с корзинкой для пикников, в которой лежал обед, Айседора наткнулась на толпу молчаливых старух, которые, восседая на сцене, сосредоточенно сшивали куски мешковины. Со стороны это

выглядело, как какой-то колдовской шабаш времен Средневековья. Айседора была просто поражена увиденным. Вывалив на стол содержимое корзинки и ничего не объясняя, Крэг вытолкал подругу за дверь, шипя ей на ухо:

– Делай что хочешь, но эта дура не должна проникнуть в театр, пока я не закончил своей работы.

И на возражение Айседоры о том, что Дузе все время спрашивает о своих декорациях, уже несколько раз пытаясь прорваться мимо подкупленной администрации, он только заскрипел зубами:

– Если она войдет, я сажусь в поезд и уезжаю. Понятно? Ты меня знаешь.

Да, Айседора знала Крэга и понимала, что этот человек из одного только принципа способен испортить не только все, что уже сделала она, но и свою собственную жизнь. Конфликт с Элеонорой Дузе мог дорого обойтись Крэгу в дальнейшем.

Во всей этой кутерьме Айседора нет-нет да и наведывалась в банк. Увы, школа отнимала еще больше денег, чем некогда храм, кроме того, она несколько месяцев не работала из-за беременности, а теперь вдруг ввязалась в новую авантюру. Нужно было срочно восстанавливаться и приниматься за дело. За годы борьбы с нищетой Айседора научилась полагаться на себя одну, прекрасно понимая, что зарабатывать в доме Дункан больше некому. Ну, разве что еще Елизавета, но и та совсем оставила частную практику, посвящая все свое время сорока дунканятам.

Впрочем, она не докладывала о своих трудностях ни Гордону, ни Элеоноре. Он был слишком поглощен своей работой, полагаю, ему даже не пришло в голову, что затраченные на поездку Айседорой деньги было бы неплохо когда-нибудь возместить ей. Что же до проблем с содержанием школы, равно как и дальнейшая жизнь Айседоры… такие мелочи его вообще не интересовали. Перед Дузе Айседора должна была выглядеть беспечной, довольной жизнью богачкой. Поэтому она никому ничего и не говорила, с нетерпением ожидая, когда же наконец Элеонора увидит плоды труда ее «гения» и Айседора сможет отправиться на очередные заработки.

Вскоре Крэг действительно назначил день, напомнив Айседоре свою угрозу относительно несвоевременного посещения театра Дузе, а она в который раз поклялась, что граница на запоре, а она, верный страж, боевая амазонка и вагнеровская валькирия, исполнит свой долг.

В день, который Крэг выбрал для демонстрации перед Дузе своих декораций, не доверяя торопливой Элеоноре, Айседора сама заехала за подругой и повезла ее в театр. «Она была в

состоянии страшного нервного напряжения, и я боялась, что оно каждую минуту может разразиться бурей, как грозовая туча», – пишет в своих воспоминаниях Дункан.

Всю дорогу они молчали, каждая думала о своем: Дузе – о возможном разочаровании, а следовательно, неминуемом скандале и необходимости нанимать другого декоратора, Айседора опасалась, что в голове Элеоноры уже нарисована определенная картина того, как и что должно быть на сцене, а что Гордон не угадал, она была более чем уверена. В конце концов, она же видела эскизы и макеты сцены, она носила ему в театр обеды и ужины и знала, что Дузе увидит совсем не то, что желает. Если Дузе выгонит Крэга, тот смертельно обидится прежде всего на Айседору и бросит ее. Кроме того, в случае провала ее ждал и разрыв отношений с Элеонорой.

В театре их тоже не сразу пустили в зал, так как не все было готово. Дузе металась по вестибюлю, заламывая руки, ей казалось, что безумный Крэг разнес ее сцену в щепки и после его работы ей придется, чего доброго, делать ремонт. «Я поглаживала ее руку и приговаривала: “Скоро, скоро увидите. Немножко терпения”. Но я дрожала от страха при мысли о маленьком окне, принявшем гигантские размеры», – напишет Айседора.

Служители таинственно улыбались Элеоноре, умоляя посидеть хотя бы пять минут, кто-то из местной администрации предлагал чашку кофе или бокал вина. Время от времени из зала доносились проклятия Крэга. Наверное, Айседоре следовало немедленно побежать к нему, объяснить, перевести рабочим слова мастера, но она опасалась оставить Элеонору одну.

Наконец, двери королевской ложи распахнулись, и Дузе бросилась туда, не обращая внимания на услужливые поклоны. Они застыли рядом, Элеонора вцепилась пальцами в бархатную обшивку кресла, медленно, в полной тишине поднимался занавес.

Не в силах справиться с нахлынувшими на нее чувствами, Элеонора порывисто сжала пальцы Айседоры, а потом бросилась ей на шею! Это был настоящий, неописуемый восторг! Глаза подруг увлажнились слезами радости. Тут же позвали Крэга, и тот появился не как победитель и завоеватель, а неуверенной походкой маленького мальчика, его очки запотели, и, протирая на ходу стекла, он кротко улыбался, близоруко щурясь и тоже чуть не плача от счастья.

Взволнованная Айседора не сразу сообразила, что Дузе говорит, быстро, весело, роняя счастливые слезы и то и дело пытаясь обнять окончательно стушевавшегося Крэга. Запоздало она попыталась перевести, тут же сбилась, начала снова и, в конце концов, затихла. Перевод был не нужен.

В воображении Айседоры Крэг получил Элеонору Дузе со всей ее замечательной труппой на вечные времена. После «Росмерсгольма» она пригласит его на следующие и следующие спектакли, и вскоре о нем узнает весь мир…

В 1908 году Элеонора Дузе покинет сцену, на два года соединив свою жизнь с итальянской феминисткой Линой Полетти, с которой они поселятся во Флоренции. Дузе вернется на сцену только в 1921-м и покинет Италию после прихода к власти фашистов.

Спектакль прошел всего один раз, оставшись в памяти зрителей и знатоков искусства. А сразу же после премьеры Айседора поехала в Россию, почему именно в Россию? Да просто пришла телеграмма от импресарио, в которой тот предлагал вновь посетить Петербург и Москву. Айседора ухватилась за первое подвернувшееся предложение, тут же села на экспресс, едущий через Швейцарию и Берлин.

Нет, она не хотела уезжать и совсем не была готова снова танцевать, ее мучило расставание с маленькой Дердре, болела грудь, да и Крэг, ведь он только-только добился, чего хотел, и был счастлив. В кой-то веки выпал шанс оказаться рядом с любимым мужчиной, который не будет спешить на работу и проклинать всех, все и вся. Как же она соскучилась по тому времени, когда он принадлежал ей одной. Да и Элеонора Дузе. они вполне сдружились, и продержись Айседора еще какое-то время рядом с ней во Флоренции, вполне возможно, что та нашла бы и ей дело в театре. Но. вместо того чтобы пожинать плоды, Айседора отправляется на новую пахоту.

Айседора и карнавал мертвецов

И вот она снова в России, словно в насмешку, опять окружена белым, сверкающим и невероятно холодным снегом, как будто бы судьба снова хочет, чтобы ее чувства остыли, превращая ее в из пылкой женщины в ледяную статую.

Она совершенно одна. Не спасают русские танцовщики, которые вновь вовлекают Айседору в свою жизнь, новые знакомства. Да, в прежние времена она бы из кожи вон вылезла, доведись ей вот так запросто принимать у себя принцев крови, актеров и певцов с мировым именем, теперь она больше сосредоточена на себе. Ее тело уже не столь легкое, как было до родов, в движениях появились плавность и медлительность, груди болят, а во время танцев туника нет-нет да и заливается молоком. В театре на гримерном столике она пишет бесконечные письма, в Берлин маме и сестре, во Флоренцию Крэгу, Марии, Элеоноре. Грустное, печальное время. Айседора едва отрабатывает намеченное, отказываясь от новых выгодных предложений, напоследок согласившись на подвернувшееся приглашение от голландского театра выступить на их сцене, справедливо полагая, что из Голландии рукой подать до Берлина. Она заболевала, не понимая этого и списывая недомогания на счет недавних родов. Едва закончив выступление на сцене амстердамского театра, Дункан упала в обморок и пришла в себя только в гостинице. Доктор определил неврит, честно сообщив, что это заболевание пока еще не умеют лечить, впрочем, Айседора была молодой, сильной и достаточно выносливой. Поэтому он прописал ей полный покой, запретив раздвигать тяжелые занавеси, которые не пропускали света. Так длинные дни и ночи она и лежала в полубредовом состоянии, обложенная со всех сторон мешками со льдом и получая вместо еды молоко с опиумом. Засыпала, во сне являлась к своим близким, кормила ребенка, спорила с братом, вдруг обнаруживала себя в Афинах или Париже… дни плавно объединялись в недели, недели перерастали в месяца. явившийся из Флоренции Крэг, забыв обо всем, ухаживал за своей умирающей подругой. Три недели он дежурил у постели больной и сбежал, только получив нетерпеливый вызов Дузе: «Выступаю в “Росмерсгольме” в Ницце. Сцена неудовлетворительна. Приезжайте немедленно».

И он поехал, понесся к человеку, с которым априори не умел правильно общаться и который не собирался подстраиваться под него. В результате случилось то, что и должно было случиться. Они наговорили друг другу ужасные вещи и расстались навсегда.

Оказалось, что, не дождавшись Крега, его восхитительные декорации были разрезаны на куски, после чего какой-то местный Kulibin кое-как приладил их к сцене.

Крэг устроил бешеную истерику, крича на Дузе и брызжа слюной. Огромный и яростный, он всерьез напугал и смертельно обидел ни в чем не повинную актрису, которая не привыкла, чтобы кто-то вообще повышал на нее голос, а тут… Оскорбленная Элеонора указала ему на дверь. Так закончился альянс Крэга и Дузе. Больше они уже никогда не будут работать вместе.

Все старания Айседоры пошли прахом, деньги, время… Крэг и Дузе, как разобиженные карапузы, расползлись по своим углам и ни за что не желают мириться. Обиделись на весь мир и на нее – на Айседору – в частности. Скоро каждый из них станет требовать от Дункан невозможного – признать его правоту и перестать дружить с противником. Но Крэг – отец ее ребенка и любимый мужчина, а Элеонора – подруга и потрясающая актриса. Не обращая внимания на протесты врачей, шатаясь от слабости, Айседора садится в поезд до Ниццы. В дорогу ей выдают немного опиума, чтобы она могла снимать боль. Но танцовщица явно не рассчитала свои силы, на вокзале в Ницце ее уже буквально выносили из поезда на руках и уложили в коляску.

– Куда? – поинтересовался возница.

– В гостиницу, быстрее, – слабо попросила Айседора. В это время в Ницце проходил уличный карнавал. Люди в костюмах и масках, играли музыканты, плясали веселые Коломбины, боясь покалечить кого-нибудь из пирующих на площади, извозчик повез Айседору кружной дорогой, стараясь объехать эпицентр основного веселья. Зябко кутаясь в шаль, Дункан смотрела на небо, которое то и дело озарялось разноцветными огнями, с шипением взмывали к облакам развеселые шутихи, кто-то поил шампанским лошадей, белый плащ смерти гонялся за прохожими, посреди улицы перед трактиром, название которого Айседора не сумела прочитать, были выставлены длинные столы, на которых среди полупустых бутылок и кружек плясали уже весьма пьяные девчонки. Неожиданно целая компания белых призраков окружила экипаж Айседоры. Маски скелетов, опухшие, посиневшие лица мертвецов, маски животных с окровавленными клыками, возница отбивался кнутом, честно защищая свою пассажирку. Ослабленная из-за болезни, Дункан могла только таращиться на пытавшегося вытащить ее из коляски, как устрицу из раковины, безумного призрака, который тянул к ней свои окровавленные ручищи, крича «Танцуй! Танцуй!». На мгновение Айседоре показалось, что она уже умерла и черти тащат ее в самое пекло. Ее действительно тащили, целовали, разрывая

одежду и дыша в лицо перегаром.

Карнавал в Ницце в начале XX века

На счастье, опытный возница все же сумел заставить лошадь двигаться быстрее, щедро потчуя не в меру развеселившихся гуляк кнутом и сдабривая каждый удар заковыристым напутствием. Наконец, измученную и растерзанную Айседору получилось с третьей попытки устроить в отель. Не в тот, где жила Дузе, из-за карнавала все номера оказались заняты, так что, немного поплутав по сошедшему с ума городу, извозчик наконец доставил Айседору в достаточно приличный отель, минутах в двадцати пешей прогулки до центра, в котором ей удалось снять

пару комнат.

В это время ожидающая появления своей подруги Элеонора хворала в гостинице. Она была несказанно рада известию о прибытии Айседоры, но не могла нанести ей визит лично, попросив заехать к Дункан своего личного врача Эмиля Воссона, которому в результате пришлось лечить двух знаменитых пациенток, целыми днями курируя между Элеонорой и Айседорой и по совместительству исполняя роль почтальона.

Вероятно, именно в это время Айседора начинает привыкать к кокаину, что неудивительно, марафет продавался во всех аптеках и стоил сравнительно недорого. Что же до Айседоры, она не успела отойти от родов и тут же перенесла затяжную болезнь, во время которой лечилась исключительно болеутоляющим. Теперь же она никак не могла поправиться не только из-за того, что болезнь оказалась непосильной для ее хрупкого здоровья. Дункан во все времена слыла физически здоровой и весьма выносливой, теперь же на нее свалилась депрессия. Горден Крэг, который по определению должен был всячески помогать маме своей малютки, человек, понимающий искусство Дункан как никто другой, обижался, требуя, чтобы Айседора бросила дело своей жизни ради устройства его личной карьеры. Она и сама была не против рекламировать Крэга во всех салонах, где ей выпадало танцевать, там Дункан расхваливала его мастерство и талант, превозносила до небес, в единственном желании, чтобы Гордону наконец-то повезло, чтобы он мог зацепиться в каком-нибудь театре, где работал бы, отдавая себя искусству. Но подставить плечо – это одно, а приносить в жертву собственную судьбу – совсем другое.

Айседора оказалась перед выбором – либо быть с Крэгом, отдавая все силы его продвижению, либо танцевать и продолжать заниматься со своей школой. Ай, как бы было хорошо, чтобы каждый из них остался при своем, и они были вместе, но… много раз Айседора решалась признать искусство Крэга более важным и смириться перед судьбой. Обычно подобные мысли приходили ей одинокими ночами, когда она мечтала, чтобы рядом с ней была ее дочка и они вместе ждали с работы Крэга. При этом она находила множество разумных доводов, которые исчезали к утру, точно были сотканы из сплошного наваждения Действительно – бросить танец, сорок уже подросших и готовых работать на сцене дунканят? Которых она, кстати говоря, официально удочерила, дав свою фамилию[68], а следовательно, откажись Айседора от школы, всех этих девочек ждал бы сиротский приют. Так как связи с их биологическими родителями, если таковые и жили на свете, были утрачены.

Наконец, чтобы поддержать Айседору, в Ниццу приезжают ее мама с Дердре в сопровождении Марии Кист. Их приезд немного развеял Айседору, заставив ее хотя бы ненадолго отвлечься от проблем с Крэгом и заняться бытовыми потребностями своего семейства. Для начала, как минимум, снять дом, в который они вскоре все вместе и переехали. Наконец-то, она может пожить как простая, не имеющая других жизненных целей, нежели опекать собственное семейство, женщина. Каждый день они подолгу гуляют, рассуждая о пустяках и практически ни о чем не мечтая. Но и это безмятежное существование вскоре нарушается настойчивыми телеграммами и телефонными звонками импресарио. Необходимо срочно выезжать в Голландию. Контракт есть контракт.

И. делать нечего, Айседоре снова приходится переламывать себя. Все еще слабая после болезни, подавленная последними известиями о Крэге. нет, она уже привыкла к мысли, что в один прекрасный день он переругается со всем миром и ничего уже нельзя будет поделать. Об отвратительном характере ее любовника знают практически все, кто хотя бы раз имел сомнительное счастье личной встречи с последним. Даже его мать, несравненная Эллен Терри, которая, узнав о внучке, просит Гордона и Айседору заехать к ней в Лондон, даже она не питает иллюзий относительно того, что его взрывной характер хотя бы с годами сделается мягче. Да, Айседора практически уже смирилась с мыслью, что жизнь с Крэгом невозможна, единственное, что остается, – это время от времени встречаться с ним, гулять или выбираться куда-нибудь на выходные, и никогда даже не пытаться жить вместе. Но при этом она отнюдь не равнодушна к тому, что все остальное, свободное от нее время он проводит с новыми и новыми барышнями. Айседора ревнует, хотя никогда в жизни не предполагала, что способна на столь низменное чувство. Скажи ей года три назад, что она будет смотреть на живого человека как на свою собственность, она, пожалуй, сочла бы это дикой шуткой. После рождения маленькой Дердре ее уверенность в необходимости индивидуальной свободы подверглась суровой критике: «Я обожала Крэга, я любила его со всем пылом своей артистической души и все-таки сознавала, что разлука неминуема. Я дошла до того безумного состояния, когда не могла уже жить ни с ним, ни без него. Жить с ним значило лишиться своего искусства, индивидуальности, даже, вероятно, жизни и рассудка. Жить без него значило быть в постоянном состоянии подавленности и испытывать муки ревности, на что, увы, по-видимому, имелось достаточно оснований. Я рисовала себе Крэга, ослепительно красивого, в объятиях других женщин, и

видения эти лишали меня ночью покоя и сна. Крэг мне представлялся говорящим другим женщинам о своем искусстве, женщинам, глядевшим на него с обожанием. Он мне снился счастливым с другими, я видела, как он смотрит на них с очаровательной улыбкой, улыбкой Эллен Терри, как он ласкает их, слышала, как он сам себе говорит: «Эта женщина мне нравится. Ведь Айседора, в сущности, нестерпима!» – откровенничает она в своих воспоминаниях.

Пим

Дора настаивала на разрыве с Крэгом, такого же мнения придерживались все здравомыслящие знакомые Айседоры, она теряла друзей из-за невыносимого характера Гордона, а время от времени была готова отказаться от своего искусства ради его продвижения. В общем, так не могло продолжаться. Уставшая, измотанная, точно в тумане, Дункан выходила на сцену, понимая, что даже танец не приносит ей былой радости. После выступления одна в чужом городе, ее уже не тянет отправиться в театр или музей, пообщаться с новыми знакомыми. Чтобы хоть как-то поднять себя, она прибегает к услугам марафета, крошечный снежный холмик в ложбинке между большим и указательным пальцем напоминает ей, что сразу после гастролей в Голландии ее ждет закованная льдами Россия… хотя на этот раз она подписала договор не только на посещение столицы и Москвы, но и собиралась поездить по Крыму и Кавказу, но да там тоже зиму ради нее не отменят.

Нет, все это должно рано или поздно закончиться, сколько можно, с детства она только и делает, что работает, работает и еще ждет любви, а любовь… разве положа руку на сердце Гордон Крэг – это именно тот мужчина, рядом с которым хотелось бы просыпаться каждый день? Айседора готова поклясться на всех священных книгах, которые только удастся раздобыть, что Крэг – безусловный гений, такой же, как его выдающаяся мать, но любовь к нему сопряжена с непременным страданием и самоотдачей. Она не дает ничего умиротворяющего, и даже ребенок, который должен был бы приносить радость, родился с такой болью, с такой потерей сил, что Айседора до сих пор еще не может отойти от перенесенных страданий.

Ко всему прочему ее тело заметно изменялось, она пополнела, бедра сделались шире, ноги тяжелее, груди больше. В то время тонкие танцовщицы считались дистрофичными, а идеал женской красоты балансировал где-то между Брюлловым и Рубинсом. Но зрителю может нравиться все, что угодно, а танцевать, перетаскивая на себе мясную лавку, – удовольствие, мягко говоря, ниже среднего.

Однажды, отдыхая в своей уборной после спектакля, Айседора услышала скрип половиц, и в следующее мгновение в дверь энергично постучали. Перед ней стоял голубоглазый, безукоризненно одетый блондин с букетом белых цветов.

В духе новых модных веяний молодой человек представился двумя буквами, составляющими его инициалы: «Пи Эм», сразу же

предложив называть его Пим. Жизнерадостный и не обремененный интеллектом, Пим порхал по жизни, точно развеселый мотылек, стремясь к единственной цели – ежечастно получать всевозможные удовольствия. Он и на спектакль пришел, единственно узнав, что танцовщица будет выступать практически без ничего, а потом намеревался посетить новый итальянский ресторан. Разумеется, вместе с Айседорой, которая ему очень понравилась. Он был полной противоположностью Крэга, и Дункан тотчас же ухватилась за него, как обжегшийся ребенок пытается остудить ожог чем-то холодным. Клин клином вышибают, – говорят в России, подобное – подобным, – соглашаются с народной мудростью ученые-эскулапы, любовь можно излечить только новой любовью, и пусть она проживет не дольше, чем стоит в вазе букет оранжерейных цветов, главное, чтобы помогло.

Она тотчас же оделась, и вместе они отправились сначала в ресторан, а затем на гастроли по России. А почему нет? Айседора всегда была легка на ногу, Пим в этом плане мог дать ей фору. Во всяком случае, он моментально загорелся возможностью увидеть новые места. Оставалось собрать вещи и объявить родственникам и знакомым, что прекрасный Пим не пропал бесследно, а всего лишь отправился проветриться за границу.

Одна маленькая неувязочка: решив закрутить интрижку со знаменитой Айседорой, Пим не успел еще разорвать прежних отношений, и дома его поджидала весьма ревнивая девушка, которая мечтала выйти замуж за богатого красавчика и ни за что на свете не отпустившая бы его с Дункан.

Так что, весьма довольная своим внезапным вдохновением и невесть откуда взявшимся куражом, Айседора буквально похитила молодого человека, увезя его из прекрасного Амстердама на встречу с русскими медведями, водкой и черной икрой.

После последнего выступления Айседоры Пим подъехал к театру на новеньком Де Дион-Бутоне, черном с золотом, с огромными, похожими на два сказочных бриллианта фарами, и, припарковавшись у артистического подъезда, приготовился ждать. Вскоре Дункан действительно появилась в роскошной шляпе и длинном летящем за нею шелковом шарфе. Внешне ничто не говорило о том, будто местный вертопрах Пим и знаменитая танцовщица собираются в дальние края. В машине не наблюдалось никаких вещей. Так как Пим заранее отправил багаж на вокзал в ближайшем предместье, а вещи Айседоры должна была привезти к поезду служанка. Конечно, было бы проще ехать из Амстердама, но Пим всерьез опасался, что там его уже

поджидает ревнивая пассия, поэтому было решено, что они сядут на следующей после Амстердама станции, а ночь проведут в какой-нибудь уютной деревенской гостинице, выдав себя за супругов.

Несмотря на любовь к модным вещам, Пим не умел еще управлять машиной, так что они с Айседорой устроились на заднем сиденье, тесно прижавшись друг к другу. Ночь выдалась темной и холодной, а внезапно захвативший город туман делался с каждым мгновением все гуще. Какое-то время они еле тащились по берегу канала, пытаясь рассмотреть хоть что-то впереди. Шофер читал молитву, а Пим то и дело оборачивался, так как опасался погони. Вскоре выяснилось, что его страхи обоснованы, неожиданно беглецы различили слабый свет и разглядели в тумане силуэт другой машины.

– Боже! Она гонится за нами! – прошептал Пим.

– Нельзя ли побыстрее?! – торопила водителя очень довольная подобным романтическим приключением Айседора.

– Она, скорее всего, вооружена, – добавил остроты Пим.

– Дорога дрянь. Мы съезжаем в канал, – паниковал шофер.

В какой-то момент Айседора снова различила свет, и в следующее мгновение раздался выстрел. Шофер прибавил скорость и, когда туман сделался еще гуще, вдруг неожиданно свернул на боковую дорогу. Таинственная преследовательница пролетела вперед, не заметив маневра. Пим нежно привлек к себе Айседору, их сердца бешено стучали, они целовались, готовые придаться своей страсти прямо в машине, но неожиданно шофер сообщил, что они проезжают мимо какой-то гостиницы.

Пим сразу же велел остановиться и, забрав Айседору, потребовал, чтобы авто было возвращено в Амстердам. В случае если бы его бывшая возлюбленная решилась осматривать гостиницы, она бы прежде всего искала большую приметную машину.

В два часа ночи беглецы позвонили у входа, и навстречу им вышел заспанный привратник с фонарем в руках.

– Комнату, – потребовали в один голос Айседора и Пим.

– А вы женаты? – с подозрением покосился на них служитель. И когда они решительно кивнули в ответ, понимающе замотал головой: – Нет, вы не женаты, у вас слишком счастливые лица.

Вместо одной он дал им ключи от двух комнат, расположенных в разных концах коридора, после чего водрузил посредине стул и, удобно устроившись, принялся наблюдать за развитием событий.

Первым не выдержал Пим, высунув голову и обнаружив спящего на стуле привратника, попытался на цыпочках

прокрасться в комнату своей дамы, но блюститель чужой нравственности немедленно пресек эту попытку, велев молодому человеку немедленно вернуться на его территорию. Следующей предприняла попытку выбраться Айседора, но едва она высунула голову за дверь, бессонный страж тут же обрушил на нее лекцию о морали и нравственности. Влюбленные выдержали еще час, и… должно быть, днем их мучитель имел возможность как следует отоспаться.

Так продолжалось всю ночь, и наутро злые и невыспавшиеся Айседора и ее несостоявшийся любовник заняли свои места в петербургском экспрессе и… продрыхли большую часть пути.

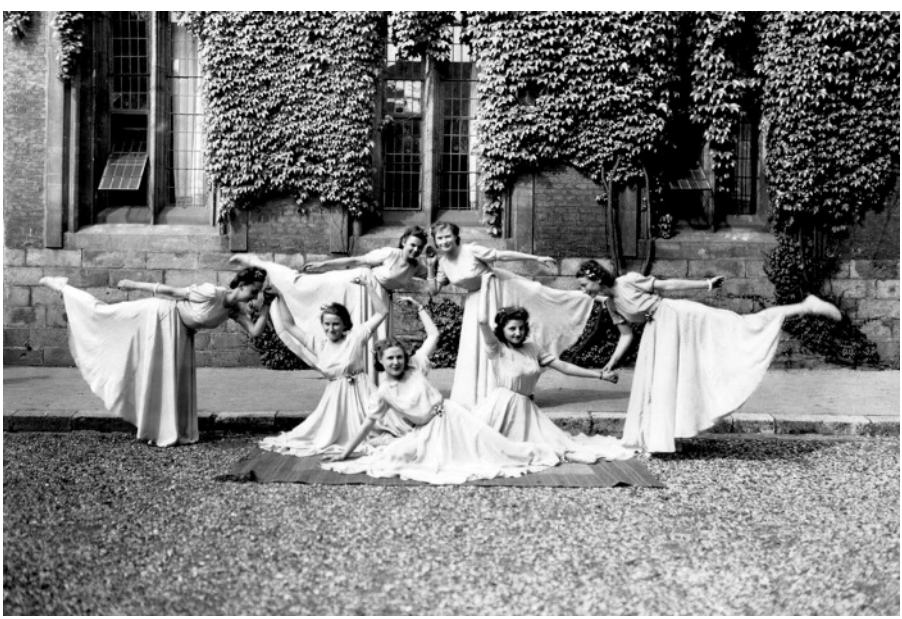
Как обычно, неприхотливая Айседора путешествовала налегке. Пара чемоданов, один с книгами и другой с вещами да плетеная корзиночка с разными мелочами были вынесены из вагона носильщиком и поставлены рядом с восемнадцатью сундуками с инициалами П.М.

Пим был из породы людей, свято верящих в то, что если утром солнышко поднимается на небо, то делает оно это исключительно для него. С детства он был любимым ребенком, которого родители баловали с утра до вечера, постоянно целуя, обнимая, даря подарки и стараясь из кожи вон вылезти, лишь бы их ненаглядное чадо было обеспечено всем, чем только может быть обеспечен любимый ребенок миллионеров. Ему было достаточно показать пальчиком на игрушку или сласть, чтобы тут же получить просимое. Пим всегда одевался и причесывался по последней моде, находя удовольствие в повязывании галстуков или подборе жилетов.

Самое странное, что безмозглый красавчик оказался именно тем лекарством, которое излечило Айседору. Ведь привыкшая относиться к жизни слишком серьезно, она не умела расслабиться и начать думать о себе. Впрочем, последнему она так и не научится. Зато Пим подарит ей краткую передышку и желанный отдых. Потому что иногда нужно трудиться и бороться, а иногда – просто валяться на пляже, смотря на волны и не думая решительно ни о чем. Рядом с Пимом для Айседоры наставал именно такой период. Она много смеялась, пробовала вкусные блюда, посещала комедии, весело хохоча над шутками, которые еще вчера казались ей идиотскими. Разумеется, такое существо, как Пим, не могло бы составить счастье Айседоры на долгие годы, да они и не стремились.

Из Петербурга Дункан направляется в Москву, где ее уже ждет Станиславский. За время ее отсутствия в «Художественном» произошли изменения, а у Константина Сергеевича набралось полтетрадки вопросов. В общем, ей есть чем заняться. Вместе с

Пимом она посещает театры и рестораны, молодой человек богат и щедр, а после до хрипоты спорит со Станиславским, который показывает ей наброски тех актерских упражнений, которые он как раз в это время пробует на своих актерах. Не в состоянии поддерживать разговор о чем-то, что оказывается за гранью моды и программы меню на завтра, Пим оставляет Айседору и Константина Сергеевича, предоставляя своей даме развлекаться в ее стиле. Дункан же не столько развлекается, сколько рекламирует Станиславскому Гордона Крэга. Расстались они или еще встретятся – не важно. Айседора далека от мысли организовать Крэгу работу в Художественном, дабы вымолить его прощение за измену. Нельзя изменить тому, кому не обещала быть верной и кто тебе сам постоянно изменяет. Айседора выше обыкновенной бабьей мелочности, она не собирается мстить неверному. Все как раз наоборот. В прошлый раз она устроила своего неуравновешенного любовника в труппу к Дузе, и он оправдал вложенные в него силы, доказав, что Айседора не напрасно верит в его гений. И вот теперь она находит, что «Художественный театр» с его экспериментами и новшествами – именно та площадка, где гений ее друга может расцвести в полную силу.



Воспитанницы школы танца модерн в Москве

Короче, она уговаривает Станиславского пригласить Гордона Крэга, чтобы тот принял участие в постановке какого-нибудь спектакля. То, что Константин Сергеевич в конце концов

действительно связывается с Крэгом и приглашает его работать в «Художественном», наглядно показывает, насколько он верит Айседоре, до какой степени ему небезразлично ее мнение.

Уезжая из Москвы, Дункан вполне счастлива – гастроли проходят под знаком плюс, Пим развлекает ее, в кои-то веки заставляя почувствовать себя беззаботной девчонкой, а ее русский друг Константин Сергеевич делает все возможное, чтобы она не скучала в интеллектуальном плане. Не будь Станиславского с его обязательными еженощными (он приходит после спектакля) посиделками, Пим надоел бы ей гораздо раньше. А так равновесие соблюдено, и Дункан вполне счастлива.

Вообще, Айседора относится к той породе людей-творцов, рядом с которыми крайне сложно находиться, не будучи творческим человеком. Дункан создала целое направление в танце, Станиславский – собственную театральную систему. Эти двое вполне бы могли свить свое собственное театрально-семейное гнездо, периодически вмешиваясь в дела своего партнера, ругаясь, ломая созданное, достраивая и в результате безусловно обогащая друг друга, но Константин Сергеевич был женат, и если он и засматривался на дивные формы Айседоры, то старался делать это деликатно.

Навстречу мечте

Отработав положенное в России, Дункан возвращается к преподавательской деятельности. Ее ученицы подросли и окрепли и, что самое главное, морально и физически готовы к работе на сцене. В то время Айседора увлекается Бетховеным, планируя поставить со своими дунканятами «Девятую симфонию». Она дает несколько безденежных выступлений с детьми в Германии. Постепенно у Дункан складывается дальнейший план действий. Ведь очень скоро, буквально несколько лет, и все эти девочки вырастут, и из них можно будет сколотить полноценную театральную труппу. В своих работах Айседора говорит о танцующем оркестре, но нам проще представить себе театр, в котором будет солировать пока сама Дункан, с тем, что дети станут сопровождать ее подтанцовкой. Позже из учениц выделятся несколько, готовых брать на себя сольные партии, небольшие роли, чтобы в итоге заменить и ее саму. Одновременно с работой нового театра будет работать школа, и если в прошлый раз Дункан набрала сорок человек – класс, теперь ей понадобится человек двести. С тем чтобы делать добор каждый год, выявляя самых талантливых детей. Больше учащихся – больше затрат, следовательно, необходимо искать мецената. Айседора уже пыталась увлечь своей методикой воспитания и обучению искусству танца жен банкиров, богачей и аристократов Германии. К 1907 году она окончательно убеждается в том, что выбрала не ту страну. Германия с ее пуританскими взглядами могла приютить крохотную частную школу, немецкая богема восторгалась танцами Дункан, но если бы за дело взялся император, все деяния Айседоры были бы возведены в рамки закона, а это было невозможно. Поскольку Дункан достигла в Германии популярности и была в моде, на ее спектаклях нет-нет, да и удавалось заметить представителя правящего дома, но все эти визиты носили неофициальный характер. Айседора мечтала, что в один из дней систему воспитания в ее школе возьмут на вооружение все передовые страны Европы, но именно этого ей и не могли позволить.

Что говорить, если императрица Германии перед посещением мастерской скульптора отправляла вперед себя гофмейстера с ворохом простыней. Простынями следовало прикрыть все то, что, по августейшему мнению королевы, могло оскорбить ее взор.

Поняв, что в Германии ей ничего не светит, Айседора начала всерьез задумываться о России. Почему ее потянуло именно в эту страну? – так, начиная с 1905 года она уже три раза съездила

туда и обратно, заработав целое состояние и найдя много новых друзей. Ничего удивительного, что когда она предложила импресарио новую программу с участием молодых танцовщиц, он с радостью тут же договорился о выступлениях в Петербурге и Москве. Как назло, опять зимой, но да ничего не поделаешь, теперь даже русские холода не могли застать врасплох Айседору. Поэтому, проведя среди своих воспитанниц тщательный отбор, она подготовила программу, в которой участвовало двадцать ее лучших учениц, всем была куплена теплая одежда, после чего они сели в поезд и отправились в свое первое заграничное турне. Помогать сестре с детьми взялась Елизавета, которая лучше Айседоры знала ее многочисленных учениц, а последние годы так была им вместо матери. Как и в прошлые разы, выступления Айседоры пользовались успехом, но, несмотря на все старания Дункан, она не сумела найти единомышленников, и все ее призывы организовать в Петербурге школу истинного танца не пришлись ко двору. Со вниманием и интересом маленькие ученицы императорского танцевального училища смотрели на показательную репетицию и крохотный спектакль учениц Дункан, хотели ли они весело кружиться и прыгать, сплетаясь в хороводы или гоняясь по сцене за воображаемыми бабочками, предложи им это строгие преподаватели, или остались бы верными своей суровой школе? Кто знает… На следующий день в балетном училище устроили открытый урок для дунканят. Но, по всей видимости, ни те, ни другие не поняли друг друга, если бы учителя дали своим воспитанникам хотя бы несколько дней, дети могли бы подружиться, но больше встреч не предвиделось.

В то же время, будучи в Москве, Айседора снова встречается с Константином Сергеевичем Станиславским, который высоко ценил то, что сделала Дункан в области искусства. Да, будь у него больше денег и желания, он вполне мог бы устроить танцевальную школу при своем театре, но, по всей видимости, время Айседоры в России еще не настало. Хотя Станиславский и старался познакомить Дункан с людьми, состояние и положение в обществе которых могли бы поспособствовать организации и содержанию школы. Во всяком случае, в свой прошлый приезд Айседора получила предложение работать с актерами художественного театра, но тогда у нее были другие планы. Теперь же она не без удивления разглядывала танец босоножек в туниках, среди которых выгодно выделялась недавняя ученица школы Дункан, проучившаяся всего год у Елизаветы, Элла Рабенек Неизвестно, по какой причине Элла Ивановна покинула школу в Германии и почему Айседора не предложила ей попробовать работать в дуэте. Не исключено, что, занятой

собственными проблемами, ей это и в голову не пришло, «до того ль, голубчик, было…», или Элла уехала, поняв, что уже узнала о танце Дункан достаточно. Во всяком случае, вернувшись в Россию, она сразу же начала действовать. В отличие от Айседоры, которая тратила массу времени только на то, чтобы обрасти связями, у Рабенек они были изначально. Ее отец работал банкиром, первый муж Владимир Леонардович Книппер[69] являлся родным братом Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой[70], кроме того, он учился петь и преуспел в этом, позже Владимир Леонардович стал режиссером и артистом Большого театра, где он выступал под фамилией Нардов.

Воспоминания об Элле Рабенек оставила первая жена Максимилиана Волошина[71] Маргарита Волошина[72], также о ней напишут ученица Родена, художница Анна Семеновна Голубкина[73] и многие другие. Впрочем, нас сейчас интересует работа Рабенек со Станиславским. Константин Сергеевич реально заинтересовался заполучить в свой театр преподавателя нового танца, Айседора отказалась, а через год из Германии вернулась прошедшая курс «молодого бойца» Элла, которая доводит до сведения Станиславского, что на самом деле научиться танцу Дункан может каждый. И этим он, пожалуй, наиболее привлекателен, потому что если классическим балетом необходимо заниматься с детства, так что человек, упустивший время, об этом виде искусства может только мечтать, методика Дункан дает реальную возможность приобщить к ее танцу хоть целый мир.

… Впрочем, за разговорами о Рабенек мы оставили нашу героиню любоваться на танцы облаченных в ворованные туники дев.

Дункан и прежде неоднократно слышала о нахалках, взявших за моду копировать ее манеру исполнения, но Элла была ученицей ее школы – сами воспитали конкуренцию. Холодно поблагодарив Станиславского за попытку доставить ей удовольствие, Айседора изругала представление.

Впрочем, это никак не повлияло на отношения Константина Сергеевича и Айседоры. По вечерам в Художественном давали спектакли, после которых он старался навещать свою музу, без устали задавая ей припасенные за день вопросы и тщательно конспектируя ответы. Вместе они перечитывают «Искусство и жест» Франсуа Дельсарта[74], оперного певца, создавшего новую гимнастическую систему. О методике Дельсарта в своей книге напишет знаменитый русский искусствовед начала XX века, князь Сергей Волконский: «Его можно назвать основателем науки о телесной выразительности. Он установил связь между

эмоциональным состоянием человека и телодвижением». Благодаря работе Дельсарта в начале XX века откроется множество танцевальных, пластических, театральных школ. А буквально через несколько лет в 1911 году в Хеллерау, на основе идей Дельсарта, Жак Далькроз[75] откроет собственную школу пластического движения. И если в книге «Искусство и жест» Дельсарт говорит о связи эмоционального состояния и движения, Далькроз пойдет дальше и даже создаст особую гимнастику, которая сразу же сделается популярной в театральных кругах.

Московская жизнь

В России принято много и вкусно есть, веселясь в больших компаниях, оттого при ресторанах, особенно в Петербурге, да и в Москве, тоже наличествуют специальные кабинетцы со столом и стульями. Айседора поначалу опасалась заходить с поклонниками в такие места, предпочитая выбирать столик в общем зале, но потом убедилась, что ничего плохого или стыдного в кабинетцах не происходит. Как объяснили ей еще в Петербурге, во все времена правительство придумывало все больше запретов, зайдешь в ресторан, а там всемирный заговор против твоего персонального желудка, любимое блюдо под внезапным политическим запретом, или вдруг ни с того, ни с сего приглянувшееся вино в опале. Что ни день – жди беды – запрет на ношение определенного платья, прически, обуви, вдруг запрещается произносить какие-то слова и выражения, а потом запрещенное вдруг реабилитировано, а вчерашний фавор сплошь под запретом, так что желающие жить по-своему, и при этом не привлекая к себе внимания полиции, специально собирались в отдельных небольших залах, где и пировали среди своих. Хозяева заведений, прекрасно зная о нарушении очередного закона, своих постоянных клиентов не сдавали – себе дороже, так что кабинетцы вошли в моду. Впрочем, там не одни только смутьяны собирались, это Айседора и сама давно догадалась, скорее, уже друзья по интересам. Ну, сойдется, к примеру, компания любителей английской поэзии и заодно темного «Портера» и, чтобы другим клиентам чтением вслух аппетит не отбивать, просится в отдельный зальчик, от греха подальше. Опять же, купцам удобнее с купцами, дворянам с дворянами, разностатусная публика тем и плоха, что хоть ты в лепешку перед ними разбейся, а они мирно существовать не смогут. В ресторане «Прага», что на углу Арбата, владелец его, купец Петр Семенович Тарарыкин построил многоярусные залы. Решение простое, а проблема решилась сама собой. Купчины гуляют на одном ярусе, а интеллигенция пьет на другом.

Айседора бывала с Константином Сергеевичем в «Праге» и сразу же полюбила местную кухню и специально изготовленную для ресторана посуду, такого чуда она и в Париже не видала, на каждой тарелке и чашке в этом заведении золотом была выведена фраза: «Привет от Тарарыкина!» Лучше своей американской гостьи разбирающийся в таких вещах, Станиславский заверил ее, что подобной посуды больше действительно нигде нет. По крайней мере, в Москве уж точно. Знал бы. Хотя голову можно

отдать под заклад, что ни сегодня-завтра непременно сделают. Дело-то немудреное, да, видно, пока что остальным владельцам ресторанов не до этого, друг на дружку косятся, а толку нет.

В другой раз пошли в «Славянский базар», не одни, актеров из театра с собой за компанию прихватили завтракать. Одетый во все белое юноша с поклоном поставил перед гостями графин коньяка с золотыми журавлями, Константин Сергеевич первым делом за него 50 рублей заплатил, демонстративно отдельно от заказа. После чего заказали по комплексному обеду 1 рубль 25 копеек за каждый: консоме, пирожки; расстегайчики; телятина, бунетгер; жаркое из рябчиков, салат – ну, это у всех одинаково, кроме того, каждый выбрал себе по желанию глясе или кофе. Подумали и приняли решение взять две бутылки красного и столько же белого французского вина по 70 копеек. Немного, конечно, для большой компании, но да про меж себя постановили, что если кому не хватит, то всегда можно заказать и в разлив стакан – 30 копеек. Правда, чего там нальют, святые угодники не разберутся, но да каждый себе сам судьбу выбирает. Актер, играющий Клавдия, к примеру, от вина отказался, предпочитая пиво из бочки – бокал 20 копеек, заказав себе сразу же парочку, чтобы не ждать.

Меж тем стали приносить пироги да расстегайчики, время завтракать, а в Москве так называемых готовых завтраков в ресторанах да трактирах днем с огнем искать, пообедать – милости просим, а вот завтракать… что за новость? Это вам не пресвященная столица, в Москве новые обычаи долго приживаются, да и не все приживутся. Не к лицу Белокаменной за модой гнаться.

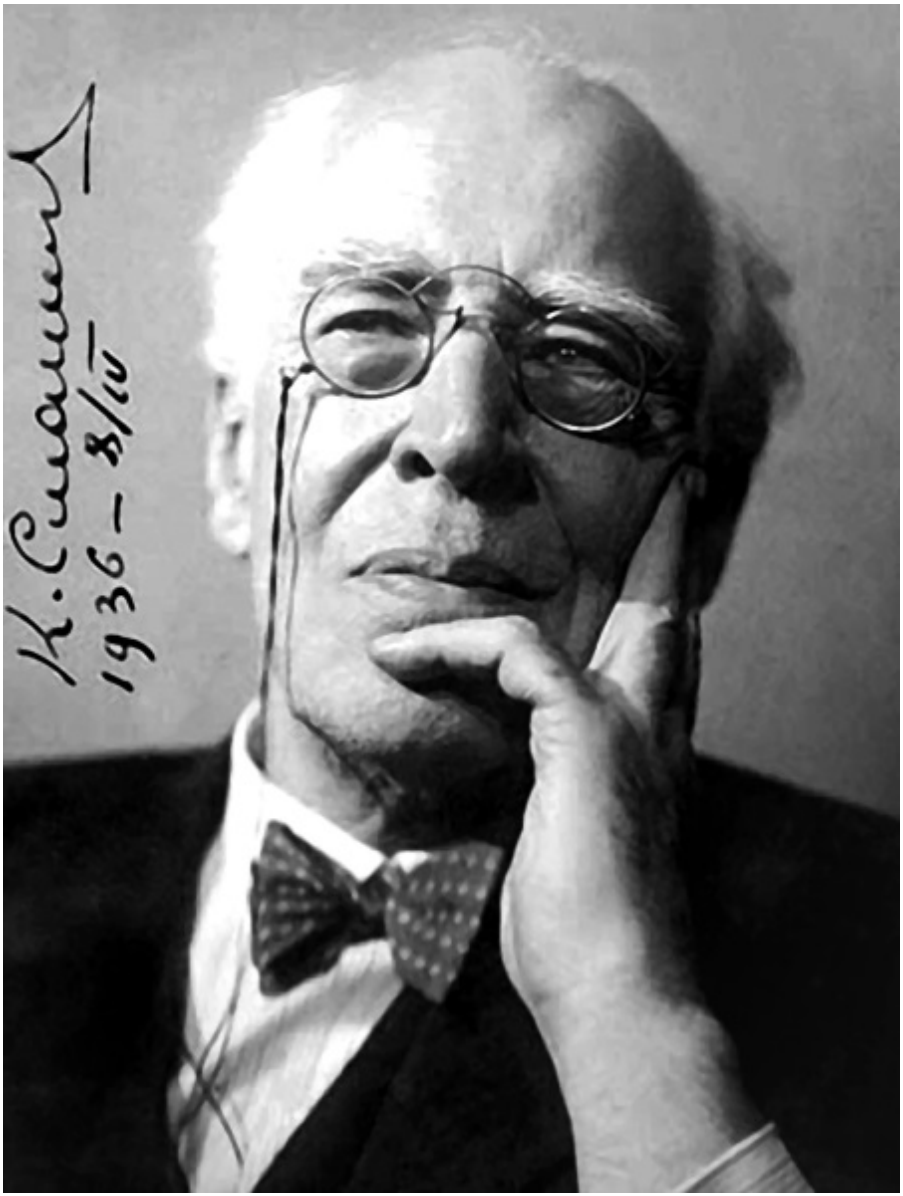
– В Санкт-Петербурге специально для завтраков ввели так называемый «шведский стол», – актер, играющий Полония, достал газету и перевел для Айседоры объявление: «Ресторан “Петергоф” с 15 сентября ежедневно; с 11 до 3 часов дня дает шведский завтрак. Водка, закуска, два горячих, блюда – 1 рубль с персоны».

Когда же Дункан удивилась, отчего так дешево, ей объяснили, что в этих, с позволения сказать ресторанах всю еду для себя берут сами гости. Кушают, сколько желают, но исключительно из того, что на столах выставлено, официантам же только и остается, что грязную посуду убирать, столы протирать, новые блюда выносить, следующих гостей встречать, да старых провожать. Впрочем, многим новшество пришлось по вкусу, дешево и сердито. Есть не возбраняется, сколько влезет, но в карман или, скажем, в ридикюль ничего не положить, следят. Но зато в том же «Петергофе» во время завтраков, обедов и ужинов играет румынский оркестр, что весьма приятно.

Будучи в курсе многих столичных веяний, Константин Сергеевич заверил гостей, что очень скоро подобный метод будет использован чуть ли не в половине недорогих ресторанчиков Петербурга, а затем, возможно, аналогичные заведения появятся и в Москве. К примеру, его знакомая – госпожа Сазонова собиралась открыть «Бар-Турист», где не только в завтрак, но и в течение всего дня можно будет объедаться за «шведским столом». Уже даже помещение приглядели, так что лет через пять в заведение Сазоновой гости будут входить не иначе, как по входному билету, цена которого не превысит рубля с полтиною.

– Но один съест больше, другой меньше? – не понимала Айседора.

– Да пусть один хоть котел проглотит, тут ведь другое, – вмешался актер, играющий Горацио, – в ресторанах мы приходим – и что? И ждем полчаса, час, больше. Сидим, места греем, а в тех трактирах, что на новый лад, все уже готово. Там ничего лишнего заказать нельзя. То есть коли присутствуют в меню два супа, то они оба и стоят в котелках, супницах или кастрюльках. Кончились или остыли, тут же из кухни смену несут. Люди едят и уходят. Так что пока в других ресторанах мы ждем-пождем, слюной истекая, там уже толпу народа обслужить успели. К тому же идея ведь какая, пришел человек – может, со службы выскочил, червячка заморить, может, как раз на службу торопится, времени в обрез, это мы в приятной компании разговоры разговариваем, никуда не спешим… коньячок вот под закусочку, закончится, непременно еще закажем. Ведь закажем, Константин Сергеевич?



Константин Сергеевич Станиславский (1863–1938) – русский театральный режиссер, актер и педагог, реформатор театра. Создатель знаменитой актерской системы, которая на протяжении 100 лет имеет огромную популярность в России и в мире. Первый Народный артист СССР (1936)

Тот только рукой отмахнулся, мол, куда тут денешься, закажу, конечно.

– Да, но один полменю себе на стол уволок, а другой тарелку, две и объелся. Мало нынче истинных богатырей-то на земле

русской. А в результате то на то и выходит, что быстрая еда немало денег владельцем заведений приносит, – подытожил Горацио.

– Только ведь спешка – над здоровьем насмешка, – вмешался актер, исполняющий роль Полония, – понятно, что не все имеют возможность вкусно и разнообразно завтракать дома, но ведь поесть с утра можно почти в любой фруктовой лавке. – Он удивленно пожал плечами, обводя гостей сальным взглядом многоопытного гурмана: – Многие лавки, госпожа Дункан, – он повернулся к Айседоре, как раз в этот момент берущей из вазочки пирог с капустой, – имеют специальные задние зальчики, где накрываются столы и подаются так называемые «модные завтраки». Выбор, конечно, не ахти, но да для непритязательного вкуса в самый раз: из напитков – «Мадера», «Рейнвейн», английский «Портер», зельтерская вода, «Аи», «Креман», ну и перекусить, эти, как их, устрицы, селедка нескольких посолов, сыры – минимум вида четыре, салфеточная икра… понимаю, что немного, и для просвещенной Европы, пожалуй, и вовсе ничто. Но если говорить об актерской братии, то. – он закатил глазки к потолку.

– А меж тем слово за слово, а графинчик-то тю-тю, Константин Сергеевич, – прервал рассказ Гамлет. – Вы за коньяк платили, посему вам и решать, куда полетят золотые журавлики?

– Куда-куда, домой, – недовольно хмыкнул Полоний, – не к нам же с вами и уж не в театр. там этого дела не потерпят.

– Не ко мне, что я, коллекционировать их должен, на прошлой неделе журавли, до этого сколько было. Грешно вам, право, – Константин Сергеевич выразительно посмотрел на Айседору и вдруг поднялся и поставил перед ней пустой графин. – А возьмите вы его на память, драгоценнейшая наша. Потому как в «Славянском базаре» издавна порядок заведен: каждый, кто заказывает фирменный графин с коньяком, его с собой в качестве памятного сувенира и забирает. Следовало, конечно, вам полный поднести, но да мне грешному раньше надо было думать, и этих выпивох за нами не тащить. Так что примите уж его порожним, а полный я вам в другой раз принесу. В чем торжественно и клянусь.

Пляшущая Америка

Потерпев фиаско с устройством школы в России, Айседора решила, что настало время Англии, и через полтора года после первых гастролей со своими питомцами, летом 1908-го, она везет коллектив в Лондон. Почему Англия? Тому несколько причин – прошло семь лет с первого выступления Айседоры в Новой Галерее, она рассчитывала встретиться с Чарльзом Галлэ и поэтом Дугласом Энсли, с которыми когда-то была дружна и от которых смела ожидать поддержки в своем деле. И самое главное, несравненная Эллен Терри мечтала подержать на руках внучку. В Лондоне Дункан работает с импресарио Иосифом Шуманом и Чарльзом Фроманом, с которыми Айседора подписала контракт на несколько недель в театре герцога Йоркского. Лондонцы оказали Дункан и ее ученицам радушный прием, но как она ни билась, никто не вызвался поддержать идею открытия школы.

Вслед за Эллен Терри, чей вкус признавался безукоризненным, выступления труппы мисс Дункан посетила королева Александра[76], а за ней самые заметные дамы английской аристократии. Все это неизменно освещалось в газетах, что способствовало успеху Дункан в Англии и какое-то время подогревало ее надежды на будущее.

Отсмотрев два спектакля, королева Александра и ее свита почтили Айседору недолгим, но достаточно приятным общением, а герцогиня Манчестер пригласила ее вместе с девочками дать представление в ее доме, где Айседора показала спектакль для избранного общества. Король Эдуард[77] и королева Александра сидели рядом, всем своим видом выражая благосклонность. Представители высшего света взирали на танцы Дункан и ее питомиц, словно на экзотическое развлечение, но как она ни намекала, как ни просила обсудить возможность организации школы, никто не собирался принимать ее всерьез.

Несмотря на то что в Англии Айседора много танцевала, все сборы, которые делал ее маленький театр, уходили на содержание труппы. Кроме всего прочего, желая продемонстрировать потенциальным спонсорам свои достижения, Айседора пошла на организацию благотворительных выступлений, последние сразу же ударили по карману, так что, закончив с турне, она была вынуждена спешно подписать очередной контракт на выступления в нескольких городах Америки, после чего проводила девочек обратно в Германию.

Купив билет только для себя, с небольшим сундучком в руках, Дункан села на пароход и поплыла в Нью-Йорк. Теперь это

было комфортабельное и надежное судно. Айседора проводила время, играя в карты с пассажирами, слушая музыку или читая книжки. По вечерам в кают-компании первого класса устраивались маленькие праздники с танцами и выступлениями актеров. Это путешествие ничем не напоминало их семейный переезд в Европу, на крошечном пароходике, вместе с грузом скота. Но Айседора живо вспоминала, как все было тогда: молодого капитана-ирландца, сладкий грог и признания в любви под куполом ночного неба…

Восемь лет она не была на родине, откуда бежала в поисках своего места в жизни. Теперь она возвращалась знаменитой, но не многим более богатой и счастливой, чем была, уезжая из Америки. Практически все ее деньги уходили на школу, что же до счастья, неудовлетворенность и постоянный поиск чего-то или кого-то лучшего доведут до депрессии и больших оптимистов, нежели Дункан.

А тут еще, точно специально, ее новый антрепренер и страстный поклонник Чарльз Фроман вообразил, будто бы достаточно арендовать театр и распечатать афиши, а народ на Дункан уже повалит. Поэтому он отправил Айседору танцевать на Бродвее в разгар очередного театрального сезона, наняв более чем средненький оркестр, который худо-бедно выучил к приезду мировой знаменитости «Ифигению» Глюка и Седьмую симфонию Бетховена. Как водится, народ плавно перетекал с одного спектакля на другой, забредал в кафе, делился впечатлениями и кочевал дальше. Айседора была вынуждена танцевать не для подготовленной артистической публики и не для высшего света, где ее выступления обычно принимались с благосклонностью, а для совершенно случайной публики, мотающейся по Бродвею в тридцатиградусную августовскую жару. Кроме того, Фроман сэкономил на рекламе, решив, что такое громкое имя, как Дункан, неизбежно привлечет толпы.

Турне не задалось с самого начала. Злая на весь мир Айседора требовала человеческих условий и грозилась закончить турне грандиозным скандалом, как вдруг счастливая случайность привела в ее артистическую уборную известного скульптора Джорджа Грея Барнарда[78], который, едва представившись, буквально с порога предложил ваять великую танцовщицу. Причем он не собирался просить Дункан позировать ему для создания образа какой-нибудь нимфы или богини, не желал и лепить памятник, на постаменте которого будет начертано ее имя. Айседору Дункан знал весь мир, в разных странах именно по ней судили об американских женщинах. С замиранием сердца скульптор предложил вариант, от которого Айседора не могла

отказаться, – он создаст статую не женщины, а ни много ни мало – пляшущей Америки. Новый символ США, который с успехом вытеснит пресловутую статую свободы, – эмигрантка французского происхождения. Предложение показалось настолько заманчивым, что Дункан не только не разорвала мучивший ее контракт, но и, когда срок его истек, она, вместо того чтобы вернуться домой, осталась в Нью-Йорке, сняв на собственные деньги ателье в здании изящных искусств, днем позировала Барнарду, а вечером бесплатно танцевала перед представителями местной богемы. Все мы любим повторять, мол, пророка нет в своем отечестве, тоже и Дункан, всегда была готова посетовать на судьбу, но, кроме пустых фраз, вздохов и тихих слез, она умела бросать вызов гонящему ее року и отменно держала удар. Деньги таяли, а Дункан поила гостей прохладительными и горячительными напитками, терпеливо ожидая, что рано или поздно ей все-таки удастся растопить каменные сердца своих бывших соотечественников. Запертая в чудесной башне собственных иллюзий и надежд, танцовщица ждала, что в один из дней судьба пошлет ей человека, которого она сможет полюбить, или единомышленника, с которым ей будет интересно работать. И ведь дождалась. В один из вечеров, когда Айседора как всегда кормила и развлекала своих новых друзей, в ее ателье появился незнакомец. Сердце Айседоры екнуло – перед ней стоял дирижер прославленного на всю Америку оркестра Вальтер Дамрош[79]. Оказалось, что он видел выступление Дункан на Бродвее, сама танцовщица ему очень понравилась, раздражало только ужасное музыкальное оформление, которое портило все действо. Поговорив с Айседорой и убедившись, что та полностью разделяет его мнение, маэстро предложил ей выступления в опере «Метрополитен» в декабре. Всю организацию он мужественно брал на себя, обещая полный успех.

Айседора с радостью принимает предложение, и вскоре Вальтер Дамрош знакомит ее с оркестром – восемьдесят виртуозов под управлением гения дирижера творили настоящие музыкальные чудеса.

В ожидании обещанных ей выступлений в «Метрополитен» Дункан продолжает позировать Барнарду для статуи. По нескольку часов она стоит в своей тонкой тунике посреди просторной холодной мастерской в окружении уже готовых статуй. Когда Джорд объявляет перерыв и идет мыть руки, Айседора заботливо накрывает маленький столик в углу, выгружая на него специально принесенную в корзиночке снедь. Совместная работа заметно сблизила скульптора и его модель,

подружила их и… однажды в мастерскую Джоржа Грея, не предупредив, зашла его супруга. Ее визит оказался несколько несвоевремен, Айседора и ее приятель только и успели, что отпрянуть друг от друга, после чего, немного оправившись от пережитого шока, Дункан битый час рассказывала бедняжке о «Пляшущей Америке», цитируя стихи Уотта Уитмана: «Я слышу поющую Америку», и вот теперь гениальный Джордж Грей Барнард покажет «Пляшущую Америку»!.. Миссис Барнард выслушала Дункан с терпеливой улыбкой, давая понять, что инцидент исчерпан и она не в претензии. Тем не менее на следующей день Айседора получила записку от скульптора, в которой тот сообщал, что его любимая супруга внезапно заболела, и теперь он вынужден прервать работу над статуей до полного излечения больной.

На вопрос Дункан, чем больна его жена и как скоро можно ожидать ее выздоровления, ей дали понять, что молодая и сильная женщина, каковой, безусловно, является законная супруга Джорджа Грея, конечно, поправится, но не раньше, чем ноги Дункан не будет в Нью-Йорке. Так Айседора осталась и без статуи, и без друга. Теперь ей оставалось только ждать обещанного выступления с оркестром Вальтера Дамроша, проклиная свой страстный темперамент и не чая получить еще один шанс сделаться лицом Америки.

Снова в дорогу

Меж тем настал декабрь 1907 года, однажды утром, проснувшись и позавтракав у себя в ателье, Айседора вышла на улицу и не без удивления для себя обнаружила, что ее афишами в буквальном смысле слова обклеен весь город. Перед премьерой Чальз Фроман отправился в «Метрополитен», желая купить ложу, и был обескуражен заявлением о том, что в театре аншлаг. Ни одного свободного места не осталось, так что Айседоре пришлось уступать ему одно из заранее зарезервированных мест, которые она оставляла за собой. Казалось, что успех только и ждал появления своей любимицы, чтобы обрушиться на нее цветами и восторгами. Спрашивается, а где он был раньше, когда в августе Айседору освистывали и только что не швырялись овощами? Воистину, уж сколько раз твердили миру, что без хорошей рекламы, толкового импресарио любое самое выдающееся дело рискует пройти незамеченным!

После Нью-Йорка Айседора отправилась с оркестром Дамроша по городам, везде встречая хороший прием и пребывая в постоянно-благодушном настроении. Еще бы, она находилась в компании друзей и единомышленников. Все музыканты оркестра были не только признанными виртуозами, но еще и людьми, с которыми весело и интересно. Некоторую напряженность добавляли газеты, упорно называющие выступления Дункан пощечиной общественному вкусу и посему заклинающие публику бойкотировать неприличное шоу. В результате все театры, в которых располагался оркестр и танцевала Айседора, были битком набиты, и реальная проблема возникла только в Вашингтоне. Поговаривали, что по решению некоторых министров спектакль непременно будет отменен, но мистер Дамрош и не подумал объехать столицу, как объезжали бы во времена Средневековья в Европе чумные города. Труппа разместилась в заранее забронированной гостинице и, как ни в чем не бывало, направилась на репетицию в театр, где их уже поджидал напуганный последними известиями директор. Решили работать, а там будь что будет, ну, отменят власти спектакль, останется только извиниться перед пришедшей публикой, из графика не выбьются, и то слава богу. Тем не менее репетиция получилась нервная, все время ожидали прихода полиции, а за несколько минут до спектакля вдруг выяснилось, что в королевской ложе президент Теодор Рузвельт[80] собственной персоной! Вот и верь после этого газетчикам.

«Что дурного видят эти министры в танцах Айседоры? Она

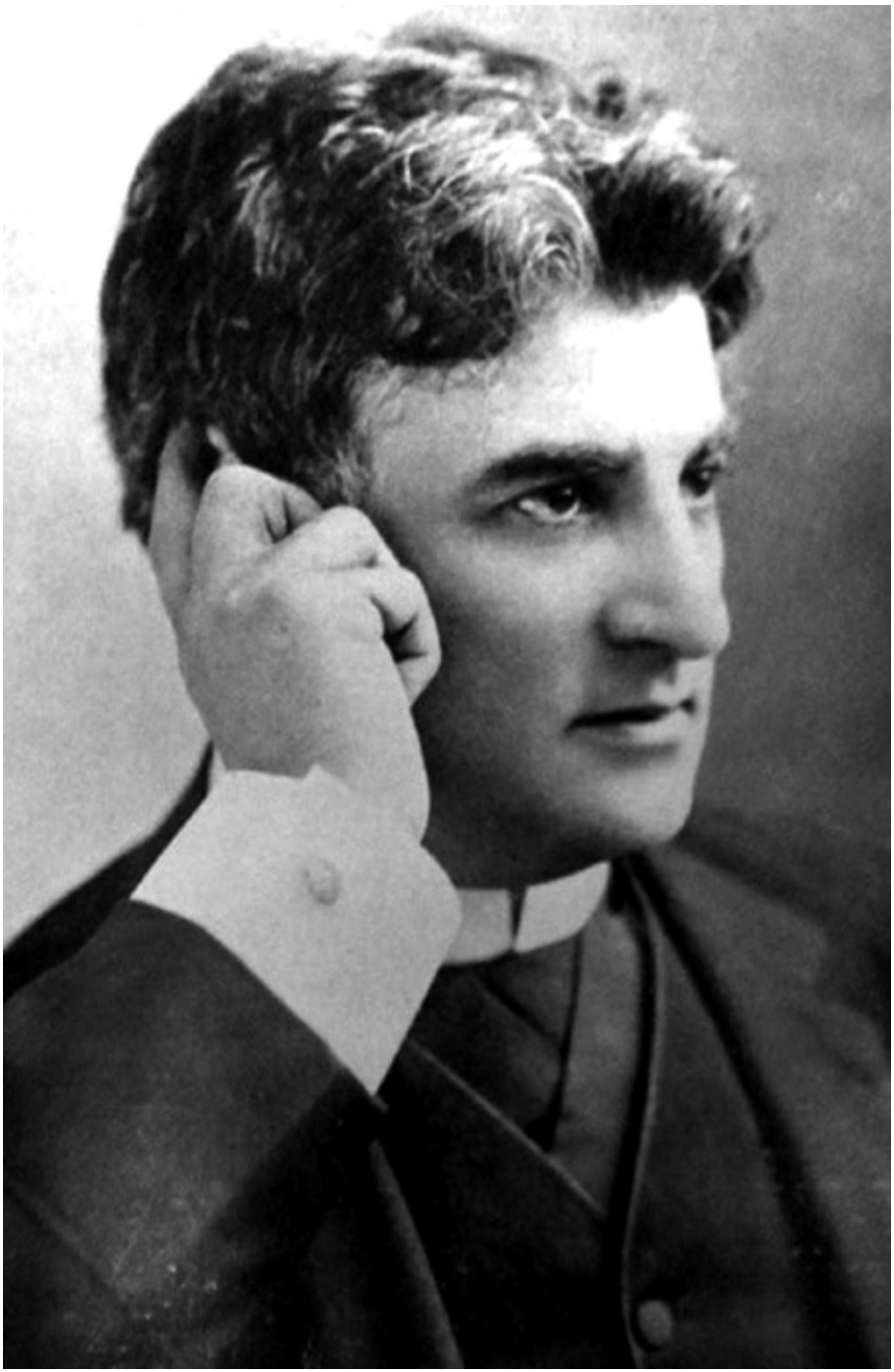
представляется мне невинным ребенком, танцующим в саду при лучах утреннего солнца и срывающим прекрасные цветы своей фантазии», – сказал президент журналистам сразу же после спектакля.

Айседора же, едва закончив это, в высшей мере очаровательное турне, снова готовилась ехать в Европу. На самом деле ей очень не хотелось покидать завоеванную Америку, после того как сам господин президент благородно поднялся на ее защиту, она смела надеяться организовать школу где-нибудь в Нью-Йорке или Вашингтоне. Мама писала ей, что тоскует по покинутой родине, по солнцу, морю, креветкам, которые Дора обожала. Желая как-то утешить мать, Елизавета и Раймонд водили ее по самым дорогим ресторанам, но там либо не было креветок, либо они оказывались недостаточно хороши для знающей в них толк Доры Дункан, которая, судя по всему, скучала в спокойной, сытой атмосфере, где не нужно было бороться за выживание, предпринимая решительные и сумасбродные шаги, жертвовать всем неизвестно ради чего. На старости лет Дора снова желала бурей и штормов, чуть не погубивших семейство Дункан во времена ее молодости. Наверное, следовало вызвать мать прямо в Америку вместе с внучкой и сорока ученицами, но Айседора уже научилась считать деньги и понимала, что за всеми восторгами публики, цветами и овациями за все шестимесячное турне она не услышала ни одного реального предложения помочь в ее нелегком деле.

Дункан вновь лелеет планы найти в Париже возможных спонсоров для школы, поэтому просит Елизавету привезти человек двадцать учениц в Париж. Они снова будут вместе, дети получат дополнительный опыт выступлений перед зрителями и жизни в другой стране. А она опять станет разрываться между собственными выступлениями, репетициями, спектаклями с детьми и общением с Дердре.

Когда мы говорим о детях Дункан, не стоит забывать, что она фактически удочерила сорок никому не нужных и не особенно здоровых девочек. Можно возразить, что с детьми в основном возилась Елизавета и нанятые педагоги, но содержала-то всех именно Айседора Дункан – эмигрантка и незамужняя танцовщица. При этом она не просто обеспечивала своих приемных дочерей куском хлеба и крышей над головой, Дункан вкладывала в них основы своей профессии, так что прошедшие школу Айседоры девушки могли быть обеспечены работой в театральной труппе самой Дункан, либо пополнить коллектив преподавателей там же, либо отправиться на вольные хлеба. Каждая из воспитанниц получила достаточное образование, для

того чтобы по желанию устроиться в театральную или танцевальную труппу. То есть даже если бы в один прекрасный день судьба развела Дункан и дунканят, у них был реальный шанс выжить. Но вернемся к нашей героине.



Дэвид Беласко (1853–1931) – американский драматург и режиссер

Недолго раздумывая, она снова купила билет на пассажирский пароход, оставляя на пристани пришедших проводить ее друзей: один из них – талантливый драматург и режиссер Давид Беласко[81], открывший буквально перед приездом Айседоры в Нью-Йорке собственный театр. О Беласко говорили как о признанном мастере фотографического реализма, именно он придумал и впервые сделал и установил рампу, спрятав от зрителей осветительные приборы, благодаря чему на сцене Беласко удалось создать иллюзию естественного света. Давид старался использовать в своих спектаклях подлинные костюмы и реквизит, сотрудничая с музеями и старьевщиками разных городов и стран. Предполагалось, что в одном из его спектаклей могла бы выступить и Дункан, но той вдруг отчаянно захотелось обнять собственное дитя, и взаимовыгодное сотрудничество так и не состоялось.

Дункан в Париже

В банке подтвердили, что на счет госпожи Дункан действительно поступила внушительная сумма, которую Айседора тут же решила потратить во имя искусства, собственно, на себя она тратила сравнительно немного. Так что когда Елизавета приехала в Париж в сопровождении двадцати юных учениц и с двухлетней племянницей на руках, Айседора уже встречала их, имея за спиной арендованный этаж в гостинице, а также план организации работы и досуга. Первый день был целиком и полностью посвящен прогулкам и играм, на завтра Айседора планировала встречу с актером и режиссером Орельен Франсуа Мари Люнье-По[82], с ним, возможно еще в Италии, ее свела Элеонора Дузе. Теперь же Люнье-По был так добр, что взялся за организацию гастролей театра мадемуазель Дункан во Франции. Собственно, Орельен Франсуа Мари Люнье-По числился в прогрессивных режиссерах-экспериментаторах. Изначально обладая сразу тремя именами и всего одной фамилией Люнье, будущий реформатор театра не сдержал искушения, украсив себя второй фамилией По, которую взял в знак преклонения перед гением Эдгара По. Поговаривали, будто он обожал, когда окружающие называли его всеми именами и фамилиями сразу, но вместо этого друзья сократили это длинное имя до Люнье-По. В юности этот славный господин учился в Высшей национальной консерватории театрального искусства, после чего поступил в труппу Свободного театра Андрэ Антуана[83], затем в труппу Художественного театра (или Театра искусства), созданную Полем Фором[84]. Затем, устав от чужого режиссерского диктата, в 1893-м вместе с Камилем Моклером[85], Морисом Метерлинком[86] и Эдуаром Вюйаром[87] основал театр Эвр (Творческий театр), который открылся постановкой драмы Метерлинка «Пелеас и Мелисанда». Люнье-По был ярым поборником поэтического театра, противостоящего грубой прозе буржуазной действительности. Однажды он встретился с символистами и с тех пор стремился к утверждению эстетики и языка этого направления искусства. «Выдающийся художник Люнье Поэ взял на себя устройство моих выступлений в Париже. Благодаря ему Париж посещали Элеонора Дузе, Сюзанн Депре[88] и Ибсен», – пишет в своих мемуарах Айседора. Ну, положим, насчет Элеоноры Дузе, Ибсена и, главное, ее самой, Дункан права на все сто, что же касается Сюзанн Депре, то было бы странно, если бы он не способствовал карьере своей собственной жены. Впрочем, Айседора не вела дневников с юности, а когда взялась за книгу,

мысли в ее голове путались, что-то забывалось, а чего-то она просто не разглядела в спешке постоянной смены декораций.

Примета времени – пришедшие на спектакли Дункан представительницы высшего общества все как на подбор облачены в наимоднейшие платья, созданные на основе туники и пеплоса. Самые продвинутые – вообще без корсета. Этим достижениям модницы обязаны парижскому модельеру высшего класса, признанному королю моды Полю Пуаре[89]. В свой приезд во Францию 1908 года Айседора не успевает познакомиться с этим революционером от мира моды, который то предлагает публике японское кимоно, то вдруг создает целое направление, о котором газеты высказываются как о небывалом прежде «молодежном стиле». До сих пор праздничный гардероб молодых людей и девушек отличался от прочей одежды разве что яркими цветами да соответствующими размерами. Пуаре разрабатывает принципиально новую линию одежды, чем производит революцию в мире моды.

Когда-то попав на спектакль к никому еще не известной Айседоре Дункан, он был вдохновлен ею и, сразу же вернувшись в мастерскую, начал рисовать платья, которые лягут в основу нынешней античной моды. Что не могло, в свою очередь, не восхитить Дункан, узнавшей подробности, связанные с исканиями этого художника. Айседора произносит в его честь очередную пламенную речь, в которой говорит о необходимости освободить женщин из тисков корсетов и затрудняющих дыхание и движение узких платьев. «Дайте женщинам дышать, дайте им возможность ходить и танцевать, и вы получите чудо женщины!»

Оркестр Колонна – Айседора влюблена в их музыку, ей по сердцу небольшой, аккуратный театрик, и если что-то и портит жизнь чувствительной ко всему прекрасному танцовщицы, так это неприятный скрипач с огромной головой с выпученными, точно у жабы, глазами. Как-то раз во время репетиции Айседоре захотелось пройти новый танец отдельно с аккомпаниатором, и Колонн привел к ней этого человека. Как выяснилось, кроме скрипки, он отменно играл на рояле, но при этом вожделенно смотрел на Дункан, то и дело облизывая пухлые губы и только что не роняя слюни. Бр-р-р.

Айседора сразу же ощутила такое отвращение, что была вынуждена просить Эдуарда Колонна никогда больше не приводить к ней этого человека. Дирижер попытался было убедить ее все же поработать с его музыкантом, ссылаясь на то, что урод обожает ее как женщину и боготворит точно высшее существо, но когда танцовщица случайно оказалась рядом с ним, ее чуть не вырвало.

– Возможно, он и хороший музыкант, но ради бога… во имя наших добрых отношений.

На ближайших репетициях уродливый скрипач сидел среди других музыкантов тише воды, ниже травы, и Айседора совсем было позабыла о нем, когда вдруг маэстро свалился с вульгарной простудой, и Дункан обнаружила, что на место дирижера поднимается мерзкий тип.

Топнув ножкой, Айседора убежала к себе в уборную, пригрозив, что не выйдет на сцену, пока там будет торчать это пугало. В результате урод приполз к ней на коленях, простирая свои трясущиеся руки и сладострастно шепча: «Айседора, я вас обожаю, разрешите мне продирижировать хоть раз».

Это было невыносимо, Дункан немедленно прогнала отвратительного типа, который ко всему своему безобразию еще и принялся ныть и плакать в ее присутствии, вытирая рукавом сопли и слезы.

В конце концов, Колонна заменил Пьернэ[90], и спектакль состоялся. Айседора еще не знает, что буквально через пару лет, еще конкретнее – в 1910 году, в Девоншире ей придется вновь встретиться со своим Квазимодо, и на этот раз. а впрочем, не стану забегать слишком далеко вперед.

Меж тем рядом с Дункан все чаще можно заметить драматурга, романиста, члена Французской академии Анри Лаведана[91], вместе они посещают знаменитый театр Комеди Франсез, для которого с 1998 года Анри пишет пьесы. Ходят слухи, будто Лаведан мечтает снять на пленку танцы неистовой Айседоры. Почему бы и нет? Всего несколько месяцев назад он возглавил новую кинокомпанию «Фильм д'Ар», созданную парижскими банкирами братьями Лафит.

Общаясь с Анри, Айседора уже уяснила, что кинокомпания была организована с единственной целью – создания высокохудожественных фильмов с участием крупнейших мастеров театра. В рабочих планах кинопредприятия значился целый список имен драматургов и ведущих актеров «Комеди Франсез». Предприятие ставило перед собой высокие и благородные цели, на которые им выделялись почти безграничные средства!

Ни сегодня-завтра милейший Анри, безусловно, познакомит ее со своим приятелем Полем Лаффит, и тот, возможно, согласится опекать школу истинного танца. Сумели же братья банкиры выделить киностудии 500 000 франков!

Айседора мечтает о встрече с Лаффитами – банкирами и меценатами, еще даже не догадываясь, что уже в следующем году в кинокомпании поменяется весь руководящий состав, а в 1911-м капитал будет разворован, и все, кто окажется на тот момент

времени во главе предприятия, попадут под суд.

Лоэнгрин

Как бы ни было хорошо в Париже, но жизнь в гостинице стоила немалых денег, поэтому Айседора нанимает две большие квартиры одна над другой на улице Дантон № 5, памятуя о своем печальном опыте с греческими мальчиками, она с сестрой и дочерью поселились на первом этаже, отдав квартиру на втором воспитанницам.

Гастроли проходили вполне удачно. Однажды Айседора отправилась на бал-маскарад Бриссона, где веселилась вся парижская богема тех лет. Вместе с приглашением пожаловать на ежегодный бал счастливчик получал и задание, в каком костюме являться. На этот раз судьба улыбнулась нашей героини, организаторы праздника решили немного расширить тему, устроив вечер книжных героев. Очень довольная, что ей не придется тратить время и деньги на костюм, Айседора оделась вакханкой Еврипида. Сандалии и туника у нее были, так что она украсила голову цветами и… вполне можно участвовать в конкурсе на лучший костюм. Вторая радость – оказалось, что в самом начале праздника распорядитель бала должен был находить гостям пары, согласно их внешнему виду, в лучшем случае соединял персонажей одной книги или подбирал по странам и эпохам. Не дожидаясь команды распорядителя, к вакханке Айседоре подошел прекрасный, словно бог, белоснежный хитон до колен с золотыми фибулами на мускулистых плечах, с золотым же поясом и коротким плащом хламисом, застегнутым на груди пряжкой, легендарный актер Муне-Сюлли[92]. В свой первый приезд в Париж Айседора и Раймонд потратили все свои деньги, остались без обеда и ужина за пару билетов в райке на спектакль «Царь Эдип» по Софоклу, заглавную роль в котором исполнял этот замечательный актер. А теперь Айседора танцевала для него, танцевала вокруг него, говоря своим танцем о восхищении и любви. И какое им дело, что вокруг в это время пары выделывали фигуры современных, модных танцев? Айседора ложилась перед Муне-Сулли, как бы предлагая себя, и когда он раздраженно отворачивался от нее, бросалась перед ним на колени, грациозно обхватывая стройные ноги своего героя, тогда Мунэ поднимал ее за подбородок, стремясь поцеловать, но Айседора тут же вырывалась из его объятий, прыгая и скача, как маленькая девочка: «обманула! Обманула!» – и тут же замирала с глазами, полными слез. «Нет, стрела амура уже ранила мое сердце. Я умираю»…

Кто-то покидал бал, не желая, танцевать рядом с парой,

которая вот-вот разденется донога или ляжет прямо на паркетном полу и займется развратом. Кто-то просил вызвать полицию, репортеры записывали в блокноты услышанные отзывы, дабы уже к утру накропать статьи о скандале на карнавале Бриссона. Впрочем, на следующий день на спектакле Айседоры был аншлаг. так что никто особенно не пострадал, сама же виновница безобразий откровенно не могла понять, что именно так шокировало парижан в их невинном танце?

На первый взгляд, кажется странным, что, работая 2–3 спектакля в день, Дункан умудрялась не только не стать миллионершей, но и была вынуждена постоянно работать, совершенно не щадя себя. Но достаточно представить себе виллу в Германии и две квартиры в Париже, за которые следовало регулярно вносить плату. Небольшой штат школьных учителей и обслуги, средства на одежду и питание сорока учениц и, наконец, турне из Берлина в Париж для двадцати воспитанниц и сопровождающих их сестру с дочкой Айседоры. Да, дети участвовали в спектакле вместе со своей патронессой, но, во-первых, эти выступления носили скорее рекламный характер, во-вторых, их было ничтожно мало, публика желала видеть Айседору, единственную и неповторимую, а не Айседору, окруженную мини-копиями. И в-третьих, театрик, в котором выступали Дункан и дунканята, был крохотным и заполнялся далеко не всегда. Кроме того, любой умеющий считать хотя бы на уровне начальной школы скажет, что одно дело – разделить выручку с одним или двумя партнерами, и совсем другое, если ту же сумму приходится пилить на двадцать и больше.

Дункан не платила своим ученицам, но пребывание за границей ни в какие времена не считалось дешевым. Было очевидно, что долго так продолжаться не может. Айседора реально надорвется, и тогда уже никто не сможет помочь. С ужасом Елизавета смотрела на уставшую, с темнотой под глазами сестру. Да, Айседора двужильная, она редко болеет и, скорее всего, будет тянуть этот воз, пока не сдохнет, но вот вопрос: сколько ей осталось работать в таком режиме? Год? Полгода? А что, если она быстро постареет или, не дай бог, выйдет из моды? Сама Елизавета может, конечно, продолжать обучать их воспитанниц, но кто оплатит аренду дома? Найдет деньги учителям? Кто накормит их и убережет от бед?

Однажды вернувшись в очередной раз из банка, Айседора встретила в прихожей поджидающую ее Елизавету и горько пошутила: «Так не может продолжаться! Я перебрала по моему банковскому счету. Надо найти миллионера, чтобы школа продолжала существовать»!

«Хорошая идея, – вяло улыбнулась Елизавета, помогая сестре раздеться, – твои бы слова да богу в уши».

Айседора, должно быть, выпила, во всяком случае, она была очень горячей, глаза блестели так, что Елизавета решила, что у сестры жар.

«Я должна найти миллионера! Ну, конечно, я должна найти миллионера!» – как заведенная шептала Дункан.

На следующий день они планировали отвести девочек на прогулку, но Айседора не явилась, записавшись на какие-то курсы, после которых, по ее же словам, она сможет повернуть судьбу таким образом, чтобы они уже не нуждались в деньгах.

Елизавета только плечами могла пожимать. Во время их детства в Америке каких только курсов не открывали, и деньги приваживали, и удачу, и как полицию и таможенников обмануть, глаза от левого товара отвести. Тогда пронесло, а вот теперь, взрослая женщина, и туда же. Миллионера привораживает.

Айседора вернулась ближе к ночи, с тонкими брошюрами, и сразу же, забравшись с ногами на софу, принялась трын-деть какую-то абракадабру.

«Я должна найти миллионера! Я должна найти миллионера! Я должна найти миллионера!» – громко с выражением раз сто в день.

Елизавета только и могла, что вздыхать да прятать глаза. А что тут скажешь? Хочется сестре с ума сходить, имеет полное право.

Но то ли система Куэ, по которой Айседора училась заклинать ситуацию, подействовала, то ли ее ангелы-хранители ненадолго отвлеклись от игры в карты и занялись своей подопечной, но прошло несколько недель, после очередного утреннего спектакля Айседора сидела перед зеркалом в пеньюаре и прозрачном чепчике, из-под которого были заметны папильотки, которые она специально накрутила перед дневным спектаклем. Неожиданно в уборную вошла горничная с запиской от миллионера Париса Зингера. Почитатель искусства божественной Айседоры просил разрешения поговорить с ней.

Парис Зингер[93] оказался высоким белокурым мужчиной с аккуратной бородкой и застенчивыми манерами заблудившегося в кулисах ребенка. «Он похож на большого мальчика с приклеенной бородой!» – напишет в своих воспоминаниях Айседора.

«Вы меня не знаете, но я часто аплодировал вашему удивительному таланту», – смущаясь еще больше, признался миллионер, протягивая Айседоре букет белых роз. Дункан заглянула в его серые глаза и вдруг… Жюль Верн уже изобрел

свою машину времени, и Айседора не могла не читать его книжек. Но читать – одно, а вдруг скакнуть на несколько лет в прошлое – совсем иное.

Айседора вдруг обнаружила себя в маленькой католической церкви на похоронах своего друга и партнера князя Эдмона де Полиньяка. Слезы лились ручьем, и она не сразу сумела заставить себя отдать принесенные и уже порядком измятые цветы, прижимая их к груди, словно боясь, что вместе с ними отдаст небытию чистую душу замечательного композитора и музыканта, будто бы она что-то могла изменить, но пока еще не знала, как. Когда она на негнущихся ногах подошла к веренице родственников, которым она пожимала руки, пытаясь сказать хоть что-то и понимая, что все слова суть ложь, что ничего уже нельзя изменить, а можно только убежать, спрятаться куда-нибудь и плакать, плакать, плакать… Неожиданно ей словно не хватило воздуха, и Айседора чуть не упала. Чуть не считается, в следующее мгновение она ощутила, как чьи-то сильные, теплые руки властно и нежно поддерживают ее за талию, а серые глаза, глаза сегодняшнего визитера смотрят ей прямо в душу. Неожиданно припомнилось, ведь жена, или теперь уже вдова Эдмона де Полиньяк, музыкантша и художница Винаретта в девичестве носила фамилию Зингер. Она была дочерью и наследницей изобретателя знаменитой швейной машинки Исаака Зингера, следовательно, Парис – ее брат!

Айседора вспомнила, как потом она неоднократно вызывала в памяти сероглазого принца, примерещившегося ей у гроба князя. Да, это был он – миллионер, которого она призывала по сто раз на дню по методе Куэ, хозяин империи Зингер, и главное – ее сероглазый принц, или теперь уже король! Анна Ахматова еще не написала о своем сероглазом короле, но именно этого персонажа наяву встретила впечатлительная Айседора. Правда, в своей биографии она называет его Лоэнгрином. Неудивительно после такого продолжительного и продуктивного знакомства с творчеством Вагнера.

Пэрис Зингер (1867–1932) – бизнесмен, наследник компании «Зингер»

Впрочем, Айседоре прекрасно известен такой литературный прием, как «сравнение», и мы вполне можем положиться на ее откровения в той их части, когда она начинает приписывать своим героям черты литературного или мифического персонажа. Родена она сравнивала с Паном – богом скотоводства и

плодородия, похотливым фавном, так ведь в их первую встречу он и пытался увлечь ее в постель, Генрих Тоде называл себя святым Франциском, а Айседору – святой Кларой – и отношения у них были чисто духовные.

И вот теперь Лоэнгрин – божественный рыцарь, посланник горного мира. А он и вел себя более чем по-рыцарски, ничего не спрашивая взамен, сходу предложил Айседоре и ее детям перебраться на принадлежащую ему маленькую виллу в Болье. Море, солнце, чистый воздух. При этом вилла будет целиком и полностью отдана школе госпожи Дункан, сам он собирается жить в Ницце. Кроме этого, он брал на себя оплату всех расходов, включая транспорт для перевозки школы. Невероятный по красоте и благородству жест. Неудивительно, что из одной только благодарности Айседора должна была влюбиться в своего рыцаря и спасителя, а он к тому же был красивым и стильным мужчиной. Он мог быть поэтичным и веселым, щедрым и заботливым. Он играл с детьми или любовался их танцами, а потом, вдруг срываясь с места, сажал себе на плечи малютку Дердре, увлекая за собой Айседору на белокрылую яхту «Ирис». Когда Парис смотрел на море, и ветер развивал его кудри, его глаза из серых превращались в синие. Играли приглашенные музыканты, отправив девочку с нянькой спать в каюту, Парис присаживался рядом с Айседорой, и они болтали обо всем на свете или молчали, глядя на волны.

А потом Лоэнгрин уезжал в свою Ниццу, дабы уже через несколько дней снова нагрянуть в гости с огромными кульками и пакетами сластей, время от времени он приглашал Айседору пообедать с ним и погулять по городу.

«Погулять» в устах Зингера – это не спокойные прогулки по улицам с обязательным разглядыванием домов и остановками в небольших уличных кафе. Обычно он приезжал к Дункан в роскошном Oldsmobiles, по словам самого Париса – уцелевшем после знаменитого пожара 1901 года. Айседора плохо разбиралась в автомобилях, хотя название завода, начавшего производства Олдсмобилей, «Olds Motor Works» действительно было на слуху. Основанная Рэнсом Олдсом в 1897 году, через четыре года компания она уже выпустила 425 автомобилей, работающих на бензине.

Что же до того самого пожара, уничтожившего, по словам газетчиков, всю фабрику, оставив голые, черные стены, в тот день рабочим все же удалось вывезти всего один автомобиль Curved Dash, по образцу которого позже, уже на новом месте были произведены его двойники, носящие официальное название «Olds automobiles» и прозванные в народе олдсмобилями. По уверениям

Зингера, ему удалось перекупить именно тот, спасшийся в пожаре первый Curved Dash, на котором он время от времени и приезжал в Ниццу. Врал, конечно, впрочем, мужчины любят прихвастнуть.

Помогая Айседоре удобно устроиться в его автомобиле, Зингер напевал популярную песенку «Моя Мерри в Олдмобиле», как пел, должно быть, всем женщинам, которых ему доводилось катать.

Парис Зингер был всеобщим любимцем, и в Ницце он давно уже завоевал сердца местных светских львиц, некоторые из которых не без основания считали, что он должен принадлежать лишь им. Таковых было немало, и буквально на первом же обеде, в ресторане, куда пригласил Айседрору Зингер, наша героиня имела сомнительное удовольствие лицезреть одну из своих соперниц. Разодетая в яркие шелка, покрытые жемчугами и бриллиантами, дама за соседним столиком то и дело бросала на Айседору и ее спутника ревнивые взгляды. У Дункан кусок в горло не шел, все время казалось, что бывшая зингерская пассия бросится на нее с ножом или пистолетом. В общем, обед прошел хуже некуда, Айседора издергалась и была просто счастлива, когда они, наконец, убрались подобру-поздорову. Ее опасения и дурные предчувствия очень скоро оправдают себя в полной мере, когда на карнавале, устроенном Зингером, вечный меценат не только организовал увеселение и выпивку для своих гостей, но и приказал сшить каждому гостю костюм Пьеро, так как это был бал Пьеро, тогда-то таинственная дама кинулась к Парису Зингеру, в лучших традициях кинематографа, с ножом в руке.

Заметив вооруженную истеричку, Парис просто пошел к ней навстречу, ругаясь, точно дворник, быстро обезоружив свою бывшую любовницу, он взвалил ее себе на плечо и, не слушая проклятий и причитаний несостоявшейся убийцы, вынес крикунью и передал слугам с просьбой успокоить ее и отвезти домой.

Но едва Айседора немного оправилась от шока, все-таки она танцевала в этот момент с Парисом и запросто могла быть убита с ним за компанию – перспектива не из завидных, как тут ее позвали к телефону, срывающимся от волнения голосом Елизавета сообщила, что у младшей ученицы, той самой Эрики, которая в день поступления в школу чуть не померла от воспаления миндалин, вдруг случился приступ крупа. Айседора и Парис, как были в костюмах Пьеро, бросились к автомобилю и вскоре уже везли на виллу известного в Нице педиатра. Положение действительно оказалось серьезным, напрасно, всю дорогу нежно обнимая за плечи Айседору и целуя ее шею и руки, Зингер пытался шутить, уверяя, что Елизавета слишком сгустила

краски. Нет, отважная сестра не преувеличила степень опасности, а скорее приуменьшила. Эрика задыхалась, к моменту, когда Айседора и Парис привезли врача, ее личико совершенно потемнело, она уже даже не могла плакать. Два часа доктор боролся с болезнью, два часа два белых от страха Пьеро сидели около кровати не в силах пошевелиться. На рассвете доктор объявил, что девочка будет жить, после чего Айседора рухнула в объятия своего рыцаря. Теперь были отброшены все препоны, они одновременно поняли, что должны быть вместе.

На следующий день Айседора, Парис и Дердри отправятся в небольшое путешествие на яхте «Ирис».

Гордон Крэг и его символический театр

Чистое небо над головой, прекрасное зеленоватое море, белые чайки. Айседора нежится в лучах солнца, загорает или прыгает прямо с борта яхты в море. Любые ее причуды мгновенно удовлетворяются. Надоел корабль – пришвартовались в первом попавшемся порту, отправились в кабачок или ресторанчик, погуляли и вернулись. Хочется полюбоваться новым местом – остались там на несколько дней. Ради такого чуда, как Айседора, Парис луну с неба достанет, звезды выстроит в кордебалет и заставит плясать. Все, что только пожелает божественная Дункан, все, что только можно купить за деньги. Айседора действительно порядком устала и нуждается в отдыхе, но что для нее отдых? Вдохновенная беседа с непременным обсуждением любимых авторов: в последнее время, например, она отдает предпочтение Карлу Марксу, хотя не против поговорить о творчестве Платона или Аристотеля. Но того ли ищет в тихой, романтической поездке Зингер? Хотя его никто и не спрашивает…

Айседора жила в доме, где не было отца, и она просто не знает, или не хочет знать, какой хитростью должна обладать женщина, желающая сохранить свой семейный очаг. Айседора привыкла говорить с мужчинами на равных, да, она приклонялась перед чужим гением, восторгалась, становилась ярой сторонницей или последовательницей, она несла, как благую весть, священную для себя информацию относительно того или иного своего знакомого, в которого она верила всем сердцем. Потому что любовь для нее – это вера. Святая вера в человека-творца.

Парис Зингер не был великим человеком. Он был просто богат, красив и весьма удачлив. Свое состояние он не скопил, а принял от отца Исаака Меррита Зингера, эмигрировавшего из Америки в Германию. Изобретателя с несколькими патентами, принесшими ему миллионы. Он создал машину для бурения породы и усовершенствовал швейную машинку, играл на сцене, содержа собственную труппу «Игроки Мерритт».

Отец двадцати трех признанных им детей, непризнанные заявляли о себе регулярно после смерти мультимагната Зингера. Из них доказать свое происхождение удалось всего пятерым.

То есть сам Парис Зингер в своей жизни до сих пор ничем не прославился, хотя достаточно успешно управлял отцовскими заводами, что тоже немало. Если же говорить о будущем, то он

действительно останется в истории, но исключительно как любовник знаменитой Айседоры Дункан и отец ее сына Патрика.

В общем, они не поняли друг друга. Да и как понять, если Парис и пытался рассказывать своей гостье о 12 процветающих заводах империи «Зингер», она не слушала его, оплакивая судьбы несчастных рабочих, а когда она начинала говорить о танце, он затыкал уши. Впрочем, после ссор наступало время радостного примирения, когда Айседора бросалась на шею своего любовника и он уносил ее в каюту.

Внешне сильный, здоровый и успешный человек, Парис Зингер нередко ночью сражался с мучившими его кошмарами, а днем не мог спокойно смотреть на цветы, в которых ему виделось мертвое лицо матери[94]. В такие дни он мог думать только о неизбежной смерти, представляя жизнь бессмысленным набором движений, порывов, желаний. К чему куда-то стремиться? Мечтать? Из кожи лезть, когда все заканчивается только холодной, мрачной ямой?

Айседора называет в своих воспоминаниях Зингера рыцарем Грааля, но мы видим, насколько поначалу тягостен для нее этот союз. Вот что в 1909 году напишет в письме к Л.А Сулержицкому К. Станиславский: «Вчера жена и дети уехали в Виши, а я остался исключительно из-за Дункан. Не пойму хорошенько, что ей нужно от меня, но она просила помочь ей в устройстве ее школы. Вот в чем дело: богач Зингер выстроил ей около Парижа великолепную и огромную студию. Я вошел туда во время урока детей. Таинственный полумрак, тихая музыка, танцующие дети-все это ошеломило меня. Она была искренно рада меня видеть и много расспрашивала о москвичах, о Вас, о Крэге и т. д.

Когда кончились танцы, она повела меня показывать свои комнаты-крошечные конурки. Тут я испугался. Это комнаты не греческой богини, а французской кокотки. Показывая спальню, она ткнула пальцем в кружева, которыми покрыты кокоточно-красные обои: “Это г. Зингер велел сделать”, – и… она сконфузилась.

Потом она долго расспрашивала меня: может ли она принять всю эту мастерскую, дом и землю в подарок от Зингера». И оттуда же: «Ни она его, ни он ее – не любит. Это ясно: Дункан в моде, и, очевидно, для шика богач Зингер живет с ней. Так говорят кругом. Вчера в 12 часов дня Дункан просила меня заехать к ней: “Шпионов не будет, и мы проведем день вместе”. Значит, есть какие-то шпионы!! – подумал я».

Надеясь вдохновить Лоэнгрина на подвиг (заставить его подписать чек на организацию школы), Айседора решается показать моноспектакль только для него. В этот день они как раз

посетили Помпеи, потрясающие декорации для танцующей Афродиты. Парис был в восторге от предстоящего представления, вместе они выбрали храм Пестум, решив, что Айседора будет танцевать в прозрачной тунике при свете полной луны, они тут же договариваются с музыкантами, заплатив им задаток и велев явиться к храму в сумерках.

Сами Айседора и Парис возвращаются на яхту, она – чтобы приготовиться к спектаклю, он – дабы собрать большую корзину с вином, фруктами, лепешками и мясом для предстоящего пира. Но пока они копались, началась нешуточная гроза, шторм на море. Целый день и ночь яхта не могла покинуть гавани, когда же с опозданием в двадцать четыре часа они явились, наконец, в Пестум, на ступеньках храма их дожидались промокшие до костей несчастные и голодные музыканты.

Пришлось сразу же разлить по кружкам вина, развести костер и разложить по тарелкам и мискам припасенные яства. Уставшие, претерпевшие настоящую бурю музыканты хватали куски мяса и лепешки руками, глотая, не жуя и тут же заливая все это вином. В общем, к концу трапезы они могли разве что довольно рыгать, устало благодаря своих спасителей. Меж тем ветер снова поднялся, и Зингер повел всех на яхту. Музыканты с радостью приняли приглашение ехать в Неаполь, услаждая по дороге слух владельцев посудины своим искусством.

К сожалению, в этот день владыка морей Посейдон не желал слушать музыку. Началась качка, и зеленые музыканты разбрелись по каютам.

Понимая, что потеряла свой шанс выколотить из Зингера его миллионы, наотдыхавшаяся на годы вперед и уже готовая от скуки и праздности бросаться в голубые волны Средиземного моря Айседора связалась со своим импресарио, и тот организовал ей турне в Россию. При этом бедняжка горестно вздыхала, стараясь выглядеть естественнее, как настаивал милейший Константин Сергеевич, рассказывая сквозь слезы, как ей тяжело покидать прекрасную яхту и сероглазого короля, но… Они провели вместе последнюю ночь, после чего Зингер отвез Дункан в Париж и посадил на поезд, предусмотрительно наполнив купе цветами.

Целое купе белых цветов! Ах, как трогательно. Всякий раз наблюдая, как ее артистическая уборная, коляска, салон автомобиля, будуар или купе наполняется цветами, выросшая в нищете Айседора думает о том, как было бы здорово сговориться с хозяйкой какой-нибудь цветочной лавки, куда она сдавала бы излишек внимания своих поклонников, оставляя себе самую малость – крошечный букет ландышей на столик в изголовье,

большой букет на столе. хорошо ставить горшки с живыми цветами по рампе во время выступления, букет для матери и сестры Елизаветы, конечно же, цветы для ее несравненных крошек, несколько цветов кухарке и горничной, чтобы не обижались, а остальное. в лавку. Айседора всегда была скромна и в меру аскетична, ну, или казалась себе таковой.

На этот раз вместе с ней в Россию едет девушка-секретарша, которую нанял для Айседоры Зингер. Действительно, времена меняются, и если еще год или два назад за расписанием спектаклей следил импресарио, и за личными делами горничная, решись Дункан сегодня поступить так же, ее просто поднимут на смех! Горничная должна вежливо здороваться с гостями, принимать визитки с загнутым краешком, ставить в вазы цветы, а вот планировать дела госпожи, назначая ответственные встречи и деловые обеды, способен толковый и подготовленный секретарь. Разумеется, женщина.

Дивный ветер свободы ворвался в благоухающее цветами огромное двухкомнатное купе, дабы тут же вскружить голову готовой к приключениям Айседоре. И если где-то в душе Дункан еще печалилась о разлуке со своим последним любовником, она уже знала, что Парис Зингер ни за что не будет последним в череде ее увлечений и безусловных побед.

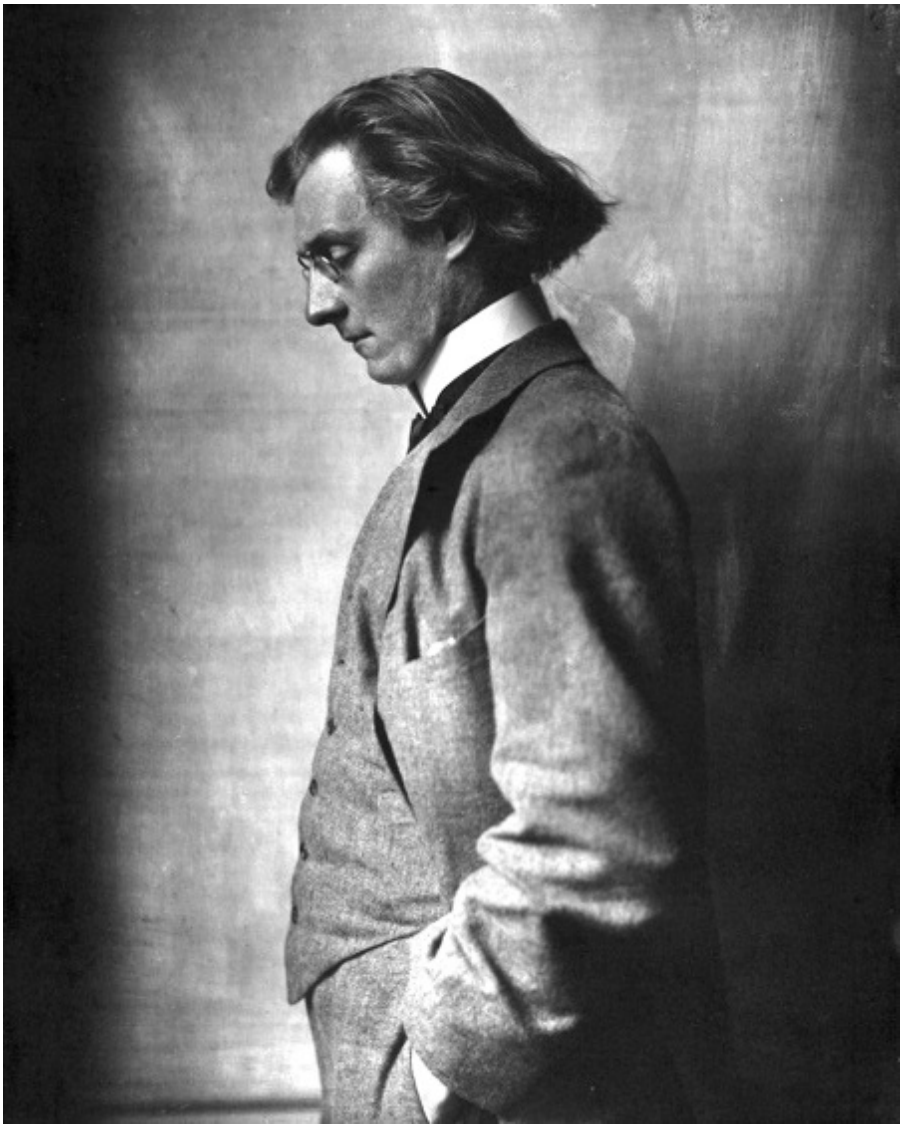
Впрочем, в Москве в это время в «Художественном театре» корпел над постановкой «Гамлета» Гордон Крэг, которого она сама туда и определила в свой прошлый приезд.

Айседора все еще любила Крэга и, увидев его сияющим и в кои-то веки довольным жизнью, готова была снова броситься в его объятия. К слову, в театре Станиславского в Гордона были влюблены все женщины – от актрисы, играющей главные роли, до последней гардеробщицы и уборщицы. Удивительно, но в России крэговские припадки бешенства вдруг прекратились, уступив место длительному периоду благодушия и здоровой рабочей энергии, что не могло не радовать.

Айседора поцеловала Крэга и Станиславского, встречающих ее на вокзале. После чего все поехали в гостиницу. Гордон Крэг проводил в театре практически все время, так что за это турне они с Айседорой встречались всего несколько раз, да и то в спешке между выступлениями, все-таки Дункан не отдыхать приехала. У нее были свои обязательства, а все вечера, по раз и навсегда заведенной традиции, занимал Константин Сергеевич, с которым она бесконечно обсуждала его систему, делясь собственными находками в области движения. Правда, на этот раз этот театральный гений отчего-то манкировал ее гостиничный номер, не заходил в театральную уборную, а все

больше приглашал Айседору в симпатичные ресторанчики и кафе. Для постороннего взгляда, возможно, это и выглядело странно – в прежние приезды Дункан он разве что не ночевал у нее, теперь же все разительно изменилось. О причинах такого положения дел знали двое: Айседора и Константин Сергеевич, но ни он, ни она до поры до времени не раскроют зловещей тайны, а вот мы, разумеется, не станем ждать.

Произошло же вот что: в последний приезд в Москву Айседора была прямо-таки облагодетельствована обществом своего русского друга, с которым она щедро делилась своими мыслями в области искусства, время от времени рекомендовала те или иные труды по теории танца или театра, иногда привозила свежеотпечатанные брошюры из Европы. В общем, являлась для жаждущего нового знания Станиславского чем-то вроде окна в мир. Сама же Дункан почему-то всякий раз страдала либо из-за любви, либо из-за ее отсутствия. Так и получилось, что, привыкнув смотреть в честные глаза Константина Сергеевича, она все чаще замечала в них самое настоящее обожание и однажды, поддавшись порыву, повисла у него на шее.



Генри Эдвард Гордон Крэг (1872–1966) – английский актер, театральный и оперный режиссер эпохи модернизма, крупнейший представитель символизма в театральном искусстве, художник

По сценарию Айседоры дальше Константин Сергеевич, пожалуй, должен был бережно взять ее на руки и отнести в спальню или, по крайней мере, нежно целовать ее лицо и губы, шепча признания в любви. Вместо этого Станиславский оттолкнул свою подругу и с криком: «Это невозможно, что мы будем делать с ребенком, который у нас появится?» – выбежал вон. Разумеется, Айседора не могла не знать, что ее приятель женат, но… а впрочем, какие глупости. Тем не менее факты –

штука упрямая, с того самого дня Константин Сергеевич зарекся оставаться наедине с Дункан, впрочем, она и не настаивала.

Они остались в хороших отношениях, Айседора даже сразу же рекомендовала в Художественный театр Крэга и по-прежнему была готова отвечать на любые самые каверзные вопросы и помогать всем, чем сможет. Одно плохо – эти гастроли оказались на диво тесно сплетены, так что хотел Станиславский посидеть у нее до первых петухов или нет, а спектакли действительно шли один за другим, как вагоны в поезде, и ничего с этим было не поделать. Айседора здорово уставала, а впереди ее ждал Киев. В последний день пребывания в Москве Дункан устроила прощальный обед с Крэгом и Станиславским – с двумя друзьями, с которыми она хотела нормально попрощаться. На обеде присутствовали Константин Сергеевич, Гордон Крэг, Айседора и ее секретарша.

Если, увидев Крэга в первый день, Дункан и допустила мысль, что не пройдет и нескольких дней, как прежние чувства захлестнут их чудовищной волной, так что она, по крайней мере на какое-то время, позабудет Париса, позже стало понятно, что это, безусловно, произошло бы, останься она в Москве хотя бы на недельку дольше. Элементарно не хватило времени. Так что она махнула рукой на недополученное приключение, погружаясь в беседы о театре и наслаждаясь последним днем безделья. Да, и Константин Сергеевич, и Гордон были отменными собеседниками, и Дункан чувствует себя на подъеме, все много шутили и смеялись, когда Крэг вдруг ни с того, ни с сего, отбросив салфетку, схватил за руку Айседору и поволок ее в спальню. Возмущенная подобной бестактностью, все-таки в комнате, кроме них, были еще два человека, Айседора оттолкнула бывшего возлюбленного, попытавшись обратить все в шутку. Оскорбленный подобным отпором Крэг побагровел и, бросив в стену стул, сгреб не подозревающую ничего подобного секретаршу и на глазах у Станиславского и Айседоры унес ее в спальню, заперев дверь на ключ.

Напрасно Константин Сергеевич пытался уговорить Крэга открыть дверь. В результате пустых переговоров под крики секретарши, которые из испуганных призывов о помощи постепенно превращались в самые настоящие вопли страсти, Айседора сообразила, что уже давно должна была выйти из дома. В результате, когда Станиславский и его спутница прибыли на вокзал, поезд уже ушел. Не желая возвращаться в гостиницу и встречаться там с Крэгом, Дункан приняла приглашение Константина Сергеевича поехать к нему. Впрочем, ничего интересного больше не происходило, Станиславский был

слишком рассержен на Крэга, а Дункан благоразумно старалась помалкивать, не добавляя черных шаров и так неправдоподобно долго державшемуся в рамках приличий Крэгу.

На следующий день она выехала в Киев. Когда Айседора в первый раз сошлась с Крэгом, их страсть длилась две недели, в течение которых они практически беспрерывно занимались любовью, поди угадай, сколько теперь из-за необузданного нрава бывшего любовника ей придется оставаться без секретарши?

Вопреки ожиданию, та явилась в Киев всего через три дня. Не расспрашивая ее о произошедшем, Айседора только поинтересовалась, собирается ли она остаться с Крэгом в России, но та ответила решительным отказом, и, отработав все запланированные спектакли, а также дав несколько бесплатных уроков желающим, как обычно бывало, собралась детская и взрослая группы, они вернулись в Париж.

Здесь мне хотелось бы немного отступить от рассказа о бурной личной жизни Айседоры Дункан и ненадолго вернуться к Гордону Крэгу, человеку, занимающему одну из главных ролей в пьесе жизни нашей героини. Собственно, знакомство с этим господином мы начали с его коронной фразы: «Я сын Эллен Терри», а дальше Айседора и ее окружение принялись блаженно улыбаться, умильно хлопать в ладошки и таять, точно снежные бабы весной. На самом деле обычно оно так и получалось, стоило очаровательному мальчику/юноше/молодому человеку заявить, мол, он имеет счастье быть сыном божественной Эллен, для него немедленно открывались все двери, красавицы становились в очередь за право повиснуть на шее знаменитости, а их маменьки и строгие бонны наперебой угощали молодого человека чаем с вареньем. Эллен обожали все, от мало до велика, и эта любовь неминуемо переключалась на ее золотоволосого сына. Эллен неоднократно снималась на фото с ребенком, вместе они составляли наисладчайший дуэт мадонны и младенца. Словом, на них только что не молились, хотя как знать.

Во всяком случае, показывая на маленького сына Эллен, мамы прочили его в мужья своим ненаглядным дочкам, которые вырастали, привыкая целовать перед сном очаровательного мальчика на фотографии.

Гордон Крэг родился 16 января 1872 года в деревне Харпенден в Хартфордшире. Его отец – английский архитектор, археолог, театральный художник Эдвард Уильям Годвин – оставил семью, когда сыну едва исполнилось три года. Крэг не запомнил своего отца и никогда с ним не встречался впоследствии.

Но время шло, и такая красавица, как Эллен Терри, просто не

могла оставаться одна, так что вскоре в семье снова появился мужчина, им был великий английский актер Генри Ирвинг[95], с которым Крэг сразу же подружился. С тех пор он буквально не вылезал из театра Лицеум, так что труппа считала его своим задолго до того, как Крэг был официально принят на службу. Кстати, во время приема в театр его имя обогатилось значимыми для молодого человека дополнениями, вытянувшись, как хвост воздушного змея, итак, теперь его звали Эдвард Генри Гордон Крэг. Эдвард – все, что осталось от отца, Генри – разумеется, в честь отчима, которого мальчик боготворил, Гордон – как память о крестной матери, и, наконец, Крэг – гора в Шотландии, намек на происхождение.

Официально принято считать, что актерская карьера Крэга началась в семнадцать, когда он вступил в труппу Лицеума, но на самом деле много лет до этого он играл на той же сцене детей, счастливый возможностью быть рядом с Эллен и отчимом.

Так что молодой человек отнюдь не получил приглашения на всегдашнее «кушать подано», а сразу же играет Гамлета, Ромео, Макбета, Петруччо… в родном театре и других гастрольных труппах, которые с радостью приглашают красивого статного юношу на главные роли.

Все спектакли пасынка неизменно смотрит Ирвинг, неудивителен интерес учителя к работам ученика. «Тед первоклассен. Со временем он станет блестящим и даже гениальным актером», – пишет он Эллен Терри. Газеты сулят молодому дарованию блестящее будущее, девушки покупают фотографии Крэга в костюме Гамлета и Ромэо, звездный мальчик становится завидным женихом, актером, судьба которого предрешена, и она прекрасна. Но неожиданно Крэг уходит из театра, объясняя свой отказ продолжать работать нежеланием становиться «вторым Ирвингом». Крэг обожал отчима, но быть вторым, даже после него. он достоин лучшей доли.

Крэг читает, рисует, коллекционирует книги и через несколько лет становится видным мастером гравюры на дереве.

В двадцать один год он женился на Мэй Гибсон, которая родила ему четырех детей, но достигнутого Крэгу показалось мало, и вскоре он сообщает матери о рождении еще одной своей, на этот раз незаконнорожденной дочери Китти (мать – актриса Джесс Дорин). Узнав об измене мужа, Мэй разводится с ним и добивается официального запрета для бывшего супруга видеться с детьми.

В 1898 году печатные издания начали публиковать гравюры Крэга, желая быть в курсе дел своего ненаглядного сыночка, Эллен помогает ему издавать журнал «Пейдж» («Страница»). А

через год выходит первая книга Гордона Крэга – «Грошовые игрушки», это детская книга 20 рисунков и 20 стихов к ним. В 1900-м выходит в свет новая книга «Экслибрисы».

Он неплохо зарабатывал, много рисовал на заказ, чаще всего Крэга просили изготовить фирменные знаки, он очень хорошо разбирался в символике. А 1899 году композитор, дирижер и органист Мартин Шоу[96] предложил Крэгу новое дело – а почему бы не поставить совместными усилиями оперу Перселла «Дидона и Эней». «Почему бы и нет»? – подумал Крэг, но поставил оперу не в традиционном стиле, а совершенно по-новому. Так еще никто не работал не только в Англии, но, возможно, и во всем мире. Крэга тут же назвали режиссером-реформатором. Постепенно Крэг отказывается от расписанных декораций, завешивая сцену серым сукном, на фоне которого выгодно выделяются костюмы актеров, он работает со светом, цветом, пластикой актеров. Все должно жить в гармонии, работать на единую идею, сверхцель спектакля.

Крэг начал неустанную борьбу с пространством сцены, вопреки всему на свете его спектакли вырываются в зал, актеры взаимодействуют со зрителем, пришедшие на представления люди невольно вовлекаются в действо, становятся его участниками. Так, в «Аците и Галатее» нимфы забрасывают зал разноцветными воздушными шарами, а в «Вифлееме» между зрительских рядов шествуют пышные процессии.

Расставшись с Джесс Дорин и не сумев уговорить жену вернуться, Гордон Крэг увлекается скрипачкой Еленой Мео, которая подарит ему трех детей.

К сожалению, несмотря на громкую славу реформатора, театры не спешили приглашать бунтовщика Крэга, и он едва сводил концы с концами. Тем не менее он получает приглашение Гордон Крэг от немецкого графа Гарри Кесслера[97], который хочет, чтобы Крэг поставил в Берлине в Лессинг-театре совместно с режиссером, основоположником немецкого сценического натурализма герром Отто Брамом[98] «Спасенную Венецию». Союз символиста Крэга со сторонником реализма Брамом оказался более чем странным и прожил ничтожно мало. Разрыв произошел из-за ерунды, Гордон нарисовал на заднике мелом дверь, едва обозначив ее, мол, все равно никто не войдет, так чего же стараться. Заметив это, Брамм прорезал отверстие, четко следуя меловым инструкциями своего соавтора. После чего не остановился на достигнутом и навесил настоящую дверь с металлической ручкой. Этого оказалось достаточно, для того чтобы Крэг устроил одну из своих «замечательных» истерик и покинул проект. Он остался бы на улице, но все тот же Кесслер

сосватал молодого гения режиссеру кабаре Максу Рейнхардту[99], которое, просуществовав год, под влиянием Крэга изменило название, сделавшись не больше, не меньше «Малым театром», а далее все застопорилось на разговорах вокруг да около «Цезаря и Клеопатры», спектакль так и не был поставлен.

Вскоре после этого Крэг познакомился и сошелся с нашей героиней, которая 24 сентября 1906 года родила от него дочку Дердри, отстав от Елены Мео на девять с лишним месяцев, 3 января 1905 года Елена Мео подарила Гордону Крэгу сына – Эдварда Крэга.

Работа Крэга со Станиславским длилась с 1908 по 1911 год, Крэг согласился участвовать на том условии, что он будет одновременно и постановщиком, и художником, Константин Сергеевич работал с актерами. К сожалению, они изначально не поняли друг друга, Крэг не сумел убедить Качалова (Гамлета) и Станиславского в своих идеях: «Слишком умный, слишком думающий», – возмущался Гордон Крэг Гамлетом Качалова. По его трактовке, движения Гамлета в спектакле должны быть подобны молнии, прорезающей сцену, голос – походить на раскаты грома. При этом он показывал, как, по его мнению, должен двигаться Гамлет. Крэг привнес на сцену Художественного театра передвижные ширмы, которые помогали быстро перестраивать декорации. Кроме того, ширмы служили отражающими экранами, благодаря которым на сцене создавался совершенно необыкновенный, невиданный прежде свет. Премьера состоялась 23 декабря 1911: «Они меня зарезали! Качалов играл Гамлета по-своему. Это интересно, даже блестяще, но это не мой, не мой Гамлет, совсем не то, что я хотел! Они взяли мои “ширмы”, но лишили спектакль моей души», – напишет о постановке Крэг. На прощание актеры Художественного преподнесли Крэгу венок с надписью: «Благородному поэту театра», решительно похоронив его под ним для русской сцены.

В 1912-м Гордон Крэг вдохновится новой идеей – создать грандиозное музыкальное представление «Страсти по Матфею» Баха, добившись неслыханного ранее звучания этого произведения. Для реализации задумки он выберет старинную итальянскую церковь святого Николая в Тицино. Работа займет два года, Крэг построит конструкцию, на которой можно будет одновременно разместить более сотни исполнителей. Цель – добиться стереофонического звучания «Страстей», для этого Крэг собирался расположить хоры, солистов и оркестр на разной высоте и в различном отдалении от зрителей, создав единый музыкальный инструмент из живых людей. Первая мировая война помешала осуществиться этой мечте Крэга.

Будут и другие спектакли, книги, среди которых «Генри Ирвинг» (1930), «Эллен Терри и ее тайное “я”» (1931), статьи, журналы… Из рук королевы Елизаветы II английской в 1956 году он получит орден Кавалера почета и, давным-давно пережив Айседору, умрет в возрасте девяноста четырех лет, к нашей же истории все это не имеет более ни малейшего отношения, а мы возвращаемся к вновь оказавшейся во Франции после недолгих гастролей в России Дункан.

Ангел в куполе

О, Париж!.. верный Лоэнгрин давно дожидался ее, дабы с вокзала отвезти к себе на Богесскую площадь. Мебель в стиле кого-то из Людовиков, огромная кровать под золотым балдахином. Ее ждут лучшие рестораны, но сперва, разумеется, новые наряды. Айседора было запротестовала, она уже привыкла обходиться простыми туниками, но Парис неумолим. Если любимая женщина не желает отправляться вместе с ним за новым платьем, он не успокоится, пока владельцы самых модных лавок не явятся к ней на поклон, наперебой предлагая свой лучший товар. Да что там, если надо, сам Пуаре пожалует на Богесскую улицу, дабы шить модные в этом сезоне платья для его богини!

– Поль Пуаре?!

От этого имени у Айседоры мурашки по коже. Нет, она не станет заставлять великого человека приезжать к ней в дом, точно простого купца. Она сама едет в его ателье «Дом Пуаре и raquo». С волнением заходит в украшенные изящными цветами двери, откуда льется нежный запах дорогого парфюма. Должно быть, предупрежденный Зингером о ее визите, Поль Пуаре кланяется своей гостье подчеркнуто низко. И это неудивительно, для него Айседора была и остается, как бы это сейчас сказали, иконой стиля. Следя за ее выступлениями, он рисовал соблазнительные женские силуэты в легких цветастых драпировках, это она вдохновляла на необычные, рискованные решения, заставляла быть смелым и идти до конца.

Поль Пуаре начал карьеру с работы в ателье у Жака Дусе, затем перебрался в ателье Жана Филиппа Ворта. Всего на два года младше своей музы, Поль только в 1903 году скопил достаточно средств, для того чтобы открыть собственное ателье, где был готов посвятить всю оставшуюся жизнь возвращению античной моды. Устроив гостью в резном кресле красного дерева, Поль велел служащим приносить и разворачивать перед ней рулоны самой драгоценной материи, которую заказывал по всему миру, потрясенная красотой увиденного, Айседора сдалась без боя, позволив мастеру сшить для нее несколько платьев по выбранным ею моделям. Разумеется, платья от Пуаре стоили целого состояния. Айседора дорвалась до подлинной роскоши с жадностью голодного.

Кимоно для ношения дома с грациозными журавлями по подолу, похожими на крылья рукавами и огромным поясом, подчеркивающим тонкую талию, платье рубашечного покроя, смело введенное Полем Пуаре еще в 1905 году, когда его

новаторский гений сорвал с женщин надоевший всем корсет и предложил вместо него простое и изящное платье, в котором тело дышало. Этот стиль уже более трех лет как был в непреходящей моде, изменения претерпели лишь длина и покрой ворота, да материал каждый сезон выбирался совершенно неожиданный. Поразмыслив, Айседора остановилась на нескольких хитонах, десятке разнообразных туник, паре пеплумов и отказалась от «хромой юбки», которую посчитала вульгарной. Так что, как не уговаривал ее Зингер, Айседора наотрез отказалась примерять юбку, подол которой ниже колен был всего-то тридцать сантиметров. Нелепые модницы могли ходить в такой роскоши не иначе, как смешной семенящей походкой.

Не отдыхая ни минуты от «трудов праведных», Зингер и Айседора отправились в лучший ресторан Парижа, где Парис всерьез вознамерился заняться образованием своей подруги, предлагая ей для начала объяснить разницу между poulet cocotten и poulet simple. Если Айседора путалась или делала ошибку, злодей заказывал добавочный деликатес, который они тут же весело уничтожали. Айседора впервые пробует ортоланов и трюфели, учится определять сорта вин, предположительный год и качество виноградной лозы. За правильный ответ она получает оценку «отлично» в виде какого-нибудь очаровательного подарка: драгоценности, перчаток, безделушек, за оценки «плохо» и «удовлетворительно» приходится повторять урок, заново знакомясь с образцами винной продукции.

Поль Пуаре (1879–1944) – французский модельер, влиятельнейшая фигура в мире моды первой четверти XX века.

Сдавая экзамен на звание «почетный гурман», Айседора получила в подарок недвижимость – бывшее ателье художника Анри Жерве[100] в Нельи с залом для музыки в виде часовни. Хорошо, что Зингер не додумался повесить ей на шею золотую медаль или очередное колье, которое она тут же, без зазрения

совести продала бы, дабы выслать деньги семье.

Изначально Зингер рассматривался не иначе, как туго набитый кошелек, которого она обязана очаровывать, к чьему вкусу обязана подстроиться. Кто же знал, что она влюбится в этого сероглазого красавца? Хотя слухами земля полнится. С момента появления в ее жизни Париса перед божественной Айседорой бежит нехорошая молва, мол, продалась тупому богачу. Даже друг Станиславский поверил! «Греческая богиня в золотой клетке у фабриканта. Венера Милосская попала среди богатых безделушек на письменный стол богача вместо пресс-папье. При таком тюремном заключении говорить с ней не удастся, и я больше не поеду к ней»[101].

Константин Сергеевич был проездом в Париже и встречался с Дункан по ее настоятельным просьбам. Она пишет к нему, звонит в гостиницу, безрезультатно ищет Станиславского, который, естественно, записан под своей настоящей фамилией Алексеев. Что-то гложет ее, терзает, мучит. То, о чем не всякому и признаешься. Но Станиславский – друг, ему можно. Айседора страдает из-за предательства. Устав работать на младшую сестру, Елизавета решилась открыть новую школу и перетащить туда всех обученных учениц! Но послушаем, как об этом говорит сам Станиславский, которого, кстати, просили не разглашать тайны: «…Потом она долго расспрашивала меня: может ли она принять всю эту мастерскую, дом и землю в подарок от Зингера. Потом пошли рассказы о школе. Ее сестра влюбилась в какого-то немца, и они хотят вдвоем открывать школу. Потихоньку от Изидоры они заключили контракт со всеми уцелевшими детьми или с их родителями и теперь отнимают у нее всех детей, которых она 8 лет поила и кормила, и будут их эксплуатировать. У нее есть мастерская, Зингер строит рядом целое помещение для детей, – но детей-то и нет. Прежде она думала, что Зингер строит все для школы, и такой дар для школы она бы приняла, но теперь, когда нет школы, ей приходится принимать дар на свое личное имя, другими словами – продаваться. Она просит посоветовать: как ей быть»[102]. Действительно щекотливое положение. При таком раскладе разрыв с Елизаветой неминуем, но не судиться же с родным человеком?! Теперь задача Айседоры – сделать добор детей в Париже, но для начала забрать хотя бы половину или треть учениц из Берлина. Однако сперва, по крайней мере, там нужно сделать ремонт. И вот тут снова вспомнили про Пуаре. Айседора не знала, что знаменитый модельер не только придумывает новый образ красивой и свободной женщины – женщины, которую после Поля Пуаре можно смело называть произведением искусства и показывать гостям, как дивную яркую

бабочку, сотканную из снов, туманов и редких тканей, часто его приглашают для того, чтобы великий художник придумал и антураж для женщины, которой он только что подарил новую походку и пластику, потому что было очевидно, что принципиально новая мода требует и совершенно невиданной обстановки. Яркие платья смотрелись выгоднее на фоне серых или голубоватых стен, краски на которых часто переходили одна в другую. Пуаре создавал зимние сады, заказывая экзотические растения, или приносил редких зверей и птиц. Он заботился об освещении, не просто придумывая и заказывая невиданные лампы, люстры и плафоны, но нередко убеждая заказчиков менять форму окон или заставляя свет проходить через струящуюся воду. Такой ремонт стоил огромных денег, но Зингер вознамерился подарить не просто дом, в котором Айседора могла бы с комфортом жить, не просто школу для ее воспитанниц, а сверхмодный салон знаменитой на весь мир Айседоры Дункан, куда будут приходить знаменитости. Ателье Айседоры было сделано в форме часовни, и по задумке самой Дункан, не любившей, когда во время работы что-то отвлекало, до высоты 15 метров было задрапировано голубыми занавесями, точно такими, как на ее выступлениях. Еще выше на хорах Пуаре пристроил крошечное помещение, которое должно было превратиться в роскошный будуар. Жилище Цирцеи – как назвал его Поль Пуаре. Для этого места художник заказал стенные зеркала в богатых золотых рамах, которые были размещены на фоне черного бархата стен, на полу лежал черный ковер, в центре размещался диван, обитый яркой восточной тканью с подушками. Окна в этой комнате прятались за бархатными шторами, и их было не видно, а на каждой двери располагалось по двойному черному кресту.

«Две креста – две судьбы: моя и Париса, сведенные вместе», – решила Дункан. Позже она изменит эту формулировку.

По задумке Зингера, ателье Айседоры предназначалось для занятий и репетиций, а также для приемов и праздников. Кроме того, в нем размещалось несколько жилых комнат, для семьи и пожелавших остаться гостей. По проекту, жилые помещения школы Дункан должны были разместиться в соседнем домике, который следовало еще построить, сразу же установив там сорок постелей для учениц, а также комнаты для учителей и обслуживающего персонала. Так что будуар Цирцеи должен был принадлежать единственно Айседоре.

А потом снова яхта, солнце и лето. Три теплых почти беспечных месяца на достаточно комфортабельном судне близ берегов Британии. Когда Айседору начинало укачивать, они отправлялись в какую-нибудь гостиницу на берегу, пережидая

плохую погоду, после чего вновь поднимались на борт. Когда яхта надоедала, Айседора садилась в новенький автомобиль Зингера и следовала за ним по дороге.

Целое лето вместе сначала вдвоем, команда не считается, а затем втроем. Не обращая внимания на Айседору, в двуспальную постель змеей вползала депрессия, делавшая из рыцаря Лоэнгрина боящегося всего на свете больного ребенка. «К чему эта любовь? Мы все равно сделаемся старыми и умрем? Что может нас ждать, кроме могилы и разложения? Чего стоят все эти разговоры о будущем? О счастье? О красоте, если?..»

В такие дни Айседоре хотелось бежать от своего возлюбленного на край света, лишь бы не слышать его нытье, не видеть давно надоевшую яхту. Такая возможность представилась в сентябре, когда Дункан отпросилась поехать с дочкой в Венецию.

При этом она не собиралась звать с собой Париса, несколько недель вдали друг от друга – часто это насущная необходимость, останься она еще хотя бы на месяц, и ее нервы могли не выдержать. Прекрасно понимая это, Зингер снабдил их деньгами, дабы его новая семья ни в чем не нуждалась. Так что вскоре Айседора, Дердре и няня уже катались на лодках по дивным каналам, слушая пения гондольеров. Дункан наслаждалась играми с ребенком. Тем не менее, как и в прежние времена, она находила время и для одиноких прогулок. Как бывает приятно просто нанять на целый день лодочку и кататься, кататься, кататься. Захотелось остановиться и посидеть в кафе, никто не мешает. Айседора посещает театры, слушает орган в храмах, ищет вдохновения для нового танца в движении воды и слепящих глаза солнечных бликах. Сентябрь жаркий, солнце повсюду. На площади святого Марка голуби клюют крошки с рук, и небо такое чистое и высокое… Айседора запрокидывает голову, чуть не теряя изящную шляпу с вуалью, последний подарок Париса, последний? Разумеется, нет. Дункан устремляется через площадь к собору святого Марка. Интересно, как охарактеризовал бы его стиль Крэг? Вот кто действительно хорошо разбирался в архитектуре, хотя и ему это, пожалуй, не по силам. Очень странное здание – словно зодчий, умирая, решил воплотить в нем сразу же все свои фантазии.

День за днем Айседора бродит по храму, разглядывая причудливые мозаичные картины, изображающие ветхозаветные сюжеты. Кто-то говорил ей, что художник-мозаичник работал, вдохновленный ранневизантийской рукописью Книги Бытия VI века, которую здесь называют Коттоновский генезис. Первая мозаичная картина неизвестного автора или авторов появилась

здесь аж в 1071 году, и мы никогда не узнаем, кем были замечательные художники, начавшие украшать собор. Но в XI веке церковь уже расписывают такие мастера, как Якопо Беллини, Паоло Уччелло, Мантенья, Тициан и Тинторетто. В качестве материала для мозаик использовалось стекло, изготавливаемое на острове Мурано. Тем не менее стекло, пусть и цветное и долговечное, но это всего лишь стекло, которое отражает или пропускает свет, в соборе святого Марка каждое крошечное стеклышко светится. Этот эффект достигнут благодаря тому, что мастера изначально выкладывали мозаику на золотую фольгу. Айседора подолгу ходит, любуясь мозаикой и словно пролистывая внутри себя истории Ветхого и Нового Заветов, сцены жития Девы Марии, апостола Марка, Иоанна Крестителя и святого Исидора. Английский теоретик искусства Джон Рескин в своей книге «Камни Венеции» писал: «Ни один город не имел столь прославленной Библии. Храм-книга, сверкающий издалека, подобно Вифлеемской звезде». Купол «Сотворения мира» – 26 сцен, иллюстрирующих «Книгу Бытия». Каждому из 6 дней сотворения посвящена отдельная сцена, где юноша Создатель, похожий на Христа, впрочем, ничего удивительного, если Иисус – его сын, с крестчатым нимбом и высоким крестом в руках творит мир. Каждый день рядом с Богом ангел соответствующего дня. После того как Бог в окружении свиты благословляет ангела субботы, начинаются картины создания первых людей, их грехопадения и изгнания из рая.

Айседора подолгу задерживается то у одного, то у другого изображения, иногда часами просто сидит в храме, вслушиваясь в тихие голоса и музыку органа и ожидая невесть чего. Голоса, предсказания ангела, который явится для того, чтобы открыть ей тайны бытия, или ее собственной миссии, хотя если речь пойдет о танце, она это и сама уже знает. Господь собирается открыть ей что-то совсем иное, но что?

Купол Сотворения, купол Иосифа, купол Моисея – все они знают тайну и уже посмеиваются над недогадливостью залетевшей в храм птицы, одна только она не в курсе происходящего. Купола, купола, купола, все кружится перед глазами изумленной Дункан, мозаика расплывается, разъезжается в разные стороны, уступая место чуду. В куполе Сотворения на мгновение появляется лицо золотоволосого мальчика с голубыми глазами, чем-то смутно напоминающего Дердри. С этого момента Айседора знает наверняка, что у нее будет сын. Впрочем, пожалуй, не так. Она поняла, что снова понесла, но вот оставит ли она ребенка или лучше избавиться от него, пока еще это можно сделать? Выбор оказался тяжел – с одной стороны, она

ждала ребенка от любимого мужчины, который к тому же, скорее всего, обрадуется ее беременности и сразу же окружит Дункан заботой. С другой – не слишком ли дорого стоило ей рождение дочери? Она на долгое время была вынуждена отказаться от занятий своим искусством вообще, чуть не умерла, а когда вновь облачилась в хитон и вышла на сцену, ее тело безвозвратно изменилось. Айседора раз и навсегда перестала быть той хрупкой, тонкой девочкой, покорившей Европу. И что ждет ее после рождения второго ребенка? А ведь она еще помнит, как заболела сразу же после родов и была вынуждена лежать в темноте, питаясь молоком с опиумом. Готова ли она пережить этот опыт еще раз? Не готова.

И что произойдет с ее искусством, если она снова эгоистично займется собой и своей семьей? Она уже понимает, что, несмотря на то что ее дунканята вполне могут держаться на сцене, среди них пока не наблюдается ни одного лидера, который смог бы повести театр Дункан за собой. Следовательно, она просто не имеет права поддаваться слабостям. С другой стороны, готова ли она принести в жертву искусству собственного сына, лицо которого примерещилось ей в куполе храма?

На стене в ее гостиничном номере портрет дамы в средневековом платье, насмешливые губы которой плохо сочетаются с ее злыми зелеными глазами. «Все пройдет, пройдет и это, зачем рожать ребенка, которого унесет безжалостное время? Нельзя стоять на пути рока, ты погибнешь, погубишь себя, ничего не получишь и будешь жить с разбитым сердцем, – говорят безжалостные глаза. – Мы еще встретимся, и я напомню тебе о своем предсказании».

Тем не менее Айседора принимает решение оставить ребенка. Оставить вопреки перманентной депрессии его отца, когда Парис Зингер проклинает самою жизнь. «Зачем рожать, если ребенок все равно заранее обречен на смерть», – снова звучит в ее ушах голос незнакомки с портрета, но Дункан старается не слушать, вспоминая «Весну» Сандро Боттичелли, где сама природа дышит материнством в предчувствии таинства сотворения.

«У тебя будет братик», – обнимает она Дердре, и та прыгает от радости и хлопает в ладоши. Братик – это хорошо, будет с кем играть. После Айседора несется на почту, где дает телеграмму Зингеру, чтобы тот постарался как можно быстрее приехать к ним в Венецию. В ответ Айседора получает несколько корзин дивных белых роз, и вскоре сам Парис, словно легкий веселый ветер, влетает в гостиничный номер, подхватывает Айседору на руки и, весело смеясь, кружит ее по комнате.

Депрессия временно сдала позиции под напором

всепоглощающего счастья, Зингер зовет продолжить путешествие на яхте, но Айседора отказывается. Скоро, возможно, начнется токсикоз, а тут еще и морская болезнь… брр… нет, лично она в октябре едет в Америку, импресарио подготовил турне, и пока беременность еще незаметна, она желает танцевать. Парис не может отказать, если, конечно, Айседора уверена, что танцы не повредят ребенку. Но Дункан выглядит как человек, с которым бесполезно спорить, и миллионер готов бросить к ее прекрасным ногам любые средства, лишь бы только она путешествовала с максимальным комфортом. Лучшие каюты на корабле, чтобы ножки танцовщицы утопали в самых пушистых коврах, а к телу прикасались лишь яркие кимоно от самых лучших дизайнеров столицы мод. Если Айседора хочет что-то съесть или выпить – ей достаточно показать пальчиком, не нравится – наморщить носик. В ее распоряжении целый штат слуг и сам Парис, готовый срываться с места по первому зову. Одетая как маленькая принцесса Дердре целый день носится по палубе, так что няня за ней не успевает, но Айседора счастлива, и это самое главное.

Тем временем газеты наперебой сообщают о новой звезде русского балета, не так давно открытой Михаилом Фокиным[103]. Ида Рубинштейн[104], на шесть лет моложе Айседоры, газетчики уже сейчас превозносят ее, называя не больше, не меньше – второй Дункан. Единственный спектакль по драме

Оскара Уальда «Саломея», привезенный Дягелевым[105] в Париж, был дан всего раз, после чего его запретили из соображений нравственности. Журналисты пишут, будто бы Ида протанцевала танец семи покрывал, будучи полностью обнаженной.

Парис пытался спрятать от Айседоры газеты, но та, прочитав, могла разве что пожать плечами. Были уже и вторые, и третьи Айседоры Дункан, да хоть тридцать третьи… ей-то что за дело? Чему завидовать? – фигуре, судя по описанию, тоненькая и стройная, но да родит и изменится. К тому же еврейки стареют раньше. Нечему завидовать. Скандал огромный, спектакль снят. Так это нужно понимать, на что Ида Львовна рассчитывала? Коли подняться на бури возмущения, так ей это удалось. А вот если спектакль, поставленный талантливым Фокиным, не отменять, а показывать день за днем – тогда еще неизвестно, как бы повернулось. В газетах публиковались фотографии в костюмах и портрет так называемой соперницы. по фотографиям ничего и не скажешь, а вот портрет работы Серова ее затронул. Она и прежде его на какой-то выставке в России видела. Понравились желтоватый фон, фиолетовое шелковое покрывало и лента в руках худенькой, словно чахоточной девушки.

В Америке не жалуют неженатых пар. Их просто не поселят вместе. Горький с Андреевой могли бы рассказать о своих злоключениях в этой стране, но перед Зингером и его дамой раскрываются двери самых богатых и респектабельных отелей, так, словно они, по меньшей мере, являлись царями и повелителями легендарной Эльдорадо.

Да, Америка принимала сиятельную пару со всем свойственным этой стране радушием и раболепием перед миллионами. До января Айседора танцевала, собирая полные залы, пока ее беременность не стала слишком заметна под прозрачными одеждами. Так что в один прекрасный вечер в гримуборной Дункан появилась знакомая, заявившая: «Но, милейшая мисс Дункан, вы не можете продолжать танцевать в таком состоянии! Ведь это видно из первых рядов».

Пришлось сворачивать гастроли, так как Дункан твердо решила вернуться в Европу. В это время к блистательному турне нашей героини примкнул ее, некоторое время назад разведенный, брат Августин с дочкой. На радостях Айседора меняет планы, и вся компания устремляется в Египет. Зингер нанял самую роскошную яхту, на которой собирается катать Дункан и ее родственников по Нилу. В планах – посещение Фив, Дендер, Александрии.

Айседора Дункан и Пэрис Зингер.

«Путешествия проходят значительно проще, если ты в обществе миллионера».

(Айседора Дункан)

Зима в этих местах совсем не такая, как в Европе, в январе

можно ходить в летнем платье, что же до яхты – она сделана по последнему слову техники, быстра, маневренна и непотопляема, как британский «Олимпик» от компании «Уайт Стар Лайн», спущенный на воду всего несколько месяцев назад.

В распоряжении каждого пассажира отдельная просторная светлая каюта с ванной комнатой. Тридцать матросов, замечательный капитан и повар, которого по такому случаю, должно быть, выписали из какого-то модного ресторана, – что еще нужно для путешествия без досадных сюрпризов? Жизнь Айседоры напоминает радостную сказку, так что она почти не ощущает тягот, связанных с беременностью. Временами в ее беззаботную веселую жизнь приходят мысли об оставленных ею ученицах, школе, о конфликте с Елизаветой…

Но когда она пытается высказывать все это Зингеру, тот лишь слабо улыбается, у него ведь тоже остались в Европе заводы, и на каждом управляющий. Не маленькие – справятся.

Но все когда-нибудь заканчивается, и компания возвращается во Францию, где Зингер нанимает виллу в Болье с террасами, спускающимися к морю. Возможно, именно здесь родится похожий на золотоволосого ангела мальчик. Айседоре хочется, чтобы рождение принца произошло в самом настоящем дворце, в мире тысячи и одной ночи, но только пусть на этот раз сам процесс рождения будет по возможности безболезненным и недолгим, а следовательно, в решающий момент рядом с мисс Дункан должны находиться самые настоящие медицинские светила. Парис полностью поддерживает это мудрое решение. Собственно, поэтому и в Египте не остались, где бы они там среди пирамид нашли хорошего доктора? Зингер не собирается рисковать. Вместо этого он покупает земли на мысе Феррате, где со временем планирует построить итальянский замок для своей любимой. Дункан хочет, чтобы это был именно замок, что-то, похожее на Авинионские башни или стены Каркассона, туда они выезжали несколько раз на автомобиле, дабы убедиться в справедливости своего решения. Строительство началось очень быстро, так как Зингер вообще привык добиваться своего в рекордные сроки, впрочем, остывая, он забрасывал надоевшую игрушку, находя себе новую забаву и не жалея об утраченном.

Однако уже к концу апреля он был вынужден сидеть на вилле и ждать появления сына. На этот раз рождение ребенка прошло менее болезненно, так как вызванный из Парижа доктор Боссон, нежно ворковал над ухом роженицы, потчуя пациентку морфием, массируя ей живот и руки и всячески отвлекая от происходящего. В результате 1 мая 1910 года Айседора произвела на свет сына.

Когда в комнату к роженице впустили Дердре, она первым

делом взглянула на ребенка и тут же радостно воскликнула: «О, какой милый мальчик, мама. Тебе нечего о нем беспокоиться. Я всегда буду о нем заботиться и носить его на руках».

«Я вспомнила эти слова, когда она, мертвая, держала его в своих маленьких застывших восковых ручках», – пишет в своей книге Дункан.

Андре Капле

Мальчика назвали Патриком, не крестили, так же как и Дердре. Айседора считала это лишним. Пусть дети сначала вырастут, а затем сами решат, нужна ли им религия. А если нужна, то какая именно. Когда Айседора отдохнула после родов, Зингер повез их в Париж, где планировал устроить праздник в честь своей возлюбленной. Изначально предполагалось накрыть столы в первоклассном ресторане, куда будут приглашены музыканты и актеры, но Дункан берется за режиссуру этого мероприятия, и вскоре несколько обескураженный миллионер узнает, что, во-первых, праздник будет проходить в парке Версаля, где установят шатры со всяческими вкусностями и шампанским, которое разве что из фонтанов не польется. Во-вторых, Айседора уже пригласила оркестр Колонна под управлением Пьернэ, музыканты исполнят несколько произведений Рихарда Вагнера. В предварительной программе значились такие шедевры «развлекательной» музыки, как «Похоронный марш» из «Гибели богов», а также Арии Зикфрида и Брунгильды. Концерт планировался всего на час, после чего начинался пир, который, по предварительным прикидкам, должен был длиться до полуночи. С началом темноты торжественно зажигалась иллюминация, и венский оркестр приглашал гостей танцевать до утра под отобранные Айседорой вальсы. На все про все Зингер выложил 50 000 франков, и, поразмыслив о грандиозности вечера, решился вписать свой собственный номер. В разгар праздника, но, естественно, не под похоронный марш, он планировал встать на колени перед Дункан и сделать ей официальное предложение. Какая женщина способна отказать при большом стечении гостей, на торжестве в ее честь?

Расчет был верен, и, скорее всего, Айседора не посмела бы устроить очередную лекцию о вреде бракосочетания, но неожиданно, именно в этот день, с Парисом случился удар. Все, что он сумел сделать, – это, вырвавшись на минутку из цепких лап врачей, написать коротенькую записку Дункан с просьбой не волноваться и ни в коем случае не отменять праздника. Что и было сделано.

На счастье, он достаточно быстро оправился и уже летом сделал второй заход с кольцом и предложением руки и сердца, но на этот раз рядом уже не кружили развеселые пары, не гремел фейерверк, и Айседора была не настолько пьяна и счастлива, чтобы сдаться без боя.

«– Нет большей глупости для артиста, чем женитьба, –

говорила я, – ведь я провожу свою жизнь в бесконечных турне по всему свету, не можете же вы потратить свою, сидя в литерной ложе и любуясь мной?

– Вам не надо будет разъезжать по всему свету, если мы поженимся.

– Чем же мы бы тогда занялись?

– Мы бы проводили время в моем лондонском доме или в имении.

– А дальше что?

– Есть еще яхта.

– Ну а дальше?..»

Прогресс был очевиден, ей уже не предлагали подавать реплики и точить карандаши, но… могла ли она променять искусство на скучное сидение дома или катание на яхте?

В доказательство того, что Айседора не представляет, отчего отказывается, Парис предложил ей попробовать пожить такой жизнью хотя бы три месяца. Где? Девонширский замок Зингера был создан по образцу Малого Трианона. На первый взгляд, все выглядело более чем привлекательно, трехэтажный дом со множеством спален и шикарных ванных комнат, с просторными удобными гостиными, четырнадцатью автомобилями в гараже и яхтой, но тут же выяснилось, что в графстве Девоншир или Девон, как и во всей Англии, летом дождь может идти целыми днями. Так что Айседоре пришлось резко сократить пешие прогулки, которые она так любила.

Далее Дункан было предъявлено что-то типа расписания дня, по которому жило большинство респектабельных англичан и по которому теперь должна была влачить свое существование она:

Ранний подъем, традиционный завтрак, состоящий из вареных яиц, почек, копченой грудинки и каши. Каждый день одно и то же! После чего следует надеть непромокаемое пальто, взять в руки зонт и гулять, лавируя между лужами. Прогулка длится не менее часа, дабы нагулять аппетит для следующей трапезы. Вернувшись, следует снова сесть за стол и съесть несколько горячих блюд по выбору, завершив трапезу знаменитыми девонширскими сливками.

Далее до 5 вечера респектабельные девонширцы заняты сочинением писем своим многочисленным друзьям. В 17.000 чай в гостиной с пирожными, бутербродами и мармеладом. С 18.00 игра в бридж, после чего подготовка к ужину. На вечерней трапезе дамы появляются в вечерних туалетах с глубоким вырезом, а мужчины в костюмах и накрахмаленных рубашках. На ужин подают первое, второе и десерт, так что на столе обязательно присутствуют двадцать блюд, по уничтожению

которых начинаются разговоры о политике и философии, далее все расходятся по своим комнатам.

Через две недели, показавшиеся Дункан вечностью, она была на грани нервного срыва, так что прекрасно понимавший свою подругу Зингер предложил ей вернуться к танцам. Для этого дела в замке имелась замечательный гобеленный зал. Но работа не пошла, все отвлекало, паркет казался излишне навощенным, обстановка – изысканной. Пришлось укрыть пол бесцветным ковром и спрятать гобелены за голубыми занавесками. Айседора прошлась по новому залу, полюбовалась льющимся из открытого окна светом, попыталась сделать первое па и… поняла, что не может танцевать без музыки.

– Нужен аккомпаниатор? Пригласите пианиста, – Зингер пожал плечами.

Айседора тут же попросила служанку съездить на почту и отправить телеграмму Колонну: «Провожу лето в Англии, должна работать, пришлите аккомпаниатора». Колонн ответил в тот же день, сухо сообщив время прибытия музыканта.

В назначенный день Айседора поехала встречать аккомпаниатора на вокзал, и. как сказал бы Гегель, «история повторяется дважды – один раз в виде трагедии, другой раз в виде фарса», помните выступления Дункан в крохотном театрике «Гетэ Лирик», где Колонн познакомил ее с уродливым скрипачом с огромной трясущейся головой и сладострастными глазками? Тогда Айседора еще прогоняла его от себя, так как испытывала физическое отвращение к навязанному ей чудовищу. Каково же было ее возмущение, когда счастливый, точно уже достиг врат рая, откуда его теперь уже ни за что не изгонишь, Андре Капле[106] собственной персоной вывалился из вагона поезда и, улыбаясь своими мокрыми, так как он их постоянно облизывал, губами, устремился навстречу Дункан.

Айседора была в ярости, но музыкант только и мог что разводить руками, повторяя, точно заклинание: «Простите, сударыня, маэстро меня прислал». С другой стороны, что она могла сделать, оставить бедолагу на вокзале, а если у того нет денег? Злая на весь мир, Айседора была вынуждена разрешить образине занять место в ее автомобиле и привезти это пугало домой. Пожалуюсь Парису, и пусть он поговорит с Колонном, как мужчина с мужчиной», – решила она, но неожиданно Зингер очень обрадовался новому аккомпаниатору: «По крайней мере, у меня нет причин к ревности», – заключил он. Так что Айседоре не оставалось ничего иного, как покориться судьбе. Наверное, случись это событие на пару месяцев раньше, она не применила бы устроить Зингеру хорошенькую истерику со швырянием

посуды и воплями, но теперь ей приходилось заботиться о его драгоценном здоровье. Удар хоть и не доконал Лоэнгрина, но при нем все еще находились врач и сиделка, так что Айседоре приходилось большую часть ночей спать в полном одиночестве, не то что устраивать революцию с последующей гражданской войной.

Внешне Парис Зингер ничуть не изменился после перенесенной болезни, но только теперь он был вынужден придерживаться особой диеты: отварной рис без соли, макароны и минеральная вонючая вода. Кроме того, его лечили током, и Айседора должна была измыслить поистине достойный предлог для того, чтобы хотя бы зайти в комнату, где сидел запертый от остального мира ее любимый мужчина. Да уж, три тестовых месяца в таких условиях и более сдержанная женщина вряд ли выдержит.

Айседора начала репетиции, прикупив предварительно дополнительные ширмы, которыми и закрывалась теперь от Андре. Музыкант мужественно страдал, давно и безнадежно влюбленный в эту властную и своевольную богиню танца, он мечтал быть с ней рядом, хотя бы наблюдая за ее работой. Но, увы, судьба явно насмехалась над некрасивым, но талантливым музыкантом, и чем сильнее он желал Айседору, тем пуще та ненавидела его.

Когда брезгливость Дункан начала зашкаливать, и это сделалось заметным для окружающих, на защиту Андре встала давняя приятельница Зингера, проживающая в это время в его замке. Она пожурила Айседору за бессердечие, настояв на том, чтобы та хотя бы раз взяла зашуганного музыканта на прогулку в закрытом авто.

Так получилось, что в машине они оказались рядом, Дункан боролась с собой до последнего, терпя муки отвращения, когда же терпеть сделалось невозможным, она визгливо потребовала, чтобы шофер ехал домой, тот резко повернул, и Айседора вопреки своему желанию оказалась в объятиях Андре.

В этот момент произошло чудо: Айседора почувствовала такое резкое желание, что уже всю оставшуюся дорогу они не могли отвезти друг от друга влюбленных глаз. Что это было? То ли сказались болезнь Зингера и пытка одиночеством, то ли, подчиняясь законам какой-то странной алхимии, ненависть обратилась любовью, и во вчерашнем уродце пылкая Айседора вдруг разглядела красоту истинного гения.

С этого дня они старались проводить все свободное время вместе, в спальне Айседоры, за ширмами, в саду… и остановились только, когда, по мнению врачей, жизнь Париса

Зингера неожиданно повисла на волоске.

Айседора и ее невероятный любовник были принуждены расстаться навсегда. Но теперь Дункан поняла, как никогда прежде, что не создана для семейной жизни. За Андре она следила затем много лет издалека, радуясь его успехам и в который раз убеждаясь в своей правоте.

«Много времени спустя, слушая дивную музыку “Зеркала Иисуса”, я поняла, что была права, считая этого человека гением, а талант всегда имел для меня роковую притягательную силу», – говорит о своем романе сама Айседора.

Вакханка

Отношения с Зингером пошатнулись, и Дункан решала более не гневить судьбу. Замуж она не собиралась, перспективу же сиднем сидеть у окна замка в ожидании бог весть чего вполне можно было отложить до того времени, когда она сделается старой и потеряет охоту к приключениям. Очень вовремя она вспомнила о заранее запланированных гастролях в Америку и под этим благоприятным предлогом укатила прочь, оставив маленького Патрика во Франции, на руках у мамы и сестры. Парис весело послал ее к черту, особенно уже не надеясь ни удержать, ни перевоспитать. Впрочем, с Айседорой следовало считаться уже потому, что теперь их связывал ребенок, да и относительно будущего Зингер все еще не мог, как следует, определиться, так что вопрос о разрыве отношений повис в воздухе.

И вот Айседора снова в стране своего детства – Америке, в которую ее сопровождает коллектив учениц, в стране, откуда она когда-то начинала свой путь. Теперь ей кажется странным, что в те далекие годы она назвала свой танец греческим, правильнее было сказать «танец новой Америки» или «свободной Америки», но теперь уже ничего не поменяешь.

Как обычно, ее ждет очень хороший прием, зрители умиляются при виде грациозных девочек, после спектаклей очарованные новым танцем мамаши интересуются относительно приема в школу знаменитой соотечественницы. Часто спрашивают, отчего Дункан организовала свое учебное заведение в Германии, а затем на лазурном берегу Франции, отчего Айседора работает только за границей? Разве ее родина чем-то хуже? Разве дети ее народа недостойны постигать искусство танца?

«Многие не понимают, почему я желаю содержать детей при школе; почему я не хочу, чтобы они приходили ко мне каждый день из своих домов и возвращались в них каждый вечер, – передает слова Айседоры Луначарский. – Это потому, что, когда они возвращаются в эти дома, они не получают надлежащей пищи – ни духовной, ни физической. Я хочу видеть моих учеников знающими Шекспира и Данте, Эсхила и Мольера. Я хочу, чтобы они читали и знали творения выдающихся умов мира».

Ее заявление вызывает недоумение, неприятие, агрессию. Кто же отказывается от частных уроков? От денег?

От всех этих вопросов и упреков у Дункан кружится голова, и она снова и снова выступает с речами, убеждая богачей выделить

средства на построение школы свободного танца и амфитеатра, в котором ученики будут давать бесплатные спектакли для бедноты. Три года жизни среди самых богатых и влиятельных людей Франции делают Айседору циничной, и с высоты сцены она невольно оскорбляет пришедших посмотреть на нее зрителей, называя их не понимающими искусства зажравшимися снобами. С отвращением она вспоминает никчемную жизнь в Девоншире, с расписанием дня, который она возненавидела. «Теперь-то я знаю, что вы просто беситесь с жиру, а могли бы приносить пользу»! – кричит она в зал, но люди не спешат соглашаться и приносить ей свои покаянные кошельки, набитые золотом. Вместо этого одновременно все газеты клеймят Айседору как революционерку и большевичку, как яростного врага Америки и американцев.

От нее отворачивается элита, люди, привыкшие платить за выступления в своих домах и салонах, то есть дающие весьма неплохой доход. Но это не пугает Дункан, она устраивает пресс-конференцию и, дождавшись вопрос в лоб: «Вы не любите Америку?» – говорит о своей любви, причем ее любовь – это не пустой звук, и она готова доказать свои чувства: буквально завтра в одном из клубов восточных кварталов Нью-Йорка будет дан даровой спектакль под симфонию Шуберта в исполнении самой Дункан и ее учениц.

Айседора Дункан со своими детьми – Дирдре и Патриком.

«Лучшее наследство для ребенка, которое только может быть, это способность проложить свой собственный путь на собственных ногах».

(Айседора Дункан)

Восточные кварталы Нью-Йорка начала XX века – трущобы, в которых живут малограмотные рабочие, где в любое время дня и

ночи можно отыскать самые дешевые наркотические вещества и куда порядочным девушкам и женщинам не желательно заглядывать даже под большой охраной.

Теперь, с легкой руки Дункан, в восточных кварталах звучит Шуберт… зал набит до отказа, вопреки всеобщему мнению, рабочие ломятся на дармовое зрелище. В чистых с вечера постиранных и поглаженных женами рубахах и куртках, они смущенно давят перед входом недокуренные бычки и, оправившись, на всякий случай ищут глазами кассу. Ее действительно нет, никакого обмана, стараясь общаться меж собой в полголоса, зрители проходят на свободные места. В зале гаснет свет, звучат первые аккорды, и на сцену вылетают юные нежные создания, такие легкие и грациозные, что кажется, будто бы они сотканы из воздуха.

Весь спектакль никто не то что не вышел или начал вертеться на стуле. Гробовое молчание, приведшие своих чад мамочки смахивают блестящие слезинки, любуясь хорошенькими, точно ангелочки, девочками, а сорванцы тоже сидят, рты разинув, вот это девчонки. ни в нашем квартале таких нет, ни в соседнем, обойди полмира, а вряд ли сыщешь. Спектакль заканчивается овацией. Слезными просьбами хотя бы еще раз повторить чудо. Но Айседора не сидит на месте, ее ждут другие залы, другие города, другие люди.

Это уже не та Айседора, которая станет сидеть ночь напролет с одним-единственным стаканом молока, проливая горючие слезы над «Критикой чистого разума» Канта, не та испуганная девчонка, которая в страхе отталкивала от себя возбужденного Родена. Одно только воспоминание о Генрихе Тоде, с его изнуряющей платонической любовью, заставляет ее хохотать, точно безумную. Само воспоминание, как она ела, пила и писала письма в полном соответствии с безумным расписанием дня, заставляет смеяться до икоты. Да, Айседора изменилась, теперь это сумасшедшая вакханка, которая только что не купается в шампанском, радуя себя наркотиками и не пренебрегая любовью первого встречного красавчика. Теперь она проповедует язычество и телесные радости. К чему ей отказываться от наслаждений, когда те сами идут в руки? «Не следует ли дать несколько часов красивого отдыха человеку, целый день занятому умственной работой и часто мучимому тяжелыми жизненными проблемами и беспокойством, не следует ли обнять его прекрасными руками и успокоить его страдания? Надеюсь, что те, кому я дарила наслаждение, вспоминают его с той же радостью, как и я. В этих воспоминаниях невозможно их всех перечислить, невозможно описать в одной книге блаженные часы, проведенные мною в

полях и лесах, безоблачное счастье, которое я испытала, слушая симфонии Моцарта или Бетховена, те дивные минуты, которые мне посвящали такие художники, как Исаи, Вальтер Руммель[107], Генер Скин и другие», – пишет в своих воспоминаниях Айседора.

Но все когда-нибудь заканчивается, и на этот раз Дункан уже не пытается остаться в Америке, а едет в Париж, где ждут ее Дердре, Патрик и вполне оправившийся после болезни Зингер. Патрик уже начал ходить, золотоволосый и голубоглазый, он напоминал ангела, явленного ей в куполе собора святого Марка.

Д’Аннунцио – жрец любви

Проведя с неделю в Париже, Айседора собирается в Нельи, где ждет ее давно уже отремонтированное ателье Жервекса с залом в виде часовни и роскошным садом. Нельи находится всего в четырех километрах от Парижа – это достаточно удобное место, которое, без сомнения, подойдет детям. С собой Айседора забирает также аккомпаниатора Генера Скина, с которым они по многу часов работают над новыми танцами.

В саду предусмотрительный Зингер велел построить дом для детей. Там же живут нянька и гувернантка. Когда на улице становится тепло, в ателье открывают все окна и двери, Айседора и ее ученики танцуют на свежем воздухе у дома, время от времени перебираясь на дорожки парка.

Желая сделать новое ателье Айседоры богемным местом, Зингер не жалеет средств, снова и снова он затевает балы, обеды, маскарады, на которые приглашаются все знаменитости Парижа. Если уж Айседора упорно не желала становиться госпожой Зингер, Парис был не против сделать так, чтобы ее дом в Нельи воспринимался как своеобразный центр искусства, Мекка творческих людей, чтобы в обществе говорили: «Ну что может быть лучше обеда у Айседоры?»

Тем не менее построить дом – это одно, а сделать так, чтобы туда приезжали самые знаменитые и влиятельные люди Европы, – совсем другое. Поэтому, едва покончив с ремонтом в Нельи, Зингер покупает большой участок земли в центре Парижа, на котором начинается строительство театра Дункан. Но Айседора тут же вносит свою корректировку в проект – не театр для мисс Дункан и ее учениц, а большой театр, в котором будут выступать величайшие артисты мира.

Оставившая сцену в 1908 году Элеонора Дузе могла бы осуществить здесь свои сокровенные идеи. Дузе писала редко, в лучшем случае раз в полгода и, что называется, по большому обещанию, но, перечитывая затем эти письма, раз за разом Дункан собирала точно колдовскую мозаику мысли своей подруги, идеи, которые та была готова подарить кому угодно, лишь бы только те были воплощены.

Самой Айседоре хватило бы ее голубых занавесей и хорошей музыки, но Элеонора, для Элеоноры Дузе Зингер нанял бы самых талантливых художников Парижа, способных нарисовать города и страны. Счастливая возможностью помочь в осуществлении высоких замыслов, Айседора пишет Муне-Сулли, приглашая его посетить ее в Нельи. Актер давно мечтал выступить подряд в

трилогии Софокла «Эдип-царь», «Антигона» и «Эдип в Колонне» – что может быть лучше, нежели подарить великому артисту такую возможность?

Чего же хочет для себя сама Айседора? Затащить Муне-Сулли и Дузе в свой салон и водить зрителей смотреть на них, как на диковинных мартышек? – Ни в коем случае. Она достаточно дружна с этими господами и готова помогать им от всей души, радуясь чужому успеху, как не радовалась своему собственному.

Она намерена создать греческий хор, который будет участвовать в трилогии, радуясь и горюя вместе с героями. Незавидная роль в массовке – невысокая плата, если учесть, что изначально весь театр должен был принадлежать исключительно Дункан и ее девочкам. Поняв, что успех театра во многом будет зависеть от успеха в ее салоне, она вместе с Полем Пуаре работает над эскизами будущей мебели, дверей, оформления залов, домика, в котором живут дети. Разрабатывает сценарии вечеров, на которые к ней явятся художники и поэты, певцы и музыканты… Поднимает все свои прошлые связи, зазывая самых влиятельных журналистов, кроме того, она неустанно занимается со своими ученицами и постоянно работает над новыми танцами.

Вклад Зингера в рекламу Дункан поражает, ради нее он уговаривает знаменитую французскую актрису драматического театра и кино – божественную Сесиль Сорель[108] пожаловать на бал в ателье Айседоры. Разумеется, дешевле было договориться о том, что Сорель примет мисс Дункан в своем доме, тем более что приглашение на ужин у графини де Сегюр – действительно из тех событий, которые никто не вправе пропускать. Но Зингер действовал с размахом, и после долгих уговариваний гора-таки сдвинулась с места, поплыв вдоль благословенной Сены в сторону Нельи.

Айседора ждала Сесиль, как, наверное, следовало ожидать приезда королевы, хотя кого-кого, а венценосных особ она повидала на своем недолгом веку немало. Таинственная и прекрасная Сесиль Сорель вот уже несколько лет с успехом держала французское общество в своих цепких ручках, фотографируясь чуть ли не в голом виде для приватных открыток или устраивая новый роман с какой-нибудь знаменитостью. Некоторое время назад Париж жужжал как улей, обсуждая очередную сплетню относительно любовной связи президента Феликса Фора[109] и неотразимой Сесиль Сорель. Кто-то доказывал, будто Сесель сделалась сердечным другом видного политика, кто-то опровергал, сообщая, что они всего лишь близкие, ну, очень близкие друзья… все это закончилось в феврале 1899 года, после кончины президента в объятиях

дешевой шлюхи. Но едва предали земле останки любвеобильного Фора, как в газетах появилось объявление о помолвке Сесиль с американским миллионером Уитни Уорреном, журналисты сразу же схватились за эту новость, играясь с ней до тех пор, когда вдруг сама Сесиль не объявила, что вышла замуж за графа де Сегюр, служившего с ней в одной труппе.

Супружеский дуэт получился более чем неожиданный, красавица Сесиль и нескладный, старше ее на целых двадцать лет де Сегюр, которого в театральном обществе именовали не иначе, чем Бедняк Гийом де Сакс. Пару сразу же окрестили «Красавица и чудовище» после русской революции «Серп и молот». Они недолго жили вместе, но, даже разъехавшись, не пожелали разорвать брачных уз. Так что когда Сесиль пришло на ум открыть собственный салон, его называли уже салон графини де Сегюр. В этом салоне танцевала сама Мата Хари[110]. И вот теперь с трепетом в сердце Айседора Дункан ждала у себя ту самую Сесиль.

Когда к садовой калитке подъехал новенький автомобиль, первым из него выбрался невысокий лысоватый господин, в котором памятливая на лица Айседора с ужасом для себя узнала Габриэля д'Аннунцио, за ним, грациозно придерживая подол платья, выпорхнула сама Сесиль.

Айседора с трудом сумела взять себя в руки, все тело ее мгновенно покрылось предательскими мурашками, на счастье, за спиной как раз в этот момент возник Парис, который бросился навстречу гостям, чем снял возникшую было неловкость. Габриэль д'Аннунцио, на мгновение Айседору отбросило назад во Флорентийский театр, в котором работал Крэг, а они с Элеонорой Дузе, запершись в ее гримуборной, болтали о мужчинах. Именно тогда Элеонора поведала своей новой подруге сердечную тайну, закляв ее никогда не иметь дела с проклятым изменником, а Айседора поклялась страшной женской клятвой ни за что на свете не пасть жертвой д'Аннунцио, то есть не переспать с ним, а еще лучше отомстить за оскорбленную Дузе. Теперь пришло время исполнить клятву.

Честно говоря, д'Аннунцио и прежде нет-нет, да и появлялся на ее горизонте, пытаясь тем или иным способом проникнуть в ателье Айседоры. Но до сих пор ей удавалось избегать прямого контакта, так как Дузе предупредила ее по секрету, что чарам д'Аннунцио решительно не способна противостоять ни одна женщина в мире, так что Айседоре оставалось либо позорно бежать с поля боя, либо бросить вызов судьбе.

Впрочем, внимательно присмотревшись к завзятому соблазнителю, Айседора не нашла в нем ничего такого, из-за чего

стоило немедленно пускаться во все тяжкие, предположив, что имеет дело с дутым имиджем. Тем не менее «жрец любви», как он сам себя окрестил в незапамятные времена, каким-то непостижимым образом действительно имел чуть ли не гипнотическое влияние на слабый пол.

По словам Элеоноры Дузе, которая находилась в любовной связи с д'Аннунцио более десяти лет, все началось с того, что в шестнадцать Габриэле снял на улице миловидную проститутку, а через пару лет его имя было широко известно во всех борделях его родного города Пескара.

Когда к двадцати годам число его любовниц достигло ста, Габриэле вознамерился жениться, да не на ком-нибудь, а на дочери герцога Галлезе Марии, невинной девушке и, разумеется, первой красавице. Герцог был против, его дочь – за. В результате брак состоялся, в церкви на венчание явились бывшие и настоящие любовницы счастливого молодожена.

Мария Галлезе подарила своему непутевому мужу троих сыновей, но через четыре года счастливой жизни Габриэле оставил семью, признавшись напоследок, что его истинное призвание несовместимо с положением женатого человека.

Грубый и заносчивый, он унижал своих возлюбленных, доводя их до неистовства, не забывая переносить на бумагу мельчайшие подробности адюльтера, а также щедро добавляя недостающие детали. Писатель обладал замечательной фантазией и прекрасно развитым творческим воображением, так что вскоре о великом соблазнителе начали ходить легенды, и женщины мечтали провести хотя бы одну ночь в постели писателя.

Известны случаи, когда брошенные им дамы уходили в монастыри или заканчивали свои дни в больницах для душевнобольных, но ни слезы, ни мольбы не могли смягчить сердце бездушного донжуана, пока в его жизни не появилась Элеонора Дузе.

Они познакомились в 1895-м в Венеции. Элеоноре было уже тридцать семь, и Габриэле решил, что уж эту он затащит в постель после пары дежурных комплиментов. Не тут-то было. Разочарованная банальностью услышанного, Дузе поспешила покинуть назойливого кавалера. Это распалило д'Аннунцио еще больше. Дошло до того, что заправский ловелас, привыкший брать женщин нахрапом, был вынужден дарить цветы и посвящать Элеоноре стихи. И вот уже, точно на службу, он ходит на ее спектакли, готовя пьесу, главную роль в которой, разумеется, сыграет Дузе. Когда Габриэле рассказывает о своем проекте соблазнения знакомому – он напишет лучшую, гениальную пьесу,

и Дузе сама бросится ему на шею, тот смеется ему в лицо.

«Лучшую пьесу, вы говорите? Тогда уж самую лучшую. Потому что русский Антон Чехов[111] и англичанин Бернард Шоу[112], вам что-нибудь говорят эти имена? много лет как без ума от госпожи Дузе. Безусловно, они примут ваш вызов. Вы готовы потягаться с такими литераторами?»

Габриэле умирал над рукописью, бегал к Дузе показать ту или иную сцену, а вслед ему неслись похожие на проклятия имена: Ильи Репина[113] и Джона Сингера Сарджента[114] – они писали ее портреты, Константина Станиславского и Чарли Чаплина[115] – они очень высоко ценили искусство Дузе и ее саму.

Тем не менее Элеонора полюбила Габриэле. Это был неспокойный союз двух творческих людей, они ссорились, расставались, бурно мирились и без устали писали друг другу прекрасные письма, признаваясь в любви.

На пятый юбилей совместной жизни Габриэле преподнес возлюбленной свой очередной роман, в котором изложил в мельчайших подробностях их интимную жизнь. Та была в бешенстве и бросила своего любовника, но спустя несколько месяцев они помирились и снова сошлись.

За годы совместной жизни Элеоноре приходилось буквально содержать Габриэле, оплачивая все его счета, начиная с одежды, поездок, развлечений и заканчивая оплатой многочисленных любовниц, так как если он не ходил в бордель, бордель приходил к нему сам, либо ему требовалось содержать какую-нибудь девушку на стороне.

Тем не менее пьесы д’Аннунцио шли с успехом, и главные роли в них неизменно играла Дузе.

Они разошлись окончательно в 1904 году, когда Габриэле пожаловался на то, что Элеонора стареет, а она произнесла фразу, которую повторяли затем во всех модных салонах: «Он мне отвратителен. Но я обожаю его».

Впрочем, выставить д’Аннунцио, явившегося к Дункан в автомобиле Сесиль Сорель, оказалось проблематично. Еще один бесспорный факт: «жрец любви» определенно положил глаз на Айседору и теперь не давал ей прохода. Так что, в конце концов, стало понятно, что ей просто придется ввязаться в сражение, которого она инстинктивно страшилась. Собственно, давая обещание Дузе, Айседора была еще неопытна в делах любви и страсти, подумаешь, Ромео из Будапешта и потом еще Гордон Крэг. Теперь, в 1912 году, она только что вернулась из очень странной гастрольной поездки, превратившей ее в прекрасную вакханку и участницу многих оргий, кроме того, она отлично помнила безобразного музыканта, и как отвращение

превратилось в страсть, и знала, что без ума от действительно талантливых людей. Иными словами, у нее были все шансы потерпеть фиаско. Но отступать уже некуда, веселый и хмельной больше обычного Парис Зингер увлекал толпу гостей танцевать в сад, и ей не оставалось ничего иного, как немедленно присоединиться к всеобщему веселью.

В тот же день она, Сессиль и Габриэле разыграли веселую пантомиму, которая имела успех. Кланяясь, Айседора заглянула в глаза д'Аннунцио и вдруг подумала, что «черт возьми, он милый». «Этого еще не хватало», – тут же одернула себя Дункан, и затем, уже проводив гостей, она лежала на шелковых простынях рядом с уснувшим Парисом, вдалбливая в свою непутевую голову, что мало чести в ухаживаниях завзятого донжуана. Что сеньор д'Аннунцио волочится за всеми женщинами без исключения, и если Айседора завтра откажет ему, он тотчас переключится на ее горничную или гувернантку детей. Стоп. А ведь она только что сама произнесла «если», стало быть, все же допускает подобную мысль. Приходилось начинать с начала, внушая себе омерзение к этому завзятому бабнику. Самовнушение всегда помогало ей, но тут нужно было нечто более сильное, нежели обыкновенные доводы разума. И в конце концов, измученная бессонницей, Айседора нашла то, за что ей следует бороться. Раз нет доблести в том, чтобы сделаться очередной шлюхой милейшего д'Аннунцио, она будет единственной женщиной, которая откажет непревзойденному обольстителю. Айседора ощутила себя героиней и заснула с этим светлым чувством.

Габриеле д'Аннунцио (1863–1938) – итальянский писатель, поэт, драматург и политический деятель. Член Королевской академии французского языка и литературы Бельгии

В ближайшие два дня Парис планировал отправиться всей компанией на балет «Шахрезада» Римского-Корсакова и «Мученичество Святого Себастьяна», музыка Дебюсси и либретто д'Аннунцио, о котором автор уже прожужжал Айседоре все уши. Особая пикантинка заключалась в том, что роль Святого Себастьяна он писал специально для Иды Рубенштейн. Той самой «второй Дункан», «Саломею» которой запретили не так давно из-за того, что в сцене «Танец семи покрывал» актриса появлялась обнаженной. Теперь Дягилев пожинал плоды нового скандала, невероятная удача – архиепископ Парижа приказал католикам не посещать «Мученичество Святого Себастьяна», так как роль святого исполняла женщина, к тому же еврейка!

Айседора всегда считала неправильным и неблагородным разделять людей по национальному признаку. Когда же любящий подливать масло в огонь д'Анунцио сообщил, будто божественная Ида еще и находится в интимной связи с художницей Ромейн Брукс[116], она могла только разводить руками. Айседора и прежде не считала Иду серьезной конкуренткой, теперь же она понимала, как, должно быть, та страдает от таких горе-друзей, которые, с одной стороны, вроде бы поддерживают ее искусство, а с другой – выбалтывают на каждом углу интимные подробности ее частной

жизни.

Парис приобрел билеты для всей находящейся на тот момент времени в Нельи компании, после чего они отправились на «Святого Себастьяна», отбивая себе ладоши всякий раз, когда в портере начинались свистки и шиканье.

На следующий день д'Аннунцио решил, что пришло время осаждать крепость прекрасной Дункан. Каждое утро он присылал Айседоре стихотворение и цветок, который, по мнению автора, олицетворял его настроение. Как говаривала, бывало, писательница и путешественница леди Мэри Уортли Монтегю: «Нет такой краски, цветов, сорной травы, фруктов, травы, камня, птичьего пера, которые не имели бы соответствующего им стиха, и вы можете ссориться, браниться, слать письма страсти, дружбы, любезности, или обмениваться новостями, при этом не испачкав свои пальцы». Дункан нюхала цветы, читала записки и крепилась, вживаясь в роль Орлеанской девственницы.

Как-то раз, когда Зингера не было дома, д'Аннунцио прислал записку: «Приду сегодня в полночь!» – приложив к ней знак страстной любви – алую розу. Весь день Айседора жила в предвкушении заветного часа. Еще точнее, в течение дня она и Генер Скин закупили на рынке белые цветы: лилии, хризантемы, коалы – все, что обычно приносят на похороны. Затем застелили мебель черными простынями, расставили повсюду вазы с цветами и зажгли множество свечей.

Явившийся вовремя герой-любовник застал похоронный салон, в котором его встречали одетая в белую тунику с венком на голове Айседора и ее приятель. Вместе они уложили гостя на диван, стоящий посреди ателье. После чего ассистент сел за рояль, и полилась дивная мелодия «Похоронного марша» Шопена. Айседора начала танцевать, кружась в такт музыке и постепенно туша свечу за свечой. Так что траурное ателье медленно и печально погружалось в темноту. Когда остались всего две свечи, одна в ногах и вторая в изголовье д'Аннунцио, Айседора присела рядом с ним на пол и, заглядывая в глаза, затушила предпоследнюю свечу. Габриэле дрожал, по его лицу струился пот, Айседора приблизилась, все так же испытующе глядя в глаза, потянулась за последней свечой.

Д'Аннунцио дернулся и с криком ужаса выбежал из ателье, Айседора сложилась пополам от хохота, ей вторил довольный шуткой Скин, не в силах остановиться, они смеялись и смеялись, пока не оказались на том же черном диване в объятиях друг друга…

Трагично, как в водевиле

Должно быть, смущенный своей собственной реакцией д'Аннунцио не показывался на глаза Айседоры пару недель, тем не менее он и не думал забывать столь изящно подшутившую над ним даму. Сама репутация не знавшего отказа мужчины подгоняла Габриэле д'Аннунцио на новые и новые подвиги. Да и трудно ли соблазнить незамужнюю, но опытную в любви женщину с двумя детьми от разных мужчин? Женщину, которая танцует практически без ничего и обожает поклонение? Не исключено, что д'Аннунцио даже похвалился, де не пройдет и. такого-то времени, как Дункан влюбится в него по уши. Так или иначе, но вскоре он снова навестил знаменитую танцовщицу. Айседора приняла гостя очень радостно и сразу же сообщила, что он явился к обеду, в ожидании которого можно прогуляться по лесу.

Обрадованный такому повороту дела, д'Аннунцио взял под руку Айседору, и вместе они направились к автомобилю, на котором Габриэле только что приехал. До леса действительно нужно было доехать, а затем Айседора повела своего гостя по очаровательной тропинке. Они слушали пение птиц и радовались каждому цветку, Айседора сплела себе венок, в котором сделалась похожей на лесную фею. Дело было днем, светило солнце, рядом не наблюдалось ни убранного, как склеп, ателье, ни похоронных свечей, ни подозрительных музыкантов с траурными маршами. Иными словами, ни что не предвещало беды. Д'Аннунцио уже начал подумывать, не предложить ли Дункан немного передохнуть в тени дикой яблони, как вдруг Айседора заторопилась домой.

«Должно быть, стол уже накрыт, и нас ждут», – произнесла она, венчая д'Аннунцио цветочной короной. Они повернули, но как бы долго ни шли, машины все еще не было видно.

«Мы заблудились. Я предлагаю свернуть направо», – д'Аннунцио начал нервничать. Они прошли еще немного, но теперь дорогу им преградило болото. До самого вечера Айседора и Габриэле бродили среди деревьев, не имея представления, в какую сторону следует идти.

Наконец, д'Аннунцио заплакал, точно ребенок, хныча, что сильно проголодался и теперь не может идти. Очень удивленная Айседора обнимала его за плечи, уговаривая идти дальше и не сдаваться. В какое-то мгновение ей подумалось, что, возможно, хитрый д'Аннунцио не столько расстроен, сколько пытается вынудить ее быть с ним помягче, и она уже почти что смирилась с

необходимостью, как вдруг они действительно увидели дома. Машина осталась в лесу, так как они вышли другой дорогой, а выбравшийся, наконец, из «заколдованной чащи» д'Аннунцио поспешил к столу, где ел и пил так много, что после трапезы его тянуло только вздремнуть.

Поняв, что ничего более интересного уже не произойдет, Айседора попросила кого-то из гостей, разбирающегося в машинах, привезти авто к дому, после чего отправилась с детьми прогуляться перед сном.

Точно поверженный рыцарь, д'Аннунцио провалялся пару часов в гостиной, после чего вернулся в Париж.

Успешно отбив очередную атаку «жреца любви», Айседора чувствовала прилив сил, еще бы, по словам знакомых, она пока была единственной женщиной, с успехом избегающей сетей этого признанного сердцееда. Впрочем, она ни в коей мере не ожидала, что тот смирится с поражением, и просто продолжала принимать гостей в своем салоне, угощая их собственными танцами, а также приглашая знаменитых музыкантов, актеров, певцов, которым Зингер щедро платил за выступления.

Однажды Парис задумал персидский вечер, на котором гости раскуривали бы кальяны, исполнялась восточная музыка, между столиков и диванов танцевали прелестные полуголые девушки и бродил факир с огромной пятнистой змеей. Уже более-менее зная все парижские сплетни, наряженная шахиней Айседора взяла на себя почетную обязанность решать, где и с кем будет коротать вечерок тот или иной гость. Обычно она сразу же разбивала супружеские пары, устраивая свидания любовников, которых ловкая хозяйка вечера прятала в таких потаенных и закрытых зеленью уголках сада или ателье, превращенного ловкими ручками Пуаре в дивные тропические заросли, что их там не могли бы проследить даже специально нанятые для этого дела сыщики.

Как обычно, гости веселились глубоко за полночь, тем не менее кто-то уезжал, кто-то оставался. В конце концов, поняв, что Парис занял господ игрой в карты и ее отсутствие вряд ли огорчит хоть кого-то, Айседора направилась в комнатку Цирцеи, чтобы закончить там вечер в приятной компании поэта и драматурга Анри Батайля[117], приехавшего на праздник вместе с Бертой Бади, но, должно быть, потерявшего ее в глухих зарослях экзотических растений, где она еще несколько часов назад пила вино в компании молодого и талантливого журналиста. В любом случае, Анри было нечем заняться, и Айседора пригласила его выпить с ней по бокалу шампанского. Анри Батайля Дункан знала еще со своего первого приезда в Париж, их познакомил князь де

Полиньяк А потом они с Зингером время от времени выбирались в театр на знаменитые драмы Батайля. Практически все из жизни и быта светских кругов Парижа, прототипы легко узнавались, оттого в зале на спектаклях по Батайлю легкий шепоток и всепонимающие кивки и улыбки. Еще бы… такие пикантные подробности не всякому журналисту удается накопать. Интриги полусвета и артистической богемы, реальные скандалы из жизни обеспеченных и уважаемых людей. Никто не укроется от вездесущего писателя! Его проклинают, регулярно пытаются побить, вызывают на дуэль, но зато и кланяются. кланяются Анри ниже, чем королевской особе.

В спектаклях Батайля женщины порывисты и предельно страстны, а практически у всех героев-мужчин проблема на проблеме. То долг (служебный, супружеский), отношения с законом и моралью. К примеру, сюжет – еще молодая женщина влюбляется в друга своего сына, бежит с ним из дома и спустя время возвращается разбитая, опозоренная, потерявшая все. Это спектакль «Мама колибри», на сцене с 1904 года, на несколько языков переведен, в том числе и на русский.

Анри Батайль непросто описывает нечто, похожее на услышанное в модном салоне, он чутко прислуживается к интересу публики. Куда ветер подует. Приехала Дункан, вошла в моду, открыла свой салон, журналисты о ней статью за статьей, а он – пьесу о знаменитой босоногой танцовщице («La Femme Nue» – «Обнаженная»), премьера в 1911 году прошла. Дункан не против, посетила, аплодировала, цветы прислала. Не дура, понимает цену рекламы, да и Батайль в зените своей славы, таких не журить за чрезмерную откровенность, да и… разгул фантазии поощрять нужно. Будучи в России, Айседора видела самые знаменитые спектакли по пьесам Батайля: «La Vierge Folle» – «Дева Неразумная», «Poliche» – в русском переводе «Под маской шута», «La Marche Nuptiale» – «Свадебный марш» – названия сами за себя говорят.

А тут еще Анри шампанского ей подливает и нежно так в ушко целует, Айседора откинулась на диване, голову запрокинула, кудри золотые по драгоценной материи разметала, зеркала ее красоту многократно повторили, одна копия другой краше, да только подлинник во все времена больше ценится. Батайль, похоже, вдохновение ощутил, сам стихи шепчет, а проворной рукой уже пухлую грудь нашаривает, Айседора же то ли в шутку укрыться от нескромных объятий пытается, то ли сама губы и белую лелейную шею для поцелуев подставляет, а зеркала все это бесстыдно множат, и Айседору, и Анри, и бутылку, почти уже пустую.

Глядь. А в дверях у них зритель нарисовался, в точности как в какой-то драме Батайля. Зингер, должно быть, занемог над карточным столиком, решил с любимой женщиной до утра поворковать или в постель ее пьяную препроводить, а самому уже дальше оборону держать. Все равно публика до завтрака не разойдется, а тут. зеркала картинку дивную множат, словно издеваются.

Обозвав Айседору шлюхой, он чуть ли не кубарем слетел с лестницы, после чего до будуара донеслись его крики и ругань, Зингер пересказывал увиденное наверху. После чего плюнул и, заявив, что уезжает и ноги его здесь не будет, покинул ателье.

«Все пропало», – прошептала сбежавшая за любовником Айседора, разглядывая перекошенные лица гостей, после чего, обнаружив на одном из диванов пианиста Генера Скина, попросила его сыграть «Смерть Изольды» и, переодевшись в белый хитон, танцевала до зари.

Водевильная ситуация, точно сам Батайль написал, будь он неладен. Парис наотрез отказался разговаривать с Айседорой, передав ей через прислугу, что их отношения закончились и она сама во всем виновата.

Дункан металась какое-то время по Парижу, не в силах изобрести хоть какие-нибудь оправдания. А действительно, что она могла сказать? Застал их Зингер в будуаре на диване? Застал. Обнимались? Что греха таить, обнимались. Так по пьянке чего не случается? А вот как раз последнего доказать она и не могла. Поклясться – запросто. На всех святых книгах мира, включая «Капитал» Карла Маркса, который Айседора считала одной из самых мистических книг своего времени. Да только Парис не признает ее клятв и все равно не поверит, что если бы он не вспугнул парочку, они бы не завершили начатого. Дошло до того, что сам Анри Батайль написал Зингеру письмо. В конце концов, Парис согласился побеседовать с Айседорой, но только в своем Олдсмобиле. Поняв, что это единственный шанс, Дункан явилась в назначенное время, они молча сели в машину, а дальше Парис не дал ей сказать ни слова, в полубезумном состоянии он носился по Парижу, проклиная Айседору на каждом повороте, понося ее последними словами, крутясь вокруг площадей и зло приветствуя рестораны и кафе, в которых когда-то они проводили время вместе. Напуганная танцовщица вжалась в кресло рядом со своим возлюбленным, не в силах сказать хоть что-то в свое оправдание и ожидая, что они вот-вот разобьются. Наконец, он остановился и, открыв дверь, вытолкнул Айседору в темноту.

Оставшись совсем одна, Дункан брела по городу, который казался ей совершенно чужим, то ли Зингер завез ее в

незнакомый районч ик, где возвышались черными уродливыми глыбами заводы и в бедных, не знавших, что такое ремонт, домах жили многодетные семьи рабочих, то ли потеряв любимого, она перестала узнавать улицы. В роскошном платье от Пуаре, шляпе с изящной сумочкой, она выглядела неуместно в квартале бедноты. То и дело с ней пытались заговаривать принимающие ее за проститутку мужчины, а Айседора брела себе, брела… Куда? Да куда ноги несут. Лишь на рассвете она сумела найти извозчика и добраться до дома, а через два дня навестившая ее Берта Бади сообщила, что Парис Зингер отбыл в Египет со своей новой пассией.

Два черных креста

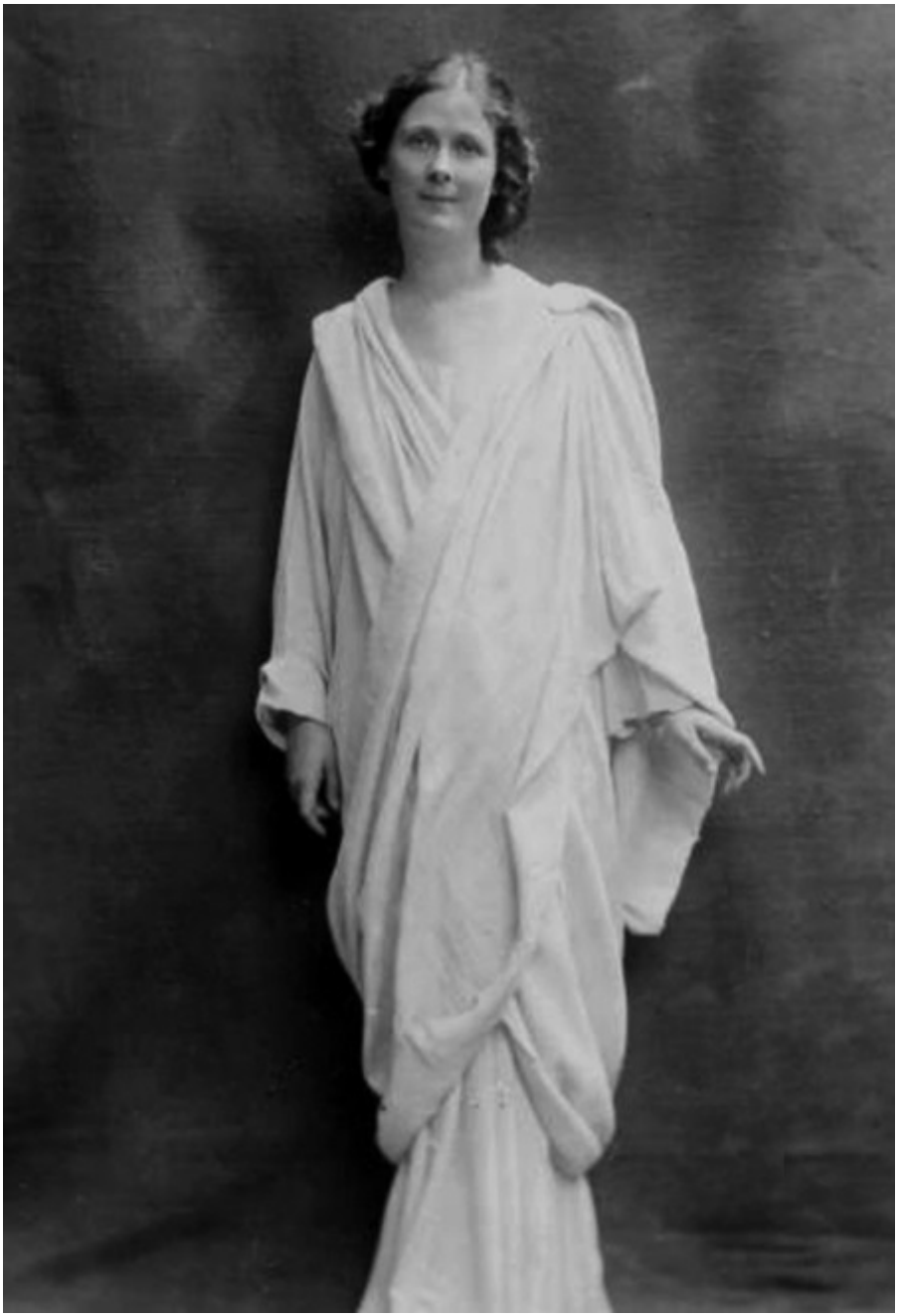
Потеря Зингера – не просто потеря очередного любовника, этот человек мог дать ей все, начиная с роскошного дома, автомобиля, поездок на яхте и прочее, прочее и заканчивая уверенностью в завтрашнем дне. Пока Айседора жила с Парисом, она знала, что ее родные и приемные дети будут сыты и одеты. Теперь ей нужно было снова включаться в череду изнуряющих турне, работая по нескольку спектаклей в день и затем отсыпаясь в поездах. Опять же, гастроли – не самое простое дело. Конечно, можно позвонить или написать своему импресарио, и возможно, что тот с ходу подберет ей несколько выступлений, но Айседора давно уже привыкла иметь перед глазами рабочий график спектаклей на несколько месяцев вперед, соблюдая который, она гарантированно обеспечивала и себя, и всех домочадцев. На построение такого плана требовалось время.

Осмотревший Дункан после ее ночного скитания по Парижу врач рекомендовал покой и положительные эмоции, в то время как сама Айседора погружалась в очередной омут черной меланхолии.

Единственным утешением на несколько месяцев для нее станут игра Генера Скина и кокаин. Часы напролет, иногда всю ночь до самого рассвета пианист играет для Дункан, а она не в силах не то что танцевать, а даже пошевелиться, лежа на диване, Айседора просит сыграть ей то симфонию Бетховена, то весь цикл кольца от «Золота Рейна» до «Гибели богов».

В это время у нее начинаются видения одно ужаснее другого. В январе 1913-го они вдвоем со Скином совершают очередное турне по России. В планах Киев, Санкт-Петербург, Москва. Айседора заранее радуется предстоящей встрече с друзьями, но в первый же день происходит событие, выбившее нашу героиню из колеи.

Выйдя из поезда, они устраиваются в присланных за ними санях, Айседору сразу же укутали по самый нос в меха, и, должно быть, она задремала на плече у своего друга. В какой-то момент сани подпрыгнули на снежной кочке, и проснувшаяся Айседора увидала по обе стороны дороги два ряда коротких детских гробов. С криком «Мертвые дети» она схватила пианиста за руку, показывая ему страшное зрелище. Но вокруг них возвышались самые обыкновенные сугробы, ничем не напоминающие гробы.



«Жизнь, как маятник: чем сильнее ты страдаешь, тем безумнее затем счастье; чем глубже печаль, тем более яркой будет радость».

(Айседора Дункан)

Айседора дрожала, так что Скину показалось, что она заболела. Впрочем, в происшествии, скорее всего, были повинны дорожная усталость, ранняя побудка, душный вагон… впрочем, при гостинице наверняка есть врач.

Добравшись до места, приняв ванну, позавтракав и повалявшись в мягкой удобной постели, Айседора пришла к выводу, что вполне здорова, и если в чем-то по настоящему и нуждается, так это в непродолжительном отдыхе, самое простое – сходить в русскую баню. Добрые, услужливые банщицы, холодный русский квас, широкие деревянные полки в парной за полтора-два часа можно восстановить силы и душевное равновесие.

Вначале все было более-менее неплохо, банщица немного говорила на французском, и Айседора расслабилась, с удовольствием воспринимая легкий массаж и болтая с обслуживающими ее женщинами. Когда же ее уложили на полке и расторопная девушка подбавила пара, а другая взялась за веник, Айседоре показалось, что все ее беды сами собой отступают на второй план.

Поняв, что клиентка вполне довольна, ее оставили ненадолго одну. Дункан лежала, глядя в потолок, автоматически пересчитывая доски и вдыхая горячий воздух с ароматом хвои. Потом ей показалось, что в парилке вдруг стало слишком жарко, горячий воздух больно щипал за грудь и коленки, она попыталась подняться, но тут же все закружилось и поплыло перед глазами, к горлу подступил противный комок, и в следующий момент она грохнулась на мраморный пол, ударившись головой.

Пострадавшую перенесли в гостиницу и послали за доктором. Диагноз – высокая температура и легкое сотрясение мозга. Вывод – хотя бы пару недель никаких физических нагрузок.

Тем не менее Дункан и не думает отменять спектакль. Уяснив, что спорить бесполезно, Генер Скин разминает руки перед началом работы. Сегодняшняя программа состоит из одних только произведений Шопена, самые лучшие, самые любимые публикой танцы Дункан, все, как просил импресарио. Но в конце выступления Айседора неожиданно просит Скина сыграть «Похоронный марш» Шопена.

Заканчивать вечер на такой эмоционально тяжелой ноте? Но, он давно уже понял, что спорить с Дункан невозможно. В папке нет нот, но Генер помнит произведение наизусть. А вот что будет танцевать Дункан? Кому-кому, а Скину отлично известно, что до сих пор она ни разу даже не пробовала танцевать под это произведение. Впрочем, импровизация – ее конек.

Айседора выходит на сцену с длинным платком на голове, теперь она уже не легкая и веселая бабочка, кружащаяся над

цветами, а женщина, несущая своих детей к разверстой могиле. Вот она движется неуверенными тихими шагами, смотрит на невидимую ношу, с нежностью и любовью, еще не знакомой с отчаянием. Встает на колени и опускает завернутые в собственные шарф ли, в утренний туман… маленькие тела. И оседает рядом, тяжелая, потерянная, утратившая последнюю искру жизни, а потом вдруг воспаряет и поднимается, увлекаемая ввысь отлетающими душами умерших, туда, в тяжелое небо, и выше, выше траура слезливых туч, еще выше, вперед к свету и воскресению. «Когда я кончила и занавес опустился, наступила странная тишина. Я взглянула на Скина. Он был мертвенно бледен, дрожал, и его руки, пожавшие мои, были холодны как лед.

– Никогда не заставляйте меня играть это, – попросил он. – Сама смерть коснулась меня своим крылом. Я даже вдыхал запах белых цветов – погребальных цветов – и видел детские гробы, гробы.».

Детские гробы. опять эти детские гробы, страдающая очередной депрессией Айседора даже не представляет, какой удар готовит для нее судьба и сколько раз она еще вспомнит возникшие из январского мороза детские гробы вдоль дороги, детские гробы в ореоле призрачных белых цветов на сцене одного из лучших театров Киева.

Ей будет что вспомнить, в который раз просыпаясь посреди ночи с одной единственной мыслью: «я ведь знала все наперед. Знала, и ничего не сделала».

Они переезжают из театра в театр, из города в город, ни разу больше не возвращаясь к «Похоронному маршу» и не обмениваясь друг с другом страшными предчувствиями. И только весной, оказавшись вновь в Париже и выступив с успехом на сцене «Трокадеро», в самом конце вечера они решаются вновь прикоснуться к запретной теме, Скин снова играет марш, и Айседора хоронит невидимых детей. На этот раз эффект совсем другой: если в Киеве зал просто застыл, не смея хлопать и вообще не зная, как реагировать на увиденное, Париж рукоплещет находке Айседоры. В зале слезы и приступы истерики, какая-то женщина сваливается с приступом эпилепсии, другие выражают восторги криком.

Весьма довольные Айседора и Скин тут же решают включить столь удачный номер в программу, внешне все выглядит вполне гладко, но только Дункан уже знает, это не просто танец, и галлюцинация возникла не от обычной усталости, а как некоторое предчувствие грядущей катастрофы. Собственно, размышляя над своими предчувствиями, Дункан могла думать о

чем угодно, о том, что мертвый ребенок может символизировать невозможность осуществления или даже гибель очередного проекта. Когда ее вдруг начинают мучить смутные предчувствия, она решает, что причина кроется в физической усталости, чрезмерном употреблении вина или наркотиков, в чем угодно… человеческое воображение просто неспособно представить себе на полном серьезе саму возможность подобной катастрофы. То есть как раз вообразить можно все, что угодно, но поверить. нет.

Тем не менее все чаще Дункан возвращается к образу смерти и в том же году в Берлине создает несколько миниспектаклей, в которых изображает человека, убитого горем, преданного, израненного, потерявшего все, но пытавшегося снова подняться и жить назло жестокой судьбе.

Елизавета давно уже живет в Берлине, где теперь ее дом. Сестры помирились и даже пообещали помогать друг другу, но прежней близости нет. Отправляясь в заснеженную Россию, Айседора предварительно отвозит малышей к Елизавете, чтобы забрать, весной когда приедет с гастролями в Германию.

И вот теперь Айседора, Дердре, Патрик и гувернантка возвращаются в свой новый дом, куда скоро приедет большая часть учениц со своими учителями.

В результате гастролей счет в банке пополнился, и можно какое-то время ни о чем не тревожиться, тем более что теперь глядя, на семилетнюю Дердре, пишущую стихи и дивно танцующую, Айседора в который раз удивляется, насколько грациозная девочка похожа на Эллен Терри. Всего через несколько лет Айседора могла бы назвать дочку своей лучшей ученицей и продолжательницей дела. Трехлетний Патрик сочиняет собственную, авангардную музыку, танцуя под нее. Айседора была готова поклясться, что у ее сына блестящее будущее. Теперь, проводя время с детьми, Дункан была благодарна своему импресарио за время передышки. Тем не менее в характере Айседоры появляются некоторые неуловимые черточки, внешне незаметные случайным гостям, что же до друзей, в большинстве случаев они видели Дункан насквозь. Все чаще она словно прислушивается, стараясь уловить что-то, слышное ей одной, узреть присланный специально для нее знак судьбы, то, что она ни в коем случае не должна упустить. Понимая, что ее предчувствия каким-то образом связаны с «Похоронным маршем» Шопена, она снова танцует его в «Трокадеро», на этот раз Скин аккомпанирует ей на органе, увеличивая и без того сильный эффект и вызывая новый приступ тревожности. «…Снова почувствовала на своем лбу холодное дыхание смерти и вдыхала сильный запах белых тубероз и других

похоронных цветов. Прелестная маленькая фигурка в центральной ложе, Дердре, расплакалась, точно ее сердечко разрывалось на части, и вскричала: “Зачем моя мама такая печальная?”», – пишет Айседора.

В тот же день, направляясь в собственный будуар, Дункан останавливается, как громом пораженная, возле дверей с двойным крестом работы Пуаре. Два креста уже не кажутся ей судьбами ее и Париса. Но если речь не о них, тогда о ком?

Чтобы немного отвлечься, она отправляется со Скином в театр на Русские сезоны. Повод более чем достойный, «Пизанелла» – очередной шедевр д’Аннунцио, на этот раз в постановке Всеволода Мейерхольда[118]. В главной роли давняя знакомая – Ида Рубенштейн. Разумеется, роль куртизанки Ида продолжает играть на своем любимом козыре – обнажение. Айседора приходит в восторг от режиссерской работы Мейерхольда и не впечатляется Идой. Впрочем, зритель доволен. На этот раз никакого скандала и свистов из зала. Все проходит более чем спокойно, да и пресса на редкость благосклонна. Привыкла. Собственно, на этом звезда Иды начинает закатываться.

«По всему Парижу красуется имя Ida Roubinstein. – напишет в самом скором времени об Иде Львовне Станиславский М.П. Лилиной, – .и теперь эта богачка, дочь тех самых архимиллионеров харьковских, та, которая считала всех и вся ниже себя, профинтив все, ломается в “Олимпии”. Ее знаменитое имя стоит рядом с труппой собак и Maria la Bella. Сегодня иду смотреть для назидания – к чему приводит гордость, самомнение и невежество в искусстве».

Всю обратную дорогу Айседора молча сидит в открытой машине, тревожно приглядываясь к рисунку облаков. Что нарисовано на небесном своде? Замок! Развиваются флаги, опускается подвесной мост, неслышно трубят одетые в серебряные латы крылатые войны. И вдруг. все начинает рушиться, разваливаясь и меняя очертания. В ужасе Айседора наблюдает за тем, как камни разрушенного замка летят вниз, заваливая машину и перекрывая доступ воздуха.

Айседора начинает видеть тревожные сны, а когда просыпается, на стуле вместо брошенного с вечера платья сидит жуткое существо – имя которому Смерть. Кошмары шипят из углов комнаты, хочешь встать и зажечь лампу, но из-под кровати тянут холодные когтистые лапы холод и жуть. В результате она вынуждена спать со светом. Но призраки не боятся света ночника. Черные тени устраиваются возле ног Дункан и поспешно вскакивают, когда она открывает глаза. На следующую ночь все

повторяется, и только тень уже не бежит, а зависает над кроватью, тяжело вздыхая и не мигая, глядит в глаза перепуганной до смерти женщины.

Дункан теряет аппетит и все время точно ждет удара. Наконец, на обеде у госпожи Рашель Бойер, давней подруги Айседоры, той удается разговорить танцовщицу. Исповедь длится недолго, но уже ближе к концу, Рашель кидается к телефону, дабы вызвать своего врача, молодого, но толкового Ренэ Бадэ. Диагноз: нервное переутомление, он настоятельно рекомендует уехать на недельку в деревню. Но у Дункан есть обязательство перед парижскими театрами. Придется подождать.

«Не надо ждать. От Версаля рукой подать до Парижа, когда в распоряжении человека автомобиль, все кажется близким»[119].

Айседора не протестует. В конце концов, ее же не помещают в лечебницу для душевнобольных, не заставляют пить отвратительные лекарства. Уехать в деревню… что может быть проще? Не откладывая на следующий день, слуги собирают чемоданы. Открыв перед малышами дверь авто, Айседора подсаживает волочащего за собой огромный мешок с конфетами Патрика, когда черная фигура из сна вдруг предстает перед ней при ярком свете солнца.

Айседора ойкнула, но осталась стоять на ногах, с ужасом взирая на приближающегося к ней призрака: «Я убежала, – сказала она, – чтобы вас повидать. Последнее время вы стали мне сниться, и я чувствовала, что должна на вас посмотреть»[120], – прошелестела тень, приподнимая траурную вуаль и превращаясь в Марию Софию, королеву-вдову Франциска II, последнего короля «Обеих Сицилий», к которой Айседора несколько дней назад приводила Дердре. Экс-королева жила в домике у Булонского леса – милое, очаровательное существо, не заносчивая и не чопорная, ее величество больше походила на печальную фею, нежели на венценосную особу.

Дункан отругала себя за излишнюю мнительность и дружески улыбнулась ее величеству, весело сообщив ей, что в данный момент они заняты всего лишь сборами в Версаль. Несколько дней на свежем воздухе – то, что надо, и для ее расшатавшихся нервов, и для малышей. Услышав о загородной прогулке, королева тут же изъявила желание поехать вместе с Дункан и без приглашения забралась в машину, куда за ней полезла Дердре. Устроившись между малышами, ее величество заговорчески обняла их, что-то шепча на ушко девочке. При этом черная вдовья вуаль легла на золотистые головки братика и сестренки, Айседора вздрогнула, но решила не подавать вида. Без приключений они добрались до Версаля, и вечером ее величество

вернулась в Париж, а Айседора, уложив детей спать, в первый раз за последние несколько дней провела ночь без кошмаров. Утром она проснулась от того, что малыши прибежали в ее комнату и одновременно прыгнули к ней на кровать. Весь день Дункан чувствовала себя здоровой и счастливой, страхи покинули ее, должно быть, готовясь к решающему штурму, но она не желала больше о них вспоминать, возясь с детьми и, наверное, впервые понимая, что именно это и является ее истинным призванием. Просто играть с Дердре, танцевать с Патриком, планировать новые походы в театры и поездки по прекраснейшим местам, когда снова в их распоряжении будет синее море, золотое солнце, свобода и, может быть, даже их драгоценный любящий папа, забыв обиды, вернется к ним, чтобы быть счастливым. В хмурый, пасмурный день солнце может выйти на небо не утром и не днем, а ближе к закату. После многих недель тревожных предчувствий в жизни Дункан неожиданно выпало три последних дня полного безоговорочного счастья. Через три дня дети погибнут.

Летучий голландец

День накануне гибели детей Айседора запомнит в деталях, тысячи раз прокручивая в памяти каждое незначительное событие, изменив которое, можно было бы переиграть саму судьбу. Человек просто так устроен, что не умеет смиряться с безвозвратными потерями. Когда все случится, об Айседоре будут говорить как о бесчувственной, злой женщине, не пролившей ни единой слезинки на похоронах собственных детей. Дункан же впала в ступор, превратилась в соляной столб. С момента трагедии она перестает быть прежней Айседорой Дункан: «Мне кажется, что есть горе, которое убивает, хотя человек и кажется живым. Тело еще может влачиться по тяжелому земному пути, но дух подавлен, подавлен навсегда. Я слышала, как некоторые утверждают, что горе облагораживает. Я могу только сказать, что последние дни перед поразившим меня ударом были последними днями моей духовной жизни. С тех пор у меня одно желание – бежать, бежать, бежать от этого ужаса, и мое вечное стремление скрыться от страшного прошлого напоминает скитание Вечного жида и Летучего голландца. Вся жизнь моя – призрачный корабль в призрачном океане»[121].

Прослеживая жизнь Айседоры – сильной, упорной девочки, верящей в себя более, чем можно верить в бога, юной девушки-мистики, чьи танцы были столь чисты, что их можно было исполнять в церкви, разнузданной вакханки и истинной дочери Венеры, – очень скоро все эти ипостаси останутся в безвозвратном прошлом, уступая место неведомо куда бешеному холодному ветру, или летучему голландцу. Похоронив самое дорогое, что у нее было, она положит в могилу вместе с прахом двух малышей, большую часть своей души, наказав оставшейся страдать вечно. Да, в жизни Дункан еще вспыхнет и огонь любви, и пламя экстаза, но это будет уже совсем другая Дункан, потому что та, о которой мы говорили, за которую радовались, которую осуждали, над которой посмеивались, – та Айседора умрет через несколько абзацев, оставшись в мире призраком, сгорающей в полете кометой.

Айседора запомнит каждое мгновение того дня. Накануне она оставит малышей в Версале, отправившись в Париж, где у нее был запланирован очередной спектакль. В этот день все удавалось, она сразу же вошла в нужное состояние и танцевала так, что ее ноги едва ли касались земли. Много раз ее вызывали на бис, но Айседора ни капли не устала, становясь, казалось, только сильнее и легче. Еще немножко, совсем чуть-чуть, и она бы, наверное,

взлетела, покидая эту грешную землю, где всего через несколько часов ее ждет страшный удар. Улетай, Айседора, ведь ты крылата, и, может быть, тогда тебя – красивую, счастливую, талантливую и любимую – не коснется месть ревнивых богов.

Да, любимую, после спектакля в артистическую уборную к ней влетел взволнованный Парис. Четыре месяца разлуки заставили его как следует соскучиться без Айседоры. Женщина, которую он увез в Египет, надеясь заменить ею Дункан, не оправдала надежд. Теперь же они стояли друг напротив друга, как два нашкодивших и готовых к раскаянию школьника. Зингер сам спросил, где намеревается ужинать Дункан, и, узнав, что она уже договорилась с Августином, устроившимся в гостинице «Елисейские поля», попросил разрешения присоединиться. Айседора была так счастлива, что казалось, предложи ей сейчас Парис немедленно отправляться вместе с ним к черту на рога, не задумываясь, пошла бы.

Дети Айседоры Дункан – Дирдре и Патрик

Договорились, что Зингер закончит свои дела и присоединится к ужину. У Айседоры оставалось больше часа – время, за которое она собиралась забежать в ателье к Пуаре и приобрести у него что-нибудь из готового, но непременно шикарного и очень дорогого. Этим вечером она желала быть неотразимой. Подумалось, что раз судьба дает второй шанс, она просто обязана воспользоваться им. Но красивое платье, прическа

и макияж – это еще не все. Козырной картой был подросший за время отсутствия отца Патрик. Если Парис увидит сына, если просто возьмет его на руки… Айседора отлично понимала, как Зингер обожает ребенка, да и Дердре он любит, словно собственную дочь. Если дети повиснут на его шее, он простит Айседору, и они снова будут вместе.

Айседора влетела в ресторан в минуту, почему-то подумалось, что Зингер обидится, если она задержится. За столом сидели Августин с дочерью. Быстро пересказав сегодняшнее появление в театре Париса и то, что он обещал прийти на ужин, Айседора нервно улыбалась, то и дело поглядывая на входную дверь. А его все не было и не было. Заказали еду, выпили по бокалу лимонада, дождались горячих блюд. Зингер не появлялся. Расстроенная Дункан распрощалась с Августином, поцеловала на прощание девочку и вернулась в Версаль.

Утром ее разбудили прибежавшие в комнату дети, вслед за которыми вошла виновато улыбающаяся гувернантка, оказалось, она пыталась остановить детей, не позволяя им будить уставшую после спектакля маму, но те все же как-то прорвались в спальню и теперь прыгали и играли, устраивая подушечные бои и сметая все на своем пути.

Вскоре покой был восстановлен, они устроились завтракать на веранде. И снова дети бегали и орали, точно безумные, носились вокруг стола, норовя опрокинуть сливочник или перевернуть графин с лимонным напитком. Позволив гувернантке восстанавливать порядок, сама Дункан никогда не бранила детей, полагая, что достаточно тратит денег на то, чтобы неприятной стороной воспитания занимался кто-то другой. Теперь же ее внимание привлекали два томика произведений Варбей Дорвильи, которых она не видела здесь прежде. Патрик уронил стул и, перескочив через него, ловко запрыгнул на другой, в то время как, не обращая внимания на грохот и визг,

Айседора открыла одну из книг и прочитала: «Прекрасная мать достойных тебя детей, ты улыбалась, когда с тобой говорили об Олимпе. Стрелы богов в виде возмездия упали на головы любящих тебя детей, которых тебе не удалось прикрыть даже собственной грудью». Должно быть, она вскрикнула или просто побелела, непроизвольно опершись рукой о стол и стараясь не упасть. Во всяком случае, сразу стало тихо.

«Не шуми так громко, Патрик, ты беспокоишь маму», – наставительно произнесла воспитательница, не отрывая испуганного взгляда от хозяйки.

«Оставьте его! – неожиданно для себя вскричала неестественно высоким голосом Айседора, – подумайте, чем была

бы жизнь, если бы они не шумели?»

Она еще вспомнит эти свои слова, и словно предупреждающие ее строки Дорвильи, и как, поддавшись внезапному порыву, вдруг кинулась обнимать и целовать детей, прижимая их к себе и роняя слезы. «Я помню каждое слово и каждое движение этого утра. Как часто в бессонные ночи я вновь переживала каждый миг этого дня, беспомощно удивляясь, почему я не почувствовала того, что должно было случиться, и не предотвратила несчастья»[122].

Они уже заканчивали завтрак, когда позвонил Парис, извинился за то, что не смог явиться на ужин, и попросил, если она не занята, навестить его в Париже вместе с детьми. Все складывалось в точности, как планировала Дункан, еще совсем немного, и Парис снова будет с ними. В полном восторге, Айседора подозвала дочь, сообщив ей, что приехал Зингер, и, попросив по этому поводу, надеть недавно купленное розовое платье со множеством воланов от Поля Пуаре. Едва дослушав мать, Дердре вскочила с места, прыгая и хлопая в ладоши.

«Патрик! – позвала она брата. – Как ты думаешь, куда мы сегодня отправимся?»

Вскоре Айседора будет просыпаться в своей постели, слыша именно эту фразу: «Как ты думаешь, куда мы сегодня отправимся?» – и еще одну. Когда малыши уже вместе прыгали и вопили от восторга, что они едут к папе, в идиллию вмешалась все та же гувернантка, которая, стараясь перекричать неугомонных воспитанников, заметила: «Сударыня, мне кажется, будет дождь. Не лучше ли им остаться дома?»

О, конечно же, дома. Закрыть, запереть все двери на тысячу замков и засовов, выставить круглосуточную охрану, которая не пропустит смерть. Если бы она знала, если бы хоть что-то предчувствовала, но получилось наоборот, смятения и страхи прежних дней бежали под напором дурной окрыляющей радости.

«Как ты думаешь, куда мы сегодня отправимся?»

«Сударыня, мне кажется, будет дождь. Не лучше ли им остаться дома?»

Эти две фразы годы напролет станут звучать в голове Айседоры, куда бы она не бежала от них, чем бы не пыталась глушить боль и отчаяние.

В Париж они поехали на машине, которую Зингер подарил несколько месяцев назад Айседоре. Разумеется, все вместе, наедине, он снова наговорил бы ей гадостей, и они неминуемо поссорились бы. Но теперь, нежно прижимая к себе двух золотоволосых ангелочков, Айседора знала наверняка – он простит ее хотя бы ради них. Она уже привыкла думать о Зингере

как о бесстрашном рыцаре заоблачной страны «Грааль», который всегда приходит на помощь, подставляя широкое плечо и помогая ей осуществлять задуманное. Их союз не случаен, любовь будет длиться вечно. И если в самом начале она еще скучала в его обществе, мечтая сбежать хотя бы на несколько месяцев, теперь после разлуки стало ясно – им указано свыше идти рука об руку. Айседора будет совершать чудеса, а ее верный рыцарь – защищать ее от нападок и делать все необходимое для того, чтобы победы в ее жизни становились чем-то неизбежным. Без Зингера не будет театра, а значит, не приедут Дузе и Сюзанна Депрэ, а Муне-Сулли не получит возможности сыграть в трилогии Софокла, так и пропадут гениальные чертежи и рисунки архитектора Луи Сю, уже построившего театр в своем воображении. Не будет новых спектаклей, способных вызвать отклик в душах зрителей, пробудить в человеке душу, заставить его избрать путь искусства – и чудо покинет эту землю. Не жизнь, не благополучие, возможно, даже не любовь, а единственно хрупкое чудо. Можно ли прожить жизнь, ни разу не столкнувшись с неведомым? Можно, многие именно так и живут, но, единожды коснувшись чуда, потерять его навек… немыслимая жестокость.

Да, именно с Парисом Зингером ей уготовано совершать поистине великие дела, а значит, они были обязаны снова сойтись, чтобы больше уже не расставаться.

Так или почти так думала Айседора, приближаясь к Парижу, она размышляла о своей жизни, о прекрасном театре, ну и, разумеется, о своей прическе и новой шляпке, должна же была она произвести приятное впечатление на любимого человека. Да, и еще о том, что, наверное, в первую встречу ей лучше меньше болтать самой и больше слушать его. На переднем сиденье рядом с шофером тише мышки насупилась гувернантка. Время от времени она смотрит на безрадостное небо, все в черных тучах, покручивая в руках серый с голубым окоемом зонт: «Сегодня несомненно будет дождь. Ехать в дождь опасно, да и малыши недавно болели, ошибкой было везти их в Париж, но с госпожой не поспоришь». С самого утра у воспитательницы дурные предчувствия, она бы с радостью осталась дома, да и детей не пустила, но… вечером у Айседоры репетиция, а после завтрака она вполне может укатить куда-нибудь вместе с господином Зингером. Нельзя отправлять детей только с водителем. Вот она и поехала. «Как ты думаешь, куда мы сегодня отправимся?» – тревожно звучит в голове звонкий голосок Дердре. А действительно куда?

Дети улетают…

Для семейного завтрака Зингер выбрал симпатичный итальянский ресторанчик, где перед ними тут же поставили по тарелке обильно политых томатным соусом и посыпанных сыром спагетти, заказали бутылочку «Кианти» и лимонад для малышей. Парис явился на встречу в компании своего приятеля, должно быть, не сильно доверял собственной выдержке и опасался как бы ненароком не задушить изменившую ему негодяйку, Дункан в качестве прикрытия усадила рядом с собой гувернантку.

Впрочем, уже с первой секунды стало ясно, что все пройдет в лучшем виде. Патрик выскочил из машины и с радостным криком бросился на шею отца, за ним бежала немного задержавшаяся на старте Дердре. Это чудо в розовом с воланами платье и завитыми волосами взлетела на руки Париса, точно карнавальная шутиха, так что счастливый отец оказался одновременно поцелован в обе щеки.

Потеряв всяческую осторожность, Айседора не только болтает без умолку, но и говорит исключительно о будущем театре, который Парис обещал построить для нее. Опасный момент, на мгновение брови Зингера сходятся на переносице, он уже готов обвинить ее в корыстолюбии, но тут Патрик проливает лимонад, и папа и мама дружно принимаются утешать и вытирать ребенка.

Впрочем, Парис и сам не против поговорить о будущем театре. Участок давно уже куплен и огорожен, здание существует в чертежах, так не пора ли реализовать задуманное?

– Мы назовем его театром Айседоры, – тоном, не терпящим возражений, сообщает Зингер.

– Нет, пусть лучше это будет театр Патрика, Патрик – тот великий композитор, который создаст танец под музыку будущего, – тут же парирует Айседора.

После завтрака Зингер направляется в салон юмористов, а Дункан вынуждена ехать на репетицию. Прощаясь с мамой, уже сидя на заднем сиденье машины, Дердре прижалась губами к стеклу автомобиля, и Айседора целует ее через стекло, неприятно поражаясь, что почувствовала холод, а не тепло.

Через пару часов Парис ворвался в ателье, где переодетая в тунику Айседора репетировала под музыку Шопена. В первую минуту показалось, будто бы он смертельно пьян, Зингер действительно качался, не произнося ни слова, пока его колени не подогнулись и он, грохнувшись на пол, простонал: «дети… дети… погибли!»

Айседора ничего не поняла, да и как можно понять такое? Без

сомнения, Парис выпил или сошел с ума. У него галлюцинации, бред! Необходимо срочно позвать за врачом. Поняв ее с полувзгляда, Скин уже мчится к телефону, но на лестнице слышны голоса и стук каблуков.

Нежно обняв Париса, Айседора пытается помочь ему встать, она где-то читала, что с безумными следует разговаривать совершенно спокойно, так, будто бы ничего не произошло. Она улыбается, говорит о своей любви, о том, что Парис все выдумал, что такого просто не может быть… Приснилось или злая шутка, меж тем в репетиционный зал входят люди, множество знакомых и незнакомых людей.

Низенький доктор с квадратной фигурой и черной, почти смоляной бородой уверяет Айседору, что машина действительно упала в воду, но детей еще можно откачать, и он непременно это сделает.

Его речь кажется Дункан такой убедительной, что она накидывает на плечи шаль, готовая отправиться вместе с врачом к детям. Кто-то тянет ее за руки, усаживает в кресло, растирает ей виски.

«Зачем? Плохо Парису, а не мне?!»

Рядом с ней, неведомо откуда, появляются плачущие женщины, но сама Айседора не может выдавить из себя ни единой слезинки, вместо подавленности ощущается мощное освобождение ликующей энергии, ей хочется бежать, делать что-то. Доктор давно ушел, Айседора слышит, как за ее спиной его называют Анри. Это имя не говорит ей ровным счетом ни о чем.

Но Айседора несколько раз повторяет про себя это имя, вслушиваясь в пустоту. Сердце молчит, разум молчит. Окружающие передвигаются в неслышном театральном рапиде, тихотихо, как бестелесные тени. Призраки водят хороводы вокруг нее. Сколько, день, ночь… вечность.

Мир почти исчез, отгородился от нее полупрозрачным покрывалом. Узнав о постигшем Дункан горе, Клод Дебюсси[123] всю ночь играет для сидящей посреди зала Айседоры, пытаясь звуками музыки утешить ее или хотя бы пробудить.

Ой, не надо. Пробуждение будет ужасным! Ведь мисс Дункан все еще не плачет, не кричит, не говорит, а только смотрит в одну точку, душа ее медленно и верно умирает, нисходит в сам Аид, влекомая двумя светлыми тенями – девочкой и мальчиком.

Доктор не помог, слишком поздно взялись спасать. Две крохотные хрупкие фигурки, бледные до восковости, лежат в комнате с завешенными шторами, уже обряженные в лучшие одежды, прекрасные, но слишком спокойные для детей. Говорят, когда их вытащили из воды, Дердре крепко обнимала Патрика,

как обещала матери в день его рождения. Сдержала слово.

До того, как увидеть своих детей, Айседора, как ей потом рассказывали, умудрилась не только подняться с места, а еще и бродила по дому, хотя и не помнила, как ее доставили в этот самый дом. Причем не просто ходила от стены к стене, точно маятник, а успокаивала всех подряд, рассказывая о рае, о бессмертной душе, о том, что теперь ее дети несомненно сделались ангелами. Еще что-то о перевоплощении и о том, что малыши очень скоро вернутся к ним снова. Услышав эти речи, Парис залился слезами и убежал прочь.

Айседора деловито поправила платье на Дердре, слегка растрепала золотые волосы Патрика, их слишком сильно зачесали назад, одобрила корзины с цветами, и только потом, прижав крохотные холодные ручки к своим щекам, из груди Айседоры исторгся вопль отчаяния. Она слышала этот крик со стороны, видела, как ее тело точно само собой бросилось вперед, в запоздалой попытке прикрыть мертвых детей. Ее подхватили, оттащили в сторону, а она кричала, кричала, пока вместе с криком из нее не вышел остаток сил, и она нырнула в глубокий омут спасительного обморока.

Похороны некрещеных детей Айседоры Дункан были разыграны как мистерия ужасающей красоты. В этот день в Париже было невозможно отыскать ни одного цветка, потому что все цветы были принесены в Нельи. Некоторое время назад Дункан боролась с являвшейся к ней черной тенью, на похоронах собрались стаи черных-пречерных теней, все плакали, выражая Айседоре соболезнования, и одна только Дункан среди них смотрелась странной белой птицей, утратившей собственную стаю и не прибившейся к иной. Августин, Елизавета и Раймонд взяли на себя организацию похорон, но Айседора тут же сообщила им, что, несмотря на общественное мнение и христианские догмы, ни за что не отдаст своих детей на съедение червям. Слушая мелодию из «Орфея» Глюка, в исполнении прибывшего в полном составе оркестра Колонна, она представляла себе костер, на котором сгорело тело Шелли, о, если бы ей это позволили, она запалила бы два костра на берегу Сенны, и люди поняли бы красоту ее замысла. А потом они развеяли бы пепел на Лазурном берегу, где малыши еще совсем недавно были так счастливы.

Айседору долго отговаривали от кремации, христианская церковь не одобряет сжигания тел, но, в конце концов, она все-таки отвезла тела в крематорий.

В память о детях, веселых, шаловливых малышах, Айседора делает попытки отказаться от обычных светских похоронных

условностей. Черные катафалки, цилиндры, мрачные, заплаканные люди, которые, называя себя христианами, не способны поверить, что невинные малютки уходят из этой жизни только для того, чтобы играть и веселиться в райском саду. Что смерти нет, и возвращающиеся на небо чистые души терпели бы на своем пути меньше препонов и трудностей, если бы в дальнюю дорогу их сопровождали не черные печальные тени, а люди, которых они хорошо знали и любили. Нежная, светлая музыка, море цветов, сияющий праздник прощания перед разлукой, которая не будет длиться вечно. Ничто не вечно в этом прекрасном мире. Пусть души их уносятся в далекий и прекрасный Эдем, но рано или поздно туда же, без сомнения, направятся и все те, кто не смог пока сопроводить своих дорогих ушедших, а значит, встреча неминуема. Когда-нибудь Айседора, несомненно, вновь обнимет своих детей. Когда? А прямо сейчас.

Похороны детей Айседоры Дункан.

«Я думаю, что в это мире есть такое горе, которое убивает, несмотря на то, что человек выглядит вполне живым. Тело все еще способно влачиться по земному пути, но дух обессилен и подавлен навсегда».

(Айседора Дункан)

Вернувшись в ателье, Айседора решает за благо для себя покончить с жизнью. В тайном месте в жилище Цирцеи припрятана китайская шкатулка с наркотиками. Обычно для того, чтобы привести себя в порядок, расслабиться после выступления или заснуть, требовалась самая малость, сегодня она примет все и сразу. Даст себе немыслимую, невозможную дозу, уснет и в следующее мгновение пустится вдогонку, вслед за зовущими ее Патриком и Дердре. Веселые дети бегут по лунной дорожке, красиво развиваются золотые волосы девочки, босые ножки не касаются ни земли, ни воды, Патрик резко останавливается и вдруг, прыгнув долгим тягучим движением в сторону матери, хлопает ее ладошкой по плечу: «Ты водишь, догоняй». Смех Дердре разливается над водой и облаками, девочка ловко прячется за пушистым облаком, так что Патрик проскальзывает над ней и, взлетев, направляется к самым звездам.

«Мама, догоняй!»

Айседора достает заветную шкатулку, настойка морфия, порошки… все это можно, наверное, смешать и затем выпить, или… она оглядывает комнату, высматривая графин с водой, но тот остался в ателье. Тяжело вздохнув и помахав рукой Дер-дре, Айседора спускается вниз. Ступеньки уходят из-под ног, но наша героиня крепко держится за перила. Убить себя и переломать ноги суть не одно и то же, шаг за шагом, шаг за шагом Патрик и Дердре все дальше, держась за руки, они бегут, поднимаясь все выше и выше.

«Мама, догоняй!»

Айседора чувствует, что осталась одна, в целом мире одна. На рояле бутылка с выдохшимся шампанском, все сошли с ума, никому ни до чего нет дела. она ссыпает порошки все, какие только есть, на обнаруженный тут же нотный лист. «Шопен», – автоматически отмечает Дункан, и в воздухе разливается дивная музыка.

Дети ждут ее у берега Леты, а если и не ждут, она еще вполне успеет их нагнать. Что там впереди, здесь она все равно уже никому не нужна. Зингер найдет себе другую, мать давно вернулась в Сан-Франциско. братья, сестра.

Айседора поднимает лист с порошком, какая легкая смерть, умереть, слушая Шопена. Секунда, и яд по бумажному желобку посыплется ей в рот, Патрик и Дердре все выше и выше. Дункан запрокидывает голову, и в этот момент со звоном распахиваются двери и окна, ворвавшийся в ателье ветер порывом сдувает смертоносную пыль, и она поднимается над Айседорой серебристым облаком. А в следующее мгновение детские ладошки хватают ее за руки, плечи, обнимают за талию, целуют в

щеки и губы. Их много, Патрик, Дердре. они везде и всюду.

«Айседора, мы тоже ваши дети. Не бросайте нас, живите ради нас!» Одетые в домашние платья девочки-ученицы обнимают свою приемную маму, не позволяя ей ни упасть, ни улететь. И она оседает обессиленная, окруженная со всех сторон их любовью и нежностью.

«Нет. Мама никуда не уйдет. Мама будет с вами», – произносит она бескровными губами, чтобы в следующее мгновение потерять сознание.

Патрик и Дердре летят все выше и выше, их уже не догонишь.

Бегство

Все воспитанницы Дункан тяжело переживали смерть самых младших учеников школы, и все они больше всего на свете боялись теперь потерять еще и ее. Поэтому Айседору окружили своей любовью и участием, по сто раз на дню маленькие феи оказывались перед не способной заниматься с ними танцовщицей, умоляя посмотреть их новые работы, поговорить об искусстве, дать хотя бы небольшой урок.

Старшие девочки, те, что были набраны в Берлине, теперь преподавали новым ученицам, так что Айседора могла не беспокоиться за судьбу школы, что же до того, чтобы попытаться отвлечься работой, об этом не было и речи.

Ночью в одинокой постели она мечтала прижаться к сильному, теплому плечу Париса, но тот после похорон забыл дорогу в Нельи. Понимая, что единственный шанс для нее вновь обрести почву под ногами – это быть все время с любимым, Айседора беспрестанно звонит и пишет Зингеру, но тот замкнулся в себе и не отвечает на призывы Дункан, опасаясь, что в Нельи его встретят слезами и воспоминаниями, которые он решительно гонит от себя.

Айседора жаждет его любви и… возможности родить еще хотя бы одного ребенка. Дать новый шанс Дердре или Патрику появиться на этом свете. Что может быть проще? Она снова родит одного, затем другого, дети вернутся, и все будут счастливы. Но Зингер не желает пройти этот путь дважды. И Айседора погружается в омут отчаяния. Все в Нельи напоминает ей о потере. В комнате, в которой жили ее малыши, до сих пор находятся их вещи. Дункан начинает слышать голоса, видеть, как по дорожке к дому с корзинкой цветов идет Дердре или Патрик склонился над какой-то книгой.

Доктор требует, чтобы Айседора немедленно покинула это место. Самое лучшее – отправиться в длительное путешествие, занялась каким-нибудь делом, способным захватить ее целиком, потребовав от нее полной самоотдачи. Но пока это не может быть школа или театр. Она просто обязана сменить обстановку, в то время как ученицы переедут на одну из вилл Зингера, где продолжат свои занятия. Парис категорически отказывается сопровождать свою подругу в ее странствиях, и на помощь приходит семья. Раймонд со своей супругой Пенелопой и сыном Меналкасом готовятся к путешествию в Албанию, где они будут трудиться в лагере беженцев.

«Твои дети погибли, но в мире полно больных, голодных и

несчастных детей, которых мы еще можем спасти, – сурово констатирует он. – Я не предлагаю тебе ни виллы, ни слуг, ни деликатесов, а как раз прошу вложить твои деньги и силы в этот проект. Работать, а не валяться на диване, рыдая об утраченном».

«Поехали лучше с нами на Уорфу, – сменяя возле постели Айседоры брата, нежно шепчет Елизавета. – Приятное путешествие, никакой спешки, остановимся на несколько дней в Милане, побродим по городу, надоест, двинемся дальше. Весь мир наш. Поедем в твоем автомобиле, на поезде или возьмем экипаж. В Италии сядем на пароход и прямиком на Корфу. Ты и сама не заметишь, как снова начнешь улыбаться. Только ты, я и Августин. Что может быть лучше?»

Айседора выбирает Италию. Тяжелая жизнь в палатке без малейших удобств и человеческих условий – это ерунда, но вот заботиться о чужих детях, когда она везде и всюду слышит детские голоса и не может без слез смотреть на совершенно чужих ей мальчиков и девочек… где рядом все время будет находиться веселый, неугомонный племянник…

Наверное, все же лучше будет вновь посетить Рим и Венецию. Музеи Флоренции или какой-нибудь совершенно незнакомый городок, но первая же остановка чуть не доводит ее до нового срыва. В Венеции Августин везет сестер в ту самую гостиницу, в тот самый номер, в котором она впервые почувствовала, что беременна. Воспоминания нахлынули на не ожидавшую подобного удара женщину, так что она снова увидала ангела в храме святого Марка, золотоволосого, голубоглазого Патрика, явившегося ей в тот день, как провозвестник грядущего, и играющую в песок Дердре.

Когда же Айседора легла на постель, пытаясь успокоиться, в самую ее душу заглянули злые глаза дамы с портрета, в гостиницах редко меняют интерьер: «Разве я этого не предсказывала – все ведет к смерти?» – с наигранным удивлением поинтересовалась незнакомка.

Дункан вскочила, точно ошпаренная, и как была, без туфель, вылетела в коридор, чудом не грохнувшись с лестницы и оказавшись у столика портье, где чуть не сбила с ног вышедшего из своего номера Августина, требуя, чтобы тот немедленно отвез ее в другую гостиницу.

В общем, с Миланом не получилось, и, не отдохнув, они на следующий же день отправились в порт Бриндизи, где сели на пароход и уже без приключений добрались до Корфу.

Что такое Корфу – солнце, море, свежий воздух, простая вкусная пища, словом, все то, что может излечить исстрадавшуюся душу или хотя бы отвлечь ее от страдания.

Айседора понятия не имела, сколько времени она провела на этом дивном острове и что там делала. По словам Елизаветы и Августина, утром она уходила на море, где и сидела все время, пока ее не уводили в гостиницу. Она ела, не чувствуя вкуса, пробовала вина, не пьянея. Не отвечала на вопросы и ждала только одного, когда можно будет тишком убежать к морю.

Однажды Елизавета принесла Айседоре телеграмму от Зингера, в которой тот требовал немедленно сообщить о состоянии Дункан, и, получив сообщение, что она жива, тотчас собрался в дорогу, дабы быть с ней.

Оказалось, что во сне ему явилась сияющая лунным светом Айседора, которая протягивала к нему руки и говорила, что последует за детьми, если он не приедет.

В ту ночь, когда Парис видел жуткий сон, Айседора не спала, а, запершись в своей комнате, плакала и молила любимого приехать и забрать ее отсюда.

Обрадовавшись, что ее слова оказались услышанными, Айседора решила, что это знак, и их любовь еще может ожить, но Парис и не думал ни звать ее в Париж, ни оставаться на острове. Мало того, пожив там с недельку, он уехал, никому ничего не сказав. Просто исчез по-английски. Так что Айседора увидела только дым из трубы его парохода, догадавшись, что снова осталась одна.

«Как ты думаешь, куда мы сегодня отправимся?» – уже в который раз спрашивала Дердре, и тут же до Айседоры долетал предупреждающий вопрос гувернантки: «Не лучше ли им остаться дома?» Да, несомненно, это было самое настоящее предупреждение. Гувернантка что-то знала или предвидела? А она – глупая, ослепленная любовью мать не сумела разобрать этот знак судьбы, этот призыв о помощи!

Наконец, все трое были вынуждены признать, что такая палочка-выручалочка, как смена обстановки, может помочь кому угодно, но только не Айседоре. Безделье угнетало ее само по себе, притягивая мысли о никчемности дальнейшего существования и заставляя все время думать о смерти. Определенно, для такого деятельного человека, как Дункан, был необходим не столько отдых, сколько работа.

А какая работа может быть у танцовщицы и преподавателя? Танцевать она не могла – да если бы и попробовала, представляю, как отнеслись бы к этой милой новости газетчики, как минимум написали бы, что теперь мисс Дункан пляшет на трупах. Да и она сама, всю жизнь ассоциирующая танец с высшим восторгом, могла ли она радоваться при столь печальных обстоятельствах?

О преподавании тоже речь не шла, так как Айседора не могла

себя сдерживать, просто глядя на чужого ребенка, что уж говорить о нескольких десятках девочек, каждая из которых станет робко заглядывать в глаза, каждая из которых чем-то похожа на незабвенную Дердре.

Наконец, на семейном совете было решено, что Айседора поедет к Раймонду в Албанию: «Вся страна охвачена нуждой. Деревни опустошены; дети голодают. Как ты можешь здесь сидеть, погруженная в эгоистичное горе? Приезжай и помоги кормить детей, утешать женщин», – в своей обычной несколько истеричной манере писал брат.

На этот раз Айседора быстро вняла укорам и просьбам родственника. Раймонд возил продукты питания, одежду, одеяла и медикаменты. Желая самостоятельно забрать сестру, он совместил приятное с полезным и, заехав на Корфу, посетил местный дешевый рынок, где приобрел невыделанной шерсти. После чего, набив под завязку крохотный трюм нанятого по такому случаю пароходика тюками с шерстью, предложил сестренке подняться на борт его корабля. Раймонд двинулся в сторону Санта-Кваранту, где размещался большой лагерь беженцев и семья Раймонда организовала центр помощи.

Добравшись до места, он объявил, что ему нужно несколько женщин, умеющих и желающих прясть за драхму в день. На эти деньги можно было купить в порту кукурузу, которой хватало на прокорм целого семейства. Желающие нашлись, и вскоре, немало удивленная такой помощью, Айседора уже наблюдала стайку занятых работой женщин.

Убедившись, что все идет по плану и Пенелопа следит за тем, чтобы работницы сдавали пряжу и получали вознаграждение, Раймонд отправился в обратный путь на Корфу, откуда вскоре привез ткацкие станки. На следующий день по приезду он сформировал еще один маленький цех, где так же работали за драхму в день ткачихи. В качестве узора для ковров и покрывал Раймонд выбрал рисунки, которые он делал давным-давно для Айседоры, она их сразу же узнала. Это были изображения, срисованные с древних греческих ваз и этрусских кубков. Готовые покрывала он отвез в Лондон, где выгодно продал, и на деньги открыл пекарню, хлеб в которой стоил в половину меньше, чем можно было приобрести в порту.

Работа в лагере оказалась несложной, собственно Айседора, Пенелопа и Меналкас больше купались и загорали на берегу, если у Раймонда оставались лишний хлеб и картофель, они грузили его на тележку, запрягали старенькую неопределенного цвета лошадку и ехали по тропинке в горы, где раздавали продукты нуждающимся.

Разумеется, ни о каких танцах не шло и речи, но да Айседора далеко не сразу сумела хотя бы немного прийти в себя. Здесь она одевалась, точно простая крестьянка, и в один прекрасный день не в силах расчесать свои поседевшие, сделавшиеся солеными от морской воды волосы, была вынуждена срезать их первым попавшимся ножом, после чего преподнесла дар морю.

То и дело брат подговаривал ее продать недвижимость во Франции и отдать деньги на нужды голодающих Албании, но на тот момент времени Айседора уже достаточно пришла в себя, для того чтобы рассудить, что на всех голодных ее скромных средств не хватит, она же была обязана содержать школу.

Теперь она взирала на окружающую ее нищету с пониманием собственной ненужности в этом мире. Несомненно, будь она врачом или учителем, умей ткать ковры или каким-то иным способом помогать этим людям, жизнь в простой палатке и питание хлебом и кукурузой не показались бы ей такими однообразными и скучными. Айседоре было необходимо заниматься тем, для чего она предназначена, или для начала хотя бы утолить жажду красоты и экзотики. Определенно, ей требовались выходные, немного, но и не так мало, ровно столько, чтобы посетить Константинополь. Сказано – сделано, и вот Айседора и Пенелопа отправляются на экскурсию в новый для себя сказочный мусульманский мир. Простая каюта на двоих, скромные, но изящные платья, чтобы не отличаться от прочей публики. В Константинополе они берут извозчика и отправляются в гостиницу «Пера Палас» в старом городе. Не узнанная никем, Айседора часами гуляет по городу, лакомится сластями, совершает недолгие «набеги» на рынок и лавки. Понемногу жизнь входит почти что в прежнее русло, нет, она не начинает забывать, всякий раз покупая для себя что-нибудь, Дункан ловит себя на мысли, что глаза упорно выбирают платье для дочери, декоративный кинжал для сына… все так же она просыпается посреди ночи, разбуженная голосами прошлого, призрачные дети будят ее, запрыгивая на кровать и обвивая ее шею своими крошечными, теплыми ручонками. Но теперь она снова интересуется будущем, часто вспоминает Париса, с которым они очень скоро увидятся, и тогда кто знает… Вместе с Пенелопой Айседора заходит к армянской гадалке, которая приветствует ее как дочь солнца, посланную на землю, дабы принести радость людям. По ее мнению, Айседора должна открыть целый культ, претерпеть много страданий и воздвигнуть храмы красоте и гармонии по всей земле.

Храмы? Какие храмы? Можно ли считать храмом долгострой на Капаносе?

Пенелопе старуха предсказывает болезнь и смерть ее мужа и сына, а также ее собственную раннюю смерть. От гадалки подруги уходят в смешанных чувствах и решают не верить в предсказание, но вечером Пенелопа получает телеграмму: «Меналкас и Раймонд очень больны. Приезжайте немедленно». И они тут же отправляются в обратный путь.

Оказалось, что едва Пенелопа и Айседора покинули лагерь, там началась эпидемия. Раймонд и Менелкас уже несколько дней лежали в лихорадке, но, несмотря на все просьбы Айседоры, немедленно вернуться вместе с ней в Европу, упрямый брат предпочел разделить судьбу албанских беженцев. Айседора посчитала глупым оставаться в заразном лагере, не будучи врачом, и уехала прочь, оставив брата и его семью бороться с болезнью в одиночестве. Она привела в поселок корабельного врача и купила для всех больных лекарства, после чего поднялась на борт небольшого судна.

Возможно, такой поступок нашей героини покажется читателю эгоистичным, но что она могла сделать? Умереть за компанию со всеми остальными?

Предсказание начало сбываться, а маленький пароход уже уносил дочь солнца в Триест, откуда она переправилась через швейцарские горы на собственном автомобиле (машина была ей доставлена прямо в порт, так как Дункан не желала ехать поездом). Передохнула несколько дней у Женевского озера, после чего отправилась путешествовать. Она останавливалась в маленьких гостиницах на день или два, отдыхала, приводила себя в порядок и снова трогалась в путь. Объехав таким образом несколько городов Швейцарии и встретившись в одном из них с вернувшимся Августином, который решил покататься какое-то время со своей печальной сестрой, Айседора устремилась в Париж, где, однако, не задержалась, так как ее могли в любой момент узнать и начать расспрашивать, принося запоздалые соболезнования. Выпив кофе в незнакомом кафе, Дункан устремляется домой. Как и следовало ожидать, ателье пустовало. Айседора взяла ключ у живущего неподалеку сторожа, и вот она уже стоит посреди зала с голубыми занавесями. Этот дом был достоин того, чтобы в нем снова поселились музыка и танец. Едва устроившись на месте и наняв прислугу, Айседора посылает за Генером Скином, дабы как можно скорее начать репетиции.

Раймонд Дункан, брат Айседоры Дункан, вместе с женой Пенелопой и сыном. 1912 г.

Но его музыка неожиданно пробудила в душе Дункан целый рой непрошеных воспоминаний, в который уже раз ее окружают

призраки, не дающие покоя ни днем, ни ночью. Айседора пытается успокоиться и взять себя в руки, начинает командовать, требуя привести ателье в порядок, покрасить и подновить рамы, принести цветы, она сама отправляется в Париж и покупает там несколько покрывал и подушек, и, вернувшись, не менее решительно заходит в домик, где когда-то жили Патрик с Дердре. Увидав разбросанные игрушки и одежду, Айседора падает в обморок.

Ее так и нашли посреди комнаты, обнимающую детские вещички. Приглашенный доктор советует ей снова уехать, а еще лучше – продать этот дом вместе со всеми связанными с ним печальными воспоминаниями.

И вот она вновь садится в машину и отбывает в южном направлении. Нормальная скорость для Айседоры в то время – 70–80 километров в час – то есть предел – ровно столько, сколько может выжать машина. Однажды она заметила, что этот способ наилучшим образом отвлекает ее от тяжелых дум, после чего путешествовала только так. Перебравшись через Альпы, Айседора в полном одиночестве отправляется странствовать по Италии. У нее нет ни определенного маршрута, ни плана. Она свободна как ветер, Венеция, Рим, Римини, Флоренция… Во Флоренции живет Крэг. Айседоре прекрасно известен адрес бывшего любовника, но Горден в очередной раз женат и, по слухам, доволен своей жизнью. Поэтому Айседора перебарывает в себе желание увидеть отца Дердре и едет дальше.

Виареджио – местечко, где на крошечной розовой вилле устроилась Элеонора Дузе, единственный человек, рядом с которым Айседоре вдруг захотелось оказаться.

Дузе полностью оправдала ожидания подруги, рядом с ней хорошо и спокойно. Она не пыталась делать вид, будто бы ничего не произошло, как поступали другие, вместо этого Элеонора деликатно спрашивала о детях, прося подругу рассказывать разные смешные или трогательные случаи, отчего Айседора смеялась и плакала. Слезы несли успокоение, а после они отправлялись гулять по берегу, читая стихи или просто любуясь окружающей их красотой. Айседора жила в Гранд-Отеле, время от времени оставаясь на всю ночь на розовой вилле, через пару месяцев она с досадой отметила, что ее начали узнавать. И была вынуждена нанять дом, дабы избежать любопытных взглядов. Выбор сдаваемого в аренду жилья оказался огромен, но Айседора остановилась на красном кирпичном домике, внешне немного напоминавшем замок, прежней хозяйкой которого была любовница Франца-Иосифа, родившая от него сына. Ребенок оказался безумным, во время осмотра дома Айседоре показали

комнатку с решеткой на двери, где, по заверениям продавца, некогда томился маленький узник. Айседора сразу же решила нанять дом для себя и Дузе, которая могла бы разместиться в нем по собственному вкусу. Чего-чего, а комнат в замке было не менее 60 – как-нибудь бы устроились. Но Элеонора отвергла предложение, перебравшись из летней виллы в аккуратный домик по соседству.

Однажды явившись к Айседоре, чтобы вывести ее на прогулку, Элеонора застала ту в размышлениях. Оказалось, что только что почтальон доставил телеграмму, в которой импресарио Дункан предлагал ей турне по Южной Америке.

«Поедешь?» – Дузе заглянула в полные слез глаза подруги, и та отрицательно помотала головой, стряхнув на лицо отросшую челку.

«Разве я смогу танцевать? После всего еще и танцевать?!»

С этого момента Элеонора Дузе приняла на себя святую обязанность вернуть Дункан танцу и танцы Дункан.

«Погода хорошая, ветер, но не холодно. Мы вроде как собирались погулять?»

Айседора с облегчением кивнула, и, прихватив шаль, вышла вместе с Дузе.

«Муза трагедии гуляет с музой трагического танца», – патетически произнесла Элеонора в спину идущей перед ней Айседоре. Та повернулась к подруге и слабо улыбнулась.

Анджело от Микеланджело и загадки Лоэнгрина

Растолстевшая и даже оплывшая за годы безделья Дузе тем не менее оставалась весьма привлекательной. Перестав служить в театре, она не забывала ни одной из своих ролей и продолжала верить, что в один из дней найдется человек, который поможет ей реализовать ее мечты. Пока же великая Элеонора Дузе играла свои моноспектакли для единственного, но благодарного зрителя – Айседоры Дункан.

Мечтая хоть как-то отблагодарить Элеонору, Айседора вызвала телеграммой Скина и взяла напрокат рояль. Теперь вечерами в красном доме Дункан звучала музыка. А время от времени можно было расслышать низкий грудной голос Элеоноры. Да, она прекрасно пела. При этом тактичная Дузе ни разу не попросила Айседору потанцевать для них, она просто знала, что рано или поздно это произойдет само собой. Первый танец, который показала своим друзьям Дункан, был импровизацией на адажио из «Патетической сонаты» Бетховена. С этого момента стало ясно – Айседора выжила и скоро вернется к своему искусству.

– Теперь-то вы не откажетесь подписать контракт на турне по Южной Америке?

Айседора не знала, что ей ответить.

– Годы проходят, мы меняемся. Настанет день, когда ты захочешь танцевать, но будет поздно. Танцуй, пока ты молода и красива, танцуй, пока тебя хотят видеть, а сидеть у моря и зевать от скуки, боже мой, такая жизнь больше подходит для двух старых кукушек. Ты еще можешь вырваться, дерзай!

Айседора никуда не поедет. Во всяком случае, пока. Для того чтобы танцевать на сцене, профессионально работать, давая два-три полноценных спектакля в день, требуются силы. Отошедший от продолжительной болезни человек может сделать несколько гармоничных движений, но бежать на сцену при первых признаках выздоровления – жест самоубийцы. Дункан прекрасно понимает свое тело и свою душу. А следовательно, никакие уверения Дузе не могут заставить ее сделать эту глупость.

Без сомнения, спасение Айседоры – в искусстве. Но она просто физически не способна еще танцевать. Остается уповать на чудо.

И чудо приходит, однажды Айседора целую ночь и затем целый день бродила по берегу моря, пока прямо перед ней не

возникли Дердре и Патрик. Дети шли, держась за руки и заговорчески поглядывая на свою маму. Айседора протянула к ним руки, стараясь двигаться быстрее, но как бы быстро она не шла, дети оказывались все дальше и дальше. Ноги вязли в песке, в лицо летели брызги, а она шла, бежала, спотыкалась, падала, снова поднималась и бежала… бежала… бежала. Дердре весело смеялась, подпрыгивая на месте, и вдруг, хлопнув ладошкой по плечу брата, понеслась вперед. Патрик мчался за ней, и

Айседора бежала, задыхаясь и падая, пока не рухнула лицом в песок, а накатившая на берег волна накрыла ее с головой.

Когда Айседора подняла лицо, дети были уже очень далеко.

«Дердре! Патрик!» – закричала Дункан и заплакала, бессильно колотя кулаками мокрый песок.

Должно быть, она, наконец, забылась сном или потеряла сознание. Потому что когда ее разбудили, последнее, что врезалось в память, – это мелькавший перед глазами потолок Сикстинской капеллы, почему именно он? Перед ней стоял прекрасный юноша, большеглазый, отлично сложенный, точно такой, как на одной из картин Микеланджело. Молодой человек только что вышел из воды, отчего его тело сверкало на солнце подлинными бриллиантами.

«Что-нибудь случилось? Я могу помочь?»

О чем можно просить, нет, молить только что вышедшего к тебе из картины придуманного юношу? И Айседора попросила его о любви. Все, что ей нужно сейчас, – это наконец перестать слушать призрачные детские голоса и сосредоточиться на будущем.

«Спасите меня, любите меня, дайте мне ребенка», – пролепетала она и с неожиданной силой обхватила пальцами запястье незнакомца, так, словно боялась, что и он исчезнет. Молодого человека звали Анджело, он учился на скульптора и был помолвлен с детства со своей соседкой. Впрочем, все эти малосущественные подробности Айседора узнала несколько позже, пока же она увела своего полубога – юного, не знавшего жизни Адама в красный замок.

На следующий день непривычно счастливая Айседора уже бежала к домику своей подруги, дабы сообщить благую весть: созданный Микеланджело юноша явился из моря, дабы принести ей любовь и потерянную радость бытия. Айседора гладила свой живот, в котором, по ее мнению, уже ждали своего часа Дердре или Патрик. Все сложилось как нельзя лучше, Анджело открыл ее любви, любовь исцелила душу, и теперь остается только дождаться ребенка.

Объяснение вполне удовлетворило Дузе, и она вызвалась

познакомиться с Анджело работы Микеланджело, посетив его вместе с Айседорой в ателье, где тот ваял.

«Ты действительно думаешь, что он талантлив?» – спросила она, осмотрев готовые и начатые работы юного мастера. Спросила и тут же махнула рукой, главное, что он достаточно красив и Айседора снова влюблена. Таланта в ней на двоих хватит, а когда еще такой случай подвернется – отыскать молодого, здорового и пригожего отца для своего будущего ребенка.

Айседора и сама, похоже, понимала, что долго этот роман не продлится, поэтому старалась запастись впрок положительными эмоциями. Анджело работы Микеланджело действительно исчез в один прекрасный день, оставив вместо себя покаянное письмо, из которого, собственно, Айседора и узнала о его невесте и строгих родителях. Но дело было сделано, она понесла.

С приходом холодов Элеонора заторопилась к себе во Флоренцию, Айседора и Скин проводили ее до дома и отправились в Рим, где непривычно тихо отпраздновали Рождество и Новый год. Рим успокаивал Айседору, возможно, ей стоило задержаться как можно дольше в вечном городе, но неожиданно Дункан была сорвана с места телеграммой от Зингера, в которой тот умолял немедленно приехать в Париж.

Айседора тотчас же отказалась от снятой квартиры, и вместе со Скином они отправились на встречу с Лоэнгрином и его загадками.

Лучший номер в отеле Крильон, из окон которого открывался великолепный вид на площадь Согласия, по обыкновению Париса Зингера, был заставлен корзинами и вазами с белыми цветами, а на столе лежала купчая на гостиницу в «Бельвю», в которой Айседора могла теперь открыть школу на тысячу воспитанниц. Мечта – стеснительная и не терпящая излишнего внимания к своей особе истеричка, сколько лет Дункан обивала пороги богатых домов и взывала со сцены – безрезультатно. Возможность открыть школу нашла измученную и глубоко страдающую женщину, которая, потеряв все, теперь безумно хваталась за сумасшедшую идею помочь ушедшим от нее детям воплотиться вновь. К женщине, носившей под сердцем ребенка и уже не стремящейся ни учить, ни танцевать.

Тем не менее Дункан едет в Бельвю и осматривает пустую гостиницу с террасами, откуда открывается вид на Париж, на живописные в своей заброшенности сады, спускающиеся к самой реке.

Казалось бы, судьба дает еще один шанс, Зингер выполнил данное Айседоре в 1908 году обещание, и теперь они будут вместе, ради этого Дункан даже готова поступиться со своими

принципами и наконец зарегистрировать брак, но… теперь медлит он.

Для Париса нож острый – идея своей подруги родить детей по второму разу. Как опытный, знающий жизнь человек, он заранее предчувствует неудачу и крах. Понимает, что Дункан, подобно утопающему, хватается за край неба, и случись что-нибудь… малейшая погрешность, неудача, трагедия, и она рискует уже не подняться. Он не желает участвовать в этом безумии, потому не предлагает своей любви, и вообще не хочет, чтобы между ними были иные отношения, кроме чисто профессиональных. Она – основатель школы нового танца и родоначальник направления в искусстве, он – скромный меценат, обеспечивающий эту идею средствами.

«Я уже один раз ошибся, предлагая вам помощь несколько лет назад, я незамедлительно влюбился в вас, и в результате мы ничего не построили вместе, а дети погибли. Теперь мы станем делать все ради искусства, не примешивая к нему ничего плотского»[124].

Впрочем, нельзя исключить и того факта, что, услышав об очередной беременности Дункан, он просто не желает с ней более связываться. Хотя, с другой стороны, стала бы Айседора искать отца для своего ребенка, если бы Зингер не отказал ей в этом. А ведь она не желала нового ребенка себе в утешение. Дункан свято верила, что это единственный способ вернуть ее умерших детей в мир.

Не откладывая больше ни на день работу в Бельвю, Айседора руководит ремонтом и одновременно проводит конкурс в центре Парижа, в результате которого ей удается отобрать пятьдесят новых учениц. Тут же она отбивает телеграмму Елизавете, которая должна приехать сама и привезти воспитательниц и учителей. Некоторые старшие девочки уже с успехом преподают в той же школе, так что Айседора думает об их трудоустройстве уже на постоянной основе.

Вскоре стандартная безликая гостиница преображается, столовые становятся залами для танцев, в которых висят привычные уже голубые занавеси. Самая большая зала снабдилась возвышением, на котором, по задумке Айседоры, предполагалось либо размещать кресла зрителей, так что танцовщики будут двигаться вокруг них, создавая иллюзию втянутости зрителя в спектакль, либо, если того потребует режиссерская задумка, возвышение превратится в сцену, но тогда уже зрители должны будут расположиться вокруг нее. То есть Дункан планирует интерактивные спектакли с вовлечением зрителей в действо. Но действом была и жизнь в школе, так, между классами, по задумке

Айседоры, были установлены поднимающиеся и опускающиеся переходы, удивительная многоярусная столовая, в которой уровни поднимались по мере удаления от центра, как в английской палате общин. Дункан приобрела столовую мебель разной величины и расставила ее таким образом, чтобы самые маленькие ученицы располагались в центре, а остальные выше по мере возрастания. На самом верху должны были восседать готовые расправить молодые крылья выпускники.

Несмотря на уговоры Зингера, что Айседора должна набрать не пятьдесят, а, по меньшей мере, пятьсот новых учениц, она медлит, понимая, что детям необходим индивидуальный подход, а имея на руках пять сотен ничего не знающих и то и дело просящихся домой к маме девочек, она не сможет даже толком выучить их имен. Кроме того, девушки из первой группы, набранной еще в Берлине, с недавнего времени сколотили собственную танцевальную труппу «Танцовщицы Дункан» и теперь с успехом гастролируют по Америке. Следовательно, Айседора уже не могла рассчитывать, что все они бросят свою работу и ринутся поднимать школу, тем не менее многие услышали зов своей второй мамы и направились к ней в Бельвю. Кроме того, нежданная радость: откликнувшись на письмо Дункан, к ней приезжает старинная приятельница – Мэри Дести, которая постарается привлечь к школе прессу и меценатов, и когда прийдет время, еще и поможет с ребенком.

Субботний день в Бельвю полностью посвящен артистам, художникам, да и просто желающим поглядеть на детей Дункан. В 11.00 начинается публичный урок, длящийся час, после чего подается завтрак, на который приглашаются все зрители без исключения. Если позволяет погода, взрослые гости сидят за накрытыми столами бок о бок с малышами, прямо в саду, если небо хмурится или делается прохладно, завтрак переносится в столовую. После трапезы традиционно музыкальный концерт, чтение стихов специально приезжающих в Бельвю поэтов и… нередко маленький праздник заканчивается танцами. Пятьдесят девочек надевали поверх платьев разноцветные накидки, купленные им новой мамой, в которых они бегали и кружились, в результате нередко покидая скучных взрослых и устремляясь в лес.

Среди завсегдатаев школы Дункан того времени были архитектор Луи Сю, несколько лет назад придумавший так и не воплощенный в жизнь театр Айседоры, и скульптор Роден, который очень полюбил рисовать, глядя на танцующих или играющих детей, и начинающий фотохудожник Эдвард Стайхен[125]. Набирая первых учениц в Берлине, Айседора соглашалась

на любых девочек, не обращая внимания на их здоровье и физические данные, не ведая, музыкален ли ребенок и есть ли у него чувство ритма или склонность к танцу. Теперь через много лет она сумела сделать правильный выбор, отбирая из толпы приведенных ей крошек самых талантливых и многообещающих. После того как она узнала, что такое – давать полноценные спектакли по три раза на дню, Дункан изменила свое мнение относительно выбора будущих танцовщиц – и теперь брала, уже не руководствуясь естественной жалостью, но думая о том, что танцор должен быть прежде всего здоровым и способным к физическим нагрузкам. Первую группу ей пришлось еще долгое время лечить, закалять и приводить в божеское состояние, новые девочки оказались на редкость одаренными и уже через три месяца показывали результаты, которых берлинская труппа достигла в лучшем случае через год.

Айседора Дункан со своими ученицами.

«Если мое искусство символично, то символ этот – только один: свобода женщины и эмансипация ее от закосневших условностей, которые лежат в основе пуританства».

(Айседора Дункан)

В июне в театре «Трокадеро» Айседора давала безденежный концерт, в котором участвовали новые ученицы и несколько

старших воспитанниц, приехавших в Бельвю вместе с Елизаветой и другими преподавателями. В день премьеры сама Айседора демонстративно заняла место в ложе, как бы говоря, что вполне доверяет воспитанникам. Это выступление было отлично принято публикой и нашло отклик в благожелательно настроенной прессе. А восторженный Парис объявил во всеуслышание о начале строительства театра Айседоры на холме «Бельвю». Театра, в котором будут выступать Дузе, Дункан, Муне-Сюлли и другие великие деятели театра. Постепенно все возвращалось на круги своя, только на этот раз размах Зингера был поистине велик. Предполагалось, в частности, что при театре на постоянной основе должен находиться симфонический оркестр, который будет как сопровождать спектакли, так и давать концерты.

И вот работа закипела, счастливый Луи Сю притащил старую папку с пожелтевшими чертежами и планами театра. Айседора погрузилась в работу «балетмейстера», вместе с Августином она запланировала постановку «Вакханках» Еврипида, в которой брат отвел себе «скромную» роль Диониса, а Айседора и ее ученицы должны были изображать греческий хор. Так что занятия в классах плавно перетекали в репетиции, а по вечерам Августин читал им Еврипида, Шекспира, Байрона… Уяснив для себя, что Августин и Айседора Дункан замыслили новый спектакль, в гости к ним зачастил д’Аннунцио. Посещая открытые уроки, Габриэле отдавал предпочтение искусству старших учениц, с некоторыми из которых он порывался затевать задушевные разговоры о предназначении актера, об искусстве танца, о современном театре или о поэзии, безрезультатно пытаясь увлечь юных нимф в ближайший лесок, но наученная горьким опытом Дункан была на страже. И тогда он делал трогательные попытки переключиться на саму Айседору, но… начавшаяся Первая мировая война помешала его планам по соблазнению музы трагического танца, и, что более существенно для нас, в одночасье рухнули все надежды Айседоры Дункан.

Война

28 июня газеты сообщили об убийстве в Сараево австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда девятнадцатилетним сербским террористом, студентом из Боснии Гаврилой Принципом, после чего в спокойной, расслабленной атмосфере Франции поселилась тревога. Лично знакомая с эрцгерцогом Айседора в первую минуту страшного известия почувствовала, что земля ушла у нее из-под ног.

Появилось такое ощущение, словно определенно все вдруг начали ощущать нехватку воздуха, а пресса каждый день нагнетала ужаса. Все могли думать и говорить только о войне, все заходящие в школу друзья, прислуга, даже дети были заняты долгими и путанными разговорами о бомбах, ружьях и таинственных врагах, прихода которых следует ожидать со дня на день. К концу июля Парис объявил каникулы и тут же отправил школу в свой девонширский дом в Англии. Решили, что дети отдохнут месяцок, и в сентябре, когда война закончится, можно будет продолжить занятия. Не поехала только Айседора. В ее распоряжении остался совершенно пустой дом, в котором жило эхо и по которому она бродила дни и ночи, прислушиваясь к отдаленным крикам газетчиков, сообщающих о мобилизации. Били барабаны, и какие-то плохие актеры с показной бодростью распевали безвкусные песни о Франции и свободе.

Мучась от жары и духоты, в предчувствии скорых родов, Айседора разрывалась между двух решений – закрыть все окна и двери, дабы не слышать происходящего, или распахнуть их настежь и еще положить холодное мокрое полотенце на лоб. Первого августа она почувствовала схватки.

Уложив Айседору на постель и вызвав к ней врача, Мэри торжественно внесла в комнату заранее приготовленную и изящно убранную белым атласом с цветами из шелка и крепдешина цветами колыбель.

Дункан задыхалась от жары, и ей то и дело смачивали уксусом виски и растирали шею и руки.

«Как ты думаешь, Дердре или Патрик? Патрик или Дердре? – поминутно спрашивала подругу Айседора, а Мэри только улыбалась в ответ.

За окном гремели барабаны, звенели солдатские песни, слышалась громовая поступь подбитых гвоздями ботинок.

Вопреки просьбам и даже требованиям Дункан, новый доктор строжайше запретил давать ей обезболивающее, уговаривая пациентку терпеть и не позволив даже глотнуть ледяного

шампанского, которое по просьбе Айседоры заранее заготовила Мэри. Перед родами пищевые предпочтения нашей героини изменились, и она стала требовать креветок и шампанского.

Если бы он разрешил хотя бы включить патефон, так громко, чтобы не было слышно звуков с улицы, но врач словно упивался страданиями своей беспомощной пациентки, еще бы – на улице война, а тут какая-то разнеженная барыня просит дать ей наркотиков и шампанского!

Наконец, ребенок появился на свет, это был мальчик! Здоровенький карапуз. Мечта сбылась, Патрик первым вернулся к своей маме, и теперь ей уже не страшна ни война, ни любые другие катаклизмы. На долгое время повисший на стороне безысходного горя, маятник судьбы Айседоры Дункан ворвался в полосу неистового счастья, которое длилось чуть больше получаса. Новорожденный умер на руках своей еще не успевшей отойти от родов матери.

В один миг с вершины счастья Айседора грохнулась в омут невероятной, неиспытанной доселе боли. Она снова переживала смерти Дердре и Патрика. Все было кончено, и Мэри вынесла из комнаты белую колыбельку, в которой ни разу так и не заснул сын Айседоры.

На следующий день германские войска окончательно оккупировали Люксембург, выдвинув Бельгии ультиматум о пропуске германских армий к границе с Францией. На размышления давалось всего 12 часов. Правительство Франции спешно перебазировалось в Бордо, а оборону столицы возглавил энергичный генерал Галлиени[126].

Айседоре казалось, что она умирает, долгое время врачу не удавалось прекратить кровотечение, кроме того, она то и дело обливалась теплым молоком, запах которого казался тошнотворным. Несмотря на москитные сетки на окнах, мухи так и липли к ее мокрому от пота и слез лицу. За окном рыдали женщины, били барабаны и чеканили шаг солдаты. Заламывая руки, Мэри решала вопрос, удастся ли уложить Дункан на носилки и в таком виде вывезти из Парижа. 3 августа Германия объявила войну Франции, обвинив ее в организованных нападениях и воздушных бомбардировках Германии, то есть в нарушении бельгийского нейтралитета. Тут же Бельгия ответила отказом на ультиматум Германии, и Германия объявляла войну еще и Бельгии. Вторжение войск произошло уже на следующий день, так что король Бельгии Альберт I был вынужден обратиться за помощью к странам-гарантам бельгийского нейтралитета.

Лондон направил в Берлин ультиматум: либо германские войска покинут Бельгию, либо Англия будет вынуждена, в свою

очередь, объявить войну Германии.

6 августа Австро-Венгрия объявила войну России, а Айседора согласилась отдать школу в Бельвю под госпиталь для раненых, которых начали привозить с фронта. Так что очень быстро дом, некогда полный детских голосов, игр и веселья, превратился в мрачное место, полное боли, печали и смертей. Для себя она оставила пару комнат, наверное, не следовало оставаться в доме, где каждый день будут производиться хирургические операции, бинтовать страшные раны, откуда станут выносить трупы, но потерявшая много крови Айседора просто не могла двигаться. В благодарность за принесенную жертву, ее, полуживую, на носилках пронесли по всем палатам и операционным нового госпиталя, так что в довершение к прочим страданиям она была вынуждена отметить, что новые хозяева не пощадили ни ее занавесок, ни картин, изображающих танцующих вакханок, фавнов, сатиров и нимф. Вместо них над каждой койкой возвышался черный Христос на грубо позолоченном распятье. Распятья были дешевы и безобразны, но она уже отдала дом и не могла теперь навязывать своих взглядов.

Почувствовав, что уже может ходить и обслуживать себя, Айседора засобиралась на море в Довиль и попросила Мэри сопровождать ее в этом путешествии, но едва больную кое-как уложили на заднее сиденье автомобиля, дорогу им преградила колонна зеленых парижских такси[127], битком набитых людьми в военной форме.

Оказалось, что генерал Галлиени отдал приказ срочно перекинуть на фронт пехотную бригаду, а за отсутствием соответствующего транспорта для перевозки солдат использовал парижские такси. Незабываемое зрелище!

Впрочем, парижанам было не до смеха, войска спешно перегруппировывались к новому рубежу обороны, проходившему по реке Марна.

Подруги остановились в гостинице «Нормандия», где Айседора жила несколько недель, ни с кем не общаясь и бродя по берегу моря. Такое положение дел не могло устроить Мэри, которая ясно видела, как Айседора с каждым днем угасает, замыкаясь в себе. Поэтому она настояла на том, чтобы Дункан послала за доктором в ближайший военный госпиталь, но тот не явился, хотя Айседора и прождала его целый день, не покидая гостиничного номера.

Ждала и злилась с каждым часом все сильнее. Да и было отчего прийти в ярость, из-за войны жизнь в Париже сделалась невыносимой, так что многие известные парижане были вынуждены убраться оттуда, пережидая неприятный период. Так,

в Дорвиль съехалось много знакомых, и селились они преимущественно в лучшей гостинице «Нормандия», в тот же день, когда Айседора послала за доктором, в гостиницу пожаловали графиня де ла Бородьер и поэт граф Робер де Монтескиу[128] – писатель, модник (таких называли денди), коллекционер, библиофил, покровитель искусств, в общем, интереснейшая личность. Тут же было решено, что графиня устаивает прием в честь де Монтескиу, на который Дункан была приглашена ее сиятельством лично. Приглашена, да вот не пошла, по вине черт знает что о себе думающего врача!

Ах, Робер де Монтескиу, какая дама отказалась бы познакомиться со столь элегантным и воспитанным господином? Пусть к тому времени красавчику и исполнилось пятьдесят девять лет. Подумаешь, какой пустяк. Великолепный де Монтескиу принадлежал к старинному гасконскому роду, среди предков которого, по его же заверениям, числился сам д'Артаньян – настоящий д'Артаньян, прототип персонажа Александра Дюма. Знатоки утверждали, будто бы внешне де Монтескиу – точная копия знаменитого предка. Впрочем, знатоки иногда такое скажут!

Важно другое, Робер де Монтескиу близко дружил с великой французской актрисой Сарой Бернар, российской танцовщицей Идой Рубенштейн, французскими художниками Гюставом Моро[129] и Антонио де ла Гандара[130], американским художником Джоном Сарджентом[131], итальянскими живописцами Джованни Болдини[132], французскими писателями Октавом Мирбо[133], Марселем Прустом[134] и, разумеется Габриеле д'Аннунцио. Он сражался на дуэли с поэтом и писателем Анри де Ренье[135]. Всегда оказывал помощь и поддержку поэтам Верлену[136] и Малларме[137], композиторам Дебюсси и Форе[138], живописцу Полю Элле[139]. Впрочем, весьма известным меценатом была и кузина де Монтескиу графиня Элизабет Греффюль, у которой в свое время не раз выступала Дункан и которая имела стойкую привычку оставлять актерский гонорар в лакейской. В общем, меценатство было у них в крови, что, собственно, и заставляло людей искусства то и дело обращать пылкие взоры на легендарного гасконца и владелицу известнейшего в Париже салона. Дункан мечтала свести знакомство с Монтескиу. И тут возможность была бездарно упущена.

Прождав доктора весь день, и так и не получив от него даже записки с извинениями, Айседора решила, что сама дойдет до проклятого госпиталя, дабы посмотреть в глаза отказать ей в помощи врача и поинтересоваться у него о причинах. В конце концов, даже если неизвестный ей медик принадлежал к армии ее

врагов, могло ли это оправдывать врача, дававшего в свое время клятву Гиппократа?

Разъяренная, Дункан отвергла предложение Мэри сопроводить ее. Решив, что если ей и предстоит сдохнуть на пороге госпиталя, она успеет в последний момент проклясть жестокосердного поганца. И пусть ему будет стыдно! Поверх платья Айседора накинула на плечи длинную шаль и с видом святой мученицы покинула гостиницу, сразу же столкнувшись с возвращавшимся с прогулки писателем и актером Сашей Гитри[140], недавно снявшим свой первый документальный фильм «Наши». Саша жил за стенкой от Айседоры, и они время от времени здоровались и раскланивались, по вечерам же, в салоне при гостинице, можно было послушать забавные анекдоты в исполнении этого жизнерадостного человека.

Сам Саша был родом из России, некогда его отец Люсьен Гитри служил актером Михайловского театра в Санкт-Петербурге, а крестным был сам император Александр III[141]. Настоящее имя Саши звучало как Александр Жорж Пьер Гитри, но он пользовался своим русским уменьшительным именем Саша. Немного поболтав с Гитри, Айседора чуть пришла в себя и теперь уже не сомневалась, что дойдет и выскажет все «приговорившему ее к смерти злодею». Но, узнав о причине ее волнения, Саша стал упрашивать Айседору повременить с благородной местью, так как именно сегодня в гостиницу должны были приехать цыгане, и после, во время танцев, когда в большом зале заквакает негармоничная музыка джаза (и Саша, и Айседора терпеть не могли джаз), они смогли бы прогуляться вместе по берегу.

Айседора приняла приглашение, и сразу же после цыганского ансамбля прихватила с собой Мэри и графиню де ла Бородьер, которая после отъезда Монтескио скучала в одиночестве.

Несмотря на то что вокруг Саши собралась милая компания из трех прелестных женщин, разговор у моря шел отнюдь не о любви и поэзии. Так уж получилось, что все последнее время Айседора пыталась любым доступным ей способом забыть о войне. Не читала газет, не слушала умные речи в салоне, когда кто-то из мужчин вдруг начинал при всех строить смелые прогнозы относительно дальнейшего хода обороны Парижа или пытаться угадывать количество раненых и убитых, она вставала и молча удалялась, не объясняя причин. На этот же раз все получилось как-то само собой, графиня спросила что-то, Саша ответил, затем в разговор ввязалась Мэри, и… слово за слово, Айседора поняла, что и сама она слушает Сашу с замирающим сердцем, боясь пропустить малейшую подробность.

Выяснилось, что немцы руководились достаточно старой

военной доктриной, а именно планом Шлиффена, согласно которому Германия должна была осуществить практически мгновенный разгром Франции. Скорость – непременное условие, так как союзница Франции – мощная, но неповоротливая Россия при всем желании не могла отреагировать мгновенно, а когда бы все же раскачалась, помогать было бы уже некому. Нападать на Францию решили через Бельгию, таким образом агрессор обходил основные французские силы, нанося молниеносный прямой удар в самое сердце – Париж. На полное завоевание столицы германское командование выделяло 39 дней. Приводилась даже цитата из речи Вильгельма II[142], мол: «Обед у нас будет в Париже, а ужин – в Санкт-Петербурге».

Теперь все более-менее вставало на свои места. Потому что одно дело – жить во время войны, ожидая, что та не сегодня-завтра закончится, и совсем другое – держать в голове 39 дней. Это означало, что в сентябре все будет еще хуже, и школа не вернется.

Война продолжается

Несмотря на то что Айседора все время пребывала в грустном расположении духа, постоянно думая о печальном и проливая слезы, внешне она выглядела вполне здоровой и привлекательной, ее все время приглашали на танцы или литературные вечера. Она вяло отказывалась, ссылаясь на желание побыть в одиночестве, но поклонники продолжали настаивать, то подговаривая горничную поставить у постели танцовщицы букет роз, то подбросить ей на балкон коробку конфет, а то и посидеть несколько минут в комнате несравненной Дункан, разглядывая ее фотографии и трогая личные вещи. Айседора приходила в ужас при одной только мысли, что в ее отсутствие кто-то рыщет по комнате, трогая и перекладывая с места на место вещи. Наконец, доведенная до отчаяния, она решила переехать в меблированную виллу по соседству. На первый взгляд, дом показался изящным и живописным. Владельцы назвали виллу «Черное и белое», так как все в этом доме было либо черным, либо белым. Ковры, покрывала, портьеры, скатерти, мебель, одним словом – все!

Саша Гитри (1885–1957) – французский писатель, актер, режиссер и продюсер. Плодовитый драматург, написал более сотни пьес и снял по некоторым из них фильмы

Что для одного человека стильно и нарядно, для другого смертная скука и очередной повод не расставаться с гнетущей депрессией. В этой траурной обстановке состояние и настроение Дункан заметно ухудшились. Она почти перестала гулять и только сидела в черном кресле, прикрыв ноги белым пушистым пледом, или валялась на белой кровати, застеленной покрывалом

с замысловатым черным рисунком, напоминающим чугунную решетку склепа. В такие дни две изумительные изящные овальные клумбы у крыльца, обложенные черными и белыми камнями, казались ей детскими могилами, и только выбравшаяся посидеть на солнышке Айседора была вынуждена убираться в свой ненавистный дом, мечтая поскорее соединиться с Дердре и Патриком.

Вместо того чтобы привезти воспитанников школы в сентябре, как это было запланировано, Зингер отправил их в Нью-Йорк. Свой же девонширский замок он, по примеру Дункан, переделал в госпиталь.

Школа работала, а Дункан не могла лишний раз пошевелиться. Все было по-настоящему плохо, бедная Франция, бедная Айседора. Что-то, безусловно, нужно было делать? Но вот что?

Газеты сообщили, что командующий французской армией генерал Жоффр[143] был вынужден послать в отставку тридцать процентов престарелых военачальников, заменив их молодыми и деятельными.

Меж тем на фронте начали происходить некоторые подвижки, которые следовало считать скорее хорошим знаком, нежели плохим. У немцев не хватало сил окружить Париж и французскую армию. Каждый метр земли давался германским солдатам немалой кровью. В результате войска вымотались, фронт растянулся, то тут, то там стали заметны бреши, которыми тут же воспользовались французы. Не хватало резервов, еще немного, и Германию ждало бесславное поражение, но командующий немецкими войсками вовремя сократил фронт наступления и, отказавшись от бесплодной идеи совершать охват французской армии, повернул войска на восток севернее Парижа, ударив в тыл основным силам французов. Правда, таким образом немцы подставили свой правый фланг и тыл под удар французской группировки, сосредоточенной для обороны Парижа. Разумеется, французы тотчас ударили по этой незащищенной части, началась Первая битва на Марне, в которой союзникам удалось переломить ход войны в свою пользу и отбросить немецкие войска от Вердена до Амьена на 50—100 километров назад. С 29 сентября по 9 октября бои шли вдоль реки Скарпы, с 9 по 15 октября раненых и убитых везли из-под города Лилля, с 18 по 20 – на реке Изер, и с 30 октября по 15 ноября у Ипра проходили сражения.

В один из холодных ноябрьских дней Айседора решила осуществить давний план и разыскать отказавшего ей врача: «Доктор, что вы имеете против меня, что не пожелали меня навестить, когда я вас приглашала? Разве вы не знаете, что я

действительно больна и нуждаюсь в помощи?» – спросила она в спину склоненного над какими-то записями мужчины.

Он вздрогнул и обернулся к Дункан. Невысокий, очень широкий в плечах, с черной бородкой клинышком и кустистыми бровями, гном из какой-то оперы Вагнера. Но это был сильный, боевой гном. Некоторое время он смотрел на Дункан с отсутствующим видом и потом вдруг набросился на гостью, покрывая ее лицо, шею и грудь поцелуями:

«Вы не больны, – вскричал врач, – больна только ваша душа, больна без любви. Единственное, что может вас вылечить, – любовь, любовь и еще раз любовь!»

Так начался их роман. Доктора звали Анри, позже Дункан узнает, что единственной причиной, по которой он отказался прийти к ней в гостиницу, был стыд. Ведь это был тот самый доктор, который уверял ее, будто сумеет спасти ее детей. Обещал, хотя любой на его месте сказал бы сразу – шансы равны нулю.

Любила ли она Анри? Он был ей необходим. Кто-то должен находиться рядом, во всяком случае, когда человеку плохо. Анри приходил после работы в госпитале, иногда брал ее с собой на ночное дежурство. День ото дня Айседора наполнялась энергией жизни, но при этом сам вид Анри постоянно заставлял ее возвращаться в тот день, когда она узнала о смерти детей.

С наступлением холодов Дункан написала в «Бельвю», прося прислать ей теплые вещи. Каким-то образом сундуки были перепутаны, и вместо своих вещей она получила одежду Дердре и Патрика. Айседора упала в обморок, из которого ее вывел все тот же Анри, вернувшийся в черно-белый дом после работы. Дункан лежала возле распахнутого сундука. Поняв, что произошло, Анри отнес ее в соседнюю комнату, распорядившись уничтожить сундук со всем его содержимым.

Никто не пытался выяснить, случайно ли прислали детские вещи или это был намеренный, хорошо рассчитанный удар по Дункан, но после этого случая она поняла, что больше не может оставаться во Франции. Да и положение на фронте не радовало. Все, что могла сделать в этой ситуации Дункан, – это прежде всего сохранить себя, и если получится агитировать, но не французов, а тех же американцев. Выступать под «Марсельезу», произносить страстные речи, формировать общественное мнение. Ну и самое главное – быть рядом с детьми своей школы. Случись что с Айседорой, большинству из ее воспитанников некуда было бы податься. Поэтому она устремилась в Нью-Йорк.

От Ливерпуля Дункан добиралась в США океанским пароходом. На пристани ее встречали Елизавета и Августин. Школа располагалась на 4-м авеню в огромном ателье, которое

снял Парис. Здесь Айседора снова начнет выступать на сцене, бежавшая от ужасов войны, она, вместо того чтобы забыть обо всем, станет призывать Америку опомниться и обратить наконец взор на истекающую кровью Францию. В конце одного из своих выступлений в «Метрополитен» она завернется в красную шаль и станцует под «Марсельезу». А на следующий день Августин принесет ей газету со следующими словами: «Мисс Айседора Дункан заслужила бурные овации, исполнив с необыкновенным порывом “Марсельезу” в конце программы. Публика встала с мест и несколько минут подряд приветствовала ее криками ура… Она подражала классическим фигурам на Триумфальной арке в Париже. Ее плечи были обнажены так же, как и один бок до пояса, и перед зрителями воочию предстала дивная статуя знаменитой арки. Публика разразилась аплодисментами и криками “браво” в честь благородного искусства». Тем не менее с этого дня Айседоре было официально запрещено исполнять «Марсельезу» во всех городах Америки.

11 ноября средства массовой информации возвестили о новой жестокости уже всем надоевшей войны, некто генерал Лангемарк бросил на английские пулеметы подразделение новобранцев, только-только пришедших на фронт и в тот же день отдавших жизни в кровавой бойне. Кто-то из газетчиков тут же изобрел термин «пушечное мясо», которым теперь с завидной регулярностью пользовались во всех средствах массовой информации.

Успех окрыляет, и вскоре, арендовав театр Сентюри, Айседора ставит трагедию «Эдип» с Августином в главной роли. Сама она вместе с ученицами изображает хор. Понимая, насколько традиционный греческий театр отличается от театра современного, с позолоченными ложами, неудобной сценой, партером с его монотонными рядами кресел, Айседора высказывает пожелание переделать для одного-единственного спектакля весь театральный зал. Ей возразили, что ничего нельзя изменить, что, сколько не двигай зрительские кресла, в результате получится только хуже, и тут же Дункан заказывает рулоны голубой материи, которой она закрывает ложи, создавая из них причудливый элемент декора. Из партера полностью убираются все кресла, теперь зрители смогут устроиться на сцене, а также в бельэтаже. Партер застелили широким голубым ковром, на котором, собственно, и были размещены тридцать пять актеров хора. В спектакле, кроме хора, задействованы восемьдесят музыкантов и сотня хористов. Получилось грандиозное зрелище, но Дункан и этого показалось мало, и она предприняла новый, рискованный в финансовом плане шаг. Арендовала театр «Идиш»

в восточном квартале Нью-Йорка, где совершенно бесплатно повторила спектакль со всеми участниками и оркестром. Успех был абсолютным, сбор – нулевым, в результате, не потянув два театра плюс огромный коллектив, которому полагалось платить, Дункан оказалась на мели.

Зингера, как назло, на тот момент времени не было в Америке. Выдав Дункан довольно денег на безбедное существование ее и школы, из расчета как минимум на полгода, он благополучно удалился разбираться со своими заводами. Разумеется, ему и в голову не пришло, что еле живая Айседора так развернется на родной почве.

Айседора обратилась за помощью к самым богатым людям Америки, результат поверг ее в глубокое замешательство.

Деньги могли дать на комедию, организацию и раскрутку очередного негритянского джазового коллектива, они как раз вошли в моду, на школу современного танца, но… «Что за охота вам ставить греческую трагедию?»

Айседора металась между школой, существование которой теперь так же стояло под вопросом, сильно состарившейся матерью, которая желала, чтобы ее дорогая доченька не покидала больше Америки, ожидающим, что она что-то придумает и спектакли возобновятся, Августином.

Оставалось вернуться в Европу. Собрать чемоданы и распрощаться со знакомыми, оказалось проще, нежели приобрести билеты. Стыд и позор, но оставленных Зингером денег не хватило даже на места в каютах третьего класса на пароходе «Данте Алигьери». Айседора даже заказала эти самые билеты, но шли дни, а она так и не решалась их выкупить, отдав последние деньги, на которые ей предстояло содержать целую школу. За три часа до отплытия парохода, когда все воспитанницы, одетые в дорожные костюмы, уже с собранными чемоданами сидели в ателье и ждали неизвестно чего, в дверь постучала незнакомая дама, которая, не представляясь и не объясняя причины своего визита, поинтересовалась о недостающей сумме и тут же выдала просимое. Чудо?

Многим позже Дункан узнает, что имя поддержавшей ее в трудный момент жизни женщины – Руфь, и поделилась она, что называется, последним. То есть накануне отъезда обратила в наличные все свои сбережения, состоявшие из процентных бумаг и акций.

Когда пароход отчалил, дети запели «Марсельезу» и замахали заранее запасенными французскими флажками. Так в 1915 году Дункан со своей школой отправилась в Неаполь, после чего предполагалось поехать в Грецию, где можно будет разбить

лагерь на Копаносе. Жизнь в палатках на собственной земле не стоила ни гроша, что же до еды, крестьяне продавали фрукты, овощи, хлеб и рыбу весьма дешево. Так что у школы был реальный шанс переждать достаточно долгое время, ведя полудикий образ жизни. Но тут запротестовали старшие ученицы, имеющие немецкие паспорта, и, посовещавшись, пришлось остановиться в Швейцарии, где вовремя появившийся импресарио предложил небольшие гастроли.

Что касается немецких паспортов, тут следует разъяснить особо, дело в том, что все были недовольны затянувшейся войной. Поэтому в это время немецкие деятели искусства, как бы далеки они ни были от политики, на гастроли не приглашались. А ежели все же приезжали, то их выступления бойкотировались. Дошло до того, что сделалось небезопасно исполнять музыку Иоганна Себастьяна Баха и Людвига ван Бетховена, Франца Шуберта, Роберта Шумана, Рихарда Вагнер, и прочих немцев… Конечно, за это не сажали в тюрьму. Просто публика могла вдруг подняться и демонстративно удалиться из зала, или начать свистеть. вообще, на исполнение музыки немецких классиков не ходили точно так же, как и на выступления гастрольных трупп из Германии.

Меж тем война опасно затягивалась, подобно сказочному чудовищу, занимая все больше и больше площади и требуя с каждым днем дополнительных человеческих жизней, вооружения, провианта.

Из Цюриха они перебрались ближе к замку Уши, Айседора и Мэри устроились в гостинице «Бориваж», воспитанников удалось поселить неподалеку в частном пансионе под присмотром учителей. Кроме того, Дункан арендовала похожий на ангар одноэтажный дом, в котором прежде размещался ресторан, оборудовав его в своем вкусе. Там днем она учила детей, а по вечерам выступала сама.

Весть о том, что мисс Дункан перебралась в Швейцарию, да еще и вместе со всей своей школой, сразу же сделалась достоянием общественности, и очень скоро в отель «Бориваж» заспешили первые паломники. Австрийский дирижер и композитор Феликс Вейнгартнер[144] пожаловал вместе с супругой. Они провели целый день с Айседорой и ее воспитанницами, после чего был устроен импровизированный концерт, на котором звучала музыка Глюка, Моцарта, Бетховена и Шуберта, танцевали Айседора и ее дети, читал стихи Августин.

Более-менее сносно устроив школу и убедившись, что без нее этот хрупкий мир не рухнет и занятия будут проходить согласно расписанию, Айседора рванула на автомобиле по берегу Женевского озера, миновала Монтре, добралась до Вьеже,

поднялась по вечным снегам Сен-Готардского перевала и вскоре оказалась в Италии. Рим, Неаполь и, наконец, Афины, куда она переправилась на маленьком пароходике. Снова любимые храмы, мраморные ступени Пропилеи к храму Афины Паллады…

В этот день стало известно об отставке премьер-министра Венизелоса[145], народ вышел на улицы Афин, желая знать, примет ли Константин[146] сторону кайзера или все-таки запоздало одумается и послушается предлагавшего ему Венизелоса союз с Антантой.

Вечером Айседора устраивает обед в одном из лучших ресторанов Афин, на котором среди прочих гостей присутствует секретарь короля Мелас, ярый поклонник Франции и ненавистник кайзеровской Германии. В красных розах Дункан замаскировала граммофон, на котором в решающий момент должна была прозвучать «Марсельеза». В то же время и в том же зале высокопоставленные лица Греции в компании берлинских коллег отмечали нечто свое. Когда за соседним столом прозвучало «Да здравствует кайзер!» и зазвенели бокалы, сидящая ближе всех к букету Айседора включила «Марсельезу», и тут же одна из гостей Дункан вынесла заранее припрятанный портрет Венизелоса. Вместе с портретом и граммофоном они вышли из ресторана, и Дункан тут же протанцевала гимн Франции под пение своих гостей и примкнувших к ним прохожих.

После танца Айседора произнесла речь, в которой сравнила Венизелоса с Периклом, призывая прислушаться к тому, что говорит этот великий человек, так как именно его политика приведет в конечном счете возлюбленную ею Грецию к славе!

Потом все направились к дому Венизелоса, где пропели и «Марсельезу», и греческий гимн, пока невежливые представители правопорядка не разогнали импровизированный митинг.

На крути своя

Осуществив задуманное, Дункан вернулась пароходом в Неаполь, где пересела на свой автомобиль и вернулась в школу. Ученицы и их учителя уже все глаза проглядели, когда же на дороге в облаке пыли появится открытая машина с сидящей в ней Айседорой. Незаметно подошел срок платить за аренду, снова нужно было выкладывать деньги, а стало быть, без Айседоры не обойтись. Когда-то никому не известная рыжая девочка содержала семью из пяти человек, теперь она тащила на себе больше пятидесяти. При этом предложения устроить выступление или отправиться на гастроли поступали все реже и реже, а она даже не могла обратить в деньги подаренную ей Зингером недвижимость во Франции, так как собственными руками уже передала дом в Бельвю под госпиталь. Пришлось занимать деньги у ростовщиков под грабительские 50 % годовых, а война все не заканчивалась.

Элефтериос Кирику Венизелос (1864–1936) – греческий политик, несколько раз занимавший должность премьер-министра с 1910 по 1933 год

Спасти положение должен был более чем своевременный контракт в Буэнос-Айрес, куда Дункан поехала вместе с опереточной труппой, подписавшей контракт с тем же

импресарио, по дороге к ней должен был присоединиться пианист. Договорились, что в Нью-Йорке к ее турне присоединится Августин, который станет ее ангелом-хранителем во время всей гастрольной поездки.

Айседора с жадностью впитывала новые впечатления, общалась с пассажирами парохода. Кто-то бежал от войны, ломая привычную жизнь и заранее страшась того, что ждет его в чужой стране, кто-то ездил по делам своего бизнеса, кто-то… Айседора скоро приметила на борту компанию атлетически сложенных молодых людей, как выяснилось, боксеров, во главе с чемпионом мира прошлого года Тедом Льюисом[147].

Каждое утро в 6.00 команда вставала и тренировалась в течение часа, после чего еще час все плавали в большом пароходном бассейне. От нечего делать Дункан попросила разрешения присоединиться к новым знакомым. Искупавшись и позавтракав, она была вольна дремать хоть до обеда. А вечером совершенно бесплатно танцевала под аккомпанемент Рене Дюмениля[148] в кают-компании для своих новых друзей и желающих посмотреть на ее искусство пассажиров.

С Рене Айседору подружила любовь к маэстро Вагнеру и его музыке. Рене мог часами рассказывать о своем кумире, о котором он собирался написать книгу.

«Книгу?» – Айседора недоуменно смотрела на нового знакомого, которого знала как весьма талантливого музыканта.

Да, необычайно одаренный и разносторонний Дюмениль изучал в Сорбонне литературу и медицину, печатал свои критические статьи в музыкальных журналах, в некоторых из которых он числился постоянным сотрудником. Пройдет несколько лет, и Рене Дюмениль проявит себя как историк музыки, издав в 1927 году монографию о «Дон Жуане» Моцарта и в 1929-м книгу о Рихарде Вагнере. Напишет прославивший его очерк «Современная музыка во Франции», после чего создаст множество работ о писателе Гюставе Флобере, показав себя толковым литературоведом. Впрочем, все это пока еще принадлежит будущему, а в 1916-м же году Рене пустился в это путешествие исключительно ради счастья познакомиться с Айседорой, о которой ему рассказала Козима Вагнер в Байройте, где он проживал некоторое время, собирая материал о великом композиторе. Так, общаясь с Рене, Айседора узнавала новости о старых знакомых: Зигфрид Вагнер, за которого Козима мечтала выдать Айседору, при всех стараниях его матери подыскать ему достойную супругу умудрился оставаться холостяком аж до сорока шестилетнего возраста. Но буквально в прошлом году, 22 сентября сочетался-таки браком с восемнадцатилетней Винифред

Уильямс, единственной дочерью английского журналиста Джона Уильямса, после ранней смерти которого ее забрали в свою семью Клиндворты. По уверению присутствующего на венчании Рене, именно он ввел в дом Козимы свою приемную дочку, после чего убежденный холостяк сделался побежденным, очень быстро он попросил руки прекрасной Винифред. На свадьбу, несмотря на войну, съехались чуть ли не все родственники и друзья, весь вагнеровский кружок А сейчас молодая чета ждет своего первенца.

Айседора прекрасно помнила Зигфрида, с которым ей было легко и просто, как с собственным братом. Одновременно перед мысленным взором Дункан предстала другая фигура – некогда обожаемый Генрих Тоде, но вот ведь странность, если белобрысого и не слишком красивого Зигфрида Вагнера она помнила, словно они расстались буквально вчера, лицо Генриха постоянно изменялось и стиралось, как это бывает на старой выцветшей фотографии. Нет, она помнила свою любовь, те возвышенные чувства, уносящие ее к неведомым небесам, но самого Тоде… его лица, рук… увы, ее Генрих Тоде исчез навсегда. Впрочем, «скатертью дорога», как говорят русские.

Теперь Айседора понимала, какого будущего желала ей мудрая Козима, и могла только прикусить губку. Да, сумей она тогда понять, что ее влечение к Генриху обернется мороком, бессмысленным, губительным колдовством, сумей она пересилить себя и согласиться на брак с Зигфридом, теперь в ее распоряжении уже несколько лет как был бы прекраснейший из театров. Впрочем, тогда бы она не познакомилась с Крэгом и Зингером и не родила бы двух прекраснейших детей! Да, как же иногда бывает мстительна судьба, брак по расчету с сыном самого Вагнера, возможно, подарил бы ей других детей, которые теперь были бы живы, но. Разве этот брак продержался бы без любви?..

…Боксеры ехали на очередное соревнование, по результатам которого они либо продвигались дальше, либо теряли все. Как выяснилось позже, собранных вскладчину денег хватало разве что на билеты на параход и несколько дней проживания в Америке, а дальше. хоть в охранники, хоть в носильщики. Билеты до Европы – дорогое удовольствие, так что каждый отправлявшийся на соревнование боксер прекрасно знал, что обязан победить, чего бы ему это не стоило.

Усаживая Айседору за свой столик и заглядывая ей в глаза, Тед открыл тайну: прием, который должен был помочь ему победить американцев. Секрет его будущих успехов – атакующий стиль, требующий одинакового участия обеих рук. Ведь американские боксеры давно привыкли, что холодные англичане

не предрасположены к приступам ярости, когда человек вдруг бросается в атаку и бьет, бьет, бьет… у него же с этим никогда не было проблем. Кроме того, родившись левшой, что само по себе, будьте нате, сюрпризец для противника, он, по совету тренера, год развивал правую, и в результате.

Айседора желала ему всяческой удачи, которой, если честно, ждать совсем недолго, и, снова забегая вперед, хочется отметить, что в 1917-м Тед сделается чемпионом мира, после чего еще два года продержится в этом статусе. В 1920 году проведет успешную серию из 99 боев с лучшими боксерами США

…После первых достаточно удачных выступлений в Бразилии Айседора получила часть денег и отослала их в Швейцарию своим девочкам.

Город Буэнос встречал Айседору новым для нее танцем – страстным и пленительным танго, в который она тут же влюбилась: «С первого робкого шага я почувствовала, как все мое существо откликнулось на томный привораживающий ритм этого сладострастного танца, нежного, как длительная ласка, опьяняющего, как любовь под небом юга, опасного и жестокого, как манящий тропический лес. Таковы были мои ощущения, пока рука черноокого юноши двусмысленно руководила мною, а взгляд его смелых глаз утопал в моем». Зайдя с братом и сопровождающим их гидом в студенческое кабаре, Айседора погрузилась в новую для себя атмосферу низких прокопченных потолков и клубов сигарного дыма, повсюду обнимались смуглые парочки, собравшиеся здесь праздновать день свободы, который, по традиции этих мест, отмечали ночью.

Здесь, завернувшись в аргентинский флаг, Дункан протанцует их гимн. Несмотря на то что это была чистая импровизация, Айседору несколько раз вызывали повторить танец на бис. Уставшая и довольная собой Дункан явилась в гостиницу на рассвете, сразу же завалившись спать. И вскоре ее разбудил красный от злобы импресарио. Он размахивал перед лицом еще не успевшей как следует прийти в себя танцовщицы стопкой свежих газет, в которых она не могла понять ни единого слова. Наконец, немного успокоившись, он сообщил, что присутствующие вчера в кабаре журналисты сообщили о «бешеном успехе залетной босоножки в кругу революционно настроенных элементов», после чего единогласно призвали почтеннейшую публику бойкотировать выступления Дункан. Таким образом, уже к 11 утра в кассу были возвращены почти все ранее приобретенные билеты. Так что импресарио почел за благо немедленно расторгнуть контракт с артисткой.

Дункан снова оказалась у разбитого корыта. В довершение

катастрофы выяснилось, что денежный перевод не дошел и не сегодня-завтра вся школа в Швейцарии будет выброшена на улицу, так как заплатить за комнаты нечем. Айседора тут же отдает все оставшиеся деньги брату и, посадив его на пароход, телеграфирует хозяйке пансиона, чтобы подождала всего несколько дней, деньги вот-вот прибудут.

Только на следующий день, увидав на своем пороге бледного и перепуганного Рене, до Айседоры дошло, что ни ему, ни ей нечем заплатить за гостиницу. Оставалось самостоятельно искать себе работу. Это удалось, но не сразу, спектакли шли со скрипом, публика встречала Дункан вяло, зал был в лучшем случае полупустым. Так что их вскоре выставили из гостиницы без вещей и денег. Айседоре удалось забрать лишь пару никому не нужных туник, после чего они отправились в Монтевидео, где фортуна улыбнулась танцовщице. Заработав немного денег, они устремились в Рио-де-Жанейро, где, узнав Айседору, ей предоставили помещение городского театра.

Здесь публика была поживее, Дункан принимали на ура, а Дюмениль, помимо музыкального сопровождения спектаклей, давал собственные концерты, которые, в конце концов, сделались более востребованными, нежели танцевальная программа, так что, когда Айседора засобиралась в Нью-Йорк, Рене остался в Рио.

Из Нью-Йорка она возвращалась на том же пароходе, и на этот раз совершенно одна. Грустная и усталая, потерявшая весь свой багаж, Айседора смотрела на пароходный бассейн, в котором плавало несколько человек. Неожиданно рядом с ее креслом остановился молодой человек в костюме местного официанта. Айседора уже хотела попросить его принести стакан сока, как вдруг, не без удивления, признала в нем одного из боксеров. Потерпев поражение на ринге, молодые люди должны были зарабатывать на возвращение в Европу, устроившись официантами, телохранителями и лакеями.

За все путешествие Айседора так и не нашла для себя интересного собеседника, проводя все время с книжкой или любуясь волнами.

Единственный человек, обращавший на нее внимание, был вечно пьяный американец Вилкинс, посылавший ей каждый день бутылку «Поммери» 1911 года. Первые дни Айседора просила официанта открыть бутылку и выпивала бокал, кивком головы благодаря соотечественника, но вскоре ей осточертеет вкус шампанского. Что же до американца, в результате от этого огромного, краснорожего и вечно пьяного господина приходилось чуть ли не прятаться. В общем, все было неудачно. В довершение разочарования в порту ее никто не встретил. Поразмыслив

немного и решив, что ее телеграмма не дошла, она позвонила знакомому фотографу, но неожиданно трубку снял Зингер.

Настоящее чудо, Зингер мог знать, что Айседора на гастролях, но что она приедет конкретно в этот день, да еще и позвонит именно Артуру Генте, к которому ему вдруг взбрело заглянуть…

Парис очень обрадовался и тут же велел ждать его, а через несколько минут Айседора уже висела у него на шее. Оба были счастливы и тут же отправились завтракать в какой-то симпатичный ресторанчик.

Парис внимательно выслушал горестный пересказ не задавшихся с самого начала гастролей, и когда она закончила, сходу предложил завершить неудачные гастроли грандиозным спектаклем в «Метрополитен».

Устроив Айседору в лучшей гостинице, Зингер вызвал секретаря и с его помощью разослал сотни приглашений всем, кто имел хотя бы косвенное отношение к артистическому миру. Он сразу же распорядился, что этот спектакль пройдет как даровой, но Айседора не возражала. Лучше танцевать бесплатно, но при полном зале, в котором ко всему прочему будет столько знакомых лиц, нежели за деньги, но для фыркающей и ничего не понимающей публики.

После спектакля Парис предложил перевести школу в Нью-Йорк, и тут же снял ателье в Медисон-сквер-гарден, и отправил перевод, которого должно было хватить на покупку билетов для всех детей и обслуживающего персонала.

К сожалению, война уже внесла свои корректировки в планы благородного мецената, деньги пришли с опозданием, и всех младших девочек, которых Дункан набирала во Франции, родители разобрали по домам.

По приезду старших воспитанниц Айседора возобновила занятия в школе. Но к концу зимы она вдруг сваливается с внезапной болезнью. Осмотревший пациентку доктор диагностировал сильное переутомление и предложил отвезти ее на море. Парис тут же отправляет ее на Кубу, дав в попутчики своего секретаря.

Прежде Айседора никогда не была в Гаване, и они изъездили ее из конца в конец. Отдохнув и придя в себя, Айседора отправилась на пароходе во Флориду, где ждал ее Парис.

Весьма довольный собой Зингер помахивал купчей на Медисон-сквер-гарден, требуя, чтобы сразу же по возвращении в Нью-Йорк они приступили к устройству там грандиозной школы на несколько тысяч учениц.

«Зачем так много?» – Айседора пришла в понятный ужас. –

Кто же начинает столь масштабное строительство во время войны?»

В результате они поссорились, и вспыльчивый Зингер порвал купчую.

Танго разлуки

В январе-феврале 1917-го Айседора дала целый ряд спектаклей в «Метрополитен». В день, когда все газеты сообщили о русской революции, Дункан изменила программу, и, облачившись в красную тунику, с жаром протанцевала «Марсельезу» и за ней «Славянский марш».

После спектакля Парис сообщил, что намерен устроить праздник в честь своей дамы, и тут же преподнес ей бриллиантовое ожерелье, и… Айседора давно привыкла продавать подаренные ей драгоценности, к тому же она только что изображала революцию, призывая к оружию. может ли она позволить Парису надеть это чудо себе на шею? Кто знает, какие мысли кружились в хорошенькой головке мисс Дункан, но она вдруг чарующе улыбнулась и, решительно шагнув к зеркалу, попросила Париса застегнуть ожерелье.

Новая школа, брильянты, праздник. совершенно очевидно – Парис жаждал их воссоединения, и Айседора не желала снова упустить свою любовь. Да, она будет носить модные платья, даже каблуки, позволит укутать себя в собольи меха и окольцевать драгоценными перстнями. Она не станет говорить дома о неправедно добытом золоте богачей и цепях простого люда, а начнет нежно ворковать, помешивая горячий, густой шоколад крошечной серебряной ложечкой. Да, она будет паинькой, и все получится. Но для начала нужно провести этот праздник так, чтобы Зингер остался доволен. Пусть он видит, что Айседора может быть благодарной. Да, она станет веселиться и танцевать с гостями, рассказывать анекдоты и вообще, никакой отсебятины, все так, как хочет он.

Праздник начинался с обеда и заканчивался под утро танцами. Пьяная и счастливая, уже на рассвете Айседора приметила отчего-то не танцующего юношу и, отметив, что тот невероятно красив и статен, предложила научить его танцевать аргентинское танго апашей, как его танцуют в Буэнос-Айресе. «С первого робкого шага я почувствовала, как все мое существо откликнулось на томный привораживающий ритм этого сладострастного танца, нежного, как длительная ласка, опьяняющего, как любовь под небом юга, опасного и жес…», кто бы мог подумать, что Парис Зингер при всем его уме и эрудиции ни черта не разбирался в танцах!

Обругав Айседору, в полном бешенстве он вылетел из зала, чуть ли не кубарем скатился по парадной мраморной лестнице и был таков!

Дункан не имела понятия, где теперь следует искать Зингера, полагая, что он и сам вскоре поймет свою ошибку и явится к ней. Но вместо раскаявшегося любимого перед Айседорой возникали служащие гостиницы с требованиями оплатить счет. Вскоре компанию им составили хозяева ателье и гостиницы, в которой поселились девочки, все требовали денег, угрожая выселением или тюрьмой. А заваривший всю эту кашу с переездом в Нью-Йорк Зингер не отвечал на телефонные звонки, скрываясь от своей подруги. В результате Айседоре пришлось продать то самое бриллиантовое ожерелье, а затем горностаевое манто и волшебный изумруд, купленный Лоэнгрином у сына индусского магараджи, проигравшего все свои деньги в Монте-Карло и спустившего, в конце концов, фамильные ценности.

Сезон закончился, заработать хоть какие-нибудь деньги оказалось нереально. Оставалось как-то дотянуть до осени, и, расставшись со всеми своими ценными вещами, Айседора нанимает виллу в Лонг-Бич, куда переезжает с воспитанницами и друзьями.

Разумеется, с таким ведением хозяйства к сентябрю им уже не хватило денег. Впрочем, Айседора не паникует до поры до времени, убеждая учениц, что они столкнулись всего лишь с временными трудностями и нужно дождаться очередного турне, которое, без сомнения, покроет все расходы. Сколько ждать? Так сезон начинается в сентябре, следовательно, уже очень скоро, может, прямо сегодня раздастся телефонный звонок и… Но… в конце концов, она получила приглашение на гастроли по Калифорнии, до которого оставалось целых два месяца! Окланд, Сан-Франциско, скоро она увидит маму, встретит соседей, будет бродить по знакомым с детства улицам.

Айседора Дункан со своими ученицами, 1917 г.

«Если бы ты мог объяснить что либо словами – не было бы смысла в том, чтобы станцевать это».

(Айседора Дункан)

17 ноября 1917 года, за день до отъезда, пришло сообщение о смерти Родена, которое Айседора воспринимает как личное горе. Но отменить или отсрочить поездку уже невозможно, и зареванная, прикрывая распухшее с ночи лицо темной вуалью, она садится в поезд, везущий ее в Окланд.

Из-за этой дурацкой вуали подстерегающие Айседору на вокзале журналисты разнесли новость: «Дункан окружает себя тайной». В иное время это бы ее развеселило.

Сан-Франциско изменился, отчасти из-за землетрясения и пожаров 1906 года, отчасти. за двадцать два года что хочешь изменится. Вот и Айседора – уже не та девочка, готовая лететь сломя голову в поисках славы. Славы она добилась, много раз любила, бывала и счастлива, и бесконечно несчастна, наряжалась в дорогие наряды и бриллианты, ночевала на скамейках в парке. всякое бывало.

Ее выступление в театре «Колумбия» прошло с аншлагом, критики единогласно восторгались знаменитой

соотечественницей, Айседору приглашали в салоны, к ее мнению прислушивались, но когда Дункан предложила устроить даровой спектакль для бедноты, отказали.

Почему? Она же предлагала от чистого сердца.

Окруженная представителями высшего света и людьми искусства, которые наперебой восхваляли Айседору и то, чего она добилась, Дункан раз за разом делала попытки уговорить состоятельных жителей города помочь ей организовать в Сан-Франциско школу.

Снова отказ. На этот раз визави покидали ее с поспешностью спасающихся от досужего попрошайки прохожих. Скоро все разъяснилось само собой, в городе наличествовало несколько школ Айседоры Дункан, естественно, все открытые без ее разрешения и не отчисляющие нашей героини ни цента с прибыли. При этом все имеющиеся в Америке школы Дункан работали точно по единой, кем-то созданной программе, которая включала все прекрасное и гармоничное, что преподавала Айседора, и начисто игнорировала трагическую составляющую ее танцев. Позиция, в равной степени удобная как для родителей занимающихся там детей, так и для администрации города.

Айседора выступила с новым предложением дать мастер-класс для этих детей, собрав разом все школы, для такого дела в городе имелся очень удобный Греческий театр, но… Сан-Франциско был готов принимать великую танцовщицу исключительно на своих условиях и строго дозированно, как дорогое, но небезопасное в большом количестве лекарство.

Впрочем, лишний свободный вечер помог нашей героини встретиться с матерью, с которой она не виделась несколько лет. Дора сильно постарела, но не выглядела ни сломленной, ни недовольной жизнью. Елизавета и Августин время от времени навещали ее, сама же мама наотрез отказалась снова ехать в Европу, предпочитая жить и умереть там, где ей хорошо. Они встречались чуть ли не каждый день, пока Айседора танцевала на сцене «Колумбии», обычно завтракали вместе в каком-нибудь кафе или обедали между спектаклями. Вечера Айседора уже традиционно проводила в компании людей искусства, одним из которых был пианист и скрипач Гарольд Бауэр[149]. Старше ее на четыре года, Гарольд приехал в Америку сразу же после начала войны и только в этом году получил гражданство. Сын немецкого скрипача, Гарольд родился недалеко от Лондона и всю жизнь прожил в Англии, сначала обучаясь игре на скрипке у своего отца, а затем у Адольфа Поллицера[150]. В десять лет он дебютировал со скрипкой, после чего его возили по всей Великобритании как маленького гения, что не помешало ему в

1892 году, бросив высокие заработки и уже набившую оскомину славу, отправиться в Париж, дабы поступить в обучение к пианисту Игнацу Падеревскому[151], после чего объехал с гастролями Россию, Францию, Германию и Испанию как пианист. Отработав, сколько желал, соло, Гарольд решил попробовать себя в ансамбле и тут же сколотил трио вместе со скрипачом Жаком Тибо[152] и виолончелистом Пабло Казальсом[153]. В 1912-м получил золотую медаль Королевского филармонического общества, а теперь новое хобби – вдруг почувствовал в себе преподавательский талант и тут же устроился в Манхэттенскую школу музыки.

С первой секунды знакомства Айседора была очарована Гарольдом, к слову, он был сказочно красив – правильные черты лица, выразительные глаза, густая шевелюра, в которую так хотелось забраться пальцами. Женщины сходили с ума от Гарольда Бауэра, Айседора была поражена его игрой и, главное, его пониманием искусства танца. Гарольд имел счастливую особенность во всем видеть музыку, объясняя то или иное явление с точки зрения безусловной гармонии. Аккомпанируя Айседоре, он высказал предположение, что она в большей степени музыкант, нежели танцовщица. Любое движение Дункан, даже если она танцевала без музыки, ходила, разговаривала, брала из вазочки пирожное, для чувствительного Гарольда было перенасыщено музыкальными ритмами. Он мог сыграть, как она гневается и как смеется, как встречает друзей и разговаривает с зашедшими после спектакля богачами. Он тонко чувствовал поэзию – которая была для него сутью, заколдованной музыкой. Гарольд не прикасался к вину, говоря, что может быть пьян от определенного сочетания звуков, рядом же с Айседорой он упивался Шопеном или Бахом.

После одного из выступлений к Айседоре в гримуборную вошел красивый пожилой господин с белоснежными волосами и безукоризненными манерами. Преподнеся аккуратный букетик белых роз, он поинтересовался, не забыла ли его знаменитая госпожа Дункан? Помнит ли еще друга своей юности, бедного аптекаря и любителя танцев? Перед Айседорой стоял Верной. Да! Она сразу же узнала его. Узнала свою первую любовь!

В восторге от встречи, Айседора много болтала, расспрашивая о друзьях и соседях, для того чтобы выйти из театра вместе с Верноем, ей оставалось только накинуть на плечи розовую шаль… в какой-то момент ей захотелось открыть тайну своей былой страсти, и, смеясь, она призналась прекрасному Верною в детской любви. Но, вместо того чтобы подыграть ей, тот вскочил с места и, заикаясь, начал говорить об ожидающей его в

холле жене, той самой бесцветной девушке, которую Айседора видела когда-то вместе с Верноем. Откланявшись, он поспешил ретироваться, оставив Дункан в полном одиночестве.

Наконец, Дункан поняла, что в Америке ей ничего не добиться, напомню, что школу она перевезла в расчете на Зингера. Да только где он теперь? Все ценные вещи были давно проданы, и Айседора решилась попытаться обратить в деньги недвижимость во Франции. Но решиться одно, а сделать. ужас – у великой Дункан, содержащей в былые времена исключительно на собственные средства сорок приемных детей, не оказалось денег на один-единственный билет в Европу!

То есть деньги были, но не могла же она оставить свою школу без средств. На счастье, именно в это время в Нью-Йорк приехала подруга Айседоры Мэри, которая упросила своего друга Гордона Сельфриджа помочь великой танцовщине выбраться из США.

Гордон Селфридж – на мгновение Айседоре показалось, будто бы она уже где-то слышала это имя. А впрочем, кто не знал миллионера Селфриджа, начинавшего простым помощником продавца в одном из магазинов Маршаля Фильда и основавшего крупнейший в Великобритании супермаркет «Selfrige's»?! Это он придумал ставшую знаменитой на весь мир фразу: «Наш клиент всегда прав», это он первым в вечернее время подсветил витрины магазина и организовал примерочные. Выставил напоказ парфюм, что до него считалось неприличным. Решив для себя, что магазин должен напоминать театр, он то приглашал костюмированных актеров, то устраивал розыгрыши призов и скидки.

Но нет… при всей популярности этого человека Дункан знала его не из газет, а. перед глазами замелькали витрины и двери магазинов, закрытые для худой голодной девочки, договорившейся о работе в кафе и пришедшей в первый попавшийся магазин с единственной целью – упросить дать ей материала и оборок на танцевальный костюм.

Ай, если бы не он! Со слезами на глазах Айседора вспомнила осунувшееся лицо матери, которая лежала в снятой ими комнате, готовясь умереть, когда они питались целую неделю надоевшими до икоты помидорами без соли.

И вот все тот же Гордон Сельфридж уже во второй раз протягивал ей руку помощи.

На пароходе в первую же ночь любящая гулять под звездами Айседора умудрилась не заметить люка и грохнулась в машинное отделение, в результате сильно разбившись. Так что Сельфриджу пришлось еще и ухаживать за ней.

При этом, отправляясь за водой для пострадавшей, помогая ей сменить повязку или подняться и устроиться в кресле, он

проявлял спокойствие и уверенность. Его настроение, казалось, не зависело ни от капризов погоды, ни от политики.

Спокойный и сильный, Сельфридж не употреблял ни алкоголя, ни каких-либо наркотических средств, никогда не повышал голоса и вообще являл собой образец истинного рыцаря.

Что же касается идей Гордона Сельфриджа, то они фонтанировали и порой казались неоправданно рискованными даже повидавшей виды Айседоре. Так, например, для рекламы кроватей он собирался использовать полуголых барышень. Кровати бы он выставлял в витринах, похожих на жилые комнаты. Представьте картинку: идете вы по улице, вечер, накрапывает дождик, и… перед вами возникает освещенное пространство, в котором стоит разобранная постель, а в ней в ворохе шелковых простыней очаровательное создание в вышитом пеньюаре с книжкой в руках. Эта идея Сельфриджа действительно реализуется в 1968 году, через двадцать лет после смерти автора.

Гордон Сельфридж откроет в своих магазинах салон красоты, ресторан, библиотеку, теннисный корт и площадку для игры в крикет, а также комнату первой медицинской помощи. Через несколько лет после памятного путешествия на пароходе с Дункан такой торговый центр будет построен в Лондоне. Сохранились фотографии, на которых в центре магазина красуется аэроплан Луи Блерио (на котором тот пересек Ла-Манш). В его магазинах будет играть живая музыка, и он установит самые настоящие эскалаторы!

Когда появится первый телевизор, Селфридж приобретет диковинку и выставит в своем магазине не для продажи, а для привлечения клиентов.

В общем, это был интереснейший попутчик, тем не менее Айседора не решилась рассказать Гордону о своей плачевной финансовой ситуации, распрощавшись с ним в Лондоне. Там она сняла квартиру на улице Дьюк, где и долечивала свои синяки, отправляя телеграммы друзьям с просьбой прислать деньги на билет до Парижа.

Встречи и расставания

Шли дни, недели, а никому не нужная, всеми забытая танцовщица не получала ответов на свои письма и телеграммы. Ну, пусть бы ей сообщили, что человек, к которому она обращалась, выехал из Парижа, что эмигрировал или просто не имеет возможности помочь. скорее всего, ни одна из этих унесенных телетайпом просьб так и не добралась до своих адресатов. А может, как раз телеграммы были доставлены, и вместе с ответами ей высылали деньги, деньги, деньги. но те терялись неизвестно где, пропадали, таяли в чьих-то бездонных карманах.

Последняя версия была более приятна для Дункан, кутающейся в плед в старом уютном кресле возле окна и наблюдающей очередной налет вражеской авиации. Бомба могла бы решить все. Исчезли бы тоска и грусть, ей уже не нужно было бы искать эти постоянно ускользающие деньги, гоняться за призраком неземной любви.

Положение спас знакомый французский дипломат, предложивший Дункан отправиться в Париж вместе с ним. И вот, наконец, под громоподобный гул «Большой Берты» вместе с санитарным поездом Айседора въехала в Париж. Некоторое время она протискивалась с чемоданом и шляпной коробкой, среди носилок с перевязанными людьми: кровь, стоны, удушливый запах медикаментов, слезы, резкие команды, горячечный бред…

Зачем она стремилась в этот ад?! Для того чтобы продать недвижимость, необходимо дождаться окончания войны, под бомбежками дома идут по бросовым ценам.

В конце концов, Айседора обнаружила несколько друзей, не пожелавших покинуть город. И даже танцевала в Пасси, где ей аккомпанировал пианист Гаррос. На обратном пути до гостиницы начался очередной авиационный налет, Айседора и ее новый знакомый говорили о Шопене, рассеянно следя за несущими смерть аэропланами. Оказавшись на площади Согласия, Дункан легко сбросила на руки Гарроса пальто и начала танцевать без музыки, освещаемая вспышками.

Что за безумие было возвращаться в Париж? Война превратила храм искусства, а позже госпиталь для раненых в самые настоящие развалины, на восстановление которых требовались миллионы.

Желающие сделать хоть что-то для фронта выстраивались в длинные очереди, откуда их распределяли по госпиталям или в бригады, расчищающие улицы. не было смысла пополнять одну

из них. Айседора решает, что будет делать то, что у нее во все времена получалось лучше всего. Дункан танцует, ведет захватывающие беседы об искусстве. Уставшие, измученные, потерявшие надежду люди постепенно оттаивают в обществе светлого ангела Айседоры. В то время как мюзик-холлы и кафе-шантаны отданы под госпитали, и редкие театры балуют парижан спектаклями, Айседора превращает в светский салон или маленький театр собственный гостиничный номер. Выезжает на дом к желающим смотреть на нее, чтобы подарить луч надежды, заставить озябшие, забывшие об искусстве пальцы играть на музыкальных инструментах, губы – улыбаться, ноги – танцевать и сердца – петь.

Однажды вечером кто-то из друзей привел ей нового аккомпаниатора. Молодой человек отрекомендовался как Вальтер Руммель[154], он поцеловал руку хозяйке дома и тут же сел за фортепьяно. После нескольких первых аккордов Дункан поняла, что она нашла музыканта-виртуоза. Выступление настолько понравилось публике, что посетившая в этот день Айседору шестидесятилетняя актриса Режан[155] предложила ей выступление в ее театре, в 9-м округе.

Выступление прошло в холле первого этажа, после чего они стали практически неразлучными, и поэтому никто не удивился, когда вдруг открылось, что Айседора и Вальтер любят друг друга. Разница в десять лет – причем не в пользу Дункан, но кто думает о таких мелочах, когда влюблен. Айседора всю жизнь искала любви, подобно тому, как цветы и бабочки жаждут встречи с солнцем. Что же удивительного, что, живя в темноте, она принимала за солнечный свет не только печальную луну, но и крошечного светлячка, ненадолго засветившегося на ее небосклоне.

Летом они поехали на юг, устроившись на мысе Феррато. Две-три репетиции, и дуэт уже едет по госпиталям на безденежные выступления. Так они провели все лето, в августе переместившись в Ниццу, где и пробыли до 15 декабря, когда газеты возвестили о перемирии. Айседора была рада, что все наконец завершилось и она могла возвращаться в Париж, где под Триумфальной аркой проходил парад Победы и люди обнимались и плясали, пьяные от счастья.

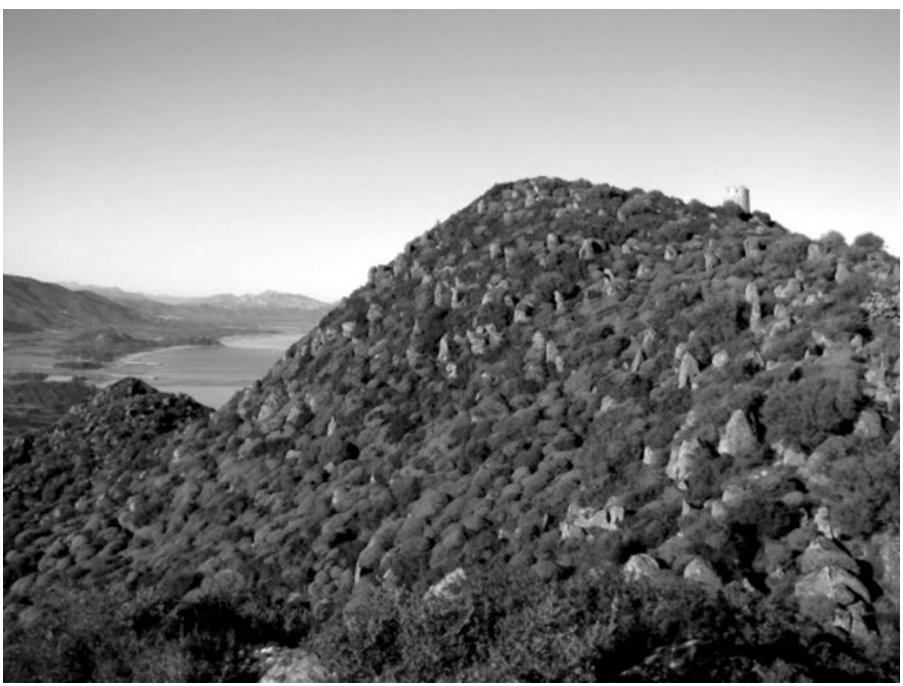
Айседора была готова танцевать на площадях «Марсельезу», строя новые грандиозные планы, но долг перед школой требовал, чтобы она первым делом все же разобралась со своей порушенной недвижимостью. Бывший госпиталь давно уже пустовал, одна его стена была пробита насквозь снарядом, крыша текла, пол местами начал гнить, кроме того, не осталось ни одного целого

окна.

Дункан решилась делать ремонт, но денег не нашлось, и в конце концов ей пришлось уступить здание вместе с землей администрации города. Едва разобравшись с разрушенной школой, Айседора отбивает телеграммы в Америку, сообщая, что намерена начать все заново и предлагая ученицам присоединиться к ее крестовому походу за красотой.

Всем воспитанницам и учителям, которые изъявили желание продолжать начатое, Айседора оплачивает билеты, и вскоре все они уже толпятся в ее гостиной.

Еще нет ни дома, ни богатого и надежного спонсора, уже потрачена солидная сумма на переезд школы, но широта души Айседоры воистину безгранична, и она снова выдвигает идею основания школы в Афинах, и теперь ее уже поддерживают все.



Мыс Капо Феррато.

«Роскошь и богатство не дают счастья. Богатым намного труднее сделать что-то серьезное, ибо в гавани всегда стоит роскошная яхта, которая манит их уплыть в лазурные моря».

(Айседора Дункан)

Наверное, следовало бы сначала съездить в Грецию в

одиночку или в сопровождении Руммеля, оглядеться на месте, прикинуть, чего будет стоить школа, сделанная по типу палаточного лагеря, или лучше сразу же присмотреть недорогую гостиницу с пансионом? Но, поглядев в уставшие, измученные неизвестностью лица юных танцовщиц, Айседора принимает рискованное решение. Они отправятся сразу же всей компанией. И если, оказавшись на месте, решат, что, школа в Греции – невозможная мечта, то, как следует отдохнут там, на свежем воздухе. По дороге же они, разумеется, сделают остановку в Венеции, дабы запастись впечатлениями и, возможно, получить толчок к созданию новых танцев. Вдохновляться с ними едут Вальтер Руммель и еще несколько близких друзей, среди которых недавно вернувшийся с войны фотохудожник Эдвард Стайхен. Служа в сухопутных войсках США, Эдвард преподавал тамошним рекрутам основы аэрофотосъемки.

С таким положением дел заранее понятно, вскоре деньги закончатся, предприятие обречено на провал, но Дункан уже забралась на своего «любимого конька», командует, раздавая направо и налево милости, и того не знает, не ведает, как замирает сердце бедного Вальтера, когда мимо него проходит кто-нибудь из ее юных и прекрасных учениц. Ай, если бы она знала, если бы догадалась, какой черной неблагодарностью отплатит ей девочка, над постелькой которой она когда-то проливала горькие слезы, прося милости у судьбы, любой ценой остановить опасную болезнь и позволить Эрике жить. Чем была готова заплатить за здоровье и счастье своей приемной дочери Дункан? Всем, чем угодно. Собственной жизнью и личным счастьем, если придется. Пришлось.

Судьба никогда не забывает зароков, данных людьми, жестоко взимая долги. Вальтер Руммель влюбляется в одну из учениц Айседоры. Влюбляется страстно, так что скоро становится понятно, что это не просто увлечение взрослого мужчины юной девушкой.

Айседора чувствует себя преданной, ее распирают обида и ярость. Но что она может сделать? Выгнать девушку, которую знает столько лет? Закатить скандал Вальтеру? Но он тут же переведет все на уровень денежных отношений, ведь за все платит Дункан, и попробуй она возразить Руммелю, он, пожалуй, бросит ей в лицо деньги за билеты и наем гостиницы, крикнув что-нибудь в духе «ты меня не покупала». А после поселится в соседней гостинице, не переставая встречаться с Эрикой, а то и заберет ее к себе.

Воспитанницы тоже изменились в Америке, это уже не хор тонких, невесомых, почти бестелесых нимф. Девочки расцвели,

заметно прибавили в весе. Роскошные груди, тяжелые ляжки, крупные задницы… Почти все курили, многие пристрастились к выпивке и дешевым наркотикам, почти все оставили в Нью-Йорке любовников. Они уже попробовали сами зарабатывать себе на жизнь танцами в стиле Дункан и оборками, валанами и перцем в кафе-шантанах. Для них возвращение в ласковые объятия сверхзнаменитой мамы – шаг назад, на который они идут, ожидая, что та немедленно предоставит им головокружительный контракт, занятость на ближайшие 10–15 лет и, главное, контакты, которых у Айседоры за ее многолетнюю деятельность набралось предостаточно. Артисты, писатели, драматурги, режиссеры театра и кино, художники, меценаты. любой из этих проживающих на Олимпе господ мог составить счастье молоденькой и хорошенькой танцовщицы, буквально замолвив за нее словечко. Сколько раз они выручали Айседору, но великой Дункан уже сороковник, и скоро она реально перестанет будоражить умы зрителей, о ней перестанет говорить пресса, и тогда. Тогда на сцену поднимутся они, те, что поднимут твердыми руками пошатнувшееся знамя ее искусства. Пусть старая мамка возьмет на себя формальное директорство театром и школой, но решать, танцевать, пленять умы и позировать художникам должны они! Дочери великой Дункан! Ее прямые наследницы! Танцовщицы, с малолетства воспитанные по ее методе и уже повидавшие в ее свите мир.

«Как можно быть настолько неблагодарной, чтобы покушаться на любимого человека своей приемной матери? Причинять боль тому, кто столько лет заботился о тебе»? – вопрошает в своей комнате зареванная, всеми покинутая и непонятая Айседора.

«Да сколько нужно ей мужиков, денег, славы? Не пора ли на покой, драгоценная мисс Дункан? Обеспечьте, мамаша, своих дочерей достойным их приданым или катитесь к черту», – возмущаются девушки.

Они не понимали и не собирались понимать друг друга. Ученицы страстно завидовали своей учительнице, молодые, вечно голодные акулы желали отхватить свой кусок славы и богатства. Давно исчез всеми любимый, щедрый и обожающий потакать капризам Парис Зингер, правда, уже устроившись в Греции, Айседора несколько раз уезжала куда-то по делам и возвращалась в компании лысоватого господина, которого она называла Венизелосом и с которым связывала идею процветания и свободы Греции. Им же не было дела до Греции, точно так же, как прежде до чужой им Франции. Впрочем, благодаря Венизелосу они быстро отказались от дурацкой идеи жить в палатках и

приступили к репетициям во дворце «Запион». Других милостей не последовало, ни тебе автомобилей, ни шикарных нарядов или приглашений развлечься на какой-нибудь вилле.

Возвращаясь к ученицам, Дункан видела их любопытство и рассказывала без утайки все то, что они придумали вместе с министром. Готовятся грандиозные празднества в честь бога Диониса. Место действия – стадион. До этого времени необходимо придумать танцы, в которых, кроме профессионалов, будет участвовать тысяча детей. Мальчиков и девочек, которых они начнут принимать в ближайшее время. Так, все ученицы будут и репетировать танцы с Айседорой, и обучать свои группы детворы.

В Греции Айседора вводит распорядок дня: они встают на рассвете, умываются и, позавтракав стаканом молока с куском лепешки, идут в Акрополь созерцать, медитировать и, естественно, танцевать. День за днем. При этом учителя строго следят за тем, чтобы никто не смел курить или, упаси бог, притрагиваться к алкоголю. Школа Дункан – строгое вегетарианство и работа, работа, работа… каждый день купание и пробежки, очень скоро в школу придут новые ученицы, и тогда старшекурсницы должны показать, что такое железная дисциплина.

Айседора делает свое дело. Никогда она не была так близка к осуществлению давней мечты, целая труппа подготовленных танцовщиц, финансирование от государства, скоро будет объявлен дополнительный набор, но. что-то мешает Дункан, жестокая ревность скребется крысой, покусывая самолюбие самой знаменитой танцовщицы своего времени.

«Вот сейчас, когда я беседовала с Венизелосом о празднике на стадионе, где был в этот момент Вальтер? А где была Эрика»?

Айседора уже наблюдала их взгляды и даже трепетное касание рук, а что дальше? А как дальше? Позволить им любить друг друга, отказавшись от всяческих притязаний на Руммеля, а потом каждый день видеть их вдвоем, счастливых, влюбленных? – непереносимая мука. – Изгнать – ее окрестят ревнивой дурой.

Понимая, что еще полчаса таких самотерзаний, и она начнет срывать зло на правых и виноватых, Айседора уходит к морю и бродит от заката до рассвета по кромке воды, надеясь, что холодный ветер остудит ее пылающий ум, дав несколько часов передышки. Наутро, усталая и разбитая, спешит созерцать и танцевать, затем работа в классах, и снова никуда не деться от этих двух – сидящего за фортепьяно пианиста и бросающей на него пылкие взоры девицы в белой тунике.

Айседора пытается больше ходить, плавать, гуляет по ночам,

изводит себя до такой степени, чтобы, едва прикоснувшись к подушке, буквально проваливаться в сон. Ничего не помогает. Нож для разделки бумаг соблазняет ее на убийство, лопата садовника… почему этот дурак оставил свое орудие труда на самом видном месте? На что намекают ножницы на туалетном столике? Когда при ней читают статью, в которой фигурирует убийство из ревности, Айседора горячо встает на сторону убийцы. «Довели – сами виноваты».

Понимая, что еще немного, и произойдет непоправимое, она решается на небольшое путешествие по дороге мимо древних Фив в Халкис, где на золотых песках некогда танцевали девушки Эвбеи на пиру в честь брака Ифигении. На этот раз путешествие проходит в дневное время, и Айседору сопровождают пожелавшая взглянуть на Халкас группка девушек и фотограф Эдвард Стайхен. Как это и следовало ожидать, ни коварный Вальтер, ни маленькая разлучница не пожелали составить им компанию.

Превратившись в заправского экскурсовода, Дункан потчует своих попутчиков историей, щедро сдабривая рассказ стихотворными вставками. Все в восторге, и только Эдвард с подозрением поглядывает на пылающие щеки Дункан. В то время когда девочки весело щебечут о пустяках, он ясно видит, что еще совсем немного, и Айседору хватит удар.

Стайхен прекрасно разбирается в людях, и в этой нелепой истории с весьма средним, на его взгляд, пианистом и великой Айседорой он целиком и полностью на стороне Дункан. Не нравится ему ни маленькая нахалка, хотя и ее понять можно, первая любовь, до приличий ли здесь? Но другие девушки, те, что откровенно смеются за спиной своей благодетельницы, – вот кто не достоин ни жалости, ни сострадания, ни тем паче хорошей судьбы.

Эдвард Стайхен прекрасно разбирается в людях. А мы немножко расскажем о нем самом: Эдвард родился в 1979 году в городке Бивинген графства Люксембург. В начале своей творческой карьеры Эдвард полагал, что посвятит жизнь импрессионизму, он обожал творчество Родена и во всем старался подражать мастеру. Собственно, на почве любви к великому скульптору он и познакомился с Дункан, в чьем доме в «Бельвю» Огюст Роден числился завсегдатаем и где с ним можно было спокойно поговорить, без риска быть моментально посланным куда подальше. В школе танца мисс Дункан грузный суровый скульптор превращался в доброго рождественского дедушку, который баловал девочек сластями, отдыхая рядом с ними душой.

Должно быть, Эдвард Стайхен так и остался бы импрессионистом, считая это своим призванием, но тут началась

война, во время которой Эдвард вдруг, на удивление всем знакомым, переходит в лагерь ортодоксального, непреклонного, бескомпромиссного реализма. После чего отправляется на фронт, где его знания фотографа оказались более чем актуальны для аэроразведки. Он возвращается в Париж и почти сразу же натыкается на Айседору, как раз во время подготовки к переселению школы в Грецию. А дальше слово за слово, Дункан приглашает его присоединиться к ней. Формальный повод – кто же откажется от штатного фотографа? На самом деле Айседора приглашает старого знакомого развеяться после войны. Бесплатный переезд, проживание и питание с правом в любой момент покинуть проект и вернуться во Францию. Более чем щедрое предложение, и, наблюдая за событиями из XXI века, мы можем сказать, что в отношении Эдварда Стайхена прогнозы Айседоры оправдались на все сто процентов. Вернувшись из Греции, Эдвард вплотную займется портретом, так что начиная с 1920 года в течение почти двадцати лет будет создавать серию «Голливудские знаменитости» – эта работа сделает Эдварда Стайхена одним из самых известных фотографов и влиятельных мастеров в истории фотографии своего времени. Он доживет до Второй Мировой войны, во время которой займется кинодокументалистикой, честно заработав на это деле «Оскара». Далее до самой смерти 25 марта 1973 г. он будет руководить фотоотделом Музея современного искусства. В 2006 году экземпляр стайхеновской автохромной фотографии «Озеро в лунном свете», созданной художником в далеком 1904 году, будет продан на аукционе «Сотбис» почти за три миллиона долларов, абсолютный на тот момент времени рекорд! И еще именем Эдварда Стайхена назовут площадь в городе, где он родился.

Дома их встречали Вальтер и его юная возлюбленная, не оставалось ни малейших сомнений в том, что они не теряли даром времени и ничто на свете уже не вернет изменника в объятия Айседоры.

На большом празднике, устроенном в честь молодого короля Греции Александра I[156] и Венизелоса, собралось 50 тысяч человек, среди которых особое место занимало духовенство, в парчовых расшитых золотом одеждах. Когда, согласно сценарию, перед трибунами прошли все участники шествия, в центр стадиона вышла Айседора, облаченная в пеплос, за ней, кружась в легком танце, следовала группа воспитанниц. Айседора склонилась, и ей на голову был возложен лавровый венок Это был триумф!

И только Айседоре заслуженная награда была не в радость,

она все еще не могла ни простить, ни изгнать ненавистных любовников, продолжая сходить с ума от ревности. В ночь после праздника Дункан взобралась на скалу. Решив повторить прыжок Сапфо, она несколько раз подходила к самому краю, глядя в черное, рокочущее внизу море, но так и не спрыгнула.

Вместо этого она научилась заедать горе. Многим женщинам почему-то кажется, будто еда помогает им отвлечься от тяжелых дум. Кроме того, Айседора была здорова, много гуляла, плавала, танцевала, поначалу ей даже казалось, что ее волчий аппетит – вполне нормальная вещь: кто много трудится, тот много ест.

За три года жизни в Греции Айседора заметно прибавила в весе, но это не смущало ее. В конце концов, если правительство все-таки откроет обещанную школу, ей уже не обязательно показываться на сцене, она будет работать как режиссер и педагог. Всему свое время, а нашей героини уже сорок три. Еще совсем немножко, и она сможет сказать, что добилась в жизни всего, о чем смела мечтать, и засядет за мемуары.

До счастья оставалось рукой подать, когда вдруг при странных обстоятельствах заболел и умер молодой король Александр I. Как сообщала пресса от 2 октября 1920 года, на прогулке по королевскому саду Татой его величество укусила бешеная обезьяна, и спустя три недели, 25 октября, он скончался от заражения крови.

Похоронив двадцатисемилетнего монарха, Венизелос заявил о создании республики, но его идея провалилась на выборах. В Грецию вернулся Константин I и вновь вступил на трон, после чего Венизелосу и его партии не оставалось ничего иного, как отказаться от власти и уйти подобру-поздорову.

С падением своего покровителя Айседоре и ее воспитанницам также пришлось спешно делать ноги. Все деньги, вложенные в греческий проект, были потеряны, кроме того, им приходилось теперь раз и навсегда отказаться от самой идеи когда-либо организовать школу в Греции.

В рекордно короткие сроки они погрузились на пароход и направились во Францию. В Париже дороги Айседоры и Вальтера разошлись навсегда, с бывшим возлюбленным уезжала Эрика Дункан.

Поняв, что Айседора проиграла, почти все ученицы разлетаются кто куда.

Россия. Есенин

Зимой 1921 года Дункан неожиданно для себя получает телеграмму от советского правительства: «…одно только русское правительство может вас понять. Приезжайте к нам; мы создадим вашу школу». Айседора, бросив все, собирается в дорогу. Это не гастроли, не временное турне, хотя все на этой земле носит временный характер. Оформив бумаги в Лондоне, она оставляет свои дорогие платья и меха, прихватив с собой лишь скромные туники для выступлений и самую простую одежду да взяв последнюю из оставшихся при ней воспитанниц – Ирму Дункан. Там, в далекой и прекрасной России она заживет новой жизнью, полной света и гармонии. Ее будут называть «товарищ», и она обретет новых друзей, вместе с которыми будет строить светлое будущее. Нарком просвещения Луначарский[157] обещал ей содействие и школу на тысячу мальчиков и девочек. У нее снова будут дети, она полюбит их и обретет счастье.

«Когда Дункан объявила о своем желании ехать в Россию, поднялся вопль недоумения и негодования, – пишет в своей статье “Наша гостья” А.В. Луначарский, – Сначала газеты отрицали этот слух, потом приписали его непростительному чудачеству Дункан, затем начали клеветать, стараясь доказать, что Дункан не нужна больше Европе и Америке и что в Россию ее гонит растущее равнодушие к ней публики.

Это, однако, сущий вздор, и писавшие сами знали об этом. Как раз перед своим решением выехать в Россию Дункан получила чрезвычайно выгодное предложение поехать в Америку и Голландию, от которого, однако, со свойственной ей прямотой сразу отказалась. Леонид Борисович Красин рассказывал мне, что Дункан несколько боялась своего прощального концерта в Лондоне. Газеты уже подняли враждебный шум по поводу ее большевизма. Между тем на прощальный концерт собралось видимо-невидимо народа. Дункан была устроена огромная овация, которая косвенно относилась к России и явилась шумным одобрением публикой ее мужественного жеста».

Сергей Есенин и Айседора Дункан со своей приемной дочерью Ирмой

Кстати о счастье, но, раз уж собираешься отправиться в место, которое вся Европа называет не иначе, как «преисподняя», не худо бы узнать, «что день грядущий нам готовит?», и вот Айседора и Ирма идут к самой известной и дорогой лондонской гадалке, дабы та разложила карты, поворожила над свечой или прочитала свежие новости, начертанные при рождении ангелами на ладони.

– Вы отправляетесь в путешествие, – скрипит голос старой

цыганки, дрожит пламя свечи, по стенам бессовестно бродят неизвестно чьи тени.

– Да. Отправлюсь, – кивает Айседора. – Начало ей нравится.

– Вас ждут странные переживания, неприятности. Вы выйдете замуж…

– Замуж?! – Давясь смехом, Айседора покидает гадальный салон. Какой еще брак? Да она всю жизнь говорит, что если женщина, прочитав брачный контракт, все же выходит замуж, значит, так ей и надо. Ну и глупые же эти гадалки! Привыкли, что все вокруг помешены на этом замужестве, вот и болтают без разбору.

– Увидите, – доносится до нее равнодушный голос. – Недолго ждать, скоро все сами и увидите.

Айседора и Ирма садятся на пароход и едут по Темзе из Лондона в Ревель, далее поездом до Москвы.

Прибыв в Москву в феврале 1921 года, Айседора устраивает свою первую пресс-конференцию, на которой заявляет: «Нас сильно пугали. В Париже ко мне пришли: бывший русский посол Маклаков[158] и Чайковский[159], однофамилец гениального русского композитора. Так вот, оба они, а этот Чайковский даже встал передо мной на колени, оба умоляли меня не ехать в Россию, так как я и Ирма на границе будем изнасилованы, а если нам и удастся доехать, то нам придется есть суп, в котором плавают отрубленные человеческие пальцы».

На следующий день по приезду, со всем русским радушием, Айседору и Ирму принимают у себя Луначарский и начальник Всеобуча Подвойский[160]. Радость от встречи есть, а денег на школу пока нет. Но Дункан не удивишь бедностью, видала она нищету, голодала, зато здесь ее любят и будут помогать, пусть чуть позже, но все же будут. «Я бежала из Европы от искусства, тесно связанного с коммерцией», – сообщает она своим новым «товарищам», после чего смело отправляется на поиск подходящего здания для школы, не на тысячу мест, а столько, сколько она сама сможет вытянуть на первых порах. Требуется арендовать помещение, сделать ремонт, провести отборочный конкурс.

Правда, на этот раз все гораздо сложнее, с точки зрения Европы, Советская Россия – ад, ад в который легко попасть, да трудно выбраться, и если Дункан пожелает спуститься туда, вполне возможно, что после ни один импресарио не согласится работать с ней. А если и найдется такой безумец, зрители откажутся посещать ее спектакли, и все пойдет прахом. Но Айседору уже не остановить – революционная Россия представляется ей царством Будды и Христа – миром равенства,

братства и любви.

На этот раз Россия встречает Айседору праздничной демонстрацией с красными знаменами, музыкой, криками «Ура». Не в ее честь, во славу революции. Но это и не важно, за то время, которое понадобилось для того, чтобы добраться от вокзала до гостиницы, машина, везущая Айседору и Ирму, несколько раз останавливалась, пропуская толпы поющих, радостно выкрикивающих что-то, даже пляшущих на улицах людей. Было такое ощущение, что теперь тут всегда будет слышно веселое пение, хмельное гуляние, невероятная, невозможная радость…

А потом встреча с Луначарским, его попытки обратиться к Айседоре «мисс Дункан», «мадемуазель?».

«Товарищ Дункан, – помогает она смутившемуся ее реакцией Анатолию Васильевичу, – теперь только так».

Денег в обрез, в стране разруха, Айседора и Ирма ищут в городе помещение, пригодное под школу, пока за дело не берется сам нарком, который и привозит Дункан во дворец Балашова на Пречистенке. Золоченая мебель, оранжерея с пальмами. В спальне Айседоры широкая роскошная кровать под балдахином, напротив которой картина неизвестного художника – три ангела со скрипками. Один поразительно похож на Сергея Есенина. Но его Айседора пока еще не знает, а следовательно, не может обнаружить и сходства. Время от времени она кидает на картину печальные взгляды, ангел поразительно похож на ее погибшего сына Патрика.

Вокруг все очень красиво, роскошно, хотя Дункан, мечтала, что ее школа будет оформлена в новом, революционном стиле. Но да дареному коню в зубы не смотрят, и кто его знает, пойдут дела, может быть, советское правительство пожелает пригласить для работы Крэга, и тогда он, по старой дружбе, поможет Айседоре привести в порядок этот дворец из тысячи и одной ночи. А пока приходится все решать самой.

Пока советское правительство с горем пополам обеспечило учеников одноразовым питанием, на свои собственные средства Айседора организовала двухразовое, и тут же в Россию приезжает Мэри Дести, которая, пользуясь собственными связями, устраивает Айседоре встречу с представителями Америки, и они выделяют деньги или продукты, так что в результате эта проблема хотя бы на какое-то время решена.

Дворец почти не отапливается, репетировать в промозглом помещении – риск погубить себя и детей. Но большевикам проще поставить на Пречистенку ящик водки, нежели обеспечить школу дровами. «Айседора приехала в Россию без достаточно теплой одежды, – пишет в своей книге Мэри Дерси, – и когда начались

жестокие морозы, нарком пригласил ее выбрать себе из многих тысяч меховых шуб, собранных у всех аристократов, несколько подходящих. Она выбрала очень простую беличью шубку, потому что не могла заставить себя дотронуться до прелестных соболей, горностаев и других ценных вещей, принадлежавших, возможно, царице или другим дворянам, многие из которых были когда-то ее друзьями. Да, кроме того, она приехала в Россию не обогащаться, а отдавать».

Дункан посещает театры, художественные выставки, чтения стихов современных революционных поэтов, пытаясь проникнуться новыми веяниями, прочувствовать сложившийся стиль, проникнуть в тайны футуризма, кубизма, имаженизма, динамизма, беспредметного экспрессионизма, супрематизма и других каких-то…измов, всех и не упомнишь.

Все это необходимо в ее работе. В планах сделать танцы Красного знамени, гимн Третьего интернационала, а также песни пионеров и комсомольцев. Она уже дала слово, что примет участие в ближайшей публичной манифестации, а ведь еще необходимо работать с детьми, одной Ирме всего не успеть, не разорваться. Давно замечено, что у Айседоры подлинный талант к преподаванию, так, согласно воспоминаниям ее учениц, иногда ей было довольно показать движение рукой, сидя или лежа на кушетке, и дети начинали танцевать.

Собственно, одного только присутствия ее на занятиях было достаточно для того, чтобы непослушные, нежелающие работать дети мгновенно умолкали и начинали исполнять заданные им упражнения.

Поработав с учениками, Айседора мчится на очередную вечеринку к новым друзьям, туда, где угощают русской водкой и ведут долгие разговоры о революционном искусстве. Слушает стихи, не понимая ни единого слова, но четко улавливая ритм и настроение. Время от времени ее переводчик и друг Илья Ильич Шнейдер[161] склоняется к уху Айседоры, объясняя ей смысл стихотворения, чаще она молча отмахивается от его помощи, к чему? Если стихи не являются музыкой, для чего ей знать, о чем они?

В прежние приезды в царскую Россию Дункан и в голову не приходило учить русский, к чему? Станиславский, Павлова, Кшесинская, да и вообще все, с кем она встречалась, могли поддержать беседу не на английском, так на французском или немецком. Теперь все изменилось, и она, дабы не остаться «без языка» вообще, вынуждена просить Илью перебраться в ее дворец, где переводчику предоставляется пара уютных комнат. Шнейдер – умный и интересный собеседник, моложе Дункан на целых

четырнадцать лет, кроме того, направленный к Айседоре А.В. Луначарским в качестве секретаря. Но Дункан хорошо понимает в людях и видит, Илья Ильич обожает ее искусство и не просто выполняет поручение наркома просвещения, а что не день, с сюрпризом: то контрамарки на спектакль интересный достанет, то сам же спешит ее с артистами, художниками, музыкантами свести. По ночам старательно пишет либретто для будущих выступлений Дункан, а тут еще новость, разузнал про возможности «светомузыки» и тут же почел священным долгом обеспечить спектакли своей патронессы современной техникой. В общем, клад, а не человек. Айседора Ильей Ильичом довольна, за все ему благодарна и того пока не знает, не ведает, что благодаря своему молодому секретарю очень скоро познакомится с человеком, с именем которого молва раз и навсегда свяжет ее имя, и встреча та не за горами.

Однажды шел Илья Шнейдер по улице, из Художественного театра возвращался, где у него сколько лет уже отец, тоже Илья Ильич Шнейдер, костюмы исторические для артистов шил. Шел, шел, о чем-то своем думал, когда неожиданно дорогу ему заступил театральный художник Георгий Якулов[162], работающий в то время в московском Камерном театре и подрабатывающий на оформлении какого-то очередного интерьера. Он ведь известный художник, уже не одно кафе, кабаре расписал, что же до художественных выставок, то и их в послужном списке Якулова числилось немало. Благодаря Якуло-ву и В.Э. Мейерхольду в Москве появилось кафе «Питтореск», а еще он украшал московское кафе поэтов «Стойло Пегаса», в котором часто бывал Шнейдер.

«– У меня в студии сегодня небольшой вечер, – сказал Якулов, – приезжайте обязательно. И, если возможно, привезите Дункан. Было бы любопытно ввести ее в круг московских художников и поэтов» [163].

Обычное, на первый взгляд, ничего не значащее приглашение, куда Шнейдера с Айседорой Дункан только не зазывали. Илья пообещал, Айседора согласилась, после спектакля они взяли извозчика и доехали до Большой Садовой, где у Якулова размещалась студия. И где, если верить Михаилу Булгакову, в скором времени обнаружится «нехорошая квартира», в которой Воланд будет встречаться с Маргаритой. Во всяком случае, в этом самом доме по Большой Садовой, 10, или Большая Садовая 302-бис (это уж как кому больше нравится), в 1921–1924 годах проживал сам автор бессмертного романа «Мастер и Маргарита». А уж кто-кто, а он прекрасно разбирался в странных домах и роковых встречах.

«Появление Дункан вызвало мгновенную паузу, а потом начался невообразимый шум. Явственно слышались только возгласы: “Дункан!”

Якулов сиял. Он пригласил нас к столу, но Айседора ужинать не захотела, и мы проводили ее в соседнюю комнату, где она, сейчас же окруженная людьми, расположилась на кушетке.

Вдруг меня чуть не сшиб с ног какой-то человек в светло-сером костюме. Он промчался, крича: “Где Дункан? Где Дункан?”

– Кто это? – спросил я Якулова.

– Есенин… – засмеялся он.

Я несколько раз видал Есенина, но тут я не сразу успел узнать его.

Немного позже мы с Якуловым подошли к Айседоре. Она полулежала на софе. Есенин стоял возле нее на коленях, она гладила его по волосам, скандируя по-русски:

– За-ла-тая га-ла-ва…»[164].

Этот же эпизод опишет в своем книге «Роман без вранья» Анатолий Мариенгоф[165], он же расскажет о предшествующих этой встрече событиях, то, что не мог знать Илья Ильич, а именно как Есенин мечтал познакомиться с Дункан. С женщиной, которую он видел на сцене и которая манила его золотым шлейфом летящей к своей гибели кометы. Вот этот текст: «…К нам подошел Жорж Якулов. На нем фиолетовый френч из старых драпри. Он бьет по желтым крагам тоненькой тросточкой. Шикарный человек. С этой же тросточкой в белых перчатках водил свою роту в атаку на немцев. А потом на оранжевых ленточках звенел Георгиевскими крестами.

Смотрит Якулов на нас, загадочно прищуря одну маслину. Другая щедро полита провансальским маслом.

– А хотите, с Изадорой Дункан познакомлю?

Есенин даже привскочил со скамьи:

– Где она… где?..

– Здесь… гхе-гхе… замечательная женщина…

Есенин ухватил Якулова за рукав:

– Веди!

И понеслись от Зеркального зала к Зимнему, от Зимнего в Летний, от Летнего к оперетте, от оперетты обратно в парк шаркать глазами по скамьям. Изадоры Дункан не было.

– Черт дери… гхе-гхе… нет… ушла… черт дери.

– Здесь, Жорж, здесь.

И снова от Зеркального к Зимнему, от Зимнего к оперетте, в Летний, в парк.

– Жорж, милый, здесь, здесь.

Я говорю:

– Ты бы, Сережа, ноздрей след понюхал.

– И понюхаю».

Невозможно было поверить в то, что Есенин и Дункан только что познакомились, что это их первая встреча. Они вели себя так, словно знали друг друга всю жизнь. Понимая, что может ей понадобиться в любой момент, Шнейдер старается находиться на глазах Айседоры, но ей впервые не нужно было ничего переводить. Они с Есениным отлично понимали друг друга и, пожалуй, все уже решили меж собой.

Немного уставшая после работы в школе и вечернего спектакля, она выглядит королевой в шелковом алом хитоне с распущенными по плечам рыжими волосами. Сорок пять лет – невероятно знаменита, почитаема, востребована, желанна, умна, многие хотят с ней познакомиться, но в этот вечер все сломалось, все пошло кувырком, золотые кудри Сергея Есенина заплелись на нежном пальчике Айседоры обручальным кольцом, две дороги сделали резкий рывок друг к другу и на время слились в одну. В тот вечер Есенин никого не подпускал к Дункан, косясь на не знающего куда себя деть переводчика. Так они «говорили» весь вечер на разных языках, но, кажется, вполне понимая друг друга.

«Он читал мне свои стихи, – говорила мне в тот вечер Айседора, – я ничего не поняла, но я слышу, что это музыка и что стихи эти писал genie! (гений)», – рассказывал в своей книге о Есенине Шнейдер.

Дункан права, позже, встретив Сергея Александровича и Айседору в Париже, Франц Элленс[166] расскажет об особой декламации русского поэта Есенина: «…он пел свои стихи, он вещал их, выплевывал их, он то ревел, то мурлыкал со звериной силой и грацией, которые пронзали и околдовывали слушателя», и еще: «.Есенин то неистовствовал, как буря, то шелестел, как молодая листва на заре. Это было словно раскрытие самих основ его поэтического темперамента. Никогда в жизни я не видел такой полной слиянности поэзии и ее творца».

Около четырех утра Айседора, Есенин и Шнейдер ушли вместе. Светало, они поймали пролетку, Дункан и Есенин сели рядышком, обнявшись. Шнейдер устроился на облучке за спиной извозчика. Вставало солнце, тихо стучали лошадиные копыта, Есенин держал Айседору за руку. Они проехали по Садовой, за Смоленским, но свернули не к Мертвому переулку и не к Староконюшенному, а, передвигаясь точно во сне, вдруг очутились возле большой церкви, окончательно уснувший извозчик отпустил вожжи, и не подгоняемая никем лошадка все так же медленно объехала вокруг храма, точно вокруг аналоя, три раза. Обвенчал!

Совершив это странное таинство, извозчик проснулся и повез уже без всяких чудес по Чистому переулку на Пречистенку, ко дворцу товарища Дункан.

Дом Айседоры Дункан на Пречистенке

С этого момента Айседора и Сергей неразлучны. Есенин перебирается в особняк своей дамы, где нередко по вечерам собираются гости – комиссары и имажинисты. Там танцует Дункан и читает свои стихи Сергей Есенин. Вина льются рекой, еды вдоволь. Ходят слухи, что Айседора получает все эти блага непосредственно из Кремля. Комиссары несут к ней дорогие духи и меха, стелют к ногам пушистые ковры, и у нее столько денег, что она может ими швыряться направо и налево, и они никогда не переведутся. Кремль слишком заинтересован в Дуньке с Пречистенки, так за глаза называют Айседору ее гости. Как они только ее не обзывают! Какие частушки, пошлые анекдотики не изобретают, а ведь жрут и пьют за ее счет! Особенно хорошо выходит хулить не понимающую его яда и от того доверчиво улыбающуюся Дункан у лучшего друга Есенина, Мариенгофа. Животики надорвешь. Не успела как-то Айседора вовремя покрасить волосы, и злобный Мариенгоф тот час приметил, что не рыжие они у нее, а совершенно седые – старуха! Похоронил бы троих детей – по-другому запел. Но юмористу нет дела до чужого горя.

«Не судите слишком строго,
Наш Есенин не таков.
Айседур в Европе много —
Мало Айседураков».

Сергей Александрович обижен, но до поры морду приятелю не бьет, а пытается объяснить, доказать, что Айседора дорога ему – потому что он любит ее, потому что она редкое сокровище. Чудо подлинное! Он водит друзей на ее спектакли и аплодирует громче всех. Заставляет ее танцевать для приятелей импровизации. Кто еще так сможет под любую музыку, в любое время?

Как-то раз привел Анатолия Мариенгофа в спальню Дункан, и пока тот ходил и рассматривал, трогал да щупал балдахин, картины, вазочки там всякие, шкатулки… сам как хозяин уселся на широкую постель с золотым покрывалом. Глядь-поглядь, а на столике у стены в красивой новой раме портрет Гордона Крэга. Что такое?!

Кто такой Крэг, Есенину известно. Айседора показывала ему Крэга, и Есенин уяснил, что это ее бывший муж и отец Дердре. Дунька рассказывала, будто бы он писатель и гений. Сказала и спрятала ненавистный портретец в бюро. А теперь что же – вытащила?!

«И я гений!.. Есенин гений… Гений – я!.. – тычет Сергей Александрович пальцем себе в грудь. – Есенин – гений, а Крэг – дрянь!» В злобе он засовывает портрет под одеяло. «Есенин – гений. Поняла, дура?!»

Потом, немного успокоившись, Сергей улыбается Мариенгофу и вдруг срывает с головы кепи, и кидает его Айседоре. «Танцуй, Изадора. Для меня и для Тольки танцуй!» – и ставит на патефон первую попавшуюся пластинку.

«Дункан надевает есенинские кепи и пиджак. Музыка чувственная, незнакомая, беспокоящая… Страшный и прекрасный танец. Узкое и розовое тело шарфа извивается в ее руках. Она ломает ему хребет, судорожными пальцами сдавливает горло. Беспомощно и трагически свисает круглая шелковая голова ткани», – продолжает рассказ Мариенгоф.

Айседора уже поняла, что ее возлюбленный желает хвастаться, хвалиться перед друзьями своей великолепной подругой, для него важно, что Дункан – не просто его женщина, а самая лучшая, самая желанная женщина на всем белом свете. Вот она и рвется из кожи вон, лишь бы сделать все, как ему приятнее. Захотел устроить праздник для друзей в ресторане – вот тебе

деньги. Пей, гуляй, хоть за цыганами посылай. Вот какая у Есенина подруга, мало того что не жюрит, сама оплачивает гулянку. Хотел показать особняк – приглашай. Всех покормим, всех напоим, а потом хозяйка еще и станцует. Товарищи о такой слабости Дуньки с Пречистинки давно уже прознали, засуетились с подарочками, то духи дорогущие притащат, то манто из песца… а то трехметровый шлейф красного бархата с золотым шитьем и драгоценными камнями, говорят, будто бы от парадного платья русской царицы. С таким бы шлейфом по Парижу.

И еще Есенин любит и ревнует Дункан, не подпуская к ней других мужчин, бледнеет, замечая у нее в альбоме фотографии бывших любовников и друзей-мужчин. «Есенин свои чувства к Айседоре выражал различно: то казался донельзя влюбленным, не оставляя ее ни на минуту при людях, то наедине он подчас обращался с ней тиранически грубо, вплоть до побоев и обзывания самыми площадными словами. В такие моменты Изадора бывала особенно терпелива и нежна с ним, стараясь всяческими способами его успокоить», – рассказывает А Раткевич.

Что же произошло со свободолюбивой, независимой Айседорой? Она любила Есенина по-настоящему, последней, отчаянной любовью. Понимая, что после Есенина может быть только смерть, она держится за него. «Я готова целовать следы твоих ног!!!», «Ты должен знать, что когда ты вернешься, ты можешь войти в этот дом так же уверенно, как входил вчера и войдешь сегодня», «Я тебя не забуду и буду ждать! А ты?» – эти записки, нацарапанные на выдранных из блокнота листках, до сих пор хранятся в московской школе танцев.

Окажись они на необитаемом острове, отрезанные от прочего мира, терпение и любовь Айседоры помогли бы Есенину перестать дергаться на смешки и шепоток за спиной, но ситуация с каждым днем все напряженнее. Как ни странно, более других преследовал влюбленных лучший друг Сергея, Анатолий Мариенгоф. Его злость на Дункан буквально сочится из каждой его строчки о любимой женщине Есенина. Еще бы, то ходили неразлучно два старых приятеля Есенин и Мариенгоф, а то вдруг, откуда ни возьмись, появилась какая-то не первой молодости баба, и Есенин уже почти что потерян для общества! «Ему было приятно и лестно ходить с этой мировой славой под руку вдоль московских улиц, появляться в кафе поэтов, в концертах, на театральных премьерах, на вернисажах и слышать за своей спиной многоголосый шепот, в котором сплетались их имена: “Дункан – Есенин… Есенин – Дункан”…». Да уж, если так пишет друг, чего ждать от врагов?

При этом Мариенгофа никто не прогонял, напротив, он вхож

в дом на Пречистенке, бесплатно посещает спектакли Дункан, она приходит к нему и общается с его будущей женой. Чего еще? Неужели настолько задело за живое, что закадыка друган Серега, наконец, счастлив и настолько богат, что готов делиться со всеми и каждым?

Нет, художник должен быть голодным, поэт обязан быть непризнанным и несчастным! «С ней, с этой постаревшей модернизированной Венерой Милосской Есенину было противно есть даже “пищу богов”, как он называл холодную баранину с горчицей и солью. Недаром и частушку сложил: “Не хочу баранины, Потому что раненный, Прямо в сердце раненный Хозяйкою баранины!”[167]».

Что касается есенинской частушки, то где тут слово «противно»? Мало мужчин готовы отказаться от мяса ради любви! Но Мариенгоф просто обязан, от полноты души, подлить грязи.

На Пречистенке Есенин работает над монологом Хлопуши из поэмы «Пугачев» и заканчивает «Исповедь хулигана», эти произведения чаще всего можно услышать здесь в его исполнении, так как он пробует их на зрителе, мечтая когда-нибудь издать «Пугачева» отдельной книжечкой. Мечта сбылась достаточно скоро, в том же 1921 году. Тогда он ворвался на Пречистенку с пачкой тоненьких брошюрок темно-кирпичного цвета, на которых прямыми толстыми буквами оттиснули: «Пугачев». Первая книжка была подарена, естественно, Айседоре. Пристроившись за ее большим, красного дерева столом, Есенин вывел: «За все, за все, за все тебя благодарю я…» – видоизмененную фразу из стихотворения Лермонтова «Благодарность», помните?

Есенин прекрасно знал и любил поэзию Михаила Юрьевича, лишнее «за все» прозвучало как нарочитое усиление, тайный смысл, которого могла бы понять, наверное, только Айседора, знай она русский. В этом же экземпляре он подчеркнул заключительные строки: «Дорогие мои. дорогие. хор-рошие…».

Тут же он сделал еще две дарственные надписи присутствующим Ирме Дункан и Илье Шнейдеру. Айседора предложила выпить шампанского, после чего Есенин понес творение в народ. Дарить, праздновать, радоваться и принимать поздравления. Договорились, что Дункан соберется и присоединится к нему в «Стойле Пегаса».

На столе Айседоры книжка «Эмиль» Жан-Жака Руссо в ярко-желтой обложке и томик «Мысли» Платона – настольные книги. Дункан часто перелистывает их, много и с удовольствием обсуждает прочитанное с тем же Шнейдером, с Ирмой… но только не с Есениным. В 1922 году, гуляя вместе, они зашли в

книжный магазин «Колос», где Сергей обнаружил полное собрание сочинений Николая Васильевича Гоголя, которого тот обожал. В восторге он склоняется над драгоценными книгами, а Айседора тотчас достает кошелек оплатить дорогостоящий подарок. Купила, радовалась за любимого, а вот могли ли они обсудить прочитанное?

В быту они понимают друг друга без слов. Но для того, чтобы обсудить книги, как раз и необходимы слова. «Тяжко, когда любимый человек не знает, что у тебя на душе», – вздыхает Айседора. Но еще труднее Есенину.

Два художника, два творца, самой судьбой изначально поставленные в неравное положение, делят стол, кров, супружеское ложе и при этом не могут нормально поговорить. Есенин не знал языков, кроме родного русского, Айседора не говорила по-русски, но, для того чтобы открыться перед любимым, показать ему себя настоящую, Дункан достаточно танцевать. А вот Есенину?.. он часто и много читал для Айседоры, и она прекрасно воспринимала его актерское прочтение, высоко ценя музыку услышанного, и при этом она зачастую понятия не имела, о чем он хотел ей поведать. Есенин не мог открыться перед Дункан в той мере, в которой желал этого, отсюда муки творца и постоянные терзания: «за кого она меня держит?», «что о нас думают другие?», «не воспринимают ли его только как молодого любовника великой Айседоры Дункан?» Особенно остро он будет чувствовать это за границей, где Есенина еще почти никто не знает. Когда его – молодого и привлекательного – будут невольно сравнивать с идущей рядом с ним дамой. Айседора не первой молодости, побитая жизнью, часто уставшая и вымотанная после выступлений. Какая первая мысль появляется при виде столь неравной пары: он нежный юноша, она статная, рано состарившаяся гранддама? Правильно – продался.

Что делать? Отказаться от Айседоры, но он любит ее. Что такое Айседора для Есенина? – Это пропуск в Европу и Америку, билет в неизведанное, Вергилий, который проведет его тайными тропами через ад, а если повезет, и через рай. У Есенина на момент знакомства с Дункан нет ничего, кроме его необыкновенных стихов, и славы отпетого хулигана, за спиной Айседоры – Америка и Франция, Греция, Германия, Бавария и Венгрия, она страдала, любила, теряла, но, несмотря ни на что, всегда высоко несла знамя своего искусства. Он не знает, как следует сидеть за столом, куда девать руки и ноги, в какой бокал следует налить шампанское, а какой использовать для вина и что можно есть вилкой и ножом, а что ложкой. Она общалась с такими художниками, поэтами, актерами, которых окружающие

могут воспринимать не иначе, как иконы. Элеонора Дузе, много лет споривша за титул лучшей актрисы мира с Сарой Бернар, а Айседора запросто жила у нее. Они гуляли, шутили, болтали о мужчинах… скульптор Роден – легенда наравне с Микеланджело, близкий друг Дункан, завсегдатай ее школы в Бельвю, Гордон Крэг, да о нем только и говорят все знакомые актеры, Айседора родила от него дочку. Она дружила с королями и принцами крови, общалась с философами и писателями, позировала невероятным художникам. она давно уже и сама сделалась легендой, а он. Наконец, она богата и весьма влиятельна, запросто общается с Луначарским, живет во дворце и в любой момент может сделать ручкой уже немного надоевшей ей России, и тогда лови ветер в поле.

Рядом с Айседорой он чувствует свою беспомощность и обделенность. А ведь с ней даже не поговоришь? Не пожалуешься на судьбу, не поплачешь. Только постель, только ее безумные неродные танцы, а он? А где он? Пропал? Потерялся? А был ли вообще поэт Сергей Есенин?

Был, есть, будет, но как доказать это ей и, главное, самому себе? И вот он срывает ботинки, бросает их в разные углы и пляшет, пляшет, пляшет, пока не падает, задыхаясь в поту и пьяных слезах, к ногам своей Айседоры, чтобы она снова и снова ласкала его, шепча непонятное, но нежное.

Вскоре Айседора узнает о жизни своего русского любовника, о его женах, о его детях. До знакомства с Дункан еще в 1913 году Есенин работал в типографии «Товарищества И.Д. Сытина», где познакомился с Анной Изрядновой[168], которая в 1914 родила ему сына Юрия.

А потом в 1917-м Сергей женился и даже венчался с актрисой Зинаидой Райх[169] в древней Кирико-Иулиттовской церкви деревни Толстиково Вологодского уезда. Свадьбу играли в гостинице «Пассаж». При обряде венчания венец над головой жениха держал вологодский поэт Филипп Быстров[170]. Денег на свадьбу и венчание у Есенина не оказалось, и финансовой стороной вопроса озаботилась невеста, послав своему отцу Николаю Райху следующую телеграмму: «Вышли сто, венчаюсь. Зинаида». Деньги были получены, молодые справили скромную свадьбу, и в августе того же года поехали в Орел, знакомиться с родителями и родственниками Зинаиды. Оттуда вернулись в Петроград.

Если верить Анатолию Мариенгофу, а добрейший Илья Ильич Шнейдер в своей книге заклинает нас не делать этого, так вот, если верить Анатолию Борисовичу и его нашумевшей в свое время книге «Роман без вранья», то первая брачная ночь

разочаровала Сергея Александровича: «Зинаида сказала ему, что он у нее первый. И соврала. Этого Есенин никогда не мог простить ей. Не мог по-мужицки, по темной крови, а не по мысли. “Зачем соврала, гадина?” И судорога сводила лицо, глаза багровели, руки сжимались в кулаки. Вернувшись в Петроград, они какое-то время живут раздельно».

Весной 1918 года, уже на сносях, Зинаида Есенина переезжает в Орел к родителям, и 29 мая 1918 года у них с Сергеем рождается дочь Татьяна. Тем временем Сергей уже переехал в Москву, куда Зинаида с Танечкой переберутся в 1919 году. Но семейная жизнь не складывалась, заедал неустроенный быт, и Зинаида была вынуждена отвезти дочь к родителям. В 1920 году она родила второго сына – Константина, который сразу же после рождения тяжело заболел, так что Зинаида была вынуждена переехать с ним в Кисловодск. Постоянные ссоры с мужем, волнение за ребенка губительно сказались на здоровье молодой матери, и, едва выходив малыша, она слегла в клинику для нервнобольных.

19 февраля 1921 года в суд города Орла поступило следующее заявление: «Прошу не отказать в Вашем распоряжении моего развода с моей женой Зинаидой Николаевной Есениной-Райх. Наших детей Татьяну трех лет и сына Константина одного года – оставляю для воспитания у своей бывшей жены Зинаиды Николаевны Райх, беря на себя материальное обеспечение их, в чем и подписываюсь. Сергей Есенин».

Приблизительно в то время, когда Айседора в первый раз увидела Сергея Есенина, Зинаида Райх поступила в Высшие театральные мастерские в Москве на режиссерское отделение. Руководил этой мастерской Всеволод Эмильевич Мейерхольд, с которым Райх познакомилась, еще работая в Наркомпросе. Через год она выйдет замуж за Всеволода Эмильевича, который официально усыновит Таню и Костю.

Свадебный переполох

В первых числах февраля 1922 года Дункан получила приглашение на несколько выступлений в Петрограде, Есенин присоединяется к ней. В Питер поезд прибыл 9 февраля в 10 часов, и они сразу же отправились в «Англитер», в этом самом номере 27 декабря 1925 года Сергей Есенин покончит с жизнью.

Айседора рада выступать, ей приятно внимание, кроме того, она встречается с давними знакомыми. Когда Есенин отказывается ехать с нею в театр, чтобы не скучал, Айседора разрешает ему заказывать все, что тот пожелает. А он желает исключительно дорогую выпивку. В результате добрые намерения любящей женщины приводят сами понимаете куда. По возвращении из театра она застает Есенина, в лучшем случае, пьяно дрыхнувшем на постели, в худшем – ищущем себе приключения в коридорах гостиницы.

В браке с Есениным Айседора проявляет себя как нежная, прощающая все, что можно и нельзя своему любимому сыну, мать. Многим позже, в Америке, директор нью-йоркской школы Дункан М. Мерц застал отвратительную сцену: Есенин избивал Айседору, а та старалась защитить лицо. «Я поговорил с ней по душам и посоветовал не мириться со столь неподобающим обращением. Она ответила со свойственной ей кроткой улыбкой: “Знаешь, Есенин – всего лишь русский мужик, а русскому мужику свойственно напиваться по субботам и поколачивать свою жену!”»[171]

Однажды Дункан решила сделать Есенину подарок, купила золотые часы на цепочке: «Для Езенин! – она так произносила его фамилию. – Он будет так рад, что у него есть теперь часы!» Тут же она достала свою крохотную фотографию и, обрезав ее ножницами по форме, открыла заднюю крышку и вставила туда карточку.

Есенин пришел в восторг от подарка, Айседора вообще постоянно баловала его. Точно большой ребенок, Сергей Александрович постоянно вытаскивал часы из кармана, открывал их, проверяя время, любуясь портретом Айседоры и широко улыбаясь. Дункан сияла от счастья.

Сергей Александрович Есенин (1895–1925) – русский поэт, представитель новокрестьянской поэзии и лирики, а в более позднем периоде творчества – имажинизма. Последний муж Айседоры Дункан.

Эйфория длилась несколько дней и завершилась, когда, в припадке ярости, Есенин шарахнул их об пол, раздавив каблуком. Фотография Айседоры вылетела и лежала теперь рядом с осколками и мелкими детальками дорогих часов. А Сергей продолжал крушить комнату, опрокидывая и уничтожая все, что

попадало под руку. Заставший безобразную сцену, Илья Ильич, недолго думая, схватил зарвавшегося поэта и, дотолкав его до ванной насильно, пихнул под ледяной душ. Купание моментально отрезвило Есенина, он тут же перестал буянить и отправился виниться перед Айседорой. О причинах недавней ссоры и последующей ярости Есенина оставалось только догадываться.

А через несколько дней Айседора и Сергей сообщили, что собираются пожениться. Странное решение для Дункан, которая всю жизнь была против брака, хотя на самом деле поступок более чем закономерный. Айседора отдает себе отчет в том, что старше Есенина, что пройдет сколько-то лет, и этот союз неминуемо обернется трагедией для нее. Год, два, пять, и он, молодой, красивый и знаменитый, будет чураться своей старой жены, изменяя ей с горничными и машинистками, перед глазами живо стоял недавний случай с Эрикой и Руммелем. Дункан отдавала себе отчет, что это в очередной раз разобьет ее сердце, да так, что уже и не склеишь. Она останется одна, теперь уже навсегда одна – старая, больная, всеми забытая, покинутая и, скорее всего, разоренная. Роман с Есениным был дорогим удовольствием.

12 апреля 1922 года в Париже умирает мать Айседоры. Не успевая на похороны, Айседора решается хотя бы на время уехать из России.

Смена обстановки всегда оказывала на нее самое благотворное воздействие, а тут еще и более чем подходящие майские гастроли в Европу и США. К тому же рядом будет любимый и любящий мужчина. О том, что ей не стоит плакать или показывать слабость при нем, она уже догадалась. Есенин ведет себя как неразумный ребенок, значит, ей не остается ничего иного, как стать для него любящей матерью. Она должна быть сильной, сейчас она зажглась в последний раз в своей жизни и постарается продлить это состояние, какой бы боли ей это не стоило.

Решив за благо для себя ехать с Айседорой, Есенин пишет заявление на имя Луначарского с просьбой выдать ему паспорт для поездки за границу. В документе он указал, что собирается способствовать изданию в Берлине советских поэтов.

25 апреля Есенин получает паспорт № 5072 для выезда за границу.

Понимая, что брак с Есениным, скорее всего, будет носить временный характер, Айседора идет на этот рискованный шаг, не просто решаясь на связь с молодым и весьма привлекательным поэтом, но делаясь законной супругой, а по сути, опекуном, няней, второй мамой. Когда-то Айседора помогала пробиться Гор дану Крэгу, поднимала сорок немецких девочек. Теперь перед ней

нескладный мальчик с репутацией прекрасного поэта и хулигана в одном лице. Дункан рассматривает Есенина не как очередного любовника или даже мужа – Есенин – это новый, головокружительный проект, история Пигмалеона, рассказанная на новый лад. Да, она поможет ему, мальчик хочет одеться, как настоящий денди, она подарит ему эти вещи и научит их носить, даст попробовать редкие вина, следя за тем, чтобы он, в конце концов, научился разбираться в них. Он будет вместе с ней учить языки и, разумеется, объедет весь мир. Она станет его импресарио, его рекламным агентом. Глупый русский мальчик не понимает, что он красив и самодостаточен, как он потрясающе, невероятно талантлив, ему хочется большего, и она дает ему это большее, чтобы в результате он мог принять или отбросить все вместе с ней.

Что даст? Все по высшему разряду, все как в последний раз, гулять так гулять. Сначала они возьмут билеты на аэроплан и полетят по небу. Есенин никогда не летал, это его впечатлит. Потом путешествие по Европе, нет, не в вагонах с удобным мягким ложем и ванной, кого нынче удивишь поездом? Они поедут из города в город в роскошном пятиместном «бьюике», в России еще так мало машин. Сергей будет в восторге от этой идеи. Без сомнения, такое путешествие потребует огромных вложений, но семь бед – один ответ, она продаст недвижимость. В Европе к Айседоре присоединится секретарь-француз, который, собственно, и поможет разобраться с купчими, кроме того, для удобства она возьмет переводчика, в Париже полно русских. Им не будет скучно.

Сказано – сделано, она подарит Есенину Европу и Америку, кинет к его ногам Елисейские поля, Лондонский Тауэр и форт Клинтон, что на южной оконечности Манхеттона, это будет самое замечательное, самое восхитительное путешествие в его и ее жизни. А что потом? Да кому это интересно? Жить надо одним днем, любить, летать, смотреть разные страны, пробовать новые блюда, а потом, потом, когда он бросит ее, точно старую ненужную вещь, она просто перестанет существовать, потому как жить без любви пошло и неправильно. Она – Айседора – отправится к своей гибели на полной скорости – молодая, красивая, неистовая, полетит, а не будет трусливо влачить обремененное старостью и болезнью тело. Айседора прекрасно понимает, что роман с Есениным – не навсегда, тем не менее она отдается этой своей последней страсти без остатка.

Однако есть сомнения, пропасть разнообразных сомнений и тревог, перед тем как они соберутся в загс, Айседора, смущаясь и краснея, попросит Шнейдера изменить дату рождения в ее

французском паспорте: «Это для Езенин, – ответила она. – Мы с ним не чувствуем этих пятнадцати лет разницы, но она тут написана… и мы завтра дадим наши паспорта в чужие руки. Ему, может быть, будет неприятно.»

А вот теперь непосредственно о причинах, по которым непременно потребовался законный брак со всеми полагающимися штампами и печатями в паспорте: в Америке они ни за что не смогут поселиться в одном номере гостиницы, не будучи женатыми. То, что легко проходило с Зингером, не получится с Есениным, стало быть, они должны быть женаты хотя бы ради этого.

2 мая 1922 года они действительно поженились в загсе Хамовнического Совета, взяв себе двойную фамилию – «Есенин-Дункан». «У Дункан не было с собой даже ее американского паспорта – она и в Советскую Россию отправилась, имея на руках какую-то французскую “филькину грамоту”. На последней странице этой книжечки была маленькая фотография Айседоры, необыкновенно там красивой, с глазами живыми, полными влажного блеска и какой-то проникновенности. Эту книжечку вместе с письмами Есенина я передал весной 1940 года в Литературный музей», – пишет Илья Шнейдер.

Уезжая за границу, Есенин попросил Мариенгофа позаботиться о сестре Кате: выдавать ей деньги – пай Есенина в кафе поэтов и в книжной лавке на Никитской, все, что он мог сделать для нее.

Из России вылетали с московского аэродрома, растроганный, в мешковатом брезентовом костюме, который в то время предписывалось надевать всем пассажирам, с корзинкой пронзительно желтых лимонов в руках, Есенин выглядел как человек, которого, как минимум, тащат на верную смерть. На счет лимонов кто-то сказал, что в самолете его может укачать, но если всю дорогу он будет сосать лимон, все обойдется. Вот он и вцепился зубами в цитрус, оглядывая безумными глазами провожающих и крепко сжимая руку сидящей рядом с ним веселой и беззаботной Айседоры. Кисло ему было покидать Родину. Ой, как кисло. Что же до Дункан, она демонстративно отказалась уродовать себя безобразным костюмом, да и лимоны с радостью поменяла на бокал шампанского.

Пассажирских рейсов между Москвой и Германией в то время не существовало, но Айседора решила покончить с этой несправедливостью, и заплатила по тысяче золотых рублей за каждый из билетов – невероятно высокая цена!

Ожидая разрешения занять свои места, Айседора вдруг вспомнит, что не оставила завещания, и тут же нацарапает

крохотную записку: «В случае смерти наследником является муж – Сергей Есенин-Дункан».

– Но вы же летите вместе? И если что-то произойдет?.. – удивленно уставился на Айседору Илья Ильич.

– Да, действительно. Как это я не подумала, – рассмеялась Дункан и ниже приписала: «А в случае его смерти моим наследником является мой брат Августин Дункан». И подписалась: «Написано с чистой совестью. Айседора Есенина-Дункан». Ниже свои подписи поставили Ирма и Илья Ильич.

В восемь вечера они приземлились в Кенигсберге, откуда, не отдыхая, едут в Берлин поездом. Путешествие началось. С восторгом Есенин смотрит из окна на пролетающие мимо аккуратненькие немецкие деревеньки, так не похожие на русскую деревню. В Берлине их уже ждет роскошный номер отеля «Адлон».

Берлинские встречи

Берлин – один из самых удобных городов для русских туристов, не знающих языка, так как усилиями русских эмигрантов там функционировали русские театры и школы, каждый вечер зажигали огни реклам русские кабаре, было полно библиотек на русском языке и, что самое главное для поэта, издавались русские газеты и сборники стихов! Поэтому ничего удивительного, что Есенин легче легкого сориентировался на месте. Устроившись в гостинице и позавтракав, он устремляется в редакцию эмигрантской газеты «Накануне», где дает интервью, вышедшее в печать под названием: «У Есенина». После интервью проведший беседу с гостем журналист А Ветлугин[172] приглашает поэта посетить литературный вечер в Доме искусств, который состоится буквально на следующий день. Есенин принимает приглашение, уточнив, что придет с женой. Но, должно быть, приревновав к славе Дункан, в двери клуба он входит первым, оставив свою половинку на лестнице. Согласно этикету, муж и жена должны появиться вместе. Но Есенину законы не писаны. Он кивнул Алексею Толстому[173] и Николаю Минскому[174], обнялся с Эренбургом и Кусиковым. В зале шепоток, там полно противников Есенина, а Сергей Александрович явно уже выпил и на взводе. Вот как описывает этот вечер газета «Накануне»: «Кто-то выкрикнул: “Интернационал!” Начался шум, свист. Есенин вскочил на стул и стал читать на исконную русскую тему – о скитальческой озорной душе. А тем, кто свистел, он крикнул: “Все равно не пересвистите. Как засуну четыре пальца в рот и свистну – тут вам и конец. Лучше нас никто свистеть не умеет”. И свистнул, да еще как. Только свиста ему показалось мало, а нормально читать он уже не мог, такой гам поднялся. Поэтому он выкрикивает в толпу резкое: “В России, где теперь трудно достать бумагу, я писал свои стихи вместе с Мариенгофом на стенах Страстного монастыря или читал их вслух на бульварах. Лучшие поклонники поэзии – это проститутки и бандиты”. После чего часть публики посчитала себя оскорбленной и покинула зал, а Есенин под аплодисменты и освистания прочитал заранее подготовленную подборку стихов».

В Берлине на такую мелочь, как небольшой скандал на литературном вечере, внимания не обратили. Подумаешь, большое дело, пьяные поэты погрызлись, так ведь не убили же никого. Зато кто-то из «своих» тут же отстучал телеграмму на далекую Родину, говоря о недопустимости пребывания такого ненадежного человека, как Сергей Есенин, за границей. В

результате супругам пришлось вести письменные переговоры с наркомом иностранных дел М. Литвиновым[175], и Есенин пообещал: «…держать себя корректно и в публичных местах “Интернационал” не петь». После чего им позволили продолжить вояж.

Памятное выступление в Доме искусств не прошло даром, и вскоре Есенина и Дункан приглашают еще раз дать теперь уже совместное интервью для газеты «Накануне». Заметка называется «Залетные гости», она вышла 14 мая. И снова супруги говорят о России, революции и любви: «Я так люблю Россию…, – восклицает Айседора, – я влюблена в Есенина».

Все прошло гладко и пристойно, читатель доволен, Есенина приглашают то в один, то в другой клуб читать стихи, очень быстро поэт приобретает популярность. Отвечая на вопрос о том, как стихи Сергея Есенина принимались читателями в Европе, Максим Горький ответил кратко и образно: «набросились, как обжоры на клубнику в январе». Но это мнение соотечественника, что же до западной прессы, здесь нет однозначного мнения:

Не придумаешь фарса нелепее.
Вот он, вывоз сырья из Сведении,
Вот восторг образованных стран.
С разрешения доброго Ленина
Привезла молодого Есенина
Не совсем молодая Дункан!

– хохочет над пришлыми Lolo (Л. Мунштейн) Берлин 21 мая 1922 г. Впрочем, все это только подогревает интерес, и ничего удивительного, что сначала в той же газете «Накануне» появляется подборка его стихов, а чуть позже он подписывает договор о выпуске сборника. Впечатление полного успеха немного подпортил тот факт, что финансировала книжку Дункан. Есенин предпочитает не обсуждать эту тему и сразу же заключает еще один договор на издание «Собрания стихов и поэм». И почему он должен стесняться брать деньги у собственной жены? Она же уже открыла для него кредит у портного, известный поэт, яркий представитель богемы и тем более муж Дункан должен быть одет с иголочки.

На радостях Есенин накупает себе такое количество костюмов, что они просто не помещаются в гостиничный шкаф, так много, что он не сможет сносить за всю жизнь. Дункан бы остановить его, но она только тихо улыбается: «Он такой ребенок, и он никогда ничего не имел в жизни. Я не могу упрекать его за это». Она не в силах журить Сергея, когда того доставляют домой

мертвецки пьяного и швейцар или дежурный по этажу вынужден нести постояльца на руках. Впрочем, с Айседорой тоже время от времени случаются подобные казусы. Хотя гостиничная прислуга не в обиде, на этой парочке можно сделать состояние. Во всяком случае, складывается впечатление, что бар работает исключительно на двух советских миллионеров.

Весной 1922 года в Берлине, на тротуарах Курфюрстендама Наталья Васильевна Крандиевская-Толстая[176] встретит эту странную пару и оставит воспоминания: «На Есенине был смокинг, на затылке – цилиндр, в петлице – хризантема. И то, и другое, и третье, как будто бы безупречное, выглядело на нем по-маскарадному. Большая и великолепная Айседора Дункан, с театральным гримом на лице, шла рядом, волоча по асфальту парчовый подол.

Ветер вздымал лиловато-красные волосы на ее голове. Люди шарахались в сторону». Как видите, описание исчерпывающее – Айседора в своей стихии, зная, что ее могут в любой момент узнать и остановить, она одета, точно королева, а Есенин, хоть и приобрел дорогой гардеробчик, еще не знает, что с ним делать.

«Я ношу цилиндр не для женщин,
В глупой страсти сердце жить не в силе,
В нем удобней, грусть свою уменьшив,
Золото овса давать кобыле…»

Пройдет совсем немного времени, и в том же 1922 году в Париже Есенин встретится с Элленсом Францем, который напишет об этой встрече: «Когда я впервые увидел его, его элегантность в одежде и совершенная непринужденность в манере держать себя на какой-то миг ввели меня в заблуждение. Но его подлинный характер быстро раскрылся мне. Эта элегантность костюма, эта утонченная изысканность, которую он словно бы нарочно подчеркивал, были не более чем еще одной – и не самой интересной – ипостасью его характера, сила которого была неотделима от удивительной нежности». Да, Есенин быстро сживется с модной дорогой одеждой, да так, словно и не носил ничего иного, словно вырос в зачарованном замке у лебединого озера. Увидев его, Валентин Катаев[177] окрестит поэта «королевичем», и именно под этим именем он войдет в его лучшую, на мой взгляд, книгу: «Алмазный мой венец».

– Сидора, посмотри, кто здесь? – Есенин с радостью бросился к Наталье Васильевне, ведущей за руку пятилетнего сына Никиту.

– Qui est-ce? – спросила Айседора, с ужасом уставившись на ничего не понимающего Никитку. – Патрик?! – Дункан

опустилась на колени, протягивая руки к спрятавшемуся за спину мамы ребенку.

Есенин принялся тормошить супругу, но она не обращала внимания.

Перед ней впервые за много лет разлуки предстал ее родной сын – ее погибший Патрик.

Наталья Васильевна и Есенин кое-как подняли Айседору, и та вдруг, поняв свою ошибку, бросилась бежать, не разбирая дороги, за ней, придерживая рукой цилиндр, несся растерянный, не понимающий, что происходит, Сергей.

Сергей Есенин и Айседора Дункан в Берлине.

«Настоящее, прошлое и будущее вместе образуют длинную дорогу. Она продолжается, бежит далеко, но мы не видим ее и поэтому принимаем ее за будущее, которое уже ждет нас».

(Айседора Дункан)

«Сидора, – кричал он, – подожди! Сидора, что случилось?» –

он не понимал ее, горько плакал Никита, роняла сочувственные слезы Наталья Васильевна. Ей и раньше говорили, будто бы Никита – вылитый Патрик, да что там говорили, до сих пор в магазинах продавалось английское мыло Pears'a, на котором весело улыбается Патрик Дункан. Узнав, что на мыле изображен погибший ребенок, Наталья Васильевна отказалась его покупать, но картинка все равно то и дело попадалась на глаза в витринах магазинов.

В 1924 году, рассказывая Галине Бениславской[178] о Дункан, Есенин скажет: «А какая она нежная была со мной, как мать. Она говорила, что я похож на ее погибшего сына. В ней вообще очень много нежности».

Как я уже писала, в Берлине Айседора и Сергей Александрович занимали две большие комнаты в отеле «Адлен» на Унтер ден Линден – дорогое удовольствие, в день приходилось выкладывать столько же, сколько получает банковский служащий за месяц, и это не считая ресторанов, баров и счетов от портных – явно показная роскошь. Что касается Дункан – она всю жизнь была неприхотлива и могла бы поселиться в менее пафосном отеле, а то и снять квартиру. Но теперь ей не до экономии, одна цель – поразить Есенина роскошью, жизнью, похожей на праздник, любой ценой создать вокруг него обстановку дивной сказки, из которой ему не захочется уезжать. С горькой лихостью идущего ва-банк игрока, Айседора бросает к ногам своего молодого мужа доставшиеся ей тяжким трудом деньги. Она расстается с недвижимостью в Лондоне и готовится продать что-то, записанное на нее в Париже. Дома, квартиры, все, что может и должно поддерживать ее в старости, когда она уже не сможет танцевать и преподавать. Теперь весь этот «неприкосновенный запас» уходит на театры и наряды, пиры во славу молодого гения и русской революции.

Вскоре Крандиевская-Толстая, Айседора и Сергей Александрович увиделись снова, на этот раз по просьбе Алексея Максимовича Горького, который хочет ближе познакомиться с Есениным. Встречу устроили 17 мая: завтрак в пансионе Фишер, где семья Толстых снимала две большие меблированные комнаты. В одной гостиной накрыли стол, в другой заперли возмущенного родительским беспределом Никиту. Потому как Дункан, понятное дело, уже успокоилась и оправилась после первой встречи, но бог ее знает, что произойдет, появись вдруг этот постреленок перед столь ранимой гостьей.

Есенина посадили рядом с Горьким, этим двоим было о чем поговорить, рядом с хозяйкой дома устроился поэт Кусиков[179], увязавшийся за Есениным, Алексей Николаевич вызвался

ухаживать за Дункан, то и дело подливая в ее стакан водку.

«– За русски революсс! – шумела Айседора, протягивая Алексею Максимовичу свой стакан. – Ecoutez (слушайте), Горки! Я будет тансоват seulement (только) для русски революсс. C'est beau (это прекрасно) русски революсс!

Алексей Максимович чокался и хмурился. Я видела, что ему не по себе. Поглаживая усы, он нагнулся ко мне и сказал тихо:

– Эта пожилая барыня расхваливает революцию, как театрал – удачную премьеру. Это она – зря. – Помолчав, он добавил: – А глаза у барыни хороши. Талантливые глаза», – пишет в своих воспоминаниях Крандиевская-Толстая.

А вот как вспоминает о встрече сам Алексей Максимович: «… У Толстого она тоже плясала, предварительно покушав и выпив водки. Пляска изображала как будто борьбу тяжести возраста Дункан с насилием ее тела, избалованного славой и любовью. За этими словами не скрыто ничего обидного для женщины, они говорят только о проклятии старости.

Пожилая, отяжелевшая, с красным, некрасивым лицом, окутанная платьем кирпичного цвета, она кружилась, извивалась в тесной комнате, прижимая ко груди букет измятых, увядших цветов, а на толстом лице ее застыла ничего не говорящая улыбка.

Эта знаменитая женщина, прославленная тысячами эстетов Европы, тонких ценителей пластики, рядом с маленьким, как подросток, изумительным рязанским поэтом являлась совершеннейшим олицетворением всего, что ему было не нужно».

Разговор двух литераторов шел натянуто, Есенин стеснялся Горького, кроме того, они с Дункан переживали не лучшее время, частые скандалы с рукоприкладством, многократные попытки Сергея Александровича сбежать от Айседоры, его письма к ней, в которых поэт сообщал супруге о том, что никогда больше не вернется. Эти письма Дункан получала обычно после того, как их автор, набегавшись по городским забегаловкам, мирно спал в супружеской постели или на коленях просил прощения. Она прощала ему и побои, и швыряния в нее сапогами, и мат. То и дело нежно повторяя на ломаном русском: «Сергей Александрович, я лублю тьебя».

«Разговаривал Есенин с Дункан жестами, толчками колен и локтей. Когда она плясала, он, сидя за столом, пил вино и краем глаза посматривал на нее, морщился», – Горький подмечает разницу, несоответствие, бросающееся в глаза безобразие этого неравного союза. Но был ли Горький прозорливцем? Мог ли по одной встрече составить единственно верное представление об этой невероятной паре? Постигнуть всю глубину отношений двух

таких разных гениев? Сколько вполне счастливых семей в минуты ссор кажутся окружающим злобными монстрами? Но Алексей Максимович не считает нужным разбираться в ситуации:

«…И можно было подумать, что он смотрит на свою подругу как на кошмар, который уже привычен, не пугает, но все-таки давит. Несколько раз он встряхнул головой, как лысый человек, когда кожу его черепа щекочет муха.

Потом Дункан, утомленная, припала на колени, глядя в лицо поэта с вялой, нетрезвой улыбкой. Есенин положил руку на плечо ей, но резко отвернулся». В тот день Есенин читал свои стихи, которые произвели на Горького глубочайшее впечатление. Вечером все решили отправиться в луна-парк, Айседора выглядела уставшей, ее не тянуло ни на аттракционы, ни в комнату смеха. Величественная и надменная, она восседала посреди уличного кафе перед кружкой пива и порцией жареных сосисок. Вполне обычный ассортимент для немецкого города, за малым исключением, на всех столах было то же самое. Есенин и Кусиков убежали кривляться перед оптическими зеркалами, Горький старался забиться в угол, его часто узнавали, а именно сейчас писателю не хотелось общаться с незнакомыми людьми.

Грохот летящих по деревянным скалам вагонеток с визжащими людьми, музыка, лязг, крутящиеся огни, первым не выдержал Алексей Максимович, которого в очередной раз узнали. Пара толстых вежливых бюргеров со своим пивом и гренками возжелала приобщиться к русской культуре в лице многострадального Горького. Извинившись перед четой Толстых, кивнув Айседоре, писатель убежал, сославшись на наспех придуманное важное дело.

Сердечно распрощавшись с Горьким, Есенин грузно плюхнулся на стул подле Айседоры, облокотившись обеими руками о стол. Он был сильно пьян, не весело пьян, а тяжело, депрессивно по-русски, рядом с приятелем спешил нарезаться вездесущий Кусиков. Айседора восседала за столом с философским выражением лица, не пытаясь ни остановить своего избранника, ни, оскорбившись, уйти прочь. Совсем скоро им предстоит, минуя развод, пожениться во второй раз, с целью получения виз во Францию – те еще хлопоты. Об этом Сергей Александрович пишет И. Шнейдеру 21 июня: «Никакой революции здесь быть не может. Все зашло в тупик… Изадора вышла за меня замуж второй раз, и теперь уже не Дункан-Есенина, а просто Есенина».

«Ты вот спрашиваешь, что делал я за границей? Что я там видел и чему удивился? – передает слова Есенина Всеволод Рождественский[180] в своей повести “Сергей Есенин”. – Ничего я

там не видел, кроме кабаков да улиц. Суета была такая, что сейчас и вспомнить трудно, что к чему. Я уже под конец и людей перестал запоминать. Вижу – улыбается рожа, а кто он такой, что ему от меня надо, так и не понимаю. Ну и пил, конечно. А пил я потому, что тоска загрызла. И, понимаешь, началось это с первых же дней. Жил я сперва в Берлине, и очень мне там скучно было…»

Мелькающие картинки

Через несколько дней после памятной встречи в квартиру Толстых ворвался Кусиков. Срочно понадобилось занять сто марок. Не для себя, для Есенина. Получив деньги, хихикая и пританцовывая на месте, сообщил, что Сергей Александрович сбежал от своей Сидоры и теперь прячется в небольшом пансионе на Уландштрассе. «Сколько в Берлине и окрестностях пансионов? Не сосчитать. Не найдет, нипочем не найдет. Только и вы уж не выдавайте»[181].

Маленькая гостиница семейного типа, с крошечной столовой на три-четыре столика, кружевными салфетками и вышитыми занавесками на окнах, где в любое время дня и ночи можно мирно посидеть у пылающего камина, выкурить сигару, испить чашечку кофе.

Ночью Есенин и Кусиков пили пиво в общей столовой, в пижамах, длинных халатах и тапках на босу ногу, мирно, по-домашнему, время от времени передвигая шашки. Как вдруг в спящий дом ворвалась Айседора. Два дня поисков не прошли даром, и, объехав все пансионы на машине, на третий – роковой день она-таки обнаружила следы беглого муженька.

Влетев в дом, большая с яркими рыжими волосами в красном хитоне с хлыстом в руках. Она переворачивала столы, била посуду, «.от ударов ее хлыста летели вазочки с кронштейнов, рушились полки с сервизами. Сорвались деревянные утки со стены, закачались, зазвенели хрустали на люстре. Айседора бушевала до тех пор, пока бить стало нечего. Тогда, перешагнув через груды черепков и осколков, она прошла в коридор и за гардеробом нашла Есенина.

– Quittez ce bordel immediatement (покиньте немедленно этот бордель), – сказала она ему спокойно, – et suivez-moi (и следуйте за мной).

Есенин надел цилиндр, накинул пальто поверх пижамы и молча пошел за ней. Кусиков остался в залог и для подписания пансионного счета»[182].

Такая же и подобные ей сцены время от времени повторялись, и всякий раз Айседора возвращала беглого супруга. За погром в пансионе ей пришлось выложить кругленькую сумму, после чего на двух мерседесах она, Есенин, Кусиков и новый секретарь Айседоры вновь отправились в путь-дорогу.

Беспокоит тот факт, что не удается переправить в Москву деньги, они уже отослали по 10 фунтов, Кате – сестре Есенина, и Ирме Дункан, да только переводы где-то потерялись. Лучшие

театры Франции и Германии желают видеть на своих сценах юных танцовщиков школы Дункан, а Айседора ничего не может сделать – советское правительство предусмотрительно не выпускает детей, так как знает, пока школа находится в России, Дункан словно на длинном поводке. Подобное обстоятельство злит и раздражает привыкшую к свободе Айседору. Она честно делает свое дело. Дети готовы к первым гастролям, организаторская часть на высоте, тем не менее. Если так пойдет и дальше – ей останется одно – бежать из этой страны, забрав Сергея и Ирму.

В Париже Сергея Александровича ждет переводчик – писатель и поэт Франс Элленс. Оформлять все необходимые для поездки документы пришлось в Бельгии. 4 июня они покидают Берлин и две недели еще бегают по инстанциям, с тем чтобы вылететь в Париж, как это и планировалось 15 июля, но поездка откладывается по не зависящим от них обстоятельствам. Неожиданно кредиторы накладывают арест на парижский банковский счет Айседоры, одновременно с тем Есенину отказывают во французской визе, так как Франция не признает такой страны, как СССР, гражданином которой является Сергей Александрович.

Не желая после истории с детьми просить помощи у советского правительства, Дункан продала кое-что из своего личного гардероба, еще конкретнее трехметровый шлейф красного бархата с золотым шитьем и драгоценными камнями, якобы принадлежащий последней русской царице, и проблемы решились сами собой. Есенин тут же получил визу, да и остальные вопросы разрешились. В результате 27 июля Есенин и Дункан оказались в Париже.

Там они устраиваются в особняке Айседоры на Рю де ла Помп и иногда переезжают в отель «Крийон», где, по свидетельству Франса Элленса, «супружеская чета спасалась от сложностей домашнего быта».

Работа над переводами началась сразу же, во всяком случае Франс Элленс требовал ежедневного, многочасового общения. Нередко на этих встречах присутствовала его супруга Мария Марковна Милославская[183], обожавшая поэзию Есенина и теперь переводившая для мужа есенинские тексты на французский.

Получившаяся в результате книжка «Исповедь хулигана» планировалась к выходу в русском издательстве «Вольница» города Парижа. Разумеется, на деньги Дункан.

В Париже произошел случай, о котором рассказывал Кусиков и который показывает Есенина с весьма характерной для него стороны. Как-то раз Александр Борисович уболтал Сергея Александровича посмотреть с ним Версаль. Все равно в гостинице

нечего делать, не с Дункан же по деловым встречам бегать. Айседора этот поход одобрила и денег выдала. Поедут, проветрятся, только на пользу пойдет. С утреца вышли из дома, осилили пару кварталов, а когда поравнялись со знакомым ресторанчиком, Есенин вдруг встал как вкопанный. Проголодался. Сели завтракать. Сергей Александрович сразу пить. Так до ночи и проболтались, ни в какой Версаль не поехали. А когда позже, Айседора что да как выспрашивала, Есенин возьми и признайся, мол, специально такую штуку выкинул, чтобы никуда не ехать.

Из Франции путь супругов лежал в Венецию, устроились в фешенебельном отеле «Лидо», где Айседора неожиданно для себя снискала славу «величайшей куртизанки нашего времени», – впрочем, это не было результатом состязания, просто так нелицеприятно окрестила танцовщицу двадцатитрехлетняя полька Лола Кинель, которой выпало в Венеции сделаться переводчиком между Дункан и ее мужем. Впрочем, прозвище вполне заслуженное, если знать, как оно появилось. В своей книге «Под пятью орлами» Лора, рассказывая об Айседоре и Сергее, приводит интересный случай: однажды, в пылу спора, Дункан произнесла: «…большевики правы. Нет бога. Старо.

Глупо». Есенин усмехнулся и сказал с иронией, как бы разговаривая с ребенком, который старается казаться взрослым и умным: «Эх, Айседора! Ведь все от Бога. Поэзия и даже твои танцы».

«Нет, нет, – убежденно ответила Айседора по-английски… – Откуда ты знаешь, что есть бог? Люди придумывают богов себе на радость. Других богов нет. Не существует ничего сверх того, что мы знаем, изобретаем или воображаем. Весь ад на земле. И весь рай». В это мгновение Айседора, прекрасная и яростная, была сама похожа на Кариатиду. И вдруг она простерла руки и, указывая на кровать, сказала с огромной силой в голосе: «Вот бог!» Ее руки медленно опустились. Она повернулась и вышла на балкон. Есенин сидел в своем кресле бледный, молчаливый, совершенно уничтоженный.

Распрощавшись с прекрасной Венецией, Сергей и Айседора возвращаются в Париж, где уже ждет их тираж «Исповедь хулигана». Выход книжки Есенин отпраздновал в своем стиле, учинив скандал в «Комеди Франсез». Явившись на спектакль пьяным и объявив на весь зал: «Если это – французский национальный театр, а эта женщина (Сесиль Сорель) – величайшая французская актриса, то принесите мне выпить!»

Очень скоро у молодоженов возникнут новые проблемы с документами и визами в США, и поможет им осуществить

задуманное путешествие не кто-нибудь, а оскорбленная Есениным Сесиль Сорель, которая подымет давнишние связи и поможет получить консульские визы.

Америка

27 сентября Айседора и Сергей взошли-таки на борт парохода «Париж» и прибыли в Нью-Йорк 1 октября. Но, едва пароход причалил, поднявшиеся на борт пограничники запретили опасной парочке из богом проклятой совдепии сойти на берег. Инцидент разрешился после того, как Есенин и Дункан пообещали «не делать никому зла» и «не принимать участия ни в каких политических делах», после чего получили личное разрешение президента У. Гардинга[184] ступить на американскую землю. От них отстали, но впечатление уже было безнадежно испорчено.

Сходя с корабля, Есенин приметил статую свободы и, сочувственно кивнув ей, произнес: «Бедная старая девушка! Ты поставлена здесь ради курьеза!» – после чего демонстративно поклонился статуе. Их усадили на катер и, доставив на берег, определили на жительство в гостиницу «Уолдорф Астория».

Айседора Дункан и Сергей Есенин в Италии

Не гляди на запястья
И с плеч ее льющийся шелк.
Я искал в Этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашел…

(Сергей Есенин. 1923 г.)

С того времени, как наши путешественники покинули Советскую страну и до последнего дня их нахождения за границей, вокруг Айседоры и Есенина постоянно вращаются представители прессы, но толку от них – чуть. Судачат о прическах и одежде, пытаются вызнать подробности личной жизни и при этом почти не интересуются поэзией. Все это нервирует Сергея Александровича. Впрочем, у него немало деловых встреч. Странно повел себя Есенин с Давидом Давидовичем Бурлюком[185], который явился в гостиницу к Сергею Александровичу как представитель ежедневника «Русский голос», в котором наличествовала поэтическая колонка. По всегдашней своей привычке, Бурлюк опекал молодых авторов, считая своим долгом оказывать всестороннюю поддержку русским эмигрантам, да и вообще русским, оказавшимся в Америке. При газете он вел литературный кружок, куда мог приходить кто пожелает. Давид Давидович никогда никого не выгонял, справедливо полагая, что все в жизни меняется, а упорный труд, добрые наставники и хорошее общество помогут в конечном итоге даже самому слабому автору отточить свои произведения. Остался замечательный анекдот, характеризующий Бурлюка той поры: однажды на очередном занятии кружка кто-то из молодых людей поинтересовался у Давида Давидовича, будут ли они изучать и совместно обсуждать книги советских авторов: «Поймите, – вскричал он, – мы не читатели, мы писатели!»

После таких слов молодые люди и девушки намертво прилипали к добрейшему Бурлюку и смотрели ему в рот, полагая, что такими авансами знаменитые поэты просто так не разбрасываются, а следовательно, мастер по-настоящему ценит их.

На встречу с Сергеем Александровичем Бурлюк привел с собой молодого и еще никому не известного Мориса Мендельсона[186]. Постоянно стесняясь и не смея вставить слово в напряженный разговор Бурлюка и Есенина, молодой человек, кстати, Морис был моложе Есенина на целых девять лет, запомнил эту встречу до деталей и позже рассказал о ней в своих воспоминаниях, получивших название «Встречи с Есениным».

Морис и Давид Давидович заранее условились о встрече в отеле на 34-й улице. Сразу же за новомодной крутящейся дверью посетитель попадал в просторный холл, из которого тянулся, словно уходящий в бесконечность, коридор, увеличивающийся благодаря эффекту зеркал, которые создавали иллюзию множества уходящих вглубь коридорчиков. Первый этаж был полностью отдан под небольшие конференц-залы и гостиные, в которых жильцы и гости отеля проводили свои деловые встречи.

У лифта дежурил улыбчивый мальчик в нарядном мундирчике гостиничного служащего, в его обязанности входило доставить посетителей до нужного им этажа. Есенин и Дункан жили на третьем.

В номере, куда постучались Бурлюк и Мендельсон, кроме Сергея Александровича и занятой своими делами и не спешащей вмешиваться в разговор литераторов Дункан, находился новый переводчик Айседоры Ветлугин[187]. Должно быть, именно в этот день между поэтом и его дамой произошла очередная размолвка, во всяком случае, Сергей Александрович сразу же устроил своих посетителей таким образом, чтобы они сидели лицом к окнам и спинами к остальной комнате и входной двери. Сам же он поставил свое кресло перед ними, спиной к окнам. Есенин был раздражен, несколько раз в комнату вбегала и тут же выбегала Дункан, она лишь кивнула гостям, стараясь не смотреть в сторону Есенина.

Разговор не заладился с самого начала, как всегда предупредительный и вежливый Бурлюк приставал к Есенину с вопросами и предложениями, а тот скрепя зубами с трудом выдавливал из себя вежливые отказы. Было это приблизительно так:

– Вероятно, Сергей Александрович, вы хотели бы получше познакомиться с достопримечательностями Нью-Йорка? – вкрадчиво заглядывая в глаза Есенину, ворковал Бурлюк. – Что ж, это можно без труда устроить. Экскурсия по этому необыкновенному городу – дело очень хорошее. Как постоянный житель американского метрополиса я охотно взял бы на себя обязанности гида. Я был бы очень рад оказать такую пустяковую услугу приезжему русскому поэту.

Есенин пожимал плечами и, вяло улыбаясь, выдавливал:

– Нет.

После чего явно не понимающий причины отказа Давид Давидович кидался на амбразуру во второй раз, прося посетить их литературный кружок и возможно…

Есенин мрачнел все больше.

Мучительный диалог продолжался два часа, и все это время Есенин соблюдал холодную вежливость, благодарил и от всего отказывался, сквозь зубы прося не беспокоиться и не утруждать себя, а Бурлюк все не мог постичь причины такого к себе отношения. Если Есенин считал его белоэмигрантом, с которым не хотел иметь ничего общего, с какой стати он тогда согласился на эту встречу?

К концу второго часа общения терпение Есенина подошло к концу, он вскочил с кресла и срывающимся от возмущения

голосом сообщил, что: «…никуда он здесь не хочет идти, ничего не намерен смотреть, вообще не интересуется в Америке решительно ничем»[188].

Мы не знаем, что настолько испортило настроение Сергею Александровичу в тот день. Может, с супругой рассорился и мечтал уединиться с бутылочкой, а гости мешали, может, присутствие в доме Ветлугана достало. Это же надо – переводчик между мужем и женой, Эскалибур на новый лад! Или газетчики в очередной раз что-нибудь бестактное выдали. В любом случае, это был всего лишь эпизод. К примеру, совместное интервью Айседоры и Сергея Есенина для «Нью-Йорк геральд», в той части статьи, что отводилась Есенину, следующая информация:

«Молодой русский поражен панорамой небоскребов Манхэттена и сказал, что будет писать о них. Он говорит, что предпочитает сочинять стихи “о бродягах и попрошайках”, но он не похож на них. Он сказал также, что его обожают бандиты и попрошайки, собаки, коровы и другие домашние животные. В прессе его называли меланхоличным, но он, похоже, самый веселый большевик, который когда-либо пересекал Атлантику». Так что никакой затяжной депрессии, не повезло, должно быть, Бурлюку, Есенин же вполне нормально общался с прессой, время от времени зарабатывая вполне благожелательные отзывы в свой адрес. Да и Айседора щедро лила воду на мельницу своего обожаемого мужа.

Как обычно, Дункан давала ряд спектаклей в «Корнеги-Холл», билеты куда стоили недешево, и в свободное от работы в театре время показывала безденежные спектакли в очередном убогом клубе, без гримуборной с крошечной сценой. Тем не менее здесь Дункан по-настоящему ценили, устраивая долгие овации и прося повторить тот или иной танец на бис.

«А потом перебрались мы с Айседорой в Нью-Йорк, – делится впечатлениями от недавнего путешествия сам Сергей Александрович. – Америки я так и не успел увидеть. Остановились в отеле. Выхожу на улицу. Темно, тесно, неба почти не видать. Народ спешит куда-то, и никому до тебя дела нет – даже обидно. Я дальше соседнего угла и не ходил. Думаю – заблудишься тут к дьяволу, и кто тебя потом найдет?»[189]

Именно с Америкой Есенин связывал планы издания своих книг на английском, но усилия затрачивались, деньги таяли, а долгожданного сборника не было. Это особенно печалило еще и потому, что славу Есенина затмевала собой его знаменитая супруга. «Большинство американцев, если они и узнали из газет о приезде русского поэта, думали о нем лишь как о муже их соотечественницы. А сколько тягостного и даже оскорбительного

было для Есенина в его тщетных попытках добиться издания его стихов на английском языке, в провале надежд на то, что наконец-то он предстанет перед американцами человеком творческим, а не просто молодым спутником Айседоры Дункан, неизвестно на что расходующим свои дни»[190].

И здесь мне хотелось бы снова процитировать фрагмент из книги Всеволода Рождественского «Сергей Есенин», то место, где Всеволод Александрович передает слова самого Есенина: «Один раз вижу – на углу газетчик, и на каждой газете моя физиономия. У меня даже сердце екнуло. Вот это слава! Через океан дошло.

Купил я у него добрый десяток газет, мчусь домой, соображаю – надо тому, другому послать. И прошу кого-то перевести подпись под портретом. Мне и переводят:

“Сергей Есенин, русский мужик, муж знаменитой, несравненной, очаровательной танцовщицы Айседоры Дункан, бессмертный талант которой…” и т. д. и т. д.

Злость меня такая взяла, что я эту газету на мелкие клочки изодрал и долго потом успокоиться не мог. Вот тебе и слава! В тот вечер спустился я в ресторан и крепко, помнится, запил. Пью и плачу. Очень уж мне назад, домой, хочется».

Трудно сказать, что именно ожидал Есенин от журналистов. Он ведь только готовил свою книгу на английском, а следовательно, если его и знали в Америке, то разве что в русских эмигрантских кругах.

После того как Айседора сама назвала себя красной и много раз признавалась в любви к России, пресса упорно пыталась углядеть в ней чисто внешние изменения, так, «Нью-Йорк геральд» подробно описывает типично русский облик Дункан: «просторная синяя шерстяная юбка с вышивкой из белой ангорской шерсти, красные сафьяновые сапожки с золотистыми узорами и вкраплениями из нефрита, широкополая шляпа из белого фетра, из-под которой выбивались пышные волосы, крашенные хной». А вот описание Есенина, данное газетой «Нью-Йорк уорлд»: «Вошел муж мадам Дункан. Он… выглядит мальчишкой, который был бы отличным полузащитником в любой футбольной команде, ростом он примерно 5 футов 10 дюймов, блондинистые хорошо постриженные волосы, широкие плечи, узкие бедра и ноги, которые могут пробежать сотню ярдов за 10 секунд». И еще от «Нью-Йорк геральд»: «Есенин выглядит моложе своих 27 лет. В одежде он ничем не отличается от обычного американского бизнесмена, будучи в простом сером твидовом костюме. Хотя он не говорит по-английски, он склонился над своей супругой и с улыбкой одобрял все, что она говорила репортерам. Оба они выглядели искренне влюбленными

и не старались скрывать это…»

Приблизительно за год до появления Есенина в Америке издатель Ярмолинский[191] совместно со своей женой, поэтессой и переводчицей Баббет Дейч, издал на английском сборник стихов русских поэтов, куда вошли и стихи Сергея Александровича.

Приехав в Америку, Есенин первым делом отыскал Ярмолинского, долго тряс руку, благодарил: «Удивил меня Есенин предложением издать в Нью-Йорке сборник его стихов в моем переводе, – пишет Ярмолинский. – Правда, у него не было на руках книги, но это не помеха: он по памяти напишет выбранные им для включения в книжку стихи. Я не принял всерьез это предложение. Но оказалось, что он действительно верил в возможность издания сборника. Впрочем, дальше составления рукописи Есенин не пошел. Передав ее мне, он, видимо, потерял интерес к своей затее, и мы больше не встречались».

Стихи Сергей написал по памяти прямо в отеле, после чего вручил стопку по назначению, попросив ознакомиться с ними и издать отдельной книжечкой.

Ярмолинский принял рукопись с благодарностью и в духе «лучших» издательских традиций тут же забросил ее в долгий ящик, начисто забыв о предложении поэта.

Есенин ждал и переживал, но когда ему перевели его же стихи с английского, то и вовсе сник. Плохо – не то слово. Зачем и брались, чтобы хорошее сделать негодным? В своем письме Мариенгофу Есенин пишет: «Я уже начинаю учиться говорить себе: застегни, Есенин, свою душу, это так же неприятно, как расстегнутые брюки… Не желаю говорить на этом проклятом аглицком языке. Кроме русского, никакого другого не признаю, и держу себя так, что ежели кому-нибудь любопытно со мной говорить, то пусть учится по-русски… Здесь имеются переводы тебя и меня в издании “М”, но все это убого очень. Знают больше по имени, и то не американцы, а приехавшие в Америку евреи. По-видимому, евреи – самые лучшие ценители искусства, потому ведь и в России, кроме еврейских девушек, никто нас не читал… Изадора – прекраснейшая женщина, но врет не хуже Ваньки. Все ее банки и замки, о которых она пела нам в России, – вздор. Сидим без копеечки, ждем, когда соберем на дорогу, и обратно в Москву. Лучше всего, что я видел в этом мире, – это все-таки Москва».

Хорошие стихи вообще трудно переводить, тем более если это стихи Пушкина или Есенина, Сергей Александрович расстраивался из-за того, что его переводчики не улавливают его настроения, чистой русской напевности, переводят их с

ощутимыми потерями. Кто он без стихов? Только муж прославленной Айседоры Дункан. Но разве к этому он стремился?

«Мы почти каждый день встречались в его отеле и в общей беседе склонялись, что хорошо бы создать свое издательство чистой поэзии и литературы без вмешательства политики, – рассказывает в своих воспоминаниях в 1953 году Вениамин Михайлович Левин, встречавшийся с Есениным и Дункан во время их приезда в США. – В Москве кричали: “Вся власть Советам”, – а я предложил Есенину лозунг: “Вся власть поэтам”. Он радостно улыбался, и мы рассказали об этом Изадоре. Она очень обрадовалась такому плану и сказала, что ее бывший муж Зингер обещал ей дать на устройство балетной школы в Америке 60 000 долларов, половину этой суммы она определила нам на издательство на русском и английском языках. Мы были полны планов на будущее, и Есенин уже смотрел на меня как на своего друга-компаньона». Остается любым путем перевести стихи и издать их, для этой цели Есенин сходится с Бурлюком, но Давид Давидович не может сходу порекомендовать ему переводчика, способного понять и правильно перевести его необыкновенно музыкальные, напевные стихи. При этом он готов посодействовать с изданием, со своей стороны Левин также предлагает левоэссерские газеты. Но поэта снова ожидает фиаско. Остается последнее – жить, словно ты все время находишься на сцене. Пусть запомнят Есенина-хулигана. Пусть обсуждают его дикость и странность, его отличие от общепринятого образа поэта.

Будучи в гостях у поэта Мани-Лейба[192], Есенин читает стихи, и затем Дункан сменяет его, исполняя танец. Во время кульминации действа Сергей Александрович поднялся со своего места и, подойдя к жене, ударил ее в лицо, закричав, «чтобы она не смела выделываться перед всякими там евреями», порвал на ней платье и ушел, злой на весь мир. Разумеется, присутствующие на вечере журналисты тут же расструбили о вопиющем поведении русского поэта в прессе, назвав его большевиком и антисимитом.

«У меня дети от еврейки, а они обвиняют меня в антисемитизме», – негодовал Есенин. В тот день у Сергея Александровича произошел приступ эпилепсии, первый на глазах Дункан.

В США супружеская пара пробыла четыре месяца, за которые побывала в Чикаго, Бостоне, Филадельфии, Индианополисе, Луисвилле, Канзас-Сити, Детройте, Мемфисе, Балтиморе, Кливленде и других городах. Почему они не сидели на месте? – так ведь гастроли… делай, что оговорено, и старайся проводить

свободное от работы время с максимальной пользой. Но на этот раз все не так, все через силу, через боль и унижение. Не пустив на гастроли в Европу детей, советское правительство сделало русскую школу Дункан блефом, а великую танцовщицу и педагога – обманщицей. Вопли газетчиков докатывались тяжелыми волнами до берегов Америки, каждый день Айседора чувствовала на себе давление. В Бостоне, например, опасаясь, что Дункан снова станет рекламировать русскую революцию, мэр города изъял ее костюмы, в которых Айседора обычно исполняла революционные танцы. На что Айседора тут же отреагировала обращением к публике: «Боюсь, что не смогу исполнить вторую часть программы, как было объявлено, но не по своей вине. Просто ваш мэр обожает все красное настолько, что забрал мои красные туники даже без моего разрешения». Зал выл от восторга, мэр сделался посмешищем, а она ловко выкрутилась из сложившейся ситуации.

Время от времени Айседора выводит Есенина на сцену, представляя его великим русским поэтом. Но мало сказать – необходимо сделать, предъявить стихи. Уже есть переводы на немецком и французском, но Америка не будет переучиваться ради какого-то поэта. Желая запомниться публике как можно ярче, для этих выходов Есенин подбирает экстравагантные костюмы. В одной из газет того времени внешность Есенина, появившегося на выступлении своей супруги в Карнеги Холл, описывается следующим образом: «Есенин был в высоких сапогах, русской рубашке, и шея его была обмотана длиннейшим шарфом». Только это все бесполезно, хоть сто раз вылези на сцену, хоть тысячу, но пока ты не можешь ничего предъявить, для обывателя ты всего лишь молодой муж Айседоры Дункан.

И если Айседора утверждает, что все не напрасно, что вода камень точит и нужно просто продолжать начатое, Есенин уже заскучал, в Берлине ему, по крайней мере, было с кем поговорить, в Америке он откровенно страдает от невозможности раскрыть душу, просто болтать не о чем. Спасал алкоголь, который можно было достать в подпольных барах. В Америке сухой закон, но, должно быть, именно поэтому пьют все. Пьет и Айседора, на свое выступление в ночь на Рождество, в городе Бруклин, она была настолько пьяна, что столкнулась во время танцев с роялем. Из-за постоянных скандалов и драк супруги вынуждены менять гостиницы.

Сергей Есенин и Айседора Дункан отбывают в Америку.

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость…

(Сергей Есенин. 1923 г.)

Но все когда-нибудь заканчивается, подходили к концу и эти гастроли. В Америке отношения Есенина и Дункан обострились, не добавляет умиротворения и постоянно клюющая их пресса, да и правительство неожиданно взялось за Дункан, вознамерившись лишить коренную американку гражданства, так как она вышла замуж за подданного СССР. Кроме того, житья не дает полиция, супруги ведь еще на борту «Парижа» торжественно пообещали вести себя хорошо, а у Айседоры и ее русского муженька что ни спектакль, то лозунги да речи: «Он красный! Я тоже красная! Это цвет жизни и мужества. Вы когда-то были отважными. Не позволяйте приручить вас!» В общем, навалилось.

Да тут еще и доктор поставил поэту убийственный диагноз эпилепсия. Нужно лечиться, а не вино хлестать. Требуется покой, самое милое – на воды, Дункан еще из Америки посетовала по телефону Ирме, а та, в свою очередь, позвонила импрессарио, договариваясь о следующих гастролях – Крым, Кавказ… не отдых, новая работа. Но она и этому рада, с Сергеем ведь все хуже и хуже. Изводит его Америка, убивает разлука с Родиной.

В конце января газеты опубликовали объявление: «Изадора Дункан отложила свою поездку в Советскую Россию, для того чтобы в пятницу 2 февраля 1923 г. в Лексингтон-театре дать специальное представление в пользу сирот. Исключительно русская программа. Русский симфонический оркестр под управлением Модеста Альтшулера[193]. Знаменитый русский поэт Сергей Есенин (муж Изадоры Дункан) будет говорить о своих впечатлениях в Соединенных Штатах».

Вскоре Айседора действительно потеряла американское гражданство, это событие она тут же прокомментировала со сцены: «Мой менеджер сказал мне, что если я буду произносить речи, мое турне кончится. Очень хорошо, турне кончилось. Я вернусь в Москву, где есть водка, музыка, поэзия и танцы… Да, и Свобода!»

Если бы Айседора была в этом путешествии одна, она заработала бы на несколько лет безбедного существования своей школы, но с Есениным она тратила. Деньги уходили на престижное жилье, дорогую одежду, подарки. Айседора вкладывала деньги в поэтические сборники, кроме того, видимо, считая, что кошелек жены – это и его деньги: «Достаточно сказать, что он без разрешения взял у Дункан 8 тысяч долларов. Присвоил, как это ни досадно, почти половину ее гардероба (с целью передать присвоенное своим сестрам)»[194].

Однажды, когда поэту сделалось совсем невмоготу и мечталось как можно скорее добраться до России, Есенин признался, на какие мысли наводит его американское

градостроение: «Хорошо бы сделать небоскреб Вульворта моим надгробным камнем – я спрыгну с его крыши с последним стихотворением, которое напишу»[195].

В Европу они возвращались на пароходе «Джордж Вашингтон». Сначала во Францию, где Айседора вновь танцует, а Есенин мается одиночеством и тоской. Он мечтает вернуться домой, здесь ему не пишется, не дышится. Пьется. Айседора – космополит, сейчас бы сказали, «человек мира» – она живет вне такого понятия, как «Родина», Есенин привязан к России. Сказывается слишком разное воспитание мужа и жены, кроме того, Есенин страдал из-за неустроенности сестер и матери.

Однажды во время приема у Дункан Есенин, не говоря ни кому, куда направился, исчез по-английски. Айседора давно уже привыкла к отлучкам супруга и не волновалась. Когда же гости во главе с хозяйкой вечера перешли в большую столовую отеля, взорам их предстала страшная картина – повешенный на люстре Есенин.

Все тут же бросились к удавленнику, кто-то схватил поэта за ноги и приподнял его, кто-то перерезал веревку. В результате Есенин отделался парой синяков на шее, а Айседора чуть не рехнулась от ужаса.

Через два дня после инцидента пьяный Есенин разгромил номер гостиницы, побив зеркала, выбив оконные стекла, поломав мебель и вообще изуродовав все, что попало ему под горячую руку. Выскочив из комнаты в самом начале погрома, Айседора села в машину и отправилась в Версаль, вернувшись, когда все, что можно было уничтожить, было уже уничтожено, и ей оставалось только подписать огромный счет, предъявленный ей администрацией гостиницы. «Я никогда не верила в брак и теперь верю в него еще меньше, чем когда-либо…

Некоторые русские не могут быть пересажены с родной почвы… Все знают, что Есенин – сумасшедший. В Москве он может крушить все на свете, и никто не будет обращать на него внимания, потому что он – поэт», – объяснила она на свой лад произошедшее в интервью одной из парижских газет.

Есенин не знал французского и запросто мог бы пропустить неприятный отзыв, но нашлись добрые люди – перевели. В результате Сергей Александрович затаил нешуточную обиду и отомстил супруге в Берлине, куда они прибыли после Парижа. Статья, продиктованная Есениным корреспонденту, носила громкое название «Лучше в Сибирь, чем в мужья к Айседоре». Текст радовал любителей дешевых сенсаций, газета была разобрана в считанные часы, и тут же сделали допечатку: «Россия большая, в ней я всегда найду место, где эта жуткая женщина

меня не достанет… Она никогда не желала признавать мою индивидуальность и всегда стремилась властвовать надо мною», – рассказывал корреспонденту Есенин. После выхода интервью знакомые журналисты уже не давали Сергею прохода, умоляя его сообщить еще какие-нибудь подробности из жизни с Айседорой.

И он не разочаровал публику: «Я безумно люблю Изадору, но она так много пьет, что я не мог больше терпеть этого». Так за милыми забавами прошел февраль, а в марте Есенин подписал контракт на издание поэтического сборника «Стихи скандалиста». Книжку обещало выпустить берлинское издательство И. Благова, а Есенин направился на встречу с Горьким. Вскоре он уже читает стихи из цикла «Москва кабацкая» в зале германского аэроклуба и затем студенческого клуба. Дела пошли!

Из Берлина они снова приехали в Париж, где вдруг произошло то, что уже давно должно было произойти. В какой бы отель не обращались Дункан и Есенин, везде им было вежливо отказано. Уж слишком много хлопот оказалось с этой милой семейной парой. В общем, доигрались с дебошами, скандалами, поломанной мебелью и мордобоем. Нечего делать, пришлось отвезти вещи в дом Айседоры на Рю де ла Помп, где их вскоре навестил давно мечтавший пожать руку сестриному мужу Раймонд. Познакомившись с Есениным, он тут же предложил ему организовать вечер поэзии в Академии на улице Сенн. Выступление состоялось 13 мая. «Одетый в элегантный серый двубортный костюм, Есенин читал с энтузиазмом, но без позерства и излишней нервозности. Юношеская грация поэта, пряди светлых волос и лицо, словно с картин Рафаэля, сразу вызвали симпатию аудитории». Выступление прошло очень хорошо, Есенин был доволен, Айседора сияла от счастья.

27 мая после спектакля в «Трокадеро» Айседора собрала у себя общество, Сергей же был не в духе и ушел в свою комнату, дабы не портить настроение себе и гостям. Читали стихи, танцевала хозяйка дома, играли приглашенные музыканты. Все, как всегда, но когда в середине праздника кто-то из гостей начал играть сонату Бетховена, покой был взорван ворвавшимся в общество Есениным.

Злой и всклокоченный, он схватил с каминной полки первый попавшийся канделябр и запустил им в зеркало, которое тут же разлетелось на мелкие осколки. «Банда надутых рыб, грязные половики для саней, протухшие утробы, солдатское пойло – вы разбудили меня!» – тут же к нему кинулось несколько мужчин, началась свара, на счастье, кто-то из слуг догадался вызвать полицию. На счастье, потому что в Есенине проснулся берсеркер, который желал крушить все вокруг. Полиция явилась в рекордные

сроки, и вскоре четверо ажанов скрутили дебошира и вынесли его из дома.

Это было уже серьезно, и если прежде Айседора могла как-то усмирить разгулявшегося муженька, уговорить его или ублажить, с тем Есениным, который ворвался сейчас в гостиную, могли справиться разве что врачи. Да, больница, это, безусловно, более подходящий вариант, нежели тюрьма. «Ты везде кричишь, что Изадора упекла тебя в сумасшедший дом. Я видел счет, который доказывает, что это был просто первоклассный санаторий, где ты был, – пишет Есенину Илья Шнейдер. – Ты что же думаешь, в сумасшедшем доме тебе разрешили бы уходить в любое время, когда пожелаешь? Этот санаторий, который стоил Изадоре кучу денег, спас тебя от полиции и высылки».

Лечение продолжалось около месяца, но, выйдя на свободу, поэт снова угодил в участок. Теперь перед Айседорой стоял непростой выбор – либо во второй раз отправлять Есенина на лечение, которое теперь уже будет более длительным и основательным, либо бросить все и срочно везти его в Россию. Она выбрала второе и, сдав дом в аренду, с тяжелым сердцем тронулась в обратный путь.

В первом русском городе Есенин вышел из вагона, пал на колени и поцеловал землю. А потом, когда поезд уже почти что достиг Москвы, от полноты чувств выбил окно в собственном купе.

Перед закатом

Есенин и Дункан вернулись в Россию в 3 августа 1923 года. На перроне их встречал Илья Шнейдер. «Вот я привезла этого ребенка на его Родину, но у меня нет более ничего общего с ним…» – четко произнесла Айседора по-немецки, после чего, сдав бывшего возлюбленного, что называется, с рук на руки, направилась к поджидающей ее пролетке. Словно не замечая ледяной тон жены, Есенин поднял свои чемоданы и, как ни в чем не бывало, устремился за ней.

После обеда и непродолжительного отдыха было решено, что Дункан отправится к своим ученикам, которые в это время отдыхали в деревне Литвиново. Предположив, что, расставшись с Сергеем Александровичем, Айседора будет вынуждена поехать одна, Илья Ильич предложил свою помощь, он же отыскал легковую открытую машину, на которой собирался доставить Дункан с ее багажом и подарками Ирме и дунканятам. Но в час отъезда рядом с Айседорой сидел Сергей Есенин.

Когда до Литвинова оставалось рукой подать, мотор заглох, и пришлось идти пешком. Быстро темнело, Илья Ильич знал дорогу, но чем дальше они заходили в лес, тем глуше и страшнее становилось вокруг. Вскоре Айседора и Сергей окончательно потерялись в незнакомом месте, не веря своему проводнику и прикидывая, получится ли развести костер и дождаться утра. Неизвестно чем бы закончилась эта незапланированная прогулка, но неожиданно перед путниками показались движущиеся огоньки, которые приближались, пока на поляну не выбежала целая толпа крошечных человечков в плащах с капюшонами и с факелами в руках. Нет, это были не гномы, и искали они не Белоснежку, это напуганные отсутствием Айседоры дунканята и их учителя вышли в лес навстречу своим запоздавшим гостям.

Просторный деревянный дом оказался чисто убранным и украшенным полевыми цветами, гирлянды из цветов лежали на столе, цветы стояли в вазах и больших банках. Айседора без устали обнималась с маленькими танцовщиками, которые утром сразу же после завтрака потащили Дункан и Есенина в парк, где танцевали в их честь. Несколько дней пролетело в постоянном празднике, Есенин и Дункан наперебой болтали о своем свадебном путешествии и о тех городах, которые удалось посетить. «.Когда рассказывали о первом посещении берлинского Дома искусств и “Кафе Леон”, Айседора вдруг, восторженно глядя на Есенина, воскликнула:

– Он коммунист!

Есенин усмехнулся:

– Даже больше…

– Что? – переспросил я.

– В Берлине, в автобиографии, написал, что я “гораздо левее” коммунистов. Эх хватил! А вступлю обязательно!»[196]

Дунканятам не обязательно знать обо всех неприятностях, постигших Айседору за границей, но мы-то с вами знаем и не будем делать вид, будто все у них прошло гладко. Так, например, из признаний самого Есенина редактору «Красной нови» Александру Константиновичу Воронскому[197]: «Ну, да, скандалил, но ведь я скандалил хорошо, я за русскую революцию скандалил»[198]. После чего рассказал о том, как в Берлине на вечере белых писателей он требовал «Интернационал», а в Париже стал издеваться над врангелевцами и деникинцами в отставке, ставшими ресторанными «шестерками». Разумеется, в обоих случаях он был бит, и чудо, что не убит и не искалечен. Впрочем, на счет «коммуниста» Есенин, пожалуй, погорячился. Сразу же по приезду он посещает редакцию «Красной нови», где заявляет буквально следующее: «Будем работать и дружить. Но имейте в виду: я знаю – вы коммунист. Я – тоже за советскую власть, но я люблю Русь. Я – по-своему. Намордник я не позволю надеть на себя и под дудочку петь не буду. Это не выйдет»[199].

Или вот еще: в своей книге «Красная нить судьбы» Б. Соколов цитирует слова Сергей Александровича: «Да, я скандалил, мне это нужно было. Мне нужно было, чтобы они меня знали, чтобы они меня запомнили. Что, я им стихи читать буду? Американцам – стихи? Я стал бы только смешон в их глазах. А вот скатерть со всей посудой стащить со стола, посвистеть в театре, нарушить порядок уличного движения – это им понятно. Если я это делаю, значит, я миллионер, мне, значит, можно. Вот и уважение готово, и слава и честь! О, меня они теперь лучше помнят, чем Дункан». Иными словами, Есенин в своих выступлениях приблизился к понятию артистического перформанса. На полтора года нахождения за границей его стихами сделались его поступки. Резкие, шокирующие, болезненные, подчас страшные.

Несколько дней все шло хорошо, Ирма занималась с детьми, а Айседора проводила время с мужем, но вдруг зачастили дожди, и все с сожалением поняли, что отдых закончился и придется возвращаться в Москву. До вокзала добирались в нанятых экипажах и потом уже на поезде.

Есенин и Дункан выглядели неразлучной парочкой, так что казалось, никаких размолвок между ними и быть не могло. Тем не менее «долго и счастливо» им точно на роду не было написано, через несколько дней они поругались в очередной раз, и Есенин

уехал.

Есенин злился на Мариенгофа, которого просил позаботиться о сестре, а тот безответственно забыл о ней. Так что пока Есенин и Дункан проводили время в роскошных отелях, Кате пришлось ой как несладко в Петрограде. Сергей хотел уже отправляться к приятелю выяснять отношения, но тут же ему сообщили, что в его отсутствие Мариенгоф женился и теперь находится со своей второй половинкой – артисткой камерного театра – Анной Никритиной[200] за границей, откуда не может вернуться по причине отсутствия финансов. Есенин тут же высылает ему деньги через Миклашевскую[201], с тем, однако, условием, чтобы она ни в коем случае не призналась Анатолию, что дал их именно он. Да, есть на что злиться, а ведь, будучи заграницей, Есенин ботинки до дыр исхаживал, добиваясь для приятеля перевода и публикации: «Я устроил перевод твоих стихов… но это бессмысленно – поэзия там никому не нужна… Что же касается Изадоры – то адью!»

Дункан терпела выходки Есенина, потому что привыкла к тому, что люди творческие, тем более гениальные, живут надрывами. Гордон Крэг не мог сдерживать гнева, разговаривая с собственными работодателями, Оскару Береги ничего не стоило провести ночь со своей поклонницей, а на следующий день не помнить ее лица. Габриэле де Анунцио написал книгу, в которой вывел интимные подробности жизни с Элеонорой Дузе, сделав общественным достоянием то, что тщательно скрывалось от глаз посторонних. Все связанные с искусством люди отличаются той или иной неприятной чертой, которую необходимо научиться терпеть ради искусства, ради будущего, ради счастья быть с ними. Будучи сама гениальной танцовщицей и одним из самых ярких художников эпохи модерн, Айседора признавала собственные недостатки и считала необходимым прощать промахи окружающих. Разумеется, при условии, что они гении, если трудятся во имя будущего. Есенин – как называла его сама Айседора, «ангел и черт» – опасное сочетание. Меж тем он бесспорный гений! У нее были все шансы сойтись с ним на несколько замечательных недель, дабы в конце концов благополучно расстаться, помахав в окно поезда своим роскошным шарфом, но она сознательно избрала жить подле этого человека и не просто терпеть его, мрачно влача свой крест, а продолжать творить! Неужели это все из-за того, что Сергей был похож на ее покойного сына? Айседора чувствовала Есенина так тонко и глубоко, как не могла чувствовать ни одна из его прежних или будущих женщин, включая тех, которые подарили ему детей.

И вот теперь, уставшая и разбитая Дункан сидела в своем шикарном особняке, на улице лили дожди, Айседора прибывала в полнейшей депрессии, «свадебное путешествие» не прибавило ей здоровья и уверенности в себе, а тут еще и Ирма требовала, чтобы мама не срывала контракт, а отправлялась в Кисловодск Хандра хандрой, а договор нужно исполнять. Помимо танцев, там ведь можно будет дивно отдохнуть. Что же до Есенина, то Ирме этот персонаж давно уже поперек горла. Никогда прежде Айседора не возвращалась из турне настолько уставшая и опустошенная. Постарела, круги под глазами, дерганная вся. А он – муженек ее хваленый, едва родную землю под ногами почувствовал, так сразу в бега!

Сопровождать Айседору поручили Шнейдеру, для чего взял себе три дня на сборы. Вдруг заболело сердце за поэта, подумалось, как тот вернется в пустые комнаты и узнает, что Айседора уже далеко. Сергея Александровича удалось отыскать при помощи местного дворника, и после заветных слов: «Я тебя очень люблю, Изадора… очень люблю», – мир в семье был восстановлен. Тут же перерешали, что Айседора поедет с Ирмой, а Есенин с Ильей присоединятся к ним через пару недель, в Москве оставались спешные дела. По приезду Есенин носился с идеей создания нового журнала – «Журнала поэтов». На следующий день после отъезда Айседоры и Ирмы Есенина вызвали в Кремль, пообещали дать денег на журнал. Разумеется, он тут же отказался ехать, написав о произошедших переменах Айседоре, после чего перевез вещи на Богословский.

На Кавказе Дункан снова ждут выступления, гастроли, это никак не отдых – работа.

Есенин же, наконец, встретился с Мариенгофом и вместо мордобоя повел приятеля в ресторан, где пил, бил посуду, ломал стулья, опрокидывал столы, рвал и разбрасывал червонцы, а потом вдруг грохнулся в обморок, так что до дома его доставляли уже в бессознательном состоянии.

Новый, явившийся из-за границы поэт Есенин был элегантен и красив, завивал волосы, пользовался пудрой, но при этом казался больным и издерганным… «Вот только глаза… Я не мог понять их. странно, но это были не его глаза», – пишет в своих воспоминаниях А Мариенгоф. Вскоре всем становится очевидно: Есенин болен. Возможно, тяжело болен, ему требуются не только врачи, ему не выжить без постоянного внимания, без любви.

В октябре 1923-го Айседора поздравляет супруга с днем рождения: «Поздравляю тебя с этим самым счастливым днем. Хочу, чтобы этот день чаще повторялся. Люблю тебя. Изадора». Она ждет своего поэта и, несмотря ни на что, верит, что скоро

они снова будут вместе. А что же Есенин? Он уже сказал Мариенгофу «адью Айседора», но чего только не брякнешь по пьяному делу. Заявление о разводе еще не написано, Есенин допускает мысль, что они еще могут быть вместе. Поэтому он пишет Дункан вполне дружелюбный ответ: «Дорогая Изадора! Я очень занят книжными делами, приехать не могу. Часто вспоминаю тебя со всей моей благодарностью тебе. С Пречистенки я съехал… Дела мои блестящи… мне дают сейчас большие средства на издательство. Желаю успеха и здоровья и поменьше пить. Привет Ирме и Илье Ильичу. Любящий С. Есенин»[202].

Есенин действительно носился по Москве с новыми прожектами, журнал забуксовал на старте, так он окрылился идеей провести собственный юбилей! Десять лет профессиональной деятельности! Чем не дата? 10 декабря 1923 года – хоть пригласительные отпечатывай. Есенин надеялся, что Всероссийский союз поэтов, группа имажинистов и группа Росс исходатайствуют перед Совнаркомом о выделении 10 000 рублей на проведение вечера. Было потрачено много усилий – а результат? – Умри – поставят памятник, организуют вечер памяти, но живому.

Меж тем у Есенина долги на долгах, «.по редакциям ходить, устраивать свои дела, как это писательские середняки делают, в то время он не мог, да и вообще не его это дело было», – пишет в своих воспоминаниях Г. Бениславская. И вот еще: «.трудно передать, насколько мучительно было для него это добывание денег. Его гордость не мирилась с неудачами, с получением отказа. Поэтому, направляясь в редакцию, он напрягал все нервы, чтобы не нарваться на отказ. Для этого нужно было переводить свою психику на другой регистр».

Есенин не умел и не любил торговаться и при этом отчаянно нуждался в деньгах, однажды подписывая договор с издательством «Госиздат», он чуть было не подмахнул документ на шесть тысяч вместо оговоренных десяти. Если бы не поэт Наседкин[203], по счастью оказавшийся рядом, он бы так и отдал новые произведения чуть ли не в полцены. И такой случай не единственный. «…Одно он знал и понимал: за стихи поэт должен получать деньги. Заниматься же изучением бухгалтеров и редакторов – с кем и как разговаривать, чтобы не водили за нос, а выдали, когда полагается, деньги, – ему было очень тяжело, очень много сил отнимало».

Айседора уже устала ждать своего Сергея. Но ей не вернуться, пока не закончится контракт, поэтому она каждый день шлет ему телеграммы, в которых просит поскорее заканчивать с делами и

приезжать к ней. Сергей же живет в жутких условиях, которые Айседора, несмотря на свое голодное детство и юность, наверное, не могла бы даже представить: «. нам пришлось жить втроем (я, Катя и Сергей Александрович) в одной маленькой комнате, а с осени 1924 года прибавилась четвертая – Шурка. А ночевки у нас в квартире – это вообще нечто непередаваемое. В моей комнате – я, Сергей Александрович, Клюев, Ганин и еще кто-нибудь, в соседней маленькой холодной комнатушке на разломанной походной кровати – кто-либо еще из спутников Сергея Александровича или Катя. Позже, в 1925 году, картина несколько изменилась: в одной комнате – Сергей Александрович, Сахаров, Муран и Болдовкин, рядом в той же комнатушке, в которой к этому времени жила ее хозяйка, – на кровати сама владелица комнаты, а на полу: у окна – ее сестра, все пространство между стенкой и кроватью отводилось нам – мне, Шуре и Кате, причем крайняя из нас спала наполовину под кроватью», – пишет Г. Бениславская.

К тому же реально не было денег, даже у регулярно издаваемых авторов, потому как такие издания, как «Прожектор», «Красная нива» и «Огонек», платили без видимых задержек, но зато брали исключительно новые стихи. «Красная новь» тоже обращалась к Есенину за стихами, среди свеженьких могли взять и уже ранее выходившие произведения, но и платила от раза к разу. Единственный способ заставить выдать деньги – ездить в редакцию как на работу. Хочешь вырвать законный гонорар – приходи в издательство каждый день. Повезло авторам, живущим поблизости, Есенину же нужно было ездить на трамвае, стоило это удовольствие немного, но и того не было.

Добраться до издательства – полдела, нужно было каким-то непостижимым образом застать кассира в тот момент, когда у него оказывались на руках деньги. Но даже если это удавалось, зачастую гонорар дробился на мелкие дольки, и тогда измученный автор получал на руки тридцать целковых и обещания выплатить остатки в течение календарной недели.

Все это мучило, унижало, постоянные думы о долгах доводили до ручки. Иногда Есенин срывался, бросаясь в очередную издательскую контору, как рыцарь печального образа на ветряные мельницы. Временами этот маневр удавался, и тогда прямо у кассы победителя окружали менее удачливые коллеги, предлагающие непременно обмыть гонорар в ближайшей пивной или разливочной. Грех не отпраздновать такое дело. Один раз пожадничаешь, в другой он тебя за версту обходить станет.

Успех обмывали, горе заливали водкой, часто поднимали стопки за удачу, а в результате ожидающим Есенина друзьям

оставалось разве что гадать на кофейной гуще, в каком «святом месте» на этот раз «пустил корни» великий поэт земли русской.

По уму, следовало плюнуть на все и ехать к бамбордирующей его телеграммами Айседоре, но Есенин мечтал приехать к ней победителем, принцем на белом коне, а не побитой собакой. А тут журнал поэтов не получился, юбилей не справил, половину гардероба подарил и столько же покрали, денег нет. Нетрудно предсказать, что дальше ему придется снова ждать, пока Дункан организует издание очередной его книги, найдет переводчика. А дальше… всю жизнь зависеть от жены? Быть на вторых ролях?.. Есенин решается на разрыв. «Я говорил еще в Париже, что в России я уйду. Ты меня очень озлобила. Люблю тебя, но жить с тобой не буду. Сейчас я женат и счастлив. Тебе желаю того же. Есенин», – составив текст телеграммы, дал прочитать его Галине Бениславской. Та сразу же заметила, что неправильно писать о любви женщине, с которой хочешь порвать, поэтому Есенин тут же исправил текст: «Люблю другую. Женат и счастлив. Есенин».

Понимая, что Айседора не из тех, кто отступает после первого попавшего в цель снаряда, Галина послала вслед телеграмму лично от себя: «Писем, телеграмм Есенину не шлите. Он со мной, к вам не вернется никогда. Надо считаться. Бениславская».

Ответ пришел незамедлительно: «Получила телеграмму, должно быть, твоей прислуги Бениславской. Пишет, чтобы писем и телеграмм на Богословский больше не посылать. Разве переменил адрес? Прошу объяснить телеграммой. Очень люблю. Изадора».

Меж тем газеты сообщили, что после блистательных гастролей Дункан возвращается в Москву. У Есенина тревожно сжалось сердце, что, если Айседора ворвется в квартиру на Никитской, где он жил с Галиной, дабы поквитаться с соперницей? С нее ведь станется.

Лучшим вариантом было бы уехать куда-нибудь вместе, но Сергей опасался, как бы в его отсутствие Дункан не «арестовала» его вещи на Богословском, в то время в России реальной проблемой было купить что-либо, и, лишившись всего гардероба (того, что от него осталось), Есенину пришлось бы приехать к Айседоре хотя бы затем, чтобы забрать свое. Он же страшился и не желал этой встречи. И тут, точно по заказу, пришло письмо от поэта и друга Есенина Николая Клюева[204]. Мол, спасайте, погибаю в Питере, хочу в Москву. Не спрашивая подробностей, Сергей тотчас уехал со спасательной миссией в Петроград. А пока Есенин «спасал» Клюева, вернулась Айседора.

Сергей Александрович всегда с теплотой отзывался о Клюеве,

хотя и понимал, что тот мифотворец, каких поискать, и все или почти все, что он рассказывает о себе, – скорее всего, ложь. В псевдоавтобиографических заметках Клюева «Гагарья судьбина» рассказывается о его путешествиях по России, где он то служил послушником в монастырях на Соловках, то был «царем Давидом… белых голубей – христов» (имеется в виду одна из русских сект), там его готовили к оскоплению, но самозваный царь в последний момент догадался сбежать. Позже на Кавказе Клюев познакомился с красавцем Али, который «полюбил меня так, как учит Кадра-ночь, которая стоит больше, чем тысячи месяцев. Это тайное восточное учение о браке с ангелом, что в русском белом христовстве обозначается словами: обретение Адама.», впрочем, не добившись взаимности, Али покончил с собой, а Клюев поспешил в Ясную Поляну, где его для задушевной беседы ждал сам Толстой. Он встречался с Распутиным и даже «ездил по поручению секты хлыстов в Индию и Персию[205]». Разговаривая с Есениным, Клюев избрал себе личину «смиренный Миколай», как охарактеризовала его Г. Бениславская, он делал комплименты женщинам и, казалось, не мог надышаться на Есенина. Но все это было лишь желанием произвести впечатление на посторонних. Оставаясь наедине с Есениным, «Клюев опять говорил, что стихи Есенина сейчас никому не нужны. Это было самым страшным, самым тяжелым для Сергея, и все-таки Клюев продолжал твердить о ненужности его поэзии. Договорился до того, что, мол, Есенину остается только застрелиться»[206].

…Еще находясь в Крыму, Айседора наслушалась о Есенине много и разного. В основном пересказывали скандалы с его участием, кутежи, бесконечные попойки. Называли несколько женщин. Дункан сделала вид, будто бы не узнала фамилию Бениславская, но зато обратила внимание на Августу Миклашевскую – актрису и признанную красавицу, которой Есенин посвящал стихи и за которой, по заверению знакомых, всерьез ухаживал.

«Я впервые увидела Дункан близко, – рассказывает Августа Леонидовна Миклашевская. – Это была очень крупная женщина, хорошо сохранившаяся. Я, сама высокая, смотрела на нее снизу вверх. Своим неестественным, театральным видом она поразила меня. На ней был прозрачный бледно-зеленый хитон с золотыми кружевами, опоясанный золотым шнуром с золотыми кистями, на ногах – золотые сандалии и кружевные чулки. На голове – зеленая чалма с разноцветными камнями. На плечах – не то плащ, не то ротонда, бархатная, зеленая. Не женщина, а какой-то очень театральный король.

Она смотрела на меня и говорила:

– Есенин в больнице, вы должны носить ему фрукты, цветы!.. – и вдруг сорвала с головы чалму. – Произвела впечатление на Миклашевскую – теперь можно бросить!.. – И чалма полетела в угол.

После этого она стала проще, оживленнее. На нее нельзя было обижаться: так она была обаятельна.

– Вся Европа знайт, что Есенин был мой муш и вдруг – первый раз запел про любоф[207] – вам, нет, это мне! Там есть плохой стихотворень: “Ты такая ж простая, как все.” Это вам!»

Так мило беседуя, Айседора засиделась до утра. Было понятно, что пришло время заканчивать визит, и когда Августа вежливо проводила до входной двери гостью, Дункан тихо прошептала: «Я не хочу уходить, мне некуда уходить. У меня никого нет. Я одна.»

После разрыва с Дункан, в 1923 году, Есенин действительно познакомился с актрисой Августой Миклашевской, которая оставит воспоминания о нем. В 1976 году, когда актрисе было уже 85, в беседе с литературоведами Августа Леонидовна назвала свой роман с Есениным чисто платоническим, они даже не целовались[208]. Приблизительно в то же время Сергей Александрович сошелся с поэтессой и переводчицей Надеждой Вольпин[209], которая родила ему 12 мая 1924 года сына Александра.

Осенью 1925 года Есенин, не оформив развода с Дункан, женился на Софье Андреевне Толстой, внучке Льва Николаевича Толстого, в ту пору заведующей библиотекой Союза писателей. Этот брак также не принес поэту счастья и вскоре распался. После смерти Есенина Толстая посвятила свою жизнь сбору, сохранению и подготовке в печать произведений Сергея Александровича, оставила мемуары о нем.

Эпилог

В конце декабря 1925-го Сергей Есенин неожиданно появляется в Ленинграде, сбежал от женщин, от вечно пьяной компании, да и от врачей, пытавшихся руководить жизнью свободолюбивого поэта: «Он говорил, что бежал из Москвы от рассеянной жизни, что он хочет работать и именно здесь, на невских берегах, найдет, наконец, так настойчиво ускользающий от него покой», – пишет в своих воспоминаниях Всеволод Рождественский.

Страшные слова, если учесть то, что произойдет в дальнейшем. Есенин отказывается выступать перед читателями и не заходит в редакции. В Питере у него совсем другое дело, иной интерес. Он устраивается в гостинице «Англетер», в том самом номере, в котором жил несколько лет назад с Айседорой. Что это – случайность, или он действительно думал о ней, заказывая себе номер? Но даже если вообразить себе, что выбор был сделан случаем, он, разумеется, тут же узнал помещение, кровать, вид из окна… а стало быть, думал о брошенной им супруге. О женщине, которую любил, связь с которой являлась для него роковой.

«.На столе затрещал телефон. Никого из сотрудников поблизости не было. Трубку взял оказавшийся рядом литературовед П.Н. Медведев. По выражению лица я увидел, что произошло что-то необычайное: звонили из гостиницы “Англетер”, сообщали о том, что ночью в своем номере повесился С.А. Есенин. Просили сказать это друзьям. Мы ринулись к выходу. Почти не обмениваясь ни словом, бежали мы по Невскому и Морской к мрачному зданию гостиницы на Исаакиевской площади.

Начиналась метель. Сухой и злой ветер бил нам в лицо.

Дверь есенинского номера была полуоткрыта. Меня поразили полная тишина и отсутствие посторонних. Весть о гибели Есенина еще не успела облететь город.

Прямо против порога, несколько наискосок, лежало на ковре судорожно вытянутое тело. Правая рука была слегка поднята и окостенела в непривычном изгибе. Распухшее лицо было страшным – в нем ничто уже не напоминало прежнего Сергея. Только знакомая легкая желтизна волос по-прежнему косо закрывала лоб. Одет он был в модные, недавно разглаженные брюки. Щегольской пиджак висел тут же, на спинке стула. И мне особенно бросились в глаза узкие, раздвинутые углом носки лакированных ботинок. На маленьком плюшевом диване, за круглым столиком с графином воды, сидел милиционер в туго

подпоясанной шинели и, водя огрызком карандаша по бумаге, писал протокол. Он словно обрадовался нашему прибытию и тотчас же заставил нас подписаться как свидетелей. В этом сухом документе все было сказано кратко и точно, и от этого бессмысленный факт самоубийства показался еще более нелепым и страшным.

Обстановка номера поражала холодной, казенной неуютностью. Ни цветов на окне, ни единой книги. Чемодан Есенина, единственная его личная вещь, был раскрыт на одном из соседних стульев. Из него клубком глянцевитых переливающихся змей вылезали модные заграничные галстуки. Я никогда не видел их в таком количестве. В белесоватом свете зимнего дня их ядовитая многоцветность резала глаза неуместной яркостью и пестротой»[210]. – Эти галстуки, наверное, выбирала для него Айседора, там, в дорогих парижских магазинах, может, на бульварах Берлина или в Нью-Йорке, в СССР того времени просто не могло быть таких галстуков.

Есенин не оставил никакого объяснения случившегося, только написанное его кровью четверостишье:

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

Кому он это написал? О ком думал? Особенно поражала жестокость, с которой Сергей Есенин расквитался с жизнью, сначала он перерезал вены, а когда, поняв, что смерть задерживается, повесился.

Через сутки гроб с телом Есенина, усыпанный цветами, стоял в маленькой комнатке Союза писателей на Фонтанке. Пустили желающих попрощаться, и они проходили длинной, печальной, казалось, бесконечной процессией. Кто-то останавливался у гроба подольше, кто-то шел дальше, рыдая в голос. Сбылась мечта Есенина, теперь все газеты только и делали, что славили его на все лады, называя талантливейшим лириком эпохи, сразу же начали искать его еще не изданные стихи, да и изданные уходили со свистом. А мертвого поэта уже ждала столица.

«Когда я шла за закрытым гробом, казалось, одно желание было у меня – увидеть его волосы, погладить их. И когда потом я увидела вместо его красивых, пышных, золотых волос прямые, гладко причесанные, потемневшие от глицерина волосы (смазали, снимая маску), мне стало его безгранично жалко, – пишет А Миклашевская, встретившая гроб с телом поэта в Москве, –

Есенин был похож на измученного, больного ребенка. Все время, пока гроб стоял в Доме печати на Никитском бульваре, шли гражданские панихиды. Качалов читал стихи. Зинаида Райх обнимала своих детей и кричала: “Ушло наше солнце”. Мейерхольд бережно обнимал ее и детей и тихо говорил: “Ты обещала, ты обещала…”»

Осталась фотография, на которой возле тела Сергея Есенина стоят Зинаида Райх, Всеволод Мейерхольд, сестра Екатерина и мать Татьяна Федоровна. В день похорон матери Есенина дали возможность проститься с сыном, для этого пришлось закрыть все двери, не позволяя никому мешать им.

…Последнее время, Айседора ощущала свою неуместность в СССР, нет, не так она представляла себе страну победившей революции. Она-то всем расписывала, что в свободной стране люди должны и двигаться и дышать свободно. Но молодежь интересовало не гармоничное развитие души и тела, а прежде всего политическое воспитание. В школе почти не топили, да и с любимым человеком не сложилось. Навсегда улетая из Москвы, Айседора в последний раз предложила Сергею Есенину начать все сначала. Снова отправиться на поиск переводчиков и издателей, напомнить о себе в иностранной прессе, но Есенин отказался.

Аэроплан летел какое-то время, а потом начал стремительно терять высоту, искусство пилота помогло избежать столкновения с землей, хотя все пассажиры были здорово напуганы. В результате они сели на каком-то поле недалеко от деревни, откуда вскоре сбежались крестьяне поглядеть на необычное зрелище. Они стали последними зрителями в СССР, увидевшими танец великой Айседоры.

В последних числах декабря 1925 года Айседора находится в Париже в обществе своего брата Раймонда и их общих друзей. Сергей Есенин покончил с собой 28 декабря, газеты тотчас сообщили об этом. Когда Дункан узнала о смерти мужа, «она не произнесла ни одного слова», – рассказывает ее брат Раймонд…

Потрясение оказалось слишком сильным, Айседора изначально знала, что после гибели детей Есенин – последний шанс для ее души ожить и почувствовать себя хотя бы ненадолго счастливой. Вскоре после получения ужасного известия Айседора обратилась к парижским газетам со следующим письмом: «Известие о трагической смерти Есенина причинило мне глубочайшую боль. У него были молодость, красота, гений. Неудовлетворенный всеми этими дарами, его дерзкий дух стремился к недостижимому, и он желал, чтобы филистимляне пали пред ним ниц. Он уничтожил свое юное и прекрасное тело, но дух его вечно будет жить в душе русского народа и в душе

всех, кто любит поэтов. Я категорически протестую против легкомысленных и недостоверных высказываний, опубликованных американской прессой в Париже. Между Есениным и мной никогда не было никаких ссор, и мы никогда не были разведены. Я оплакиваю его смерть с болью и отчаянием. Айседора Дункан».

Из Парижа Дункан переезжает в Ниццу, где проходит ее последнее публичное выступление, на котором она танцует под «незаконченную симфонию» Шуберта, траурный марш из «Гибели богов» и в заключение «Смерть Изольды».

Айседора страшно подавлена, но еще по инерции пытается бороться. Вдруг ей кажется, что она видит Есенина в молодом пианисте Серове. Видит Есенина, как прежде видела Патрика! Но те, кто ушли, никогда уже больше не вернутся. Ничего не повторится, как бы нам этого не хотелось.

«Я рыдала о нем много долгих часов, сколько могла… Сейчас у меня полоса сплошных страданий и невзгод, поэтому меня часто посещает искушение последовать его примеру. Только я уйду в море»[211], – открывается она Ирме. А потом действительно уходит, одна и ото всех, просто направилась к берегу. Как была, не раздеваясь, а лишь скинув туфли. Подняла руки к небу, вошла в воду и шла себе вперед и вперед, уходя все глубже и глубже. Вода достигла шеи, добралась до подбородка, поцеловала Айседору в ярко накрашенные губы. еще несколько мгновений. и. Заметивший Айседору с берега английский офицер вытащил ее из воды.

«Не правда ли, какая прекрасная сцена для фильма!» – скажет она, едва придя в себя.

Она больше не танцует, оставшаяся недвижимость скоро уйдет за долги, тем не менее когда в ноябре 1926-го Дункан получила из Москвы извещение на получение денег за переизданные книги ее мужа… Сумма не маленькая, на кону порядка 300–400 тысяч франков. Несмотря на то что Есенин женился на Толстой, он не расторг брак с Айседорой, и она имела полное право на его наследство, но Дункан благородно отказывается в пользу матери и сестер Сергея.

14 сентября 1927 года Айседора села в гоночную машину фирмы «Бугатти», закинув за плечи край ярко-красного шарфа с желтой летящей птицей посередине. Повернувшись к своим друзьям, она помахала им рукой и, победно улыбаясь, воскликнула «Прощайте, мои друзья. Я иду к славе!»

Соскользнувший с плеча Айседоры шарф накрутился на заднее колесо ее машины, Айседора погибла мгновенно.

Примечания

[1] Полное имя Мэри Дора Грэй Дункан.

[2] Полное имя Джозеф Чарлз Дункан.

[3] Джек Лондон (1876–1916) – американский прозаик, новеллист, публицист.

[4] Фанни Эльслер (1810–1884) – австрийская танцовщица балета. Наряду с Марией Тальони, Фанни Эльслер была известнейшей балериной XIX века.

[5] Гарри Гордон Селфридж (1856–1947) – британец американского происхождения, основатель Лондонского универмага Селфридж.

[6] Реган, Ада (1860–1916) – американская актриса ирландского происхождения, с 1879 по 1899 г. игравшая в труппе Августина Дейли.

[7] [3] Дейли, Августин (1838–1899) – американский режиссер, в 1893 г. открывший в Лондоне театр «Дейлиз».

[8] Асторы – крупнейшие, наряду с Рокфеллерами и Вандербильтами, представители американской буржуазной аристократии XIX – начала XX века. Многие населенные пункты США носят названия «Астор» и «Астория». В подражание нью-йоркскому отелю свои «Астории» появились и в других столицах, включая Санкт-Петербург.

[9] Эллен Терри (1847–1928) – английская театральная актриса, крупнейшая исполнительница женских ролей в пьесах Шекспира. Дебютировала в 1856 г. в шекспировской «Зимней сказке».

[10] Эдвард Гордон Крэг или Крейг (1872–1966) – английский актер, театральный и оперный режиссер эпохи модерна, крупнейший представитель символизма в театральном искусстве, художник.

[11] Кэмпбелл Патрик – настоящее имя Беатрис Стелла Таннер (1865–1940), английская актриса. Многолетняя переписка Кэмпбелл с Шоу легла в основу пьесы Дж Килти «Милый лжец» (1957).

[12] Эрнст Генрих Филипп Август Геккель (1834–1919) – немецкий естествоиспытатель и философ. Автор терминов питекантроп, филогенез и экология.

[13] Чарльз Эдвард Halte (1846–1914), английский живописец, прирафаэлит, владелец художественной галереи на Риджент-Стрит.

[14] Мэри Андерсон (1859–1940) – американская театральная актриса.

[15] Эндрю Лэнг (1844–1912) – английский (шотландский) писатель, переводчик, историк и этнограф. Профессор шотландского университета St. Andrews, председатель Лондонского общества фольклористов. Перевел «Илиаду», «Одиссею», гомеровские гимны и др.

[16] Сэр Чарльз Хьюберт Хатингс Парри (1848 1918). Композитор, сотрудничал с кинокомпаниями Channel Four Films, Working Title Films, PolyGram Filmed Entertainment, написал музыку к четырем фильмам.

[17] Эдуард VII (1841–1910) – король Великобритании и Ирландии, император Индии с 22 января 1901, австрийский фельдмаршал (1 мая 1904), первый из Саксен-Кобург-Готской (ныне Виндзорской) династии.

[18] Каваками, Отодзиро (1864–1911) – японский актер и театральный деятель. Участвовал в движении за демократизацию театрального искусства Японии. В 1891 основал своеобразную труппу соси-сибай, близкую по технике исполнения театру Кабуки, но ставящую новые пьесы.

[19] Сара Бернар (1844–1923,) – французская актриса. В ее амплуа были в основном серьезные драматические роли, из-за чего актриса получила прозвище «Божественная Сара».

[20] Метерлинк Морис (1862–1949) – бельгийский писатель. Писал на французском языке.

[21] Гумилев Н. Садо Якко.

[22] Лои Фуллер (наст. имя – Мария Луиза; 1862–1928) – американская актриса и танцовщица, ставшая основательницей танца модерн. Автор книги «Пятнадцать лет моей жизни».

[23] Андрэ Бонье – французский журналист, редактор парижской газеты «Temps». Был у Толстого в Хамовниках в середине декабря 1897 г.

[24] Оскар Уайльд, полное имя Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллс Уайльд (1854–1900) – английский философ, эстет, писатель, поэт.

[25] Дункан А. Моя исповедь.

[26] Винаретта де Полиньяк, в девичестве Зингер (1865–1943) – музыканша, художница.

[27] Эдмонд Мельхиор де Полиньяк (1834–1901) – композитор, музыкант.

[28] Айзек или Исаак Меррит Зингер (1811–1875) – американский изобретатель и промышленник. Основал компанию «Зингер».

[29] Дункан А. Моя исповедь.

[30] Майко – ученица гейши.

[31] Оскар Береги старший, венгерский киноактер (1876–1965). Появился почти в 30 фильмах между 1916 и 1953 годами.

[32] Франц Фердинанд Карл Людвиг Йозеф фон Габсбург эрцгерцог д'Эсте (1863–1914) – эрцгерцог австрийский, с 1896 года наследник престола Австро-Венгрии.

[33] Рихард Вагнер, полное имя Вильгельм Рихард Вагнер (1813–1883) – немецкий композитор и теоретик искусства. Крупнейший реформатор оперы, Вагнер оказал значительное влияние на европейскую музыкальную культуру, особенно немецкую.

[34] Дункан А. Моя исповедь.

[35] Сандро Боттичелли (настоящее имя – Алессандро ди Мариано Филипепи, 1445–1510) – итальянский живописец тосканской школы. Представитель Раннего Возрождения.

[36] Дункан А. Моя исповедь.

[37] Дункан А. Моя исповедь.

[38] Аляшева Н. Айседора Дункан: Документальные свидетельства и фантазии.

[39] Дункан А. Моя исповедь.

[40] Дункан А. Моя исповедь.

[41] Пеплум – в Древней Греции и Древнем Риме женская верхняя одежда без рукавов, надеваемая поверх туники.

[42] Константин Сергеевич Станиславский (настоящая фамилия – Алексеев; 1863–1938) – русский театральный режиссер, актер и педагог, реформатор театра.

[43] Герман Бар (1863–1934) – австрийский писатель.

[44] Фуртвенглер Иоганн Адольф Михаэль (1853–1907) – немецкий археолог и историк искусства.

[45] Карл Федерн – немецкий историк, в 1899 г. написал книгу «Данте и его время».

[46] Козима Вагнер (имя при рождении Франческа Гаэтана Козима Лист, 1837–1930) – вторая жена и муза немецкого композитора Рихарда Вагнера, сооснователь и многолетний руководитель Байройтского фестиваля.

[47] Ганс Рихтер (также Ханс Рихтер) (1843–1916) – австро-венгерский оперный и симфонический дирижер, почетный гражданин Байрейта.

[48] Карл Мук (1859–1940) – немецкий дирижер. С 1886 главный дирижер немецкой оперной труппы А. Ноймана в Праге, с которой впервые в России исполнил оперную тетралогию «Кольцо нибелунга» Р. Вагнера. В 1912–1918 руководитель Бостонского симфонического оркестра.

[49] Энгельберт Гумпердинг (1854–1921) – немецкий композитор и музыкант.

[50] Генрих Тоде – немецкий историк искусства, профессор истории искусства в Гейдельберге с 1894 г.

[51] Зигфрид Вагнер (1869–1930) – немецкий дирижер и композитор. Сын композитора Рихарда Вагнера и его второй супруги Козимы, внук Ференца Листа. В 1908–1930 гг. был руководителем вагнеровского фестиваля в Байройте.

[52] Мэри Дести, урожденная Мэри Эстель Демпси, родилась в Квебеке, Канада. В своей жизни попробовала много: танцевала, пела, открывала крошечные парфюмерные производства, которые сама же называла «фабрики». Написала книгу об Айседоре Дункан «Нерассказанная история».

[53] Дункан А. Моя исповедь.

[54] Барон Ганс Гвидо фон Бюлов (1830–1894) – немецкий дирижер, пианист и композитор.

[55] Фердинанд I Максимилиан Карл Мария Саксен-Кобург-Готский (1861–1948) – великий князь Болгарии с 1887 по 1908 и царь Болгарии с 1908 по 1918 года.

[56] Монизм – философское учение, согласно которому кажущиеся различными виды бытия или субстанции в конечном счете сводятся к единому началу, общему закону устройства мироздания.

[57] Максим Горький, также известный как Алексей Максимович Горький (при рождении Алексей Максимович Пешков; 1868–1936) – русский писатель, прозаик, драматург.

[58] Матильда Феликсовна Кшесинская (Мария-Матильда Адамовна-Феликсовна-Валериевна Кржезинская; 1872–1971) – известная русская балерина.

[59] Михаил Николаевич, великий князь (1832–1909) – генерал-фельдмаршал, генерал-фельдцейхмейстер, председатель Государственного совета в 1881–1905 гг.

[60] Анна Павловна (Матвеевна) Павлова (1881–1931) – русская артистка балета, одна из величайших балерин XX века.

[61] Леон Николаевич Бакст (настоящее имя – Лейб-Хаим Израилевич, или Лев Самойлович Розенберг; 1866–1924) – российский художник, сценограф, книжный иллюстратор, мастер станковой живописи и театральной графики, сотрудничал с С.П. Дягилеваым.

[62] Александр Николаевич Бенуа (1870–1960) – русский художник, историк искусства, художественный критик, основатель и главный идеолог объединения «Мир искусства».

[63] Петипа Мариус Иванович (1818–1910) – артист балета, балетмейстер и педагог. В 1869–1903 главный балетмейстер петербургской балетной труппы.

[64] Элла (Елена) Ивановна Книппер-Рабенек, урожденная Бартельс (сценическое имя Эллен Тельс) (1875–1944) – первая и наиболее талантливая последовательница Айседоры Дункан в

России.

[65] Элеонора Дузе (1858–1924) – итальянская актриса.

[66] Генрик (Хенрик) Юхан Ибсен (1828–1906) – норвежский драматург, основатель европейской «новой драмы»; поэт и публицист.

[67] Габриэле д'Аннунцио (настоящая фамилия Рапаньетта (1863–1938) – итальянский писатель, поэт, драматург и политический деятель.

[68] Во всяком случае, когда А. Дункан едет в Советскую Россию организовывать школу, ее сопровождает одна из сорока немецких девочек первого набора – Ирма Дункан.

[69] Владимир Леонардович Нардов (настоящая фамилия Книппер) (1876–1942) – оперный певец (тенор) и режиссер оперного театра, Заслуженный артист РСФСР (1933), вокальный педагог Сергея Лемешева.

[70] Ольга Леонардовна Книппер-Чехова (1868–1959) – российская и советская актриса. Народная артистка СССР (1937).

[71] Максимилиан Александрович Волошин (фамилия при рождении – Кириенко-Волошин; 1877–1932) – русский поэт, переводчик, художник-пейзажист, художественный и литературный критик.

[72] Волошина Маргарита Васильевна (до замужества – Маргарита Сабашникова) (1882–1973) – русская художница, писательница.

[73] Анна Семеновна Голубкина (1864–1927) – российский скульптор.

[74] Франсуа Дельсарт (1811–1871) – французский певец, вокальный педагог и теоретик сценического искусства.

[75] Эмиль Жак-Далькроз (1865–1950) – швейцарский композитор и педагог.

[76] Александра Датская (1844–1925) – датская принцесса, королева Великобритании и Ирландии, а также императрица Индии (1901).

[77] Эдуард VII (1841–1910) – король Великобритании и Ирландии, император Индии с 22 января 1901, австрийский фельдмаршал (1 мая 1904).

[78] Джордж Грей Барнард (1863–1938) – американский скульптор. Учился в Художественном институте Чикаго, работал в Париже, где имел большой успех. Вернулся в Америку в 1896 году.

[79] Дамрош Вальтер Иоганнес (1862–1950) – американский дирижер и композитор.

[80] Теодор «Тедди» Рузвельт (1858–1919) – американский политик, 25-й вице-президент США, 26-й президент США в 1901–

1909, представитель Республиканской партии, лауреат Нобелевской премии мира за 1906 г.

[81] Давид Беласко (1853–1931) – американский драматург и режиссер.

[82] Орельен Франсуа Мари Люнье-По (1869–1940) – французский театральный актер и режиссер.

[83] Антуан Андре (1858–1943) – французский режиссер, актер, теоретик театра.

[84] Фор Поль (1872–1960) – французский поэт-символист.

[85] Камилл Моклер (1872–1945) – французский историк искусства, литературный критика, поэт.

[86] Морис Полидор Мари Бернар Метерлинк (1862–1949) – бельгийский писатель, драматург и философ.

[87] Жан Эдуар Вюйар (1868–1940) – французский художник-символист.

[88] Сюзанна Депре (1873–1951) – актриса театра и кино.

[89] Поль Пуаре (1879–1944) – парижский модельер высшего класса, один из самых влиятельных создателей моды.

[90] Анри Констан Габриэль Пьерне (1863–1937) – французский органист, композитор и дирижер.

[91] Лаведан Анри (1859–1940) – французский драматург и романист.

[92] Жан Муне-Сюлли (1841–1916) – выдающийся французский актер.

[93] Парис Юджин Зингер родился приблизительно в 1870, дата смерти неизвестна.

[94] Мать Париса Зингера – Изабелла Юджиния Саммервиль-Бой-ер Адам Мортимер.

[95] Генри Ирвинг (1838–1905) – английский трагик.

[96] Мартин Шоу (1875–1958) – английский композитор, пианист.

[97] Гарри Клеман Ульрих Кесслер (1868–1937) – граф, дипломат, писатель и покровитель современного искусства.

[98] Отто Брам (наст. фамилия Абрахамсон, 1856–1912) – немецкий режиссер и театральный критик.

[99] Рейнхардт Макс (1873–1943) – немецкий режиссер, актер и театральный деятель.

[100] Анри Жерве (1852–1929) – французский исторический жанровый и портретный живописец.

[101] Из письма К. Станиславского Л.А Сулержицкому, июнь 1909.

[102] Из письма К. Станиславского Л.А Сулержицкому, июнь 1909.

[103] Михаил Михайлович Фокин (1880–1942) – русский солист

балета, русский и американский хореограф, основатель современного классического романтического балета.

[104] Ида (Лидия) Львовна Рубенштейн (1883 – I960) – российская танцовщица и актриса.

[105] Сергей Павлович Дягилев (1872–1929) – русский театральный и художественный деятель, антрепренер, один из основоположников группы «Мир искусства», организатор «Русских сезонов» в Париже и труппы «Русский балет Дягилева».

[106] Андре Капле (1878–1925) – французский дирижер и композитор.

[107] Вальтер Морзе Руммель (1887–1953) – известный пианист, композитор и музыкальный редактор.

[108] Сесиль Сорель (1873–1966) – драматическая и комическая актриса театра и кино.

[109] Феликс Фор (настоящее имя Франсуа-Феликс Фор) (1841–1899) – французский политический деятель, Президент Французской республики (Третья республика, с 1895 и до своей смерти в 1899).

[110] Мата Хари (настоящее имя – Маргарета Гертруда Зелле) – исполнительница экзотических танцев и куртизанка голландского происхождения, известна шпионской деятельностью во время Первой мировой войны.

[111] Чехов Антон Павлович (1860–1904) – русский писатель, драмматург.

[112] Шоу Джордж Бернард (1856–1950) – английский драматург.

[113] Илья Ефимович Репин (1844–1930) – русский художник-живописец, мастер портрета, исторических и бытовых сцен. Академик Императорской академии художеств. Среди его учеников – Б.М. Кустодиев, И.Э. Грабарь, И.С. Куликов, Ф.А Малявин, А.П. Остроумова-Лебедева, давал также частные уроки В.А. Серову.

[114] Джон Сингер Сарджент (1856–1925) – американский художник.

[115] Сэр Чарльз Спенсер (Чарли) Чаплин, (1889–1977) – американский и английский киноактер, сценарист, композитор и режиссер, универсальный мастер кинематографа.

[116] Ромейн Брукс (1874–1970) – французская художница американского происхождения.

[117] Анри Батайль (1872–1922) – французский драматург.

[118] Всеволод Эмильевич Мейерхольд (настоящее имя – Карл Казимир Теодор Майергольд, 1874–1940) – русский советский театральный режиссер, актер и педагог.

[119] Дункан А. Моя исповедь.

[120] Дункан А. Моя исповедь.

[121] Дункан А. Моя исповедь.

[122] Дункан А. Моя исповедь.

[123] Дебюсси Клод Ашиль (1862–1918) – французский композитор.

[124] Дункан А Моя исповедь.

[125] Эдвард Стайхен или Стейхен (1879–1973) – один из наиболее влиятельных мастеров в истории фотографии.

[126] Жозеф Симон Галлиени (1849–1916) – французский военачальник, участник колониальных войн, военный комендант и организатор обороны Парижа в сентябре 1914, министр обороны в 1915–1916, маршал Франции (1921, посмертно).

[127] «Рено» стала первой маркой, которая устанавливала таксометры серийно, на заводе. От таксометров произошло название такси.

[128] Робер де Монтескью (1855–1921) – французский писатель, денди, коллекционер, библиофил и меценат.

[129] Моро Гюстав (1826–1898) – французский живописец и график.

[130] Антонио де ла Гайдара (1861–1917) – французский художник.

[131] Джон Сингер Сарджент (1856–1925) – американский художник.

[132] Джованни Болдини (1842–1931) – итальянский живописец.

[133] Октав Мирбо (1848–1917) – французский писатель, романист, драматург, публицист и художественный критик, член Академии Гонкуров.

[134] Валентин Луи Жорж Эжен Марсель Пруст (1871–1922) – французский писатель, новелист и критик.

[135] Анри Франсуа Жозеф де Ренье (1864–1936) – французский поэт и писатель. Член Французской академии (1911).

[136] Поль Мари Верлен (1844–1896) – французский поэт, один из основоположников литературного импрессионизма и символизма.

[137] Стефан Малларме (1842–1898) – французский поэт, один из вождей символистов.

[138] Габриэль Урбен Форе (1845–1924) – французский композитор и педагог.

[139] Поль Сезар Элле (1859–1927) – французский художник.

[140] Саша Гитри (настоящее имя Александр Жорж Пьер Гитри) (1885–1957) – французский писатель, актер, режиссер и продюсер.

[141] Александр III Александрович (1845–1894) – Император всероссийский, Царь Польский и Великий Князь Финляндский с 1

марта 1881 года.

[142] Вильгельм II (1859–1941) – германский император и король Пруссии.

[143] Жоффр Жозеф Жак (1852–1931) – главнокомандующий французской армией в Первой мировой войне. Маршал Франции.

[144] Вейнгартнер Феликс фон (1863–1942) – австрийский дирижер, композитор и музыкальный писатель.

[145] Элефтериос Кирику Венизелос (1864–1936) – греческий политик, несколько раз занимавший должность премьер-министра с 1910 по 1933 год.

[146] Константин I (1868–1923) – король Греции с 5 марта 1913 по 12 июня 1917 года (1-й раз) и с 11 декабря 1920 по 27 сентября 1922 года (2-й раз). Из династии Глюксбургов. Стратег (военный чин в греческой армии, соответствующий маршалу) (5 марта 1913), германский генерал-фельдмаршал (8 августа 1913).

[147] Тед Льюис (1894–1970) – великий английский боксер, несколько раз завоевывал звание чемпиона мира в профессиональном боксе в 1915 г. и в 1917–1919 гг.

[148] Рене Альфонс Адольф Дюмениль (1879–1967) – французский музыкальный критик, историк музыки, литературовед.

[149] Гарольд Бауэр (1873–1951) – англо-американский пианист.

[150] Адольф Поллицер (1832–1900) – британский скрипач австрийско-еврейского происхождения.

[151] Игнаций Ян Падеревский (1860–1941) – польский пианист, композитор, государственный и общественный деятель, дипломат.

[152] Жак Тибо (1880–1953) – французский скрипач.

[153] Пабло Казальс-и-Дефильо (1876–1973) – каталонский виолончелист, дирижер, композитор, музыкально-общественный деятель.

[154] Вальтер Морзе Руммэль (1887–1953) – известный пианист, композитор, музыкальный редактор.

[155] Режан (1856–1920) – французская актриса.

[156] Александр I (1893–1920) – король Греции с 1917 по 1920 год. Сын Константина I и Софии Гогенцоллерн.

[157] Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) – русский советский писатель, общественный и политический деятель, переводчик, публицист, критик, искусствовед.

[158] Маклаков Василий Алексеевич (1869-70—1957) – общественно-политический деятель, юрист, публицист, мемуарист, адвокат.

[159] Имеется в виду Чайковский – глава правительства

Северной России с 1918 г., созданного из русских белогвардейцев англичанами, оккупировавшими Мурманск и Архангельск.

[160] Подвойский Николай Ильич (1880–1948) – член КПСС с 1901, участник создания газеты «Правда», один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания 1917, пред. ВРК Петрограда, нач. Всеобуча и Частей особого назначения, чл. ЦКК РКП(б), чл. ВЦИК.

[161] Илья Ильич Шнейдер (1891–1980) – журналист, театральный работник, секретарь Айседоры Дункан.

[162] Георгий Богданович Якулов, Жорж Якулов (1884–1928) – русский художник, авангардист, график, театральный художник, создатель «теории света и происхождения стилей в искусстве», получившей название «теории разноцветных солнц».

[163] Шнейдер И.И. Встречи с Есениным.

[164] Шнейдер И.И. Встречи с Есениным.

[165] Анатолий Борисович Мариенгоф (1897–1962) – русский поэт-имажинист, драматург, мемуарист.

[166] Франц Элленс (1881–1972) – бельгийский писатель, писал на французском языке.

[167] Мариенгоф А Роман без вранья.

[168] Анна Романовна Изряднова (1891–1946) – первая гражданская жена поэта Сергея Есенина.

[169] Зинаида Николаевна Райх (1894–1939) – российская актриса, жена Сергея Есенина и после Всеволода Мейерхольда.

[170] Быстров Филипп Васильевич (ок. 1895 —?).

[171] Соколов Б. Сергей Есенин. Красная нить судьбы. М.: Эксмо; Яуза, 2005. С. 233.

[172] Владимир Ильич Рындзюн, известный под литературным псевдонимом А. Ветлугин (1897–1953) — писатель, публицист, журналист.

[173] Толстой Алексей Николаевич (1882–1945) – русский советский писатель, общественный деятель, академик АН СССР.

[174] Николай Максимович Минский (наст. имя Виленкин Николай Максимович) – поэт, религиозный философ, переводчик.

[175] Максим Максимович Литвинов (настоящее имя – Меер-Генох Моисеевич Валлах (Баллах), псевдонимы: Папаша, Максимыч, Феликс и др.; 1876–1951) – революционер, советский дипломат и государственный деятель.

[176] Крандиевская-Толстая Наталья Васильевна (1888–1963) – русская поэтесса, жена Алексея Николаевича Толстого.

[177] Валентин Петрович Катаев (1897–1986) – русский советский писатель, драматург, поэт.

[178] Галина Артуровна Бениславская (1897–1926) – журналистка, литературный работник, друг и литературный

секретарь Сергея Есенина. Автор воспоминаний о Есенине.

[179] Александр Борисович Кусиков (Кусикян; 1896–1977) – русский поэт-имажинист.

[180] Всеволод Александрович Рождественский (1895–1977) – русский поэт.

[181] Крандиевская-Толстая В.Н. Сергей Есенин и Айседора Дункан.

[182] Крандиевская-Толстая В.Н. Сергей Есенин и Айседора Дункан.

[183] Мария Марковня Милославскя (1893–1947) – литератор, супруга Ф. Элленса.

[184] Уоррен Гамалиел Хардинг (1865–1923) – 29-й Президент США с 1921 по 1923 год, от Республиканской партии.

[185] Бурлюк Давид Давидович (1882–1967) – русский поэт и художник. Организатор группы кубофутуристов. В 1913–1914 вместе с В.В. Маяковским и В.В. Каменским участвовал в турне футуристов по России.

[186] Морис Осипович Мендельсон (1904–1982) – русский, советский ученый-литературовед и критик.

[187] Вольдемар Ветлугин (наст. имя Владимир Ильич Рындзюн, 1897–1953) – писатель, публицист, журналист.

[188] Мендельсон М.О. Встречи с Есениным.

[189] Рождественский В. Сергей Есенин.

[190] Мендельсон М.О. Встречи с Есениным.

[191] Ярмолинский Авраам (1890–1975) – литературовед, переводчик, издатель.

[192] Брагинский Мани Лейб (1884–1953) – уроженец Черниговской губернии, поэт, переводчик; переводил произведения Есенина на идиш.

[193] Модест Исаакович Альтшулер (настоящее имя Моисей; 1873–1963) – российско-американский виолончелист и дирижер.

[194] Раткевич А. Есенин и Дункан.

[195] Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 582.

[196] Шнейдер И.И. Встречи с Есениным.

[197] Александр Константинович Воронский (1884–1937) – революционер, большевик, литературный критик, публицист, теоретик искусства.

[198] Воронский А.К. «Памяти Есенина» (из воспоминаний).

[199] Воронский А.К. «Памяти Есенина» (из воспоминаний).

[200] Никритина Анна Борисовна. (1900–1982) – заслуженная артистка РСФСР (1934). Жена писателя, поэта, драматурга Анатолия Борисовича Мариенгофа.

[201] Августа Леонидовна Миклашевская (1891–1977) – русская

советская актриса драматических театров, Заслуженная артистка РСФСР.

[202] Есенин С.А Собрание сочинений: в 6 т. М.: Художественная литература, 1980. Т. 6. С. 138.

[203] Наседкин Василий Федорович (1895–1938) – поэт, мемуарист.

[204] Николай Алексеевич Клюев (1884–1937) – русский поэт, прозаик, лидер группы новокрестьянских поэтов.

[205] Строфы века. Антология русской поэзии.

[206] Миклашевская А.Л. Встречи с поэтом.

[207] Августе Миклашевской Есенин посвятил семь стихов из цикла «Любовь хулигана».

[208] Морозов Г. Актриса и поэт // Нева. 2006. № 12.

[209] Надежда Давыдовна Вольпин (1900–1998) – российская переводчица, а также поэтесса-имажинист и мемуаристка. Гражданская жена поэта Сергея Есенина.

[210] Вс. Рождественский.

[211] Дункан И., Макдугалл А.Р. Русские дни Айседоры Дункан и ее последние годы во Франции.